

ВЕСТНИК
ТОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА
ФИЛОСОФИЯ. СОЦИОЛОГИЯ.
ПОЛИТОЛОГИЯ

Tomsk State University Journal
of Philosophy, Sociology and Political Science

Научный журнал

2024

№ 77

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-30316 от 16 ноября 2007 г.
выдано Федеральной службой по надзору в сфере массовых
коммуникаций, связи и охраны культурного наследия

Подписной индекс 44046 в объединенном каталоге
«Пресса России»

Журнал включен в БД Emerging Sources Citation Index (Web of Science
Core Collection) и в «Перечень рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубликованы основные
научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук,
на соискание ученой степени доктора наук»
Высшей аттестационной комиссии
(№ 1528)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Суровцев В.А. (Томск, Россия) – главный редактор, доктор филос. наук, профессор. E-mail: surovtsev1964@mail.ru; **Рыкун А.Ю.** (Томск, Россия) – зам. главного редактора (социология), доктор соц. наук, профессор. E-mail: a_rykun@mail.ru; **Дериглазова Л.В.** (Томск, Россия) – зам. главного редактора (политология), доктор ист. наук, профессор. E-mail: dlarisa@inbox.ru; **Агафонова Е.В.** (Томск, Россия) – ответственный секретарь, кандидат филос. наук, доцент. E-mail: agaton@rambler.ru; **Сукушина Е.В.** (Томск, Россия) – ответственный секретарь (социология), кандидат филос. наук, доцент. E-mail: elsukhush@inbox.ru; **Борисов Е.В.** (Томск, Россия) – доктор филос. наук, профессор; **Оглезнев В.В.** (Томск, Россия) – доктор филос. наук, профессор; **Сыров В.Н.** (Томск, Россия) – доктор филос. наук, профессор; **Черникова И.В.** (Томск, Россия) – доктор филос. наук, профессор; **Ладов В.А.** (Томск, Россия) – доктор филос. наук, профессор; **Южанинов К.М.** (Томск, Россия) – кандидат филос. наук, доцент; **Щербинина Н.Г.** (Томск, Россия) – доктор полит. наук, профессор; **Кашпур В.В.** (Томск, Россия) – кандидат соц. наук, доцент

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Химма Кеннет Э. (Университет Вашингтона, Сигэтл, США); **Ренч Томас** (Технический университет, Дрезден, ФРГ); **Шефлер Уве** (Технический университет, Дрезден, ФРГ); **Васильев В.В.** (Московский государственный университет, Москва, Россия); **Микиртумов И.Б.** (Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия); **Целищев В.В.** (Институт философии и права СО РАН, Новосибирск, Россия); **Днев В.С.** (Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия); **Джонсон Марк С.** (Университет Висконсина, Мэдисон, США); **Балцер Харли С.** (Университет Джорджтауна, США); **Чалаков Иван** (Университет Пловдива, Болгария); **Вавилина Н.Д.** (Новый сибирский университет, Новосибирск, Россия); **Константиновский Д.Л.** (Институт социологии РАН, Москва, Россия); **Черныш М.Ф.** (Институт социологии РАН, Москва, Россия); **Ярская-Смирнова Е.Р.** (Государственный университет – Высшая школа экономики, Москва, Россия); **Малинова О.Ю.** (Институт информации по общественным наукам РАН, Москва, Россия); **Соловьев А.И.** (Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия); **Чахор Рафал** (Нижнесилезская высшая школа предпринимательства и техники, Польковице, Польша); **Шестопал Е.Б.** (Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия); **Шуберт Клаус** (Вестфальский университет им. Вильгельма, Мюнстер, ФРГ)

EDITORIAL BOARD:

Surovtsev V.A. (Tomsk, Russia) – Editor-in-Chief; **Rykun A.U.** (Tomsk, Russia) – Deputy Editor-in-Chief (Sociology); **Deriglazova L.V.** (Tomsk, Russia) – Deputy Editor-in-Chief (Political Science); **Agafonova E.V.** (Tomsk, Russia) – Executive Editor; **Sukhushina E.V.** (Tomsk, Russia) – Executive Editor (Sociology); **Borisov E.V.** (Tomsk, Russia); **Ogleznev V.V.** (Tomsk, Russia); **Syrov V.N.** (Tomsk, Russia); **Chernikova I.V.** (Tomsk, Russia); **Ladov V.A.** (Tomsk, Russia); **Uzhaninov K.M.** (Tomsk, Russia); **Shcherbinina N.G.** (Tomsk, Russia); **Kashpur V.V.** (Tomsk, Russia)

EDITORIAL COUNCIL:

Himma K.E. (University of Washington, Seattle, USA); **Rentsch T.** (Technical University Dresden, Germany); **Scheffler U.** (Technical University Dresden, Germany); **Vasilyev V.V.** (Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia); **Mikirtumov I.B.** (Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia); **Tselishchev V.V.** (Institute of Philosophy and Law of SB RAS, Novosibirsk, Russia); **Diev V.S.** (Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia); **Johnson M.S.** (University of Wisconsin, Madison, USA); **Balzer H.S.** (Georgetown University, USA); **Tchalakov I.** (University of Plovdiv, Bulgaria); **Vavilina N.D.** (New Siberian Institute, Novosibirsk, Russia); **Konstantinovskiy D.L.** (Institute of Sociology, Moscow, Russia); **Chernysh M.F.** (Institute of Sociology, Moscow, Russia); **Iarskaia-Smirnova E.R.** (National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia); **Malinova O.Y.** (Institute of Information on Social Sciences of RAS, Moscow, Russia); **Soloviev A.I.** (Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia); **Czachor R.** (Lower Silesian University of Entrepreneurship and Technology, Polkowice, Poland); **Shestopal E.B.** (Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia); **Shubert K.** (Westphalian Wilhelm University, Muenster, Germany)

СОДЕРЖАНИЕ

ОНТОЛОГИЯ, ЭПИСТЕМОЛОГИЯ, ЛОГИКА

Боровков А.М., Боровкова О.В. Событие как манифестация субъективного творчества.....	5
Микиртумов И.Б., Фролов К.Г. Споры о невозможном: прагматические пресуппозиции и цели	17
Моисеева А.Ю. Логика эффектов фрейминга Ф. Берто и А. Озгюн – новый формализм для решения проблем семантики пропозициональных установок.....	32
Разумов В.И., Дусь Ю.П. Новые технологии естественного интеллекта в задачах автоматизации рассуждений	53

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

Гаман Л.А. На переломе: Ф.А. Степун о революции 1917 г. и советском строительстве в России	62
Дидикин А.Б. Концептуальное осмысление причинности в аналитической философии права	72
Миронов В.А. Палеоэстетика Д. Тёрнера в контексте герменевтики и философии истории	81
Пушкарский А.Г. О соотношении логики и философии математики Канта	95
Яковлев В.В. Эксплицитные теологические предпосылки натурфилософских воззрений Дж. Толанда о материи и движении	111

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ И ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

Атаманов А.В., Чешев В.В. О влиянии медийного пространства на функции ритуала	122
Барашков В.В., Бегчин Д.А., Круглова И.Н. Храмовая архитектура в контексте теозетики: междисциплинарный подход	132
Ватолина Ю.В. Архаика и гостеприимство в экофилософской перспективе	142
Волков А.В. Образы желающего производства в научном познании	152
Голубинская А.В. Антропоцен или агнотопен? Режимы незнания в эпоху климатического кризиса	160
Косилова Е.В. Вневременность субъекта	177
Розов Н.С., Филиппов С.И. Лояльность местных элит центральной власти: общие закономерности и институциональные контексты	193

СОЦИОЛОГИЯ

Гоголева Е.Н. Воспроизводство социально-статусной системы российского общества в дискурсе глянцевого журнала: социологический анализ	204
Демчук М.А., Пахомова Я.Н., Циринг Д.А. Связь стратегий совладающего поведения и социально-демографических характеристик пациентов с диагнозом «рак легкого»	215
Русанова А.А., Лаврикова В.Н., Филиппова Е.В. Социальное самоопределение и региональная самоидентификация студенческой молодежи Забайкальского края	226
Смирнов В.А. Социальное самочувствие российской молодежи в условиях специальной военной операции	241
Ушкин С.Г. Практики сбора персональных данных и их восприятие в общественном сознании	251

ПОЛИТОЛОГИЯ

Ачкасов В.А. Этнические партии в политических системах мультиэтнических государств	262
Селезнева А.В. Политические ценности российской молодежи: традиционные смыслы в современных условиях	275
Щербинина Н.Г., Аванесова Е.Г. Средневековый московский миф о государстве и его смысловые актуализации в современности	290
Шпагин С.А. Типологии партийных систем в политической науке: классика и современность	304

CONTENTS

ONTOLOGY, EPISTEMOLOGY, LOGIC

Borovkov A.M., Borovkova O.V. The event as the manifestation of subjective creativity	5
Mikirtumov I.B., Frolov K.G. Debates about the impossible: Pragmatic presuppositions and aims	17
Moiseeva A.Yu. The logic of framing effects by Franz Berto and Aybüke Özgün as a new formalism for solving problems of semantics of propositional attitudes	32
Razumov V.I., Dus Yu.P. New technologies of natural intelligence in reasoning automation tasks	53

HISTORY OF PHILOSOPHY

Gaman L.A. At the turning point: Fyodor Stepun about the 1917 Revolution and Soviet construction in Russia	62
Didikin A.B. Conceptual understanding of causality in analytic legal philosophy	72
Mironov V.A. Derek Turner's paleoaesthetics in the context of hermeneutics and philosophy of history	81
Pushkarsky A.G. On the relationship between logic and philosophy of mathematics in Kant	95
Yakovlev V.V. Explicit theological premises of John Toland's natural philosophical views on matter and motion	111

SOCIAL PHILOSOPHY AND PHILOSOPHY OF HUMANITY

Atamanov A.V., Cheshev V.V. On the influence of media space on the functions of ritual	122
Barashkov V.V., Begchin D.A., Kruglova I.N. Temple architecture in the context of theoaesthetics: An interdisciplinary approach	132
Vatolina Yu.V. The archaic and hospitality in an ecophilosophical perspective	142
Volkov A.V. Images of desiring-production in scientific cognition	152
Golubinskaya A.V. The Anthropocene or the Agnotocene? Regimes of ignorance in the climate crisis	160
Kosilova E.V. Atemporality of the subject	177
Rozov N.S., Filippov S.I. Elites' loyalty to the central government: General patterns and peculiarities of the institutional context	193

SOCIOLOGY

Gogoleva E.N. Reproduction of the social-status system of Russian society in the discourse of glossy magazines: A sociological analysis	204
Demchuk M.A., Pakhomova Ya.N., Tsiring D.A. Connection between coping strategies and socio-demographic characteristics of patients diagnosed with lung cancer	215
Rusanova A.A., Lavrikova V.N., Filippova E.V. Social self-determination and regional self-identification of students of the Trans-Baikal Territory	226
Smirnov V.A. Social well-being of Russian youth in the conditions of the special military operation	241
Ushkin S.G. Practices of collecting personal data and their perception in the public consciousness	251

POLITICAL SCIENCE

Achkasov V.A. Ethnic parties in the political systems of multiethnic states	262
Selezneva A.V. Political values of Russian youth: Traditional meanings in modern conditions	275
Shcherbinina N.G., Avanesova E.G. Medieval Moscow myth about the state and its semantic actualizations in modern time	290
Shpagin S.A. Typologies of party systems in political science: The classic and the contemporary	304

ОНТОЛОГИЯ, ЭПИСТЕМОЛОГИЯ, ЛОГИКА

Научная статья
УДК 165.9
doi: 10.17223/1998863X/77/1

СОБЫТИЕ КАК МАНИФЕСТАЦИЯ СУБЪЕКТИВНОГО ТВОРЧЕСТВА

Александр Михайлович Боровков¹, Ольга Владимировна Боровкова²

^{1, 2} *Рубцовский институт, (филиал) Алтайского государственного университета,
Рубцовск, Россия,*

^{1, 2} *o.v.borovkova@gmail.com*

Аннотация. Рассматриваются вопросы, связанные со спецификой событий, получивших название «специальные» или «организованные». Причем показано, что специальные и организованные события имеют существенные различия. Признаками специального события является их порождаемость, продуцируемость и контроль со стороны субъекта-творца. Они имеют сценарий и сюжетную линию, разворачиваются во времени. Также они могут выступать как своеобразное тиражирование уже произошедших событий, имеющих значение для общества. Организованные события наряду с порождаемостью и продуцируемостью характеризуются тем, что при их создании зачастую используются намечающиеся или уже произошедшие события. Такое событие может готовиться, но возможности контроля (как в случае специального события) ограничены.

Ключевые слова: событие, специальное событие, организованное событие, мероприятие, ситуация

Для цитирования: Боровков А.М., Боровкова О.В. Событие как манифестация субъективного творчества // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2024. № 77. С. 5–16. doi: 10.17223/1998863X/77/1

ONTOLOGY, EPISTEMOLOGY, LOGIC

Original article

THE EVENT AS THE MANIFESTATION OF SUBJECTIVE CREATIVITY

Alexander M. Borovkov¹, Olga V. Borovkova²

^{1, 2} *Rubtsovsk Institute, branch of Altai State University, Rubtsovsk, Russian Federation*

^{1, 2} *o.v.borovkova@gmail.com*

Abstract. The development of various aspects of social life gives rise to problems associated with the possibilities of modelling, creating events – in other words, the problems of a “special” or “organized” event. Having received a fairly wide distribution in the field of management, marketing, political science, etc., the concept of a “special” event is increasingly becoming the subject of research in philosophy. The second concept – an

“organized” event – is introduced by researchers quite rarely and most often acts either as a synonym for the first one, or as the designation of a stage of production of a special event, although, in our opinion, it has a different meaning. The philosophers’ new interest in this concept can be explained by the fact that the event is one of the most important dimensions of people’s lives, it has a significant impact on social life, it helps to do public relations, achieve certain goals in the field of culture, politics, management, etc. In addition, the specificity of the special event is the opportunity to gain experience of living through the values that it translates to society. Since the “event” concept is generic in relation to the concept we are researching, we will consider its main characteristics through the relationship with other concepts close to it, that is, we will try to identify the topos of the event. Events or “natural” events (meaning events not directly organized by a person) have an ontological essence, and are unique. They lack a temporal dimension, structure, that is, they do not exist, but happen. They are characterized by surprise, suddenness and lead to a change in the state of affairs, to a new result, to profound changes. The event as such is not the fulfillment of the intended goal. The event is always involved in the life of people, even if it is a natural event. The involvement of such an event is determined by its significance for people, for society. Special events are events in which the main feature is their generatability, producibility and control by the subject-creator. They have a script and a storyline. They can also act as a kind of a replication of events that have already occurred and that are important for society. Such events are distinguished by the special role of the subject in the event. Researchers in the field of economics often equate the concepts of a special event and an event of interest, but researchers in the field of philosophy highlight their differences. The event of interest is characterized as a formal, emotionally and meaningfully empty action devoid of uniqueness. Its main function is to attract attention, which is secondary for the special event. The event of interest only creates the illusion of movement and change, and the special event stands out in a series of one-order phenomena, differs from them, violates regularity, changes observation laws. In addition, the special event has certain restrictions in time and space, since it is intended to be either a memory or to indicate a place, and this shows the value of the special event. The event of interest does not have such limitations – it can be organized wherever and whenever you want. As for the organized event, here, along with generatability and producibility, it is necessary to highlight the use of an emerging event or an event that occurred. Such events (as well as special ones) also have a purpose, an approximate plot, a plan. But the purpose of the organized event is not obvious; it is hidden, at least from the perceiving subject. The role of the subject (subject-creator) of the organized event is constricted: the possibilities of control (as in the case of the special event) are limited.

Keywords: event, special event, organized event, event of interest, situation

For citation: Borovkov, A.M. & Borovkova, O.V. (2024) The event as the manifestation of subjective creativity. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 77. pp. 5–16. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/77/1

Тема события, получившая большое распространение в XX в., не утрачивает своей актуальности, раскрываясь все новыми гранями. Развитие различных сторон общественной жизни ставит вопросы, порождает проблемы, требующие разрешения. Так, в настоящее время наряду со «старыми» проблемами (выявление сущности события, вопросы сходства и различия события и явления, события и происшествия, события и ситуации, попытки классификаций и др.) на повестку дня выходит новая – проблема «специального» или «организованного» события. Необходимо заметить, что понятие «специальное» событие прежде всего является объектом исследования в области менеджмента, маркетинга, политологии и др. Но стали появляться работы, предполагающие философский аспект (например, книга Е.А. Каверинной «Специальное событие: опыт философско-эстетического прочтения» [1]). Второе понятие – «организованное» событие вводится в оборот исследователями довольно редко и чаще всего выступает либо как синоним первому, ли-

бо как обозначение этапа производства специального события, хотя, на наш взгляд, содержит в себе иной смысл.

Пробудившийся интерес философов к данной теме можно объяснить тем, что событие является одним из важнейших измерений жизни людей, оно оказывает значительное влияние на социальную жизнь, с его помощью осуществляются связи с общественностью, достигаются определенные цели в сфере культуры, политики, менеджмента и др. Кроме того, спецификой специального события является возможность получить опыт переживания тех ценностей, которые оно транслирует обществу.

Поскольку понятие «событие» является родовым по отношению к исследуемому нами понятию, рассмотрим его основные характеристики через соотношение с другими близкими ему понятиями, т.е. попытаемся выявить топос события.

«Собственно событие» или «естественное событие» соотносится с понятиями, лежащими с ним в одном смысловом поле: явление, происшествие, ситуация, факт. В обыденном употреблении зачастую эти понятия отождествляются с исследуемым понятием. Но на более глубоком уровне выявляются сущностные различия. Так, явление – это «всякое обнаруживаемое проявление чего-нибудь» [2. С. 969], тогда как событие – «значительное» и «важное» явление. Факт же утверждает, устанавливает истинность события. Другими словами, факт – это событие, прошедшее определенную познавательную процедуру (отождествление, сравнение и др.). В идеале она должна завершаться определением, и в дальнейшем исследователь может не обращаться к событию, а обращаться лишь к факту, результату процесса познания. Но так бывает далеко не всегда, поскольку фактический материал может пополниться другими сведениями: вновь появившиеся, новые факты требуют возобновления познавательной процедуры. Возможно, такие свойства факта позволили некоторым исследователям (например, Н.Д. Арутюновой) определить природу события как онтологическую, а природу факта – как гносеологическую [3. С. 505].

Рассматривая соотношение ситуации и события, известный французский исследователь А. Бадью отмечает уникальность, присущую им в равной мере, различные способы пребывания во времени. Ситуация, в отличие от события, которое «случается», «разворачивается» во времени [4]. Эту его особенность отмечают и В. Ньютон-Смит [5. Р. 217], и А. Прайор [6], полагая, что явления, объекты, состояния существуют, а события случаются.

Данную точку зрения разделяет Н.О. Лосский, который полагает, что событие, существуя во времени, само, внутри себя времени не имеет. Выделяясь из повседневности, событие только внешне занимает некоторый его промежуток, а внутри себя уже не принадлежит времени [7. С. 144–145].

Другая точка зрения представлена Е. Стеблером. Событие, как он полагает, может начинаться, продолжаться и заканчиваться, т.е., внутри события происходят изменения, которые обусловлены различием этих фаз [8]. То есть само событие обладает некой временной структурой. А.Н. Уайтхед, полагая, что мир – это процесс, считает событием всякое явление и всякий объект. В этом случае событие так же, как и они, должно иметь структуру, которая выявляется в процессе его самоосуществления и «требует определенной длительности» [9. С. 47].

На наш взгляд, понимание события как обладающего длительностью или структурой не позволяет отличить его от других понятий, таких как ситуация, явление, объект. Кроме того, такое понимание события порождает проблему понимания исторического события. Поэтому представляется, что событие не разворачивается во времени, не имеет структуры и коренным образом отличается от других понятий, лежащих в одном смысловом поле с ним.

Однако между ситуацией и событием есть еще более глубинное различие, заключающееся в том, что ситуация, по Бадью, несет в себе некую тайную истину, которую только и может раскрыть событие. Ж. Делез полагает, что ситуация – это хаос, который организует событие [10].

Не имеет структуры и не разворачивается во времени не только событие, но и происшествие. Происшествие обладает свойством внезапности, новизны. Представители школы Анналов и, прежде всего, Ф. Бродель, полагая, что неисчислимо количество событий не дает возможности постичь историю, не придавали им большого значения. Ф. Бродель называл их «пылью», «поверхностным слоем истории». Именно новизна, внезапность, полагает он, является главным признаком события [11. С. 118]. Еще более категоричен в этом плане Ж.-Л. Нанси, считающий, что основной характеристикой события является способность поражать, – без этого событие не существует [12. С. 247].

В данных случаях трудно разделить событие и происшествие. Событие, на наш взгляд, несомненно, обладает свойством неожиданности, внезапности, но это не является его основной особенностью, как у происшествия. Для события как организующего хаос внезапность не может быть его главным признаком. Согласно концепции Ж. Делеза, событие «подает нам знаки и ожидает нас» [13. С. 81].

Как событие, так и происшествие – это некое изменение, «переход от одного положения дел к другому» [14]. Но внезапность события и происшествия приводят к различным изменениям. Гегель считает, что происшествие – это внешнее изменение, а событие – реализация какой-либо цели, ведущей к глубинным переменам [15]. Необходимо отметить, что событие как реализация какой-либо цели, на наш взгляд, не связано с какой-то конкретной целью (если это не специальное или организованное событие), а лишь с созданием новых связей и возникновением новой регулярности. Другими словами, событие, в отличие от происшествия, характеризуется резким и неожиданным смещением смысловых значений. По Ж. Делезу, например, событие – это поворотный пункт и точка сгиба [10].

Кроме того, можно предположить, что происшествие несет на себе оттенок нежелательности, негатива, неопределенности, угрозы безопасности.

Внезапность, неожиданность, качественный скачек, которыми характеризуется событие, нуждаются в осмыслении, фиксации. Поэтому оно не может мыслиться без участия субъекта. Оно должно субъективно переживаться. Этот факт не раз отмечался исследователями. По мнению Н.Д. Арутюновой, локализация события не ограничивается реальным временем и пространством, оно локализуется «в некоторой человеческой (личной или общественной) сфере» [3].

Именно с этим признаком связана присущая событию уникальность. Если рассматривать события исторические, социальные, личностные, то они признаются единичными, уникальными, обладающими новизной, так как

связаны с действиями и оценками человека. Любое природное событие подчиняется законам природы, а уникальным оно может быть лишь для человека. Видимым или очевидным проявлением уникальности является имя события, которое дается ему после того, как оно произошло. То есть важным признаком события считается оценка субъекта, его значимость для человека, благодаря чему оно выступает как качественное изменение какого-либо состояния.

Количественные изменения, их интенсивность событиями не являются. «Социальная жизнь, – пишет О.В. Воробьева, – может быть перегружена новостями и происшествиями, но происходящее в ней при этом не обязательно будет восприниматься как события» [16. С. 36]. Для уточнения можно добавить, что в свете оцененности субъектом одно и то же событие может как восприниматься (или быть), так и не восприниматься (не быть) таковым. Для социума как субъекта какое-то событие может полагаться происшествием, а для личности – событием, изменившим его жизнь. Также значение имеет и рассказ о событии, который сам по себе является событием. Некоторые исследователи (например, В.П. Руднев) считают, что если что-то произошедшее скрыто от глаз людей, то событием это назвать нельзя, событие – это «то же самое, что и рассказ о событии, не имеющий ничего общего с физическим действием» [17. С. 53]. Руднев приводит пример из произведения «После бала», где рассказанная героем история становится событием. Если бы она не была рассказана, полагает исследователь, она оставалась бы внутренним душевным событием героя, не вовлеченным «в нормальную языковую игру с окружающими». На первый взгляд кажется, что это не так: ведь даже нерассказанное событие повлекло бы за собой изменения (не сложилась семья, не родились дети и т.д.). Но с другой стороны, представляется, что если последствия есть, то именно они воспринимаются как события. События – это не обязательно то, что имеет последствия. Сами последствия могут быть событием для субъекта, а то, что привело к этим последствиям, для него событием может не являться, так как не услышанный рассказ о событии не может вызывать переживания, действия и т.д. Как сказал М. Серто, «событие – это не то, что мы можем видеть или знать, а то, чем оно становится» (цит. по: [16. С. 38]). Добавим – тем, чем оно становится для субъекта.

Таким образом, событие, в первом приближении, – это значительное, важное явление, характеризующееся новизной, неожиданностью по отношению к «ткани действительного». Это проявляется в том, что оно выделяется в ряду однопорядковых явлений, отличается от них, нарушает регулярность, «вносит изменения в область собственного осуществления и, тем самым, изменяет законы наблюдения» [18]. В отличие от объектов, которые существуют, оно «случается». Кроме того, событие определяется как нечто уникальное либо ранее неизвестное: приобретая индивидуальную выраженность, оно получает собственное имя. Событие обладает социальной значимостью, оно предполагает восприятие и оценку субъектом.

Выявленные признаки события, несомненно, лежат в основе характеристик, присущих специальным событиям, но существуют и отличия, выделяющие последние в собственную видовую категорию.

Специальные события – ровесники человечества, они существуют издавна и являются формой событийной коммуникации. Прежде всего, это ритуалы

лы, связанные с религией, мифологией, имеющие сакральное значение. Ритуалы направлены на формирование эмоциональной сопричастности субъекта, на пробуждение чувств. В основе таких специальных событий лежат мифы, традиции, значимые события. К таким же можно отнести и события, являющиеся результатом создания новой мифологии.

Особенности специального события исходят, прежде всего, из значительной роли субъекта, поскольку такие события создаются, порождаются человеком и рассчитаны на воздействие на человека тем или иным образом. Специальное событие всегда имеет субъективную подоплеку (что не исключает его объективного существования). Создание, организация специального события исходят из возможности контролирования всех факторов, количество которых ограничено, более того, организаторами может быть произведен их отбор. Исключением в этом плане является ритуал, который нейтрален по отношению к факторам, осуществляется независимо от них.

Необходимо отметить, что специальное событие предполагает наличие двух субъектов: субъект: творец события, и субъект воспринимающий. Наличие субъекта-творца порождает еще одну особенность: в отличие от естественного события, в специальном именовании опережает само событие.

Как мы видели, соотношение события и ситуации заключается в том, что событие раскрывает истину ситуации (Бадью), организует хаос ситуации (Делез). Особенностью соотношения специального события и ситуации является иной механизм нахождения истины ситуации: в случае собственно события истина может от нас ускользнуть, не раскрыться, если для этого существуют препятствия (хотя бы «секретные документы» или «скрытые события», наполняющие ситуацию). То есть, в какое событие выльется ситуация, мы можем не предугадать. Специальное событие, на наш взгляд, совершается, если субъекту известна истина ситуации (или он так полагает), а разворачивающаяся ситуация ведет к совершению именно этого события, так как специальные события целенаправленно организованы, социально направлены, всегда преследуют определенную цель, осуществляют трансляцию идей и ценностей, в них всегда присутствует некое сообщение. Необходимо заметить, что нельзя исключить нежелательное развитие специальных событий.

Собственно события или «естественные» события, как упоминалось, «случаются», в отличие от ситуации, которая «разворачивается», а специальные события (здесь мы согласны с исследователями, стоящими на такой позиции), подобно литературному произведению, предполагают замысел, сюжет, сценарий, т.е. тоже «разворачиваются» во времени.

Ранее уже отмечалось, что специальные события выступают в двух ипостасях – события, связанные с мифологией или, другими словами, с трансцендентными событиями, основывающимися на них, и те, которые сами лежат в основе создания новой мифологии. В плане соотношения с ситуацией между ними имеются различия. В первом случае в качестве составляющей ситуации выступает первичное событие (абсолютное). Например, рождение Иисуса Христа – праздник Рождества Христова, его воскрешение – Пасха, взятие Бастилии, Октябрьская революция и др.

Как мы видели, точкой пересечения естественного события и происшествия является внезапность, нарушение регулярности явлений (хотя в этом они не вполне совпадают). Специальное событие, нарушая регулярность на

каком-то уровне, внезапным не является. Какой бы временной промежуток не занимало специальное событие, оно так или иначе подготовлено. Специальное событие не существует не только без «создателей», но и без воспринимающих.

Кроме того, специальное событие в целом не несет в себе негатива. Можно, конечно, возразить, приводя в пример ритуал жертвоприношения. Но, как бы ни казалось странным, он является своеобразным «праздником».

В отличие от происшествия, которое связано преимущественно с внешними изменениями, специальное событие раскрывает некий смысл жизни общества. Например, организация такого события, как празднование годовщины Октябрьской революции, имевшая место на определенном этапе истории страны, – это передача ценностей определенных политических сил. Это передача сообщения о том, что в обществе царят порядки, основанные на определенных принципах, идеях и др. В настоящее время эта дата исчезла из календаря нашей страны. В свою очередь, сущность этого события (отмены) состоит в том, что общество живет по другим законам, другие политические силы влияют на его жизнь.

Как мы видим, специальные события являются особым «вспоминанием» или «напоминанием» о каких-либо значимых для общества в настоящее время событиях – политических, сакральных и др. Они выступают в качестве своеобразного тиража первичных событий, ретранслируя их. В иную категорию выделяются события, направленные на реализацию репутационных, имиджевых, некоммерческих, коммерческих целей, которые готовятся для данного случая и выступают как уникальные. С каким-то первичным событием они не связаны или связаны минимально.

Возможности создания специальных событий в настоящее время все больше расширяются, что более всего обусловлено деятельностью средств массовой информации. Такие события могут выступать как 1) способ выражения своей позиции; 2) способ показать свою сопричастность (например, сопричастность западной культуре, политике партии, религиозному направлению и др.); 3) способ трансляции ценностей; 4) способ демонстрации власти, осуществления политических целей; 5) способ привлечения внимания к товару, услуге и др., путем организации развлекательных мероприятий. Е.А. Каверина в последней функции видит знак времени. Она считает, что праздничные события в традиционных культурах были мало связаны с развлечениями. Сегодня же на организацию специальных событий большое влияние оказывает «идеология постмодернистского гедонизма» [1. С. 76]. В настоящее время основанием для специального события может быть вымышленный повод, в основе которого – стремление к прибыли или политические цели. Как отмечает Ж. Бодрийяр в своем известном произведении «Символический обмен и смерть», современные специальные события имеют особый ракурс и стратегическую задачу формирования символического капитала [19].

Еще одним отличием специального события от естественного является его особая связь с мероприятием. Этот вопрос поднимается в работах современных исследователей, но определенного мнения на этот счет не сложилось. Ряд исследователей занимают позицию отождествления специального события и мероприятия. Например А.К. Нестеров пишет, что «специальные собы-

тия – это особого рода мероприятия» и их назначение – привлечение общественного внимания к какому-либо событию [20]. Г.Л. Тульчинский, также называя специальные события мероприятиями, их целью полагает привлечение внимания «общественности к самой компании, ее деятельности и продуктам» [21]. Но, как мы видим, здесь речь идет о событиях-мероприятиях в сфере бизнеса, экономики. С философской точки зрения все выглядит иначе: есть исследователи, отрицающие тождественность и даже близость данных понятий. Например, Е.А. Каверина в работе «„Специальное событие“: опыт философско-эстетического прочтения» пишет, что «слово „мероприятие“ не является синонимом „события“, поскольку задачей профессиональной коммуникационной деятельности является создание именно события». Мероприятие, по ее мнению, – это «формальное действие, эмоционально и содержательно пустое» [1. С. 74]. Можно сказать, что мероприятия – это лишённые глубокого смысла и уникальности действия, которые можно назвать дежурными. Функция привлечения внимания, выделенная упомянутыми исследователями, на наш взгляд, более всего свойственна мероприятию и представляет собой демонстрацию успешности деятельности человека или организации, когда создается иллюзия движения и изменений. Вероятно, это и создает «негативный ассоциативный ряд» понятия «мероприятие» [1. С. 74]. Привлечение внимания в специальном событии также имеет место, но не является основной функцией.

В качестве аргумента можно привести тот факт, что, как уже отмечалось, специальное событие изначально имеет некий сценарий, в котором заложены эмоции, пережитые в прошлом. То есть «тиражирование» изначальных событий включает и эмоциональную составляющую. Если говорить о таком специальном событии, как Всесоюзный ленинский субботник (пользуясь примером В.Н. Сырова [22. С. 74]), проводимом в советское время, повторяющем самый первый, знаковый, в котором участвовал В.И. Ленин, то целью его сценария было повторение тех же действий и тех же или подобных эмоций, какие были тогда. Если это удастся, то оно воспринимается как «художественная правда», что само по себе – событие. Но если подготовительная работа проведена, сформирована внешняя атрибутика, а желаемого результата нет, то это и есть мероприятие – пустое эмоционально и содержательно действие. Другими словами, мероприятие лишено эмоциональной ценности. Также, в отличие от специального события, мероприятие не уникально, представляет собой лишь количественную единицу в ряду других, подобных ему. Мероприятие, на наш взгляд, вполне можно назвать симулякром события, так как оно, подобно такому событию-симулякру, «не затрагивает глубинные сущностные слои, а „происходит“ на поверхности, создает иллюзию движения, изменений» [23. С. 66]. То есть имеются признаки события, но нет его самого.

Кроме того, специальное событие имеет определенные ограничения во времени и пространстве, так как (повторимся) призвано быть либо воспоминанием, либо обозначать какое-то место, и это показывает ценность специального события. Мероприятие не имеет такой привязки – его можно организовать, где и когда угодно.

Необходимо заметить, что негативные ассоциации по отношению к мероприятию возникают именно тогда, когда его выдают за событие.

На наш взгляд, мнение о различной природе специального события и мероприятия представляется наиболее приемлемым.

Выявленные признаки естественного и специального события приводят к мысли о том, что некоторые события, не являясь в полной мере специальными, содержат элементы организации и, следовательно, должна существовать еще одна категория событий, которые, условно говоря, «располагаются» между естественными и специальными. За неимением иного обозначения, назовем их организованными, так как они отличаются от двух других именно своей изначальной «организованностью», и это является главным признаком, отличающим его от естественного события.

Такие события (как и специальные) также имеют цель, план, но обладают собственной спецификой.

Во-первых, организованное событие несет в себе замысел, преследующий неочевидную цель. То есть для воспринимающих субъектов она может быть скрыта. В данном случае сюжет события приближителен.

Во-вторых, хотя организованное событие подготавливается, возможности контроля (как в случае специального события) ограничены. Некоторые события в жизни общества происходят благодаря осуществлению планов, но иногда планы не реализуются, событие «вырывается» из-под контроля. Следовательно, субъективная составляющая здесь меньше, чем в специальном. Вернее, ограничены функции субъекта-творца. Субъект лишь «помогает» ему случиться. Подготовка такого события предполагает использование (в той или иной мере) результатов предыдущих событий, успешных для субъекта. Например: «маленькая победоносная война», блицкриг и др.

В-третьих, одним из признаков специального события является их возобновляемость, тиражирование «воспоминание» неких изначальных событий. Организованное событие, в некотором смысле, может быть возобновляемым, но в основе возобновления лежит не детальное повторение, а общая идея. В этом случае возобновление может реализоваться как 1) повторение; 2) обновление (смена смыслов). Но даже в первом случае организованное событие не является, как специальное, тиражированием или «воспоминанием» уже произошедших событий. Организованные события зачастую выступают как изначальные (взятие Бастилии, Октябрьская революция и др.).

Организация событий имеет различные цели. В качестве первой цели можно выделить достижение желаемого результата путем организации события, отвлекающего от нежелательного развития ситуации. Особенно часты такие события в политике. Например, «маленькая победоносная война». Считается, что первым это выражение употребил В.К. Плеве – российский министр внутренних дел и шеф жандармов. Таким образом он предполагал использовать в политических целях (отвлечение внимания людей от деятельности правительства, от тяжелой ситуации в стране) разворачивающийся конфликт с Японией. Теперь это выражение употребляется по отношению к подобного рода событиям, которые не всегда являются собственно войной.

В качестве второй цели можно назвать активизацию общественного мнения в нужном направлении, объединение и мобилизацию масс для выполнения каких-либо политических и других действий (организация борьбы с «врагами народа», борьбы за урожай и т.п.).

Также целью может быть провокация осуществления желаемого события, если этого нельзя добиться прямыми путями. Существует мнение, что именно таким событием было вскрытие «пришельца» в Розуэлле. Настоящей целью, как полагается, была активизация деятельности правительства США по развитию космической программы.

Рассмотрев характеристики события в его различных проявлениях, мы пришли к определенным выводам относительно природы события. События или «естественные» события (имеются в виду события, напрямую не организованные субъектом) имеют онтологическую сущность, являются уникальными. В них отсутствует временное измерение, структура, т.е. они не существуют, а случаются. Им присущи неожиданность, внезапность, ведущие к изменению положения дел, к новому результату, к глубоким переменам. Событие как таковое не является исполнением намеченной цели, причастно к жизни людей, даже если это природное событие. Другими словами, природное событие становится таковым, если имеет значение для людей, для общества.

Специальные события – это события, в которых основными признаками являются их порождаемость, продуцируемость и контроль со стороны субъекта-творца. Они имеют сценарий и сюжетную линию, разворачиваются во времени. Также они могут выступать как своеобразное тиражирование уже произошедших событий, имеющих значение для общества. Такие события выделяются особой ролью субъекта.

Что касается организованного события, то здесь наряду с порождаемостью и продуцируемостью необходимо выделить использование намечающегося или уже произошедшего события. Такие события (как и специальные) также имеют цель, приблизительный сюжет, план. Цель при этом зачастую неочевидна для воспринимающих субъектов. Такое событие может готовиться, но возможности контроля (как в случае специального события) ограничены. Но у субъекта организованного события большие притязания: он пытается взять под контроль естественные события. Можно сказать, что субъективная составляющая здесь меньше, чем в специальном.

Список источников

1. Каверина Е.А. «Специальное событие»: опыт философско-эстетического прочтения // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. 2010. № 13 (56). С. 71–79. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=15552075>
2. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1981.
3. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М. : Языки русской культуры, 1999. 896 с. С. 481–527.
4. Бадью А. Тайная катастрофа. Конец государственной истины // Альманах Российско-французского центра социологии и философии Института социологии РАН. М. : Ин-т эксперимент. социологии ; СПб. : Алетейя, 2002. URL: philosophy1.narod.ru/katr/badiou_katastrofa.html (дата обращения: 27.11.2017).
5. Newton-Smith W. Change // *Sinthese*. Vol. 62. 1985. P. 347–363.
6. Prior A. Past, Present and Future. Oxford, 1967.
7. Лосский Н.О. Чувственная, интеллектуальная и мистическая интуиция. М., 1995. С. 144–145.
8. Stabler E.P. Rationality in naturalized epistemology // *Philosophy of science*. 1984. Vol. 51, № 1. P. 64–78.
9. Уайтхед А.Н. Избранные работы по философии. М. : Прогресс, 1990. 717 с.
10. Делез Ж. Складка. Лейбниц и барокко / посл. В.А. Подороги ; пер. Б.М. Скуратова. М. : Логос, 1997 264 с.

11. Бродель Ф. История и общественные науки. Историческая длительность [1958] // Философия и методология истории. Сборник переводов / ред. И.С. Кон. М. : Прогресс, 1977. С. 115–142.
12. Нанси Ж.-Л. Неожиданность события // Бытие единичное множественное / пер. с фр. В.В. Фурс ; под ред. Т.В. Щитцовой. Минск : Логвинов, 2004. С. 235–260.
13. Делез Ж. Логика смысла. М. : Академия, 1995.
14. Книгин А.Н. Учение о категориях : учеб. пособие для студентов филос. факультетов. Томск, 2002.
15. Гегель Г.В.Ф. Эстетика. М. : Мысль, 1971. Т. 3.
16. Воробьева О.В. О событии и событийности в историческом познании // Диалог со временем. 2014. № 48. С. 31–44.
17. Руднев В.П. Философия языка и семиотика безумия. М. : Территория будущего, 2007. 528 с.
18. Философия: энциклопедический словарь / под ред. А.А. Ивина. М. : Гардарики, 2004. 1072 с. URL: <https://studfile.net/preview/1747594/page:149/>
19. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М. : Добросвет, 2000.
20. Нестеров А.К. Специальные мероприятия и события // Образовательная энциклопедия ODiplom.ru. URL: <http://odiplom.ru/lab/specialnye-meropriyatiya-i-sobytiya.html>
21. Тульчинский Г.Л. PR фирмы: технология и эффективность. СПб. : Алетейя, 2001. 292 с.
22. Сыров В.Н. В чем заключается специфика мифа? // Иден и идеалы. 2011. Т. 1, № 4 (10). С. 70–77.
23. Боровкова О.В. Бессобытийная история в представлениях постмодернистов // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2018. № 45. С. 58–69.

References

1. Kaverina, E.A. (2010) “Spetsial'noe sobytie”: opyt filosofsko-esteticheskogo prochteniya [“A special event”: Philosophical and aesthetic reading]. *Vestnik RGGU. Seriya: Filosofiya. Sotsiologiya. Iskusstvovedenie*. 13(56). pp. 71–79. [Online] Available from: <http://elibrary.ru/item.asp?id=15552075>
2. Ozhegov, S.I. (1981) *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian Language]. Moscow: Russkiy yazyk.
3. Arutyunova, N.D. (1999) *Yazyk i mir cheloveka* [Language and the Human World]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury. pp. 481–527.
4. Badiou, A. (2002) *Taynaya katastrofa. Konets gosudarstvennoy istiny* [The secret catastrophe. The end of state truth]. In: Shmatko, N.A. (ed.) *Al'manakh Rossiysko-frantsuzskogo tsentra sotsiologii i filosofii Instituta sotsiologii RAN* [Almanac of the Russian-French Center for Sociology and Philosophy of the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences]. Moscow: Institute of Experimental Studies in Sociology; St. Petersburg: Aletyia. [Online] Available from: philosophy1.narod.ru/katr/badiou_katastrofa.html (Accessed: 27th November 2017).
5. Newton-Smith, W. (1985) Change. *Sinthese*. 62. pp. 347–363.
6. Prior, A. (1967) *Past, Present and Future*. Oxford: Oxford University Press.
7. Losskiy, N.O. (1995) *Chuvstvennaya, intellektual'naya i misticheskaya intuitsiya* [Sensual, Intellectual and Mystical Intuition]. Moscow: Respublika. pp. 144–145.
8. Stabler, E.P. (1984) Rationality in naturalized epistemology. *Philosophy of Science*. 51(1). pp. 64–78.
9. Whitehead, A.N. (1990) *Izbrannye raboty po filosofii* [Selected Works on Philosophy]. Translated from English. Moscow: Progress.
10. Deleuze, G. (1997) *Skladka. Leybnits i barokko* [The Fold. Leibniz and the Baroque]. Translated from French. Moscow: Logos.
11. Braudel, F. (1977) *Istoriya i obshchestvennye nauki. Istoricheskaya dlitel'nost'* [1958] [History and social sciences. Historical duration [1958]]. In: Kon, I.S. (ed.) *Filosofiya i metodologiya istorii. Sbornik perevodov* [Philosophy and Methodology of History. Collected Translations]. Moscow: Progress. pp. 115–142.
12. Nancy, J.-L. (2004) *Bytie edinichnoe mnozhestvennoe* [Being Singular Plural]. Translated from French by V.V. Furs. Minsk: Logvinov. pp. 235–260.
13. Deleuze, G. (1995) *Logika smysla* [The Logic of Sense]. Translated from French. Moscow: Akademiya, 1995.
14. Knigin, A.N. (2002) *Uchenie o kategoriakh* [The Doctrine of Categories]. Tomsk: Tomsk State University.

15. Hegel, G.V.F. (1971) *Estetika* [Aesthetics]. Vol. 3. Translated from German. Moscow: Mysl'.
16. Vorobieva, O.V. (2014) O sobytii i sobytiynosti v istoricheskom poznanii [On events and eventfulness in historical knowledge]. *Dialog so vremenem*. 48. pp. 31–44.
17. Rudnev, V.P. (2007) *Filosofiya yazyka i semiotika bezumiya* [Philosophy of Language and Semiotics of Madness]. Moscow: Territoriya budushchego.
18. Ivin, A.A. (ed.) (2004) *Filosofiya: entsiklopedicheskiy slovar'* [Philosophy: An Encyclopedic Dictionary]. Moscow: Gardariki. [Online] Available from: <https://studfile.net/preview/1747594/page:149/>
19. Baudrillard, J. (2000) *Simvolicheskiy obmen i smert'* [Symbolic Exchange and Death]. Moscow: Dobrosvet.
20. Nesterov, A.K. (n.d.) *Spetsial'nye meropriyatiya i sobytiya* [Special Events]. [Online] Available from: <http://odiplom.ru/lab/specialnye-meropriyatiya-i-sobytiya.html>
21. Tulchinskiy, G.L. (2001) *PR firmy: tekhnologiya i effektivnost'* [PR firms: Technology and Efficiency]. St. Petersburg: Aleteyya.
22. Syrov, V.N. (2011) V chem zaklyuchaetsya spetsifika mifa? [What is the specificity of the myth?]. *Idei i idealy*. 4(10). pp. 70–77.
23. Borovkova, O.V. (2018) Eventless history in postmodernist. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State university Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 45. pp. 58–69. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/45/6

Сведения об авторах:

Боровков А.М. – кандидат философских наук, доцент кафедры общественных дисциплин и психологии Рубцовского института (филиал) Алтайского государственного университета (Рубцовск, Россия). E-mail: o.v.borovkova@gmail.com

Боровкова О.В. – доцент, кандидат философских наук, доцент кафедры общественных дисциплин и психологии Рубцовского института (филиал) Алтайского государственного университета (Рубцовск, Россия). E-mail: o.v.borovkova@gmail.com

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Borovkov A.M. – Cand. Sci. (Philosophy), associate professor of the Department of Social Sciences at Rubtsovsk Institute, branch of Altai State University (Rubtsovsk, Russian Federation). E-mail: o.v.borovkova@gmail.com

Borovkova O.V. – Cand. Sci. (Philosophy), associate professor of the Department of Social Sciences at Rubtsovsk Institute, branch of Altai State University (Rubtsovsk, Russian Federation). E-mail: o.v.borovkova@gmail.com

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 27.02.2021;
одобрена после рецензирования 17.01.2024; принята к публикации 04.03.2024
The article was submitted 27.02.2021;
approved after reviewing 17.01.2024; accepted for publication 04.03.2024

Научная статья

УДК 162.6

doi: 10.17223/1998863X/77/2

СПОРЫ О НЕВОЗМОЖНОМ: ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ПРЕСУППОЗИЦИИ И ЦЕЛИ

Иван Борисович Микиртумов¹, Константин Геннадьевич Фролов²

¹ *Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики,
Санкт-Петербург, Россия*

² *Институт философии РАН, Москва, Россия*

^{1,2} *Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия*

¹ *imikirtumov@hse.ru*

² *kgfrolov@hse.ru*

Аннотация. Объектом настоящего исследования выступает класс споров, чей предмет представляет собой невозможное с практической точки зрения положение дел или неосуществимое действие. Мы утверждаем, что в основе выбора позиции каждой из сторон в рамках такого спора лежит та или иная прагматическая presupposition, которая представляет собой совокупность предполагаемых причинных связей внутри обсуждаемого фрагмента мира, а также представление об агентности участвующих сторон. Характер прагматических presuppositions и их соотношение с наблюдаемыми проявлениями прагматических presuppositions других сторон спора определяют для каждого из участников набор косвенных целей, преследуемых им в споре подобного типа.

Ключевые слова: теория аргументации, прагматическая presupposition, делиберация, метадискурсивность, практическая модальность.

Благодарности: исследование выполнено в рамках проекта РНФ 20-18-00158 «Формальная философия аргументации и комплексная методология поиска и отбора решений спора» в Санкт-Петербургском государственном университете.

Для цитирования: Микиртумов И.Б., Фролов К.Г. Споры о невозможном: прагматические presuppositions и цели // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2024. № 77. С. 17–31. doi: 10.17223/1998863X/77/2

Original article

DEBATES ABOUT THE IMPOSSIBLE: PRAGMATIC PRESUPPOSITIONS AND AIMS

Ivan B. Mikirtumov¹, Konstantin G. Frolov²

¹ *National Research University Higher School of Economics, St. Petersburg, Russian Federation*

² *Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation*

^{1,2} *St. Petersburg state university, St. Petersburg, Russian Federation*

¹ *imikirtumov@hse.ru*

² *kgfrolov@hse.ru*

Abstract. The aim of the article is to explore a class of debates where subject is an impossible state of affairs or an impossible action. We argue that the choice of position in such a debate is based on agent's pragmatic presupposition, which is a set of assumed causal relations within the fragment of the world accompanied by the idea of agency. The content of pragmatic presupposition and its relations with known pragmatic presuppositions of other parties determines for each participant a set of her indirect aims of the dispute. In the model we use, there are three stages of debates: a dispute about agenda, a discussion of the merits of the case, and a deliberation about the action. Within each of these stages, the parties may have a separate set of indirect aims. For the first stage of the debate, the most typical indirect aim of each of the parties is to declare themselves. For the second stage of the debate, the dominant indirect aim is to influence the audience and maintain one's own authority in its eyes. Finally, for the third stage of the debate, the most typical indirect aim is to achieve any positive consequences even if there is obviously no possibility of realizing what is being discussed.

Keywords: theory of argumentation, pragmatic presupposition, deliberation, metadiscursivity, practical modality

Acknowledgments: The study is supported by the Russian Science Foundation, Project No. 20-18-00158.

For citation: Mikirtumov, I.B. & Frolov, K.G. (2024) Debates about the impossible: pragmatic presuppositions and aims. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya* – *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 77. pp. 17–31. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/77/2

Введение

Одним из необходимых условий ведения спора как деятельности, предполагающей несение сторонами различного рода издержек – временных, эмоциональных, интеллектуальных, физических и других, – является наличие ожиданий у каждой из сторон и у аудитории, что эти издержки будут в конечном итоге оправданы некой полезностью. Как только уверенность в этом утрачивается, вместе с ней утрачивается и разумная мотивация продолжать активное дискурсивное противостояние. Ожидаемая полезность спора при этом может пониматься по-разному и включать в себя компоненты весьма различной природы. Интерес в этой связи представляют собой споры о таких предметах, по поводу которых любой исход обсуждения имеет, как кажется, небольшую ценность, например, споры о невозможных объектах, неосуществимых действиях и о недостижимых результатах. Еще до начала спора у нас имеются веские основания полагать, что никакая выработанная по итогам спора позиция не может быть эффективным руководством для достижения институциональной цели спора, т.е. для совершения действия, оптимально разрешающего проблемную ситуацию.

Дабы устранить возможные разночтения, оговоримся, что невозможность в пределах данной статьи всякий раз следует понимать в смысле *практической модальности*, т.е. модальности, характеризующей класс возможностей, достижимых для конкретного агента («Я не могу пробежать марафонскую дистанцию за 4 часа, хотя Василий может») или для представителей некоторого сообщества агентов («На данный момент мы не способны осуществить пилотируемую миссию и высадиться на поверхности Меркурия»). В приведенных выше примерах речь идет о действиях и положениях дел, которые возможны логически, метафизически и даже физически, т.е. их реализация совместима с логическими законами и законами природы. Тем не

менее такой совместимости оказывается недостаточно, чтобы мы имели основания ожидать, что в результате таких споров будет сформирована консенсусная позиция, способная стать руководством к эффективным действиям. Более того, у нас нет не только оснований верить в достижимость подобной позиции, но у нас также имеются веские основания *не* верить в ее достижимость. Причем, что характерно для споров подобного вида, такими скептическими основаниями являются не доводы против достижимости какой-либо единой консенсусной позиции по исходному вопросу (это еще, быть может, вполне достижимо), но веские основания сомневаться в том, что какая-либо консенсусная позиция, будь она даже достигнута, способна стать руководством для согласованных действий участников спора, которые приведут к заявленным изменениям положений дел в мире.

Ниже в связи с понятием прагматической пресуппозиции мы рассмотрим сначала общие условия осмысленности спора, затем в рамках трехчастной модели спора цели споров о невозможном будут соотнесены с прагматическими пресуппозициями участвующих сторон. После этого мы более подробно проанализируем споры о невозможном применительно к действиям.

Прагматические пресуппозиции сторон и преследуемые ими цели спора

Различие между практически возможным и невозможным по своей структуре близко к различию существующего и несуществующего, которое на дискурсивном уровне проявляется в вариантах языковых игр [1. Р. 81–82, 100]. Споры являются языковыми играми более, чем какие-либо иные дискурсивные взаимодействия [2], и различным практическим модальностям возможного соответствуют различные правила языковых игр и различные *прагматические пресуппозиции* [3], отклонение от которых либо лишает спор смысла, либо придает ему другое качество. Такие пресуппозиции первичны по отношению к правилам, поскольку их образуют знания и убеждения участников коммуникации относительно причинных связей фрагмента мира и агентности, т.е. способности тех или иных людей выступать причинами тех или иных событий.

Пусть, например, спор об исправлении прошлых ошибочных действий ведут врачи. Они при этом исходят из того, что пациент скончался вследствие принятия одних или непринятия других мер, так что известие о том, что он отравлен наследниками, делает их спор бессмысленным. Тот же эффект имеет сообщение о том, что почивший обращался к врачам лишь для вида, не верил в медицину, а лекарств не принимал. Для осмысленности спора о совершенных действиях необходимо, чтобы неудачный ход событий определялся действиями акторов, и предположение об этом должны разделять как спорящие, так и наблюдатели. Проверка того, так это или нет, составляет косвенную и метадискурсивную цель такого спора, в то время как прямая его цель – выявление ошибок и установление меры ответственности.

Ставится ли названная метадискурсивная цель изначально, т.е., например, тогда, когда врачи были заняты лечением? Так обычно не происходит, если спор разворачивается в рамках социального института. Поскольку компонентами всякого института являются наборы норм и ролей, несущие с собой схемы причинности явлений, участники коммуникации принимают их по

умолчанию. Если их не разделять, то коммуникация, сохраняя видимость осмысленной, теряет прямую цель и прямой смысл. Можно, например, подобно Милану Кундере не верить в астрологию, но зарабатывать на жизнь составлением гороскопов и иной астрологической практикой для клиентов, которые в нее верят, сочинять астрологические трактаты и участвовать в ученых дискуссиях. Прямые цели – установление истины и платная практическая помощь, замещаются в этом случае косвенными – сохранением социальных связей, статуса и доходов. Если предположить, что ни один астролог не верит в астрологию, то институт превращается в антиинститут, т.е. выдает себя за полезное для общества образование, на самом же деле служа интересам группы лиц. Тогда споры астрологов, имеющие прямую цель, должны касаться чего угодно, кроме астрологии, например, вопроса о том, как лучше продавать гороскопы в эпоху популярности *science fiction*, как связано доверие к астрологии с уровнем инфляции и пр. Сам институт прекращает свое существование, когда исчезает последний доверяющий астрологам клиент. Институты, учрежденные формально, более устойчивы. Если в университетскую программу богословие включено как обязательный курс, но ни профессор, ни студенты не видят в нем никакой пользы и являются вдобавок атеистами, то их языковая игра имеет целью имитацию процесса обучения. Участники не в силах разучредить институт, а потому исполняют соответствующие роли и следуют нормам, преследуя косвенные цели¹.

Прямой целью спора мы будем считать его институциональную цель, т.е. достижение общей позиции, направленной на решение обсуждаемой проблемы. *Косвенной целью* спора мы будем считать любую преследуемую сторонами цель, отличную от прямой.

Будем исходить из того, что в нашей модели имеются три этапа: спор о повестке [5], обсуждение существа дела и делиберация о действии. На всех этапах действуют свои паттерны аргументации, так что спор как целое представляет собой сложный коммуникативный процесс.

Итак, прагматическая пресуппозиция, или картина определенных причинных связей мира и распределения агентности стоит за каждым спором как языковой игрой. При этом стороны и участники спора могут знать или не знать об установках друг друга, а также интересоваться или не интересоваться такими установками. Вопрос о том, разделяется ли сторонами и участниками спора его прагматическая пресуппозиция, указывает на виды косвенной цели спора.

В самом деле, если стороны не разделяют пресуппозицию, то их цель состоит в том, чтобы манипулировать либо друг другом, либо аудиторией – третьими лицами, ради влияния на которых ведется сам спор. Такой спор называется *тертиарным* [6. С. 276]. Если же пресуппозиция не разделяется аудиторией, то для нее спор может быть интересен как источник знания об установках и намерениях сторон, в конечном счете дающий также возможность ими манипулировать. Когда и спорящие, и наблюдатели не разделяют

¹ В русском университете николаевских времен и студенты, и профессора обязаны были говеть, исповедоваться и причащаться святых даров в университетской церкви или представлять свидетельства из своих домовых приходов. Это было условием нахождения в университете [4. С. 169], а значит, реализовывалось одними всерьез, другими – в виде имитации. В советские времена это относилось к партийным, комсомольским, профсоюзным собраниям, праздничным демонстрациям и прочим организованным сверху мероприятиям.

пресуппозиции спора, его цель для них определяется тем, знают ли они об установках друг друга. Если знают, то косвенная цель такого спора будет *метадискурсивной* в том смысле, что для достижения ожидаемого эффекта оказывается необходимым полноценное развертывание дискурса, использование которого в перспективе институциональной цели сторонами только имитируется.

Можно указать несколько целей метадискурсивного спора: (1) поддержание статуса участников, социального института и самого института спора в глазах внешней аудитории (четвертой стороны) или общества в целом самым фактом реализации спора как формы публичной делиберации; (2) оказание влияния на эту четвертую сторону содержанием и ходом спора; (3) ироническая дискредитация предмета спора, социального института, в котором он развертывается, или же самого института спора; (4) обновление дискурсивных навыков участников. Все эти цели, кроме последней, предполагают наблюдающую четвертую сторону, для того или иного воздействия на которую посредством имитации стороны спора и его непосредственная аудитория объединяются и действуют сообща. Так выглядит, например, языковая игра «отрепетированное школьное комсомольское собрание, которое инспектирует представитель райкома», которая должна продемонстрировать, что «все все понимают правильно», т.е. что старшеклассники достаточно зрелы для того, чтобы осознанно разыгрывать, а не проводить собрание. Другим примером может послужить игра «интеллектуалы обсуждают экономические проблемы на государственном телевидении в *prime time*», которая отвечает условию легитимации Хабермаса, согласно которому граждане могут не вникать в актуальную политику, но должны быть уверены в том, что, если потребуются, то им в любой момент будут предъявлены внятные и убедительные аргументы в пользу тех или иных принятых решений и что на основании таких аргументов решения систематически принимаются [7. С. 177–179]. Или, наконец, игра «вручение наград киноакадемии, распределенных, в том числе, в соответствии с расовыми, гендерными и иными балансами», задачей которой является показать, что в дискуссии о наградах профессиональное сообщество учитывает социальный заказ и политические тренды.

Когда стороны спора не знают о том, разделяют ли слушатели его прагматическую пресуппозицию, спор несет для них риск, поэтому еще одной метадискурсивной целью оказывается выявление установок аудитории. Школьной администрации и старшеклассникам нет смысла разыгрывать комсомольское собрание, а молодым карьеристам из райкома – его инспектирование, если комсомол вчера распущен. Бесполезно пытаться убедить общество в том, что решения принимаются компетентно и могут быть всегда объяснены, если экономический кризис подорвал доверие аудитории к правящей элите. Пустыми хлопотами будет демонстрация приверженности эмансипации меньшинств перед сторонниками сохранения дискриминаций. Поэтому оптимальной риторической стратегией при выявлении установок аудитории в тертиарном споре является перебор возможных сюжетов с низкой интенсивностью вовлечения спорящих сторон и наблюдение за реакцией. Здесь обе стороны спора действуют заодно до тех пор, пока установки аудитории не будут достаточно определены. Лишь после этого стороны предпринимают маневры с целью сфокусировать обсуждение на выгодных для них темах.

Непростые прагматические комбинации возникают в том случае, если спорящие стороны преследуют разные цели, т.е. одна – прямую, а другая – косвенную, при том что такое же расхождение целей имеет место и для аудитории. Так бывает при обсуждении вопросов, от которых сторонам невозможно уклониться без потери лица, как это было в ставшей популярным примером дискуссии Греты Тунберг и Дональда Трампа в Давосе в январе 2020 г. [8]. Тунберг выполняет здесь функцию избранного представителя окружающей среды и человечества [9], лидера нового экологического движения. Трампу же эти экологические вопросы не интересны по существу, а его политическая программа построена, в частности, на отрицании их актуальности. Но новое экологическое движение становится влиятельным, и избиратели Трампа начинают интересоваться тем, является ли экологическая проблема действительной или выдуманной. Это вынуждает Трампа участвовать в споре с Тунберг, который является спором о повестке, т.е. его предмет – начинать или нет всеобъемлющее и институциональное обсуждение экологической проблемы. Будучи инициативной стороной, Тунберг стремится как к переубеждению нейтральной или несогласной с ней аудитории, так и к формированию условий для развертывания дискуссии по существу экологической проблемы и последующей делиберации о действиях. Отсюда и паттерны аргументации: отсылки к «очевидному и общеизвестному»; оперирование тенденциозно подобранными данными; морально окрашенные требования признания субъектности инициативной стороны; отождествление ее интереса с публичным; подчеркивание нейтральности по отношению к действующим и предлагаемым институтам; критика контролирующей стороны как использующей публичные институты для реализации частных целей, прежде всего для блокирования активности новых социальных сил. Цели Тунберг в споре следующие: заявить субъектность нового движения, заставить признать его на дискурсивном уровне, обновить поддержку со стороны сочувствующих, привлечь колеблющихся содержательными аргументами и демонстрацией усиления своего влияния, убедить элиты в том, что с новой силой придется считаться. Цели Трампа иные: показать своим сторонникам, колеблющейся части аудитории и элитам, что он контролирует повестку, в состоянии противодействовать новым силам, в том числе и на уровне рациональной аргументации.

Прагматическая пресуппозиция данного спора, поскольку он тертиарный и посвящен повестке, состоит в том, что часть аудитории считает экологическую проблему насущной и поддерживает требование начать ее институциональное обсуждение, полагая также, что можно обрести достоверное знание и на его основе принять правильные решения, в то время как другая часть настроена нейтрально или противоположно, и что исход спора о повестке решается сохранением или перераспределением предпочтений аудитории в результате спора. Здесь в прагматической пресуппозиции обнаруживаются две схемы причинных отношений, одна из которых, отражающая содержание экологической проблемы, разделяется только Тунберг и ее сторонниками, в то время как вторая, отражающая обстоятельства борьбы за повестку, разделяется всеми. Иными словами, все участники коммуникации уверены в своей агентности в границах дискурсивных действий, а причинные отношения воспроизводят противоборство между инициативной и контролирующей группами, представленными Тунберг и Трампом, при участии аудитории.

Отметим, что прямые цели, которые присутствуют у Тунберг, поглощаются косвенными, а исследование установок аудитории делает спор метадискурсивным. Происходит это потому, что совместимость или несовместимость различных целей спора определяется прагматической пресуппозицией. Нельзя обсуждать экологические проблемы, желая повлиять на аудиторию, отрицаящую их существование, а равно нельзя отказываться рассматривать экологические проблемы, желая повлиять на аудиторию, которая обсуждает их по существу или ждет такого обсуждения.

Дебаты о существе дела – это второй этап спора, когда борьба за его повестку уже завершена, и его прагматическая пресуппозиция состоит в том, что агенты-акторы могут получить знание, которое позволит достичь консенсуса по поводу действий, необходимых для решения исходной проблемы, тогда как пресуппозиция спора о повестке сводится к оценке роли самой аудитории, социального института и соотношения сил групп при формировании повестки, т.е. не включает прямо характеристик знания, природы или общества. Эта «внутренняя» сфера спора имеет меньше ограничений, здесь меньше невозможного, поэтому достижение целей здесь оказывается более простым, что неизбежно редуцирует сложную цель спора к его косвенным компонентам.

Спор о повестке всегда предполагает перспективу – обсуждение существа дела и делиберацию о действии, но эффективность второго и третьего этапов в наиболее интересных случаях не видна, поэтому, борясь за экологическую повестку, инициативная группа может лишь надеяться на то, что экологическая проблема будет решаться благодаря обсуждениям по существу и соответствующим действиям. Самая сильная критика этого движения содержится в отрицании прагматической презумпции, т.е. возникает тогда, когда кто-либо возьмется утверждать, что состояние окружающей среды имеет очень слабую причинную зависимость от активности человека. Это подрывает саму возможность успешно действовать и лишает смысла обсуждение того, как надо действовать. Споры по существу и споры о действиях здесь становятся спорами о невозможном, поскольку удостовериться в недостижимости знания или решения можно как раз в ходе спора по существу и в делиберации о действии, а спор о повестке остается спором о возможном.

Тертиарные споры о невозможных действиях, когда мы знаем, что они невозможны

Практическая модальность невозможного соотносится для предмета спора с тремя его этапами и тремя несовпадающими содержаниями, тогда как прагматическая пресуппозиция во всех случаях придает спору смысл. Здесь следует отметить три аспекта.

Во-первых, если невозможное является предметом спора о повестке, то речь идет о невозможном для социального института, т.е. для решений тех или иных людей. Во-вторых, невозможное в споре по существу относится к знанию и означает, что в таком споре невозможно оперировать знанием, которым мы не обладаем, и столь же невозможно игнорировать то знание, которое нам известно. В-третьих, невозможное в делиберации о действии принимает вид прошлых ошибочных действий, а также недостижимых актуальных или будущих действий. Характер невозможного здесь разный.

В споре о повестке интенсивность практически невозможного является наименьшей, поскольку причинные отношения не выходят за пределы сообществ и институтов, где, в конечном счете, все происходящее есть продукт речевых действий участников. В дебатах по существу мы сталкиваемся как с тем, что имеющееся знание не так просто дисквалифицировать, так и с тем, что недостающее знание еще сложнее обрести. И первое и второе бывает недостижимым. Наконец, в делиберации о действии невозможное оказывается наиболее интересным и поучительным, поскольку совершение действий и интерпретация их результатов – это финал разрешения проблемной ситуации. Здесь мы узнаем, верны ли были наши или, быть может, не наши действия, опирались ли они на надежные знания и имело ли смысл вносить сам вопрос в повестку. Отрицательные ответы по первым двум пунктам означают, что делиберация о действии либо опиралась на неверное знание, либо была провалена как процедура и что обсуждение по существу либо не оперировало достаточным объемом верного знания, либо не позволило отличить его от неверного. Если же выясняется, что сторонами не разделяется вся прагматическая пресуппозиция споров о повестке и по существу, то ошибочным мы сочтем само внесение вопроса в повестку, ведь он оказывается вне эпистемической доступности для агентов и вне причинной зависимости от их действий.

Остановимся теперь более подробно на спорах о действиях. Предметы споров такого рода мы делим на три группы: споры о невозможном изменении прошлого, или споры о совершенных действиях; споры о невозможном изменении настоящего, или о контрфактическом; споры о невозможном будущем. К первой группе относятся споры о том, как надо было действовать ранее, например, чтобы предотвратить случившееся сокращение часов, выделяемых на преподавание философских дисциплин; ко второй – о том, какие наши действия, отличные от тех, что мы предпринимаем, привели бы к желаемой цели. Здесь примером могут быть дебаты о том, выросла бы эффективность обучения, если бы вместо поверхностного изучения студентами большого количества дисциплин они глубже изучали меньшее их количество. К третьей группе относятся споры о будущих действиях, например, что потребует сделать, чтобы самая слабая сегодня футбольная команда завоевала чемпионский титул и удерживала его или чтобы все люди отказались от потребления как жизненной стратегии, молодежь оставила гаджеты и начала читать книги, а курильщики бросили курить.

Помимо трехчастной классификации предметов спора мы также введем два типа стратегий ведения споров о невозможном. Первый тип стратегии в таком случае предполагает, что участник спора осознает заведомую недостижимость обсуждаемого предмета, тогда как второй тип стратегии предполагает, что участник спора не осознает того, что предмет спора в любом случае недостижим, какими бы ни были последующие действия полемизирующих сторон.

Ясно, что по поводу споров о совершенных действиях участники не могут придерживаться второго типа стратегии. Всякий агент понимает, что к какому бы итогу мы ни пришли в вопросе о том, как нам следовало действовать в момент появления угрозы для философских дисциплин, дабы предотвратить их сокращение, найденное «решение спора» не способно позволить нам предпринять согласованные действия по предотвращению этого сокра-

щения, поскольку теперь уже слишком поздно. Соответственно, любой спор подобного рода ведется участниками с позиций стратегий первого типа.

Для большей ясности уточним, что в обсуждаемом нами примере предметом спора является не вопрос о том, следовало ли или не следовало противодействовать сокращению преподавания философии. Также в данном воображаемом споре не ставится под вопрос, возможно ли было какими-либо действиями сохранить философские дисциплины в полном объеме. Пусть участники нашего воображаемого спора в данных вопросах согласны между собой и считают, что сохранение философских дисциплин было возможно и для этого следовало предпринять те или иные усилия. Однако мы можем представить себе, что предметом их спора является вопрос о том, *какие именно* усилия позволяли сохранить философские дисциплины. Одна сторона, например, полагает, что наиболее эффективным средством сопротивления было бы радикальное обновление их содержания и придание им большей привлекательности для студентов, тогда как другая сторона, напротив, полагает, что для этого требовалось в первую очередь сформировать новую группу экспертов, способную убедить академическое начальство.

Ясно, что в плане достижения прямых прагматических целей подобный спор представляется заведомо дефектным. Ведь любое изменение эпистемического состояния кого-либо из участников спора или кого-либо среди представителей аудитории, будь даже оно достигнуто, не способно иметь своим следствием формирование каких-либо ясных намерений и вытекающих из них действий. Однако помимо прямых целей спорящие агенты могут также преследовать косвенные цели спора, к числу которых относятся, например, демонстрация агентом своих риторических способностей, признание говорящего в качестве полноценного актора в публичном пространстве, чья позиция заслуживает внимания, критики и обсуждения, подрыв статуса или репутации оппонента в глазах определенной аудитории. Так, например, оратор, убедивший всех присутствующих в том, что он знает, как можно было сохранить философские дисциплины, создает тем самым благоприятные условия для того, чтобы убедить эту же аудиторию в том, что он знает, как реализовать эту цель прямо сейчас. Подобный результат, будь он достигнут, наделяет оратора желаемым статусом в глазах его целевой аудитории, нарисовать возможный мир, в котором именно этот человек совершает те или иные желаемые аудиторией действия. В создании таких благоприятных условий, повышении авторитета и улучшении публичной репутации заключается одна из наиболее очевидных прагматических целей ведения агентами подобных споров о заведомо невозможном изменении событий прошлого.

В терминах DEAPS-системы шкал для многомерных споров¹ такой спор может быть охарактеризован как тертиарный спор о статусе, в котором переубеждение оппонента должно оказать влияние на аудиторию. В пользу того, что прагматические цели такого спора, как правило, являются косвенными, говорит то обстоятельство, что достижение тех же целей могло бы быть реализовано оппонентами в результате споров по поводу совершенно иного предмета.

¹ Шкала оценки результативности споров DEAPS включает оценку в пяти аспектах: декларирование позиции, эпистемическая динамика оппонента, акциональность (реагирование действием), влияние на аудиторию (публичный эффект), влияние на статус [6. С. 267].

Когда от споров о прошлом мы переходим к спорам по поводу недостижимых событий в настоящем и будущем, пространство для достижения агентами прямых прагматических целей несколько расширяется. Это происходит за счет того, что ближайшей прямой целью подобного спора в этом случае может выступать формирование *намерения* действовать тем или иным образом. И даже если реализация намерения заведомо неосуществима, о чем в рамках стратегии первого типа известно дискутирующим оппонентам, такое намерение все равно может сформироваться, особенно у представителей аудитории спора, что может выступать прямой целью данного спора.

Например, представитель футбольного клуба, являющегося безоговорочным аутсайдером лиги, может в рамках дискуссии со своим оппонентом преследовать в качестве цели склонение аудитории к убеждению о том, что если данная аудитория будет приходить на все матчи сезона и активно болеть за свою команду, то эта команда-аутсайдер непременно выиграет чемпионат. Достижение такого эффекта может представлять собой прямую прагматическую цель спора о заведомо невозможном.

В терминах DEAPS-системы шкал для многомерных споров подобный спор может быть квалифицирован как тертиарный спор о статусе, предполагающий достижение влияния на аудиторию вне зависимости от реакции оппонента.

Следует отметить, что важнейший аспект споров о заведомо невозможном состоит в том, что любая попытка достичь заведомо невозможного способна иметь позитивные последствия даже в том случае, если полностью реализовать заявленное изначально не было ни единого шанса.

Пусть, например, имеется команда-аутсайдер, болельщиков которой в результате изощренных риторических усилий, проявленных в споре представителем клуба, удалось убедить в том, что эта команда способна стать чемпионом и которые в силу этой убежденности посещали в течение всего сезона все матчи своей команды и активно ее поддерживали. В этом случае такая команда хотя и не способна в силу одной лишь поддержки своих болельщиков стать чемпионом, но все же будет способна занять более высокое место в чемпионате, чем без поддержки своих болельщиков. Аналогичным образом в спорах о том, как нам сделать так, чтобы молодежь обратилась к чтению книг, а курильщики оставили свое пагубное увлечение, мы вполне способны достичь формирования как у наших оппонентов, так и у аудитории таких интенций, которые хоть и не позволят решить заявленную задачу в полном объеме, но будут способны привести к некоторым улучшениям.

Такого рода косвенные цели, будучи распознаны сторонами спора и аудиторией, становятся вторым планом его прагматической пресуппозиции и придают ему смысл. И можем считать, что, поскольку споры о невозможном мы ведем иногда даже чаще, чем споры о возможном, такие цели нам хорошо знакомы и всегда актуальны.

Споры в условиях незнания о том, достигим ли предмет спора

Перейдем теперь к исследованию особенностей споров о невозможном, которые ведутся в рамках стратегий второго типа, т.е. в условиях, когда агенты не отдают себе отчета в недостижимости предмета спора. На первый взгляд может показаться, что такие споры не имеют никакой значимой спе-

цифики по сравнению с обычными спорами, в рамках которых агенты преследуют в качестве основной коммуникативной цели формирование у оппонента и аудитории определенной интенции, предполагающей совершение некоторых действий в ближайшем или отдаленном будущем. В самом деле, если мы присутствуем на публичном диспуте о наиболее эффективных путях скорейшего перехода человечества от потребительства к умеренности в расходовании ресурсов, то все функциональные элементы подобного диспута могут ничем не отличаться от тех, что мы наблюдаем в рамках любого практического спора на более традиционную тематику¹. То же касается споров об эффективных стратегиях скорейшего перехода человечества исключительно на возобновляемые источники энергии и полном отказе от применения углеводородных видов топлива, или споров о том, как нам добиться, чтобы молодежь вернулась к чтению книг, а курильщики отказались от курения. И хотя споры на подобные темы действительно могут быть внешне похожи на обычные споры, в них все же можно усмотреть нечто интеллектуально порочное. Порочное начало в данном случае коренится в том, что в основе протекания подобных споров лежит наличие у спорящих агентов некоторых убеждений, которые представляют собой очевидный пример *wishful thinking*.

С. Дэвис определяет *wishful thinking* как «наличие у агента убеждения в истинности некоторой пропозиции не в силу свидетельств в пользу ее истинности, а в силу желания, чтобы эта пропозиция была истинной» [10. Р. 234]. Начать анализ этого явления стоит с указания на то, что принятие всякого убеждения само по себе представляет собой вид ментального действия. Соответственно, условием принятия любого убеждения является наличие у агента *мотивирующего состояния*, склоняющего к принятию этого убеждения. При этом в роли мотивирующих состояний выступают состояния двух типов: во-первых, обладание хорошими основаниями, вытекающими из фактов, имеющих место в мире, и, во-вторых, обладание желаниями. Ясно, что никаких хороших оснований верить в скорую достижимость положения дел, при котором молодежь возьмется за книги, не существует. В силу отсутствия подобных оснований агентам весьма затруднительно ими обладать, так что единственное, что может мотивировать агентов принять убеждения о перспективах повышения популярности чтения, — это желания. Возникает вопрос: насколько порочно для агентов при формировании собственных убеждений руководствоваться своими желаниями?

Мнения исследователей по этому поводу разнятся. Так, хорошо известна позиция У. Клиффорда: «Всегда, везде и для каждого ошибочно иметь какое-либо убеждение без достаточных на то оснований» [11. С. 45]. В свою очередь, Д. Миллер указывает на то, что *wishful thinking* лежит в основе множества деструктивных действий, таких как, например, объявление войны [12. Р. 553]. В самом деле, лишь малая часть страданий, испытываемых людьми, представляет собой результат их намеренного причинения. Большая их часть представляет собой следствие разного рода заблуждений, которые были вос-

¹ Здесь и далее мы исходим из того, что все спорящие стороны придерживаются второго типа стратегии в спорах о невозможном, т.е. что все стороны искренни в своих стремлениях достичь прямых прагматических целей спора, которые сопряжены с формированием у оппонентов и аудитории определенных интенций и склонностей к действию.

приняты агентами без достаточных на то оснований под воздействием личных желаний и склонностей думать тем или иным образом.

Однако далеко не всякое заблуждение свидетельствует о *wishful thinking*. В самом деле, рассмотрим структуру практического рассуждения. Она состоит из двух блоков посылок и заключения:

(1.1) *a* хочет, чтобы имело место *p*.

(1.2) *a* хочет, чтобы имело место *q*.

...

(2.1) *a* полагает, что имеет место *v*.

(2.2) *a* полагает, что если имеет место *p*, то имеет место *s*.

(2.3) *a* полагает, что для того, чтобы имело место *q*, необходимо, чтобы имело место *t*.

...

(3) *a* намеревается сделать так, чтобы имело место *r*.

Конкретная логическая форма того или иного практического рассуждения нас в данном случае не интересует, будем считать, что она корректна. Для нас существенно различие между возможными позициями по следующему основанию. Некоторые авторы, такие как Д. Парфит [13. Р. 46–47] и Т. Скэнлон [14. Р. 44], полагают, что для того, чтобы заключение практического рассуждения можно было признать обоснованным, требуется, чтобы у нас имелись хорошие основания принимать не только все наши релевантные убеждения, т.е. посылки из второго блока, но и все наши релевантные желания, т.е. посылки из первого блока. Соответственно, наличие у агента произвольных, ничем не обоснованных желаний, по мнению этих авторов, не способно служить достаточным обоснованием для их действий. Более классическая субъективистская трактовка практических рассуждений полагает, что обоснованность заключения практического рассуждения зависит исключительно от обоснованности убеждений агента, т.е. от посылок из второго блока, тогда как посылки из первого могут быть приняты произвольно и не требуют каких-либо оснований. Наконец, согласно третьей точке зрения, характерной, например, для У. Джеймса, заключения практических рассуждений могут признаваться обоснованными даже в тех случаях, когда не все релевантные убеждения агента являются обоснованными [15]. Такое происходит тогда, когда у агента имеются некоторые сопоставимые по силе основания в пользу несовместимых релевантных убеждений, а ситуация требует в любом случае принять какое-либо решение о действии и не оставляет возможности от этого уклониться. В таких случаях агент вправе проявить *волю к вере* и избрать то из несовместимых друг с другом убеждений, которое ему ближе и предпочтительнее. Заключение практического рассуждения в этом случае, по мнению Джеймса, не станет от этого необоснованным.

Ясно при этом, что в основе позиций агентов, спорящих о наиболее эффективных путях достижения положения дел, при котором молодежь в едином порыве обратилась к практикам запойного чтения, лежит *wishful thinking* вне зависимости от того, какой именно трактовки практических рассуждений мы придерживаемся. В самом деле, ни один агент, выбирающий между двумя несовместимыми убеждениями вида «для того, чтобы молодежь массово обратилась к чтению художественных книг, достаточно сделать *p*» и «для того,

чтобы молодежь массово обратилась к чтению художественных книг, достаточно сделать *q*» не может иметь в их пользу сопоставимые основания, поскольку в пользу таких убеждений вообще едва ли существуют какие-либо основания. Соответственно, такого рода установки не могут быть предметом воли к вере в том виде, в каком она отстаивается У. Джеймсом.

Прагматическая пресуппозиция спора, содержание которой ставит под вопрос достижимость его институциональной цели, но не дает на него ответа, оказывается двусмысленной. Вести такой спор означает дать положительный ответ, не имея на то других оснований, кроме собственных желаний, а это означает идти на риск как в связи с потерей тех или иных ресурсов, так и в связи с дискредитацией практики проявлений воли. Отказ же от ведения спора часто невыгоден в связи с тем, что оказываются не достигнутыми те или иные косвенные цели. Обычная стратегия в ситуации, когда приходится участвовать в споре, достижимость результата которого неопределенна, – это снижение интенсивности участия, прежде всего личного вовлечения, и дополнение набора целей спора косвенными, например, целью демонстрации присутствия в дискурсивном поле и статуса полноценного участника делиберации.

Заключение

Спор о невозможном, в зависимости от того, на каком этапе дискурсивного столкновения он разворачивается, всегда предполагает стремление к достижению косвенных целей. В некоторых случаях этот спор становится метадискурсивным, т.е. имеет целью раскрытие прагматической пресуппозиции спора по существу для его дифференциации от спора о повестке. Пресуппозиция последнего содержит описание причинных связей и представление об агентности участников, тогда как для спора по существу ее содержание отписывает причинность внешних явлений. Столкновение различных по своей природе целей, преследуемых сторонами, приводит к поглощению прямых целей спора косвенными, что отражается в замещении в прагматической пресуппозиции первого плана вторым, отражающим устройство дискурса. При переходе к спорам о невозможных действиях обнаруживаются два типа прагматических пресуппозиций. Если агенты исходят из осознания невозможности этих действий, то спор является интеллектуально приемлемой практикой и характеризуется определенным набором косвенных целей, преследуемых агентами. Если же агенты игнорируют отсутствие достаточных оснований для убеждений в реализуемости обсуждаемых действий и принимают возможность действия просто потому, что это отражает их желания, то прагматическая пресуппозиция такого спора оказывается двусмысленной. Практику ведения подобных споров следует признать интеллектуально порочной, подтверждением чему служит существование ряда способов уклонения от такого рода споров и их трансформации в понятный спор с косвенными целями.

Список источников

1. *Chakrabarti A.* Denying Existence: The Logic, Epistemology and Pragmatics of Negative Existentials and Fictional Discourse. Dordrecht : Kluwer, 1997. 276 p.
2. *Weigand E.* Argumentation: The Mixed Game // *Argumentation*. 2006. Vol. 20. P. 59–87.

3. Stalnaker R.C. Pragmatic Presuppositions // Stalnaker R.C. Context and Content: Essays on Intentionality in Speech and Thought. Oxford : Clarendon Press, 1999. P. 47–62.
4. Жуковская Т.Н., Ашихмин А.В. О религиозности университетского человека, ее основаниях и трансформациях (на материалах Санкт-Петербургского университета XIX века): к постановке проблемы // Христианское чтение. 2021. № 3. С. 165–180.
5. Елагин Г.Б., Микуртумов И.Б. Спор о повестке // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2021. № 64. С. 5–15.
6. Лисанюк Е.Н. и др. Формальная философия аргументации / под ред. Е.Н. Лисанюк. СПб. : Алетея, 2022. 306 с.
7. Хабермас Ю. Проблема легитимации позднего капитализма / пер. с нем. Л.В. Воропай. М. : Праксис, 2010. 264 с.
8. Meyer H. et al. Between Calls for Action and Narratives of Denial: Climate Change Attention Structures on Twitter // Media and Communication. 2023. Vol. 11 (1). P. 278–292.
9. Nordensvard J., Ketola M. Populism as an Act of Storytelling: Analyzing the Climate Change Narratives of Donald Trump and Greta Thunberg as Populist Truth-tellers // Environmental Politics. 2022. Vol. 31 (5). P. 861–882.
10. Davis S.T. Wishful Thinking and “The Will to Believe” / Transactions of the S. Charles // Peirce Society. 1972. Vol. 8, № 4. P. 231–245.
11. Клиффорд У.К. Этика убеждения / пер. с англ. и примеч. Ю.В. Горбатовой, Б.В. Фаула // Философия. Журнал Высшей школы экономики. 2019. Т. III, № 3. С. 37–53.
12. Miller D.S. James's Doctrine of “The Right to Believe” // The Philosophical Review. 1942. Vol. 51, № 6. P. 541–558.
13. Parfit D. On What Matters. Volume One. New York : Oxford University Press, 2011. 540 p.
14. Scanlon T.M. What We Owe to Each Other. Cambridge MA : Harvard University Press, 1998. 421 p.
15. Джеймс У. Воля к вере / сост. Л.В. Блинников, А.П. Поляков. М. : Республика, 1997. 431 с.

References

1. Chakrabarti, A. (1997) *Denying Existence: The Logic, Epistemology and Pragmatics of Negative Existentials and Fictional Discourse*. Dordrecht: Kluwer.
2. Weigand, E. (2006) Argumentation: The Mixed Game. *Argumentation*. 20. pp. 59–87.
3. Stalnaker, R.C. (1999) *Context and Content: Essays on Intentionality in Speech and Thought*. Oxford: Clarendon Press. pp. 47–62.
4. Zhukovskaya, T.N. & Ashikhmin, A.V. (2021) O religioznosti universitetskogo cheloveka, ee osnovaniyakh i transformatsiyakh (na materialakh Sankt-Peterburgskogo universiteta XIX veka): k postanovke problemy [On the religiosity of a university person, its foundations and transformations (based on materials from the St. Petersburg University of the 19th century): towards the formulation of the problem]. *Khristianskoe chtenie*. 3. pp. 165–180.
5. Elagin, G.B. & Mikirtumov, I.B. (2021) Dispute on the agenda. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State university Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 64. pp. 5–15. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/64/1
6. Lisanyuk, E.N. et al. (2022) *Formal'naya filosofiya argumentatsii* [Formal Philosophy of Argumentation]. St. Petersburg: Aleteyya.
7. Habermas, J. (2010) *Problema legitimatsii pozdnego kapitalizma* [The Problem of Legitimation of Late Capitalism]. Translated from German by L.V. Voropay. Moscow: Praksis.
8. Meyer, H. et al. (2023) Between Calls for Action and Narratives of Denial: Climate Change Attention Structures on Twitter. *Media and Communication*. 11(1). pp. 278–292.
9. Nordensvard, J. & Ketola, M. (2022) Populism as an Act of Storytelling: Analyzing the Climate Change Narratives of Donald Trump and Greta Thunberg as Populist Truth-tellers. *Environmental Politics*. 31(5). pp. 861–882.
10. Davis, S.T. (1972) Wishful Thinking and “The Will to Believe.” *Transactions of the Charles S. Peirce Society*. 8(4). pp. 231–245.
11. Clifford, W.K. (2019) Этика убеждения [Ethics of persuasion]. Translated from English by Yu.V. Gorbatova, B.V. Faul. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki – Philosophy. Journal of the Higher School of Economics*. 2019. 3(3). pp. 37–53.
12. Miller, D.S. (1942) James's Doctrine of “The Right to Believe.” *The Philosophical Review*. 51(6). pp. 541–558.
13. Parfit, D. (2011) *On What Matters*. Vol. 1. New York: Oxford University Press.

14. Scanlon, T.M. (1998) *What We Owe to Each Other*. Cambridge, MA: Harvard University Press.

15. James, W. (1997) *Volya k vere* [The Will to Believe]. Translated from English. Moscow: Respublika.

Сведения об авторах:

Микиртумов И.Б. – доктор философских наук, профессор факультета «Санкт-Петербургская школа гуманитарных наук и искусств» Национального исследовательского университета Высшая школа экономики (Санкт-Петербург, Россия); старший научный сотрудник Института философии Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: imikirtumov@hse.ru

Фролов К.Г. – кандидат философских наук, научный сотрудник сектора социальной эпистемологии Института философии РАН (Москва, Россия); старший научный сотрудник Института философии Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: kgfrolov@hse.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Mikirtumov I.B. – Dr. Sci. (Philosophy), professor of the Faculty of St. Petersburg School of Humanities and Arts, National Research University Higher School of Economics (St. Petersburg, Russia); senior researcher at the Institute of Philosophy of St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia). E-mail: imikirtumov@hse.ru

Frolov K.G. – Cand. Sci. (Philosophy), researcher at the Social Epistemology Sector at the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia); senior researcher at the Institute of Philosophy of St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia). E-mail: kgfrolov@hse.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 15.12.2023;

одобрена после рецензирования 17.01.2024; принята к публикации 04.03.2024

The article was submitted 15.12.2023;

approved after reviewing 17.01.2024; accepted for publication 04.03.2024

Научная статья

УДК 16

doi: 10.17223/1998863X/77/3

ЛОГИКА ЭФФЕКТОВ ФРЕЙМИНГА Ф. БЕРТО И А. ОЗГЮН – НОВЫЙ ФОРМАЛИЗМ ДЛЯ РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМ СЕМАНТИКИ ПРОПОЗИЦИОНАЛЬНЫХ УСТАНОВОК

Анна Юрьевна Моисеева

Русское общество истории и философии науки, Москва, Россия, abyssian03@gmail.com

Аннотация. Логика эффектов фрейминга Ф. Берто и А. Озгюн – это доксистическая логика, разработанная ее авторами как способ формального описания так называемых эффектов фрейминга, которые не описываются корректно в рамках стандартного языка семантики возможных миров, что составляет один из аспектов проблемы логического всеведения. В настоящей статье, после содержательного введения в проблему, рассматривается семантика и аксиоматика данной логики, а также то, какими возможностями для решения проблемы эффектов фрейминга, в частности проблемы логического всеведения вообще, располагает этот формализм. Некоторые примечательные в контексте обозначенной проблематики свойства формально доказываются и философски комментируются.

Ключевые слова: содержание убеждений, семантика возможных миров, доксистическая логика, эффекты фрейминга, логическое всеведение, моделирование ограниченной рациональности.

Благодарности: подготовлено при поддержке РНФ, проект № 21-18-00496.

Для цитирования: Моисеева А.Ю. Логика эффектов фрейминга Ф. Берто и А. Озгюн – новый формализм для решения проблем семантики пропозициональных установок // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2024. № 77. С. 32–52. doi: 10.17223/1998863X/77/3

Original article

THE LOGIC OF FRAMING EFFECTS BY FRANZ BERTO AND AYBÜKE ÖZGÜN AS A NEW FORMALISM FOR SOLVING PROBLEMS OF SEMANTICS OF PROPOSITIONAL ATTITUDES

Anna Yu. Moiseeva

Russian Society for the History and Philosophy of Science, Moscow, Russia, abyssian03@gmail.com

Abstract. The article discusses the problems of formalizing the content of propositional attitudes and how successfully these problems can be solved in possible worlds semantics. The focus of attention is, firstly, on the phenomena that in the psychological literature are called framing effects and in the semantic literature substitution violation in indirect contexts, and, secondly, the problem of logical omniscience. The first part of the article explains why framing effects create a problem for possible worlds semantics and why the agent is inevitably modeled as logically omniscient in this semantics. Next, a description is given of four approaches to the problem of framing effects in possible worlds semantics: metasemantic, pragmatic, multi-model, and the approach associated with modeling topics. For each of the first three, their main shortcomings are given in relation to this problem and

in general. The results of applying the latter approach are considered in more detail in the next part of the article using the example of one of the modern systems of doxastic logic, namely the logic of framing effects by Berto and Özgün. The syntax and semantic rules of this logic are outlined, after which it is explained how, according to these rules, the description of framing effects should look like. Models of situations are given in which an agent has both a belief in some proposition and a lack of belief in another proposition, which is necessarily equivalent to the first one. It is shown that the modeling method used does not lead to problems and is intuitively adequate. In the last part, the axiomatics of the logic of framing effects is presented and some theorems are given that are significant in the context of the problem of logical omniscience. An interpretation of these theorems is given, on the basis of which it is concluded that this logic does not cope with the problem of logical omniscience as successfully as with the framing effects themselves. In conclusion, a direction is proposed in which the logic of framing effects can be developed in order to more fully solve the problem of logical omniscience with its help, and the prospects for such development are discussed.

Keywords: content of beliefs, possible worlds semantics, doxastic logic, framing effects, logical omniscience, modeling of bounded rationality

Acknowledgments: The paper is supported by the Russian Science Foundation, Project No. 21-18-00496.

For citation: Moiseeva, A.Yu. (2024) The logic of framing effects by Franz Berto and Aybüke Özgün as a new formalism for solving problems of semantics of propositional attitudes. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 77. pp. 32–52. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/77/3

Введение в проблематику

Трудность задачи формализации содержания пропозициональных установок состоит в том, что, как давно доказали психологи (см., например: [1, 2]), склонность агента признавать истинность пропозиции в значительной степени зависит от того, в каком контексте и в какой форме высказана эта пропозиция. В частности, два предложения, являющихся логически эквивалентными, могут получить различную оценку агента, если одно из них связано с темой, о которой агент размышлял недавно или любит размышлять, а другое – нет. Например, утверждение «Вероятность выживания пациента через месяц после операции составляет 90%» воспринимается как более весомое основание рекомендовать эту операцию, чем утверждение «Смертность в течение одного месяца после операции составляет 10%». Обычно (когда нет особых причин рассуждать иначе) эксплицитная оценка агентом предложения рассматривается как достаточное условие для приписывания ему пропозициональной установки, содержанием которой является пропозиция, выраженная в этом предложении. Таким образом, в подобных случаях имеются как будто достаточные условия для приписывания агенту двух несовместимых пропозициональных установок с одним и тем же содержанием. Эту проблему в настоящей статье я буду называть проблемой эффектов фрейминга (так подобные эффекты называются в психологической литературе¹).

¹ В формальной семантике данная проблема более известна как «проблема нарушения подстановочности в косвенных контекстах» или «головоломка Фреге». Под каждым из этих названий данная проблема имеет свою собственную историю и свою собственную специфическую постановку. Существует также так называемая проблема логического всеведения, которая является отчасти аспектом проблемы эффектов фрейминга, а отчасти самостоятельной проблемой. О проблеме логического всеведения также пойдет речь в настоящей статье.

В контексте формальной семантики и логики суть проблемы эффектов фрейминга можно представить следующим образом. В логиках, использующих стандартную семантику возможных миров для моделирования содержания пропозициональных установок (представленной, например, в [3]), это содержание моделируется посредством множества возможных миров, достижимых в определенном смысле для данного агента. Например, если моделируется содержание убеждений, то используется отношение докастической достижимости.¹ Каждое убеждение агента делит множество всех возможных миров на те, которые «согласны» с этим убеждением, и те, которые «не согласны» с ним; в дальнейшем для простоты я буду говорить, что на первом подмножестве миров содержание этого убеждения истинно, а на втором – ложно². Информативность предложения моделируется в этой семантике как доля миров, которые исключаются из числа докастически достижимых для данного агента при принятии им «на веру» содержания этого предложения, по причине того что содержание этого предложения ложно в этих мирах.

Такой способ моделирования имеет своим следствием то, что логически эквивалентные предложения могут быть взаимозаменяемы в любых приписываниях агенту пропозициональных установок (для определенности я по-прежнему буду говорить об убеждениях) *salva veritate* – ведь их содержание истинно на одном и том же множестве миров, а значит, они не исключают никакие миры из числа достижимых. Иначе говоря, для всякой пропозиции p , агент должен или иметь все убеждения, содержанием которых является p , или не иметь ни одного из них. Однако, как показывают психологические исследования и даже повседневный опыт, это не так, поскольку существуют эффекты фрейминга. Далее, если агент убежден в некоторой пропозиции, он должен быть убежден во всех ее логических следствиях³; и также он должен быть убежден во всех логических тавтологиях – ведь тавтологии следуют из пустого множества пропозиций. Это свойство получило в литературе название логического всеведения. Из логического всеведения следует, что ни один логический вывод не является информативным, поскольку агент, убежденный в посылах, всегда убежден и в заключении. Излишне говорить, что реальные агенты такого свойства не демонстрируют.

За немалую историю развития семантики пропозициональных установок сформировалось достаточно большое количество подходов и программ, претендующих на то, чтобы решить или снять проблему эффектов фрейминга, а также связанную с ней проблему логического всеведения. Существуют отдельные направления семантики, при разработке которых изначально имелись в виду эти задачи (в качестве примера можно назвать ситуационную семантику Дж. Барвайса и Дж. Перри.) В настоящей статье такие направления рассматриваться не будут. Я сконцентрируюсь исключительно на том, как данные проблемы можно решить средствами семантики возможных миров. В первой части статьи кратко будут рассмотрены некоторые старые подходы

¹ То, что мир является докастически достижимым, означает, что в нем выполняется все, в чем убежден агент. Соответственно, то, что мир является докастически недостижимым, означает, что в нем выполняется что-то, противоречащее некоторому убеждению агента.

² При условии, что есть только два значения истинности. В семантике возможных миров может использоваться значение истинности «не определено», но в данном случае я игнорирую эту возможность.

³ Это свойство я буду называть замкнутостью системы убеждений относительно необходимой импликации.

к объяснению эффектов фрейминга, существующие в семантике возможных миров, а потом покажу, как она решается в семантике и логике, недавно разработанных Ф. Берто и А. Озгюн специально для этой цели [4]. В конце статьи будут приведены и проинтерпретированы несколько теорем логики эффектов фрейминга в контексте вопроса о том, может ли данная логика столь же успешно справляться с проблемой логического всеведения, как она справляется с эффектами фрейминга. В качестве базовой пропозициональной установки, на примере которой будут рассмотрены интересующие меня вопросы, будет использоваться убеждение, поскольку именно оно моделируется в семантике Берто и Озгюн.

Четыре подхода к проблеме эффектов фрейминга

В рамках семантики возможных миров сформировалось несколько различных подходов к решению или снятию проблемы эффектов фрейминга. Один из первых подходов, который я буду называть *метасемантическим*, представлен в ранних работах Р. Сталнэкера. Он полагает, что различия в обыденных оценках приписываний, в которых используются логически эквивалентные предложения, объясняются недопониманием в области семантики этих предложений. То же самое происходит и с приписываниями, которые обычно оцениваются как ложные, несмотря на то что пропозиция, убеждение, которые приписываются агенту, являются логической тавтологией. Он пишет: «Кажущаяся неспособность видеть, что пропозиция необходимо истинна или что пропозиции необходимо эквивалентны, должна объясняться неспособностью видеть, какие пропозиции высказываются в данных выражениях» [5]. Поскольку Сталнэкер – сторонник диспозиционализма в трактовке пропозициональных установок (см., например, [6]), это действительно кажется простым и логичным объяснением. Если пропозициональное содержание установки соответствует диспозиции агента вести себя определенным образом, в частности, соглашаться с предложениями, которые он понимает как выражающие данную пропозицию, и если в определенном случае эта диспозиция не проявляется, это может объясняться тем, что агент просто не понимает или не полностью понимает данное предложение.

Сам феномен семантического недопонимания хорошо известен: имея дело со сложным по структуре предложением, мы часто не можем уловить смысл, хотя знаем, что означает каждое слово в отдельности. В классической литературе можно найти множество таких предложений. Подобный эффект возникает часто при восприятии структурно сложных предложений логики и математики. Однако не все предложения математики, истинность которых неочевидна, по крайней мере, некоторым агентам, сформулированы таким образом. В качестве примера можно привести теорему Ферма: предложение « $x^n + y^n = z^n$ для $n > 2$ не имеет решений в целых положительных числах» сформулировано на языке, хорошо знакомом каждому по школьному курсу математики, и имеет достаточно простую структуру, чтобы быть понятным, однако это не дает нам «автоматического» знания, что данное предложение истинно. Да и простые школьные задачи типа « $\sqrt{1089} = ?$ »¹ не вызывали бы ни у кого затруднений, если бы истинность математических предложений,

¹ Пример из работы [7].

простых по структуре, могла непосредственно усматриваться нами. Подобные примеры показывают, что метасемантических рассуждений как минимум недостаточно, чтобы объяснить, в чем состоит информативность необходимо истинных предложений, а как максимум они вообще не имеют отношения к делу.

Некоторые авторы предполагают, что в обыденной речи мы оцениваем приписывание пропозициональных установок не только на истинность, но и на соответствие прагматическому требованию, чтобы это приписывание было сформулировано «максимально близко к собственным словам агента, если нет особых причин для отклонения от них» [8]. Такой подход можно было бы назвать *прагматическим*, и он широко используется в расселианстве и неорасселианстве. В неорасселианстве предложения (естественного языка или внутреннего кода) выступают в качестве «масок» (*guises*) пропозиций (пример такого анализа см. у Н. Сэлмона [9]), и фраза « x убежден, что p », где x – имя агента, p – пропозиция, рассматривается как утверждение, что существует такое предложение, выражающее пропозицию p , с которым агент x согласен. Соответственно, « x не убежден, что p »¹, рассматривается как утверждение, что существует такое предложение – «маска» пропозиции p , – с которым агент не согласен. Формально это выглядит следующим образом:

$$B(x, p) := (\exists g) [BEL(x, p, g) \wedge G(x, p, g)],$$

где B – условие истинности приписывания агенту x убеждения в пропозиции, что p ; BEL – отношение убежденности агента в пропозиции под некоторой «маской» g ; G – отношение «схватывания» (*grasping*) агентом пропозиции под этой «маской».

Такой анализ позволяет согласовать между собой приписывания, в которых агенту приписываются одновременно две противоположных доксистических установки с одним и тем же содержанием, например, утверждать одновременно «Вася убежден, что количество учеников в классе меньше 33» и «Вася не убежден, что количество учеников в классе меньше $\sqrt{1089}$ ». Затруднение здесь устраняется тем, что формулы

$$(\exists g) [BEL(x, p, g) \wedge G(x, p, g)]$$

и

$$(\exists g) [-BEL(x, p, g) \wedge G(x, p, g)]$$

не противоречат друг другу.

У прагматического подхода есть проблемы в объяснении некоторых естественных выводов с использованием приписываний пропозициональных установок. Например, представим себе ситуацию, когда Маша, подруга Васи, которая в курсе его убеждений касательно количества учеников, думает о

¹ Более точно, Сэлмон использует предикат «воздерживается от убеждения, что p » (*withholds from belief that p*), который позволяет ему формализовать такие предложения способом, отличным от простого отрицания предложений вида « x убежден, что p » [9. Р. 111]. За контринтуитивность этого решения применительно к некоторым контекстам его критикует С. Шиффер, который взамен предлагает свою версию прагматического подхода, известную как теория скрытых индексикалов [10, 11]. Теория скрытых индексикалов избегает наиболее очевидных проблем теории «масок», однако она имеет собственные проблемы, самой серьезной из которых, на мой взгляд, является необходимость «вчитывать» в содержание приписываний компоненты, призванные характеризовать контекст употребления агентом того предложения, с помощью которого передается его убеждение в данном приписывании. При этом неочевидно, каким именно из (потенциально бесконечного) множества возможных способов этот контекст должен характеризоваться, а значит, содержание приписывания всегда остается недоопределенным. Подробнее об этом см.: [12].

них. Естественно предположить, что Маша будет использовать те самые формулировки, которые указаны выше. Однако Маша, в отличие от Васи, знает и помнит о том, что $\sqrt{1089} = 33$, поэтому она может заключить о тождестве пропозиции, что количество учеников в классе меньше $\sqrt{1089}$, и пропозиции, что количество учеников в классе меньше 33. Исходя из условий примера, у нас есть все основания сказать о ней «Маша убеждена, что Вася убежден, что p » и одновременно «Маша убеждена, что Вася не убежден, что p ». Конъюнкция таких приписываний как будто ставит под сомнение рациональность уже не Васи, а Маши. Эта проблема, носящая название проблемы итерированных приписываний, а также другие проблемные случаи подробно обсуждаются в развернутой по этому поводу полемике между С. Шиффером и Н. Сэлмоном [9, 13–15].

Еще один подход пытается справиться с проблемой эффектов фрейминга на уровне модели. Вместо одной структуры на мирах предлагается рассмотреть альтернативные структуры, различающиеся между собой валуацией пропозициональных переменных. Каждая валуация соответствует какому-то одному способу мыслить из используемых агентом, что можно назвать предметной или концептуальной рамкой. Такой способ моделирования позволяет считать агента, игнорирующего логическую эквивалентность предложений, рациональным в локальном смысле – в пределах какой-то одной модели. Я буду называть этот подход *мультимодельным*. Одним из сторонников мультимодельного подхода является Д. Льюис, который приводит в качестве пояснения того, как работает данный подход, следующий пример: «Раньше я был убежден, что улица Нассау проходит примерно с востока на запад; что железная дорога поблизости идет примерно с севера на юг; и при этом что они примерно параллельны друг другу. ...Так что каждое предложение в неконсистентной тройке было истинным, согласно моим убеждениям, но неверно, что все вместе были истинными, согласно моим убеждениям. ...Моя система убеждений была разбита на (перекрывающиеся) фрагменты. В разных ситуациях активировались разные фрагменты, и никогда не проявлялась вся система убеждений сразу» [16. Р. 436].

Главным недостатком мультимодельного подхода, на мой взгляд, является то, что он не способен описать систему убеждений за рамками каждого отдельного фрагмента, т.е. рассмотреть агента как целое. Между тем иногда полезно знать, в каком доксистическом состоянии был бы агент, если бы активировал все свои убеждения вместе. Кроме того, в некоторых ситуациях естественно предполагать, что все имеющие отношение к вопросу убеждения активированы, но ответ на вопрос, логически следующий из них, все равно оказывается не получен агентом. В качестве примера можно привести следующую ситуацию¹: в контексте некоторой шахматной партии агент рассматривает позицию и выбирает ход. Предположим, что он полностью знает правила игры, имеет цель выиграть и способен рационально действовать для достижения этой цели. Предположим также, что он видит все возможные варианты ходов, в том числе ход Qe7, который является началом стратегии, приводящей в его случае к гарантированному выигрышу². Однако он делает другой ход и проигрывает. Эту ситуацию, аналогии которой сплошь

¹ Пример из работы [17].

² Выигрышность стратегии в шахматной партии всегда можно просчитать математически.

и рядом встречаются в жизни, нельзя объяснить иначе как незнанием агентом того, что выигрышная стратегия начинается с хода Qe7. Между тем все условия, необходимые для получения им соответствующего знания, были выполнены.

Последний подход из тех, что я буду рассматривать, и наиболее перспективный, на мой взгляд, связан с *моделированием тематики* предложений, рассматриваемых агентом посредством введения в семантику специальных элементов – собственно тем или топиков. С формальной точки зрения топик – что-то вроде маски пропозиции, но это элемент теории значения, а не языка, теории сознания или онтологии (хотя есть подходы, в которых тематичность рассматривается как элемент онтологии – подробнее см., например, [18]). Подход, использующий топики в моделировании содержания пропозициональных установок, реализован в [19] применительно к логике воображения, в [20] применительно к эпистемической логике и в [4] непосредственно для моделирования содержания убеждений.

Сама по себе идея, что тематика должна как-то учитываться при моделировании значения предложения, не является новой. В неформальном виде она встречается уже у К. Гемпеля при обсуждении его знаменитого «парадокса ворона». Действительно, с точки зрения условий истинности предложений «Все вороны черные» и «Ни одна нечерная вещь не является вороном» эквивалентны, однако они верифицируются по-разному, и мы интуитивно будем склонны считать, скажем, коричневый ботинок подтверждением второго, но не подтверждением первого. Сам Гемпель делает по этому поводу следующее предположение: «Возможно, впечатление парадоксальности [таких случаев] можно назвать вырастающим из ощущения, что гипотеза о том, что *все вороны черные*, говорит *о воронах*, а не о нечерных вещах и не обо всех вещах [вообще]» (цит. по: [18]; курсив мой. – А.М.). Отсюда можно сделать вывод, что тематика воспринимается как один из аспектов значения, по крайней мере, в некоторых случаях.

Рассуждая более строго, в значении предложения можно различить информационное содержание предложения – грубую или «толстую» (thick) пропозицию – и его эпистемическое содержание – «тонкую» (thin) пропозицию. «Тонкая» пропозиция интуитивно представляется как такая, которая «складывается» из тематики предложения и его логической структуры¹. Предложения могут различаться по структуре, но иметь одну тематику и наоборот. Например, предложения «Снег бел» и «Неверно, что снег не бел» говорят о белизне снега, и оба они утверждают об этой белизне снега одно и то же – то, что она имеет место². Однако структура второго предложения сложнее, поскольку она включает два отрицания, которых в первом предложении нет. Если же рассмотреть предложения «Снег бел» и «Снег черен», то видно, что структура у них одна и та же, но второе предложение говорит уже о черноте снега. Логически эквивалентные предложения так же могут иметь разную структуру и/или разную тематику. Получается, что предложения *p* и *q*

¹ В случае пропозициональной логики анализ структуры не идет дальше простых предложений, в случае логики первого порядка структура атомарные пропозиции также рассматриваются как структурированные.

² Опять же, это справедливо до тех пор, пока рассматриваются только модели, в которых всякая пропозиция является либо истинной, либо ложной.

должны считаться эквивалентными по своему эпистемическому содержанию всегда и только тогда, когда у них одна и та же тематика, либо одна и та же структура, либо такие структуры, установить логическую эквивалентность которых сможет любой рациональный агент. Именно такая эквивалентность, по мысли Ф. Берто и А. Озгюн [4], является основанием для того, чтобы ожидать от агента, убежденного в p , что он также будет убежден и в q , и наоборот.

Следующие части статьи посвящены анализу объяснительных возможностей логики эффектов фрейминга, представленной в [4], применительно к проблемам эффектов фрейминга и логического всеведения в семантике пропозициональных установок. Сначала будут изложены формальные основы этой логики, начиная с ее семантики, и показаны на примерах, как она моделирует убеждения ограниченно рациональных агентов. Далее я перейду к аксиоматике логики эффектов фрейминга и доказательству в этой аксиоматике некоторых теорем, имеющих философское значение в контексте рассматриваемых проблем. В заключении я подведу итог сказанному и затрону вопрос о том, какие перспективы развития есть у этой логики для того, чтобы расширить свои возможности на те случаи, которые она пока не в состоянии объяснить.

Логика эффектов фрейминга. Семантические правила и объяснение

Язык L , использующийся в логике эффектов фрейминга Ф. Берто и А. Озгюн, включает стандартный язык модальной пропозициональной логики и два пропозициональных оператора B_A и B_P для «активных» и «пассивных» убеждений. Активным убеждение называется тогда, когда оно актуализировано, т.е. его содержание «загружено» из долговременной памяти в рабочую память агента. Пассивным, соответственно, называется убеждение, содержание которого находится только в долговременной памяти, но не в рабочей. Семантически рабочая память агента в разных состояниях моделируется так называемыми *ячейками памяти* (см. ниже).

Семантика логики эффектов фрейминга основана на стандартной модели семантики возможных миров, в которую Берто и Озгюн добавляют некоторые новые компоненты, необходимые для конструирования ячеек памяти и корректной работы с тематикой пропозиций. В итоге в их семантике всякая модель M представляет собой кортеж вида

$$\langle W, \Theta, T, \oplus, t, v \rangle,$$

где W – непустое множество миров; Θ – непустое конечное множество таких O , что $O \subseteq W$, и $\Theta \neq \{\emptyset\}$; T – конечное непустое множество тем или топиков; $\oplus$ – бинарная операция слияния (fusion) на T , индемпотентная, коммутативная и ассоциативная; $t: Prop \cup \Theta \rightarrow T \cup 2^T$, где $Prop := \{p_1, p_2, \dots\}$ – функция назначения топиков, такая, что каждый элемент счетного множества атомарных пропозиций $Prop$ она отображает на какой-то элемент множества топиков T , а каждый элемент Θ – на какое-то подмножество T ; $v: Prop \rightarrow 2^W$ – функция валуации¹.

¹ Обозначения несколько модифицированы для удобства набора, но только буквенные, все остальные особенности нотации Берто и Озгюн сохранены без изменений.

Область определения функции t распространяется на весь язык следующим образом:

$$t(\varphi) = t(p_1) \oplus \dots \oplus t(p_n),$$

где $\{p_1, \dots, p_n\} = \text{Var}(\varphi)$ – множество переменных формулы¹ φ .

Далее определяется отношение части на топиках:

$$\forall a, b (a \sqsubseteq b, \text{ е.т.е. } a \oplus b = b).$$

Отношение $\sqsubseteq$ представляет собой частичный порядок. Интуитивно его можно представлять как отношение подразумевания между различными компонентами мыслительного содержания: так, обладание любой мыслью о белизне или черноте снега подразумевает обладание мыслью о снеге как таковом. Множество T вместе с отношением $\sqsubseteq$ представляет собой верхнюю полурешетку.

Ячейки памяти имеют обозначения вида O_a , где O – непустой элемент Θ , a – элемент $t(O)$. Истинность всех формул оценивается относительно мира $w \in W$ и ячейки памяти O_a . Интуитивно множество O можно понимать по аналогии с множеством докраситически достижимых миров в стандартной семантике возможных миров для логики убеждений, но с той разницей, что здесь имеется несколько таких множеств, соответствующих разным состояниям рабочей памяти. (Как видим, стандартного отношения достижимости в модели нет.) Все пропозиции, в которых активно убежден агент в соответствующем состоянии, истинны на всем множестве O , но не обязательно все пропозиции, которые истинны на O , являются содержанием активных убеждений агента в данном состоянии. По смыслу ситуация, когда пропозиция p истинна на O , но ее топик не является частью a , соответствует тому, что агент в этом состоянии просто не думает о том, о чем говорит эта пропозиция, а значит, ему в этом состоянии нельзя истинно приписать активное убеждение, что p . Для моделирования пассивных убеждений используется специальная квазиячейка памяти, представляющая собой пару из такого множества, что на нем истинны все пропозиции, в которых агент активно убежден, и такого топики, что его частью являются все топики, о которых агент думает хотя бы в одном из своих состояний (см. ниже).

Говоря формально, истинность оценивается по следующим правилам:

$$M, (w, O_a) \models p, \text{ е.т.е. } w \in v(p).$$

$$M, (w, O_a) \models \neg \varphi, \text{ е.т.е. } M, (w, O_a) \not\models \varphi.$$

$$M, (w, O_a) \models \varphi \wedge \psi, \text{ е.т.е. } M, (w, O_a) \models \varphi \text{ и } M, (w, O_a) \models \psi.$$

(На основании этих правил получаются правила для дизъюнкции и импликации, которые определяются через отрицание и конъюнкцию стандартным образом.)

$$M, (w, O_a) \models \Box \varphi, \text{ е.т.е. } W \subseteq [[\varphi]]_M^{O_a}, \text{ где } [[\varphi]]_M^{O_a} = \{w \in W : M, (w, O_a) \models \varphi\}.$$

(Модальность возможности определяется через модальность необходимости также стандартно.)

$$M, (w, O_a) \models B_A \varphi, \text{ е.т.е. } O \subseteq [[\varphi]]_M^{O_a} \text{ и } t(\varphi) \sqsubseteq a.$$

$$M, (w, O_a) \models B_P \varphi, \text{ е.т.е. } O^\cap \subseteq [[\varphi]]_M^{O_a} \text{ и } t(\varphi) \sqsubseteq \beta,$$

где $O^\cap := \cap \Theta$ и $\beta := \oplus (\cup_{O \in \Theta} t(O))$.

¹ Множество формул в L определяется рекурсивно:

$\varphi := p_i \mid \neg \varphi \mid \varphi \wedge \psi \mid \Box \varphi \mid B_A \varphi \mid B_P \varphi$,

где p_i для любого натурального i обозначает i -й элемент Prop .

(Здесь, поскольку $\cup_{O \in \theta} t(O)$ конечно, мы гарантированно получим $\beta \in T$.)

Как можно видеть, истинность формул, в составе которых нет выражений с операторами B_A и B_P , не зависит от ячейки памяти, а истинность модальных формул не зависит также и от мира. Истинность формул вида $B_A \phi$ зависит от ячейки памяти (что соответствует идее релятивизировать активные убеждения к одному из состояний рабочей памяти), но не зависит от мира. Истинность формул вида $B_P \phi$ не зависит ни от ячейки памяти, ни от мира.

Логическое следование для однопосылочного случая определяется так:

$\phi \models \psi$ е.т.е. при любых M, w, O_a , если $M, (w, O_a) \models \phi$, то $M, (w, O_a) \models \psi$.

Существует более общее определение следования из множества посылок, однако оно мне не понадобится, поэтому я не буду его приводить.

Чтобы было понятнее, рассмотрим действие условий истинности формул с доксистическими операторами на примерах. Допустим, нужно оценить на истинность высказывание «Алиса (здесь и сейчас) убеждена, что инопланетяне существуют». Для этого нам нужно задать, во-первых, множество возможных миров. Пусть это будут все миры, не являющиеся логически противоречивыми. Поскольку существование инопланетян не противоречит никаким логическим принципам, в некоторых из этих миров инопланетяне будут существовать. После этого нам нужно задать множество топиков и отношение части на нем. Допустим, мы это каким-то образом сделали. Далее требуется определить элементы θ , т.е. рассечь множество возможных миров на фрагменты, соответствующие различным состояниям Алисы, а затем определить функцию t , присваивающую топик каждой пропозиции и множество топиков каждому элементу θ . Теперь у нас есть возможность указать, какая ячейка памяти является активной сейчас, когда мы хотим оценить на истинность наше приписывание Алисе убеждения в существовании инопланетян. Допустим, это ячейка O_a . Чтобы узнать, истинно ли данное приписывание относительно актуального мира («здесь») и ячейки памяти O_a («сейчас»), нам нужно, во-первых, узнать, во всех ли мирах множества O существуют инопланетяне, во-вторых, является ли тема существования инопланетян частью a , т.е. того списка тем, который Алиса обдумывает, будучи в состоянии, моделируемом O_a . Если ответ на оба вопроса «да», то приписывание истинно. Интересно, что поскольку истинность приписывания независима от мира, если окажется, что Алиса действительно убеждена в существовании инопланетян относительно O_a («сейчас»), то она убеждена в нем не только актуально («здесь»), но и потенциально, т.е. во всех других возможных мирах. Это объясняется тем, что, зафиксировав ячейку памяти O_a , мы тем самым ограничили оценку так, что, в каком бы возможном мире ни находилась наша потенциальная Алиса, у нее будет то же состояние рабочей памяти, что и в актуальном мире.

С пассивными убеждениями ситуация аналогична, за двумя исключениями. Во-первых, вместо того чтобы проверять истинность содержания приписываемого убеждения в мирах активной ячейки памяти, мы проверяем его на $O^\perp$. Смысл тут в том, что если каждое активное убеждение исключает из пространства доксистически возможного все миры, которые с ним «не согласны», и мы перебираем все такие убеждения, присущие агенту, то в конце концов не исключенными остаются только те миры, которые ни одному ак-

тивному убеждению не противоречат. Эти миры и отражают содержание пассивных убеждений в их информационном аспекте. Тематический же аспект отражается в топике β , который представляет собой слияние всех топиков, о которых агент когда-либо думал. Ситуация, когда топик какой-то пропозиции не попадает в β , соответствует тому, что агент в принципе не знает, о чем говорит эта пропозиция, а не просто не думает об этом сейчас. Поэтому он, очевидно, не может иметь убеждения ни в истинности этой пропозиции, ни в ее ложности. Это очень хорошо соответствует интуитивному пониманию того, что происходит в таких случаях. Например, обосновывая, почему Цинь Ши-Хуанди ни в какой момент своей жизни не мог быть убежден ни в том, что Китай станет ядерной державой, ни в том, что Китай не станет ею, мы скажем, что Цинь Ши-Хуанди просто *не знал* о ядерном оружии. Интересно, что даже если мы образуем дизъюнкцию двух утверждений $p \vee \neg p$, мы не сможем истинно приписать убеждение в ней агенту, если для этого агента не выполняется условие $t(p) \subseteq \beta$.

Рассмотрим теперь то, как данная семантика работает непосредственно с эффектами фрейминга. Если говорить о кратковременной памяти, принятые семантические правила делают возможным построить такую модель M и взять в ней такую ячейку памяти O_a ,¹ что для некоторых пропозиций p и q будет выполняться $M, (w, O_a) \models B_A p$ и $M, (w, O_a) \models \neg B_A q$, при том что пропозиции p и q являются необходимо эквивалентными на M . Однако мы не сможем взять такую O_a , чтобы при тех же условиях получить $M, (w, O_a) \models B_A \neg q$.²

Пример 1. Возьмем модель $M_1 = \langle \{w_1, w_2\}, \{O, U\}, \{a, \beta, c\}, \oplus, t, v \rangle$, где $O = \{w_1\}$, $U = \{w_2\}$; $t(O) = \{a\}$, $t(U) = \{c\}$, $t(p) = a$, $t(q) = c$; $a \oplus c = \beta$; $v(p) = v(q) = \{w_1\}$.

Для произвольного мира w в этой модели

$M_1, (w, O_a) \models \Box(p \leftrightarrow q)$, т.к. $W \subseteq [[p \leftrightarrow q]]_M^{O_a}$,

$M_1, (w, O_a) \models B_A p$, т.к. $O \subseteq \{w_1\}$ и $t(p) \subseteq a$,

$M_1, (w, O_a) \models \neg B_A q$, т.к. $M, (w, O_a) \not\models B_A q$, т.к. неверно, что $t(q) \subseteq a$.

Посмотрев на последнюю строчку в этом примере, легко понять, почему при таких условиях всегда будет $M, (w, O_a) \not\models B_A \neg q$. Если p и q необходимо эквивалентны, единственно возможной причиной того, чтобы у агента при наличии активного убеждения, что p , отсутствовало активное убеждение, что q , является тематическая «несхваченность» пропозиции q в данном состоянии агента. Иными словами, агент сейчас не думает про то, о чем говорится в пропозиции q . Но если он сейчас про это не думает, то он не думает и о том, о чем говорится в пропозиции $\neg q$, поскольку у этих двух пропозиций одна тематика. А значит, агент не имеет сейчас активного убеждения, что $\neg q$. Это означает, что мы не можем истинно приписать никакому агенту ни в каком

¹ Мир w можно взять произвольно из множества миров модели.

² Приведу семантическое доказательство последнего факта. Пусть даны некоторые модель M , мир w и ячейка памяти O_a в M такие, что $M, (w, O_a) \models B_A p$ и $M, (w, O_a) \models \Box(p \leftrightarrow q)$. Предположим также, что $M, (w, O_a) \models B_A \neg q$.

Поскольку $M, (w, O_a) \models B_A p$, е.т.е. $O_a \subseteq [[p]]_M^{O_a}$ и $t(p) \subseteq a$, $M, (w, O_a) \models \Box(p \leftrightarrow q)$, е.т.е. $W \subseteq [[p \leftrightarrow q]]_M^{O_a}$, можно получить, что $O_a \subseteq [[q]]_M^{O_a}$. Далее, поскольку $M, (w, O_a) \models B_A \neg q$, е.т.е. $O_a \subseteq [[\neg q]]_M^{O_a}$ и $t(\neg q) = t(q) \subseteq a$, можно получить, что $O_a \subseteq [[\neg q]]_M^{O_a}$. Таким образом, $O_a \subseteq [[q]]_M^{O_a}$ и $O_a \subseteq [[\neg q]]_M^{O_a}$. Это было бы возможным, только если бы O_a было пусто. Но O_a непусто, согласно определению ячейки памяти. Значит, мы пришли к противоречию.

состоянии обладание двумя активными убеждениями в двух противоречащих друг другу пропозициях. Например, если формализовать конъюнкцию предложений «Вася убежден, что количество учеников в классе меньше 33» и «Вася убежден, что количество учеников в классе не меньше $\sqrt{1089}$ », то эта конъюнкция будет ложной в любой модели (при формализации слова «убежден» с оператором B_A).

Если же говорить о долговременной памяти, то ситуация меняется: здесь уже можно построить такую модель M , в которой имеет место¹ $M, (w, O_a) \models B_P p$ и $M, (w, O_a) \models B_P \neg q$ при необходимо эквивалентных p и q . В качестве примера, иллюстрирующего такую ситуацию, можно взять модель M_I , определенную выше, и какую-то пару из мира и ячейки памяти в ней, скажем, w_I и O_a . Действительно, при таких условиях оценки будет выполняться и

$$M_I, (w_I, O_a) \models B_P p, \text{ т.к. } O^\cap = \emptyset \subseteq \{w_I\} \text{ и } t(p) \subseteq \beta,$$

и

$$M_I, (w_I, O_a) \models B_P \neg q, \text{ т.к. } O^\cap = \emptyset \subseteq \{w_I\} \text{ и } t(q) \subseteq \beta.$$

Причина появления противоречащих друг другу пассивных убеждений в данном случае также проста: поскольку $O^\cap$ пусто, агент, согласно семантике, пассивно убежден вообще во всем, что тематически «схватывается» им в долговременной перспективе. Именно эта особенность делает данную семантику способной описывать ситуации, подобные той, о которой говорил Д. Льюис, – когда несколько разных фрагментов системы убеждений, каждый из которых является внутренне согласованным, рассмотренные вместе, влекут противоречие, которое остается незаметным для агента, поскольку все эти фрагменты никогда не активируются одновременно.

В целом, семантика логики эффектов фрейминга показывает, как именно может быть ограничена рациональность агента и как эту ограниченную рациональность можно достаточно легко моделировать. Причем здесь используется сразу два ограничения: ограничение, связанное с фрагментацией множества возможных миров, и ограничение, связанное с тематикой. Как отмечается в [20. Р. 9], ни одного из этих ограничений как такового не достаточно для решения обсуждаемых проблем семантики пропозициональных установок. Если использовать фрагментацию без тематики, то мы получим систему, в которой агенту будут известны все, по крайней мере, простые тавтологии, даже если они выражены в понятиях, которыми агент не владеет. Если использовать тематику без фрагментации, то мы получим систему, в которой агент является всеведущим, по крайней мере, в рамках одной и той же темы. И то и другое нежелательно для семантики и логики, призванных описывать содержание пропозициональных установок реальных агентов.

Ф. Берто и А. Озгюн специально приводят три свойства своей логики, показывающих, что ни простая эквивалентность пропозиций ϕ и ψ при данных условиях оценки, ни пассивное убеждение агента в их эквивалентности, ни их эквивалентность плюс пассивное владение агентом списком тем ψ («знать, о чем это») не гарантируют, что агент, активно убежденный, что ϕ , будет активно убежден, что ψ :

1) *фрейминг а*

$$\phi \leftrightarrow \psi \not\models B_A \phi \leftrightarrow B_A \psi,$$

¹ Здесь и ячейка памяти, и мир могут быть взяты произвольно.

2) фрейминг b

$B_A \phi \wedge B_P (\phi \leftrightarrow \psi) \not\models B_A \psi$,

3) фрейминг c

$\phi \leftrightarrow \psi \not\models B_A \phi \wedge B_P \psi \rightarrow B_A \psi$.

Рассмотрим эти свойства на примере конкретной модели.

Пример 2. Возьмем модель $M_2 = \langle \{w_1, w_2\}, \{O, U\}, \{a, \beta, c\}, \oplus, t, v \rangle$, где $O = \{w_1\}$, $U = \{w_1\}$; $t(O) = \{a\}$, $t(U) = \{c\}$, $t(p) = a$, $t(q) = c$; $a \oplus c = \beta$; $v(p) = \{w_1, w_2\}$, $v(q) = \{w_1\}$.

$M_2, (w_1, O_a) \models B_A p$, т.к. $O \subseteq \{w_1, w_2\}$ и $t(p) \subseteq a$,

$M_2, (w_1, O_a) \models p \leftrightarrow q$, т.к. $M_2, (w_1, O_a) \models p$ и $M_2, (w_1, O_a) \models q$,

$M_2, (w_1, O_a) \models B_P (p \leftrightarrow q)$, т.к. $O^\cap = \{w_1\} \subseteq \{w_1\}^1$ и $t(p) \oplus t(q) \subseteq \beta$,

$M_2, (w_1, O_a) \models B_P \bar{q}$, т.к. $t(q) \subseteq \beta$,

$M_2, (w_1, O_a) \models \neg B_A q$, т.к. неверно, что $t(q) \subseteq a$.

Если разобрать то, что говорят эти формулы на нашем примере про Васю, получим следующее. Из эквивалентности пропозиции, что количество учеников в классе меньше 33, и пропозиции, что количество учеников в классе меньше $\sqrt{1089}$, нельзя вывести, что если Вася активно убежден в первой, то он активно убежден и во второй. Этот вывод нельзя будет получить и в том случае, если мы добавим условие, что Вася знает, что означает сам вопрос о соотношении количества учеников и $\sqrt{1089}$. И даже если известно, что Вася, в принципе, знает о том, что эти две пропозиции эквивалентны (например, мы заключаем о его знании из того, что однажды видели, как он верно решил задание « $\sqrt{1089} = ?$ » и объяснил свое решение), он может не прийти к убеждению во второй пропозиции просто потому, что сейчас он не актуализирует то свое знание. Как видно, в этом случае предсказания, которые дает нам логика эффектов фрейминга, вполне соответствуют интуиции, а также повседневному опыту и результатам психологических исследований.

Таким образом, свою основную задачу – корректно описывать эффекты фрейминга – данная семантика и основанная на ней логика успешно выполняют. Если так, возникает естественное стремление проверить, как этот формализм справляется с другими связанными проблемами, известными в семантике пропозициональных установок. К сожалению, особенности формализма в том его виде, который был представлен его авторами, не позволяют успешно применять его к классическим примерам проблемы нарушения подстановочности в косвенных контекстах (она же головоломка Фреге), поскольку в этих примерах используется подстановка имен, а не пропозициональных констант. Поэтому единственной целью здесь может быть проверка возможностей логики эффектов фрейминга в решении проблемы логического всеведения. И для того чтобы достичь этой цели, нам следует рассмотреть аксиоматику логики эффектов фрейминга, а затем показать, как теоремы данной логики соотносятся с интуитивными оценками возможностей рациональных агентов, а также с имеющимся опытом в этой области.

Аксиоматика и некоторые выводы о логическом всеведении

Относительно аксиоматики следует начать с замечания о том, что уже из семантических правил ясна валидность для данной логики всех классических

¹ В данной модели w_1 является единственным миром, в котором истинна формула $p \leftrightarrow q$.

пропозициональных тавтологий. Правило Modus Ponens также действует. Дополнительно действуют все аксиомы и правила модальной логики S5 для $\Box$. В сущности, логика эффектов фрейминга является расширением логики S5, и семантические правила ее включают все правила S5 без каких-либо изменений. Третьей, специфической для данной логики группой аксиом являются аксиомы для формул с B_A и B_P . Эта группа включает в себя:

1) *четыре аксиомы, одинаковые для B_A и B_P* (вместо звездочки в формулы подставляется один из двух субскриптов, т.е. A либо P ¹):

$$(C) B_{\star} (\varphi \wedge \psi) \rightarrow (B_{\star} \varphi \wedge B_{\star} \psi),$$

$$(Ax1) B_{\star} \varphi \rightarrow B_{\star} \bar{\varphi}, \text{ где } \bar{\varphi} := \bigwedge_{x \in \text{Var}(\varphi)} (x \vee \neg x),$$

$$(Ax2) (\Box(\varphi \rightarrow \psi) \wedge B_{\star} \varphi \wedge B_{\star} \bar{\varphi}) \rightarrow B_{\star} \psi,$$

$$(Ax3) B_{\star} \varphi \rightarrow \Box B_{\star} \varphi,$$

2) *одну аксиому только для B_A* :

$$(D) B_A \varphi \rightarrow \neg B_A \neg \varphi,$$

3) *одну аксиому, связывающую B_A и B_P* :

$$(Inc) B_A \varphi \rightarrow B_P \varphi.$$

Корректность и полнота данной аксиоматической системы относительно класса моделей, заданного семантикой логики эффектов фрейминга, доказывается авторами в приложении [4. Р. 16–22].

Из тех примеров, которые приведены в предыдущем разделе, видно, что в логике эффектов фрейминга наиболее общие формулировки логического всеведения не выполняются ни для активных, ни для пассивных убеждений:

$$\Box(\varphi \rightarrow \psi) \not\models B_A \varphi \rightarrow B_A \psi$$

и

$$\Box(\varphi \rightarrow \psi) \not\models B_P \varphi \rightarrow B_P \psi.$$

Это означает отсутствие замкнутости системы убеждений относительно необходимой импликации. По тем же самым причинам, которые были изложены выше, не выполняются и более частные формулировки логического всеведения:

$$\Box \varphi \not\models B_A \varphi$$

и

$$\Box \varphi \not\models B_P \varphi.$$

Это означает, что агент может не знать об истинности каких-то теорем логики и математики и даже может не сразу правильно решать простые математические задания типа « $\sqrt{1089} = ?$ ». Содержательно объяснить его затруднения в подобных случаях можно следующим образом: когда агент видит такое задание, у него нет причин сразу же думать о числе 33, а потому он может какое-то время (пока не произведет вычисления) не понимать, что именно это число является правильным ответом. Точнее, агент сначала думает об этом числе, используя для него только имя « $\sqrt{1089}$ », но не имя «33», и если эти имена для него образуют различные топики (что вполне естественно предположить), он может не догадываться о том, что это имена одного и того же числа. Поэтому из убеждения, что правильным ответом на задание будет число $\sqrt{1089}$, он может не суметь перейти к убеждению, что правильным ответом на задание будет число 33. Иначе говоря, агент может

¹ Подстановку следует осуществлять так, чтобы в каждой инстанцииции какой-либо аксиомы на всех местах вместо звездочки стоял один и тот же субскрипт.

не знать о том, что необходимо истинная пропозиция, что $\sqrt{1089} = 33$, истинна. Причем, как показывает формализм, он может не знать этого ни активно, ни пассивно.

Одно это, несомненно, представляет собой большой шаг в преодолении логического всеведения. Вместе в тем логическое всеведение устраняется в логике эффектов фрейминга не настолько полно, как может показаться сначала. В частности, в рамках принятой в данной логике аксиоматической системы доказывается следующая теорема.

Локальная дедуктивная замкнутость:

(1) $B_{\star} \varphi \wedge B_{\star} (\varphi \rightarrow \psi) \vdash B_{\star} \psi$.

То, что агент убежден в φ при некоторых условиях оценки и при тех же условиях также убежден в том, что из φ следует ψ , влечет, что он убежден в ψ . (Здесь слово «убежден» следует понимать как активную убежденность, если в формуле вместо $B_{\star}$ везде фигурирует B_A , и как пассивную убежденность, если там фигурирует B_P соответственно.)

Доказательство: (для B_A) 1. $B_A \varphi$ [Нур.]; 2. $B_A (\varphi \rightarrow \psi)$ [Нур.]; 3. $B_A (\varphi \wedge (\varphi \rightarrow \psi))$ [из 1 и 2 по С]; 4. $\varphi \wedge (\varphi \rightarrow \psi) \rightarrow \psi$ [проп.]; 5. $\Box (\varphi \wedge (\varphi \rightarrow \psi) \rightarrow \psi)$ [из 4 по S5]; 6. B_A [из 2 по Ax1]; 7. $B_A \psi^-$ [из 6 по Def. φ^-]; 8. $B_A \psi$ [из 3, 5, 7 по Ax2]. (Для B_P аналогично.)

В эпистемической логике свойство, аналогичное локальной дедуктивной замкнутости, называется замкнутостью относительно известной (known) импликации. Многие системы эпистемической логики имеют это свойство, и это не считается их недостатком. Однако можно привести аргументы в пользу того, чтобы попытаться избежать появления локальной дедуктивной замкнутости в тех формальных системах, которые предназначены для моделирования убеждений реальных агентов. Например, итерированное применение (1) гарантирует, что если агент убежден в посылах некоторого строгого доказательства и считает верным каждый шаг этого доказательства в отдельности, то он будет убежден и в заключении. Иначе говоря, наши агенты должны корректно использовать Modus Ponens «внутри» своей системы убеждений. Это требование выглядит вполне обоснованным и даже желательным, пока мы рассматриваем его на уровне теории. Вместе с тем оно показывает, что способности агента к дедуктивному выводу в данной логике трактуются как спонтанные, «автоматически» применяемые ко всему подряд и не требующие никаких дополнительных ресурсов, даже времени. Количество убеждений, которыми обладает каждый агент в каждый момент времени, согласно локальной дедуктивной замкнутости, является бесконечным, причем даже количество активных убеждений, не говоря уже о пассивных. Ясно, что это значительная идеализация.

Еще более сильную идеализацию означает следующая теорема.

Ограниченная дедуктивная замкнутость:

(2) $\Box (\varphi \rightarrow \psi) \vdash B_{\star} \varphi \wedge B_{\star} \psi^- \rightarrow B_{\star} \psi$.

Необходимая импликация между φ и ψ влечет, что если агент убежден в φ при некоторых условиях оценки и при тех же условиях он схватывает тематику ψ , то он убежден в ψ . (Здесь слово «схватывает» следует понимать как активное оперирование данной тематикой («думать про это»), если в формуле вместо $B_{\star}$ везде фигурирует B_A , и как пассивное владение ею («знать, о чем

это»), если там фигурирует B_P соответственно; и относительно понимания слова «убежден» релевантно то же самое, что и в примечании к (1).)

Доказательство: (для B_A) 1. $\Box(\varphi \rightarrow \psi)$ [Нур.]; 2. $B_A \varphi$ [Нур.]; 3. $B_A \psi^-$ [Нур.]; 4. $B_A \psi$ [из 1, 2, 3 по Ax2]; 5. $B_A \varphi \wedge B_A \psi^- \rightarrow B_A \psi$ [из 4, элим. 2, 3]. (Для B_P аналогично.)

Хотя это и не логическое всеведение, кажется, что мы подходим уже достаточно близко к нему. Чтобы стало ясно, в чем здесь проблема, рассмотрим это свойство в контексте приведенного выше примера про шахматы. Допустим, φ будет большой конъюнкцией пропозиций, описывающих положение фигур на доске и правила игры в шахматы, а ψ будет пропозицией, что Qe7 при данной позиции является началом выигрышной стратегии. Между этими пропозициями существует необходимая импликация, что означает выполнение посылки теоремы об ограниченной дедуктивной замкнутости. Далее, наш агент видит позицию на доске и знает правила игры, а значит, он убежден, что φ . Кроме того, он рассматривает последовательно все ходы, возможные при данной позиции, в том числе и Qe7, с целью найти тот ход, который привел бы его к выигрышу. Можно сказать поэтому, что он в какой-то момент задумывается и о том, истинно ли ψ . Тогда, согласно ограниченной дедуктивной замкнутости, агент должен быть убежден, что ψ истинно. Однако он все же делает другой ход, что невозможно объяснить с помощью обсуждаемого формализма. Как видим, логика эффектов фрейминга имеет применительно к этому примеру ровно те же затруднения, что и мультимодельный подход.

Что на это могут ответить сторонники данных подходов? Есть как минимум два варианта. Во-первых, они могут сказать, что в нашем примере недостаточно тонко различены состояния агента. То, что агент в один и тот же относительно короткий период времени обдумывает все пропозиции, являющиеся конъюнктами в φ , а также пропозицию ψ , не означает, что он *знает* всю конъюнкцию φ в пределах одного и того же состояния, а тем более не означает, что он обдумывает ψ в пределах этого же состояния. Даже если считать, что множество возможностей, которые он рассматривает в это время, не изменяется, можно сказать, что изменяются рассматриваемые им топики, и ни в одном из случаев не активируется такой ячейки памяти, топик которой включал бы все топики, необходимые для перехода к убеждению, что ψ . Подобная стратегия, кажется, подразумевается в [20. Р. 10], в примечании 9. Однако это не очень убедительная стратегия, поскольку она может быть опровергнута более простыми примерами такого рода. Та же самая теорема Ферма представляет собой настолько простое предложение, что кажется весьма контринтуитивным предполагать, что в процессе его восприятия и обдумывания агент пребывает в нескольких разных состояниях.

Во-вторых, сторонник логики эффектов фрейминга мог бы сказать, что вывод, который мы получили, правильный, но он не является причиной для того, чтобы отвергать обсуждаемый формализм. Нужно просто подобрать более точную его интерпретацию. Такой ход часто используется в семантике пропозициональных установок. Пример подал уже Я. Хинтика, который в более поздних своих работах писал, что логика, которую он построил в [3], является не логикой собственно знания и убеждения, а логикой чего-то вроде

информированности [21. Р. 26]. Например, мы могли бы говорить, что операторы B_A и B_P выражают не то, какие активные и пассивные убеждения агент фактически имеет, а то, какие убеждения он мог бы иметь при данных условиях оценки «при наилучшем раскладе», так сказать. В конце концов, на способность рационального агента к производству определенного вывода влияет не только сама логическая возможность такого вывода для него, но и то, насколько агент опытен в этом деле, насколько он доверяет своим логическим способностям, насколько он в состоянии сосредоточиться в данный момент и т.д. Ничего из этих факторов не отражено в том объяснении, которое дает нам логика эффектов фрейминга, поэтому неудивительно, что объяснение является частичным. Вместе с тем даже частичное объяснение лучше, чем никакого, и если сравнить то частичное объяснение, которое давала нам доксистическая логика Хинтикки, с объяснением логики эффектов фрейминга, очевидно, что последняя объясняет намного больше.

Во многом с тем, что сказано в предыдущем абзаце, можно с готовностью согласиться. Логика (по крайней мере, логика эффектов фрейминга) действительно не предназначена для того, чтобы быть формализацией полной психологической теории в области убеждений или в какой бы то ни было области. Она просто решает другие задачи. Однако, коль скоро в качестве интерпретации логических формул используются психологические понятия, критика выводов, полученных в рамках логики, за то, что они не вполне соответствуют психологической реальности, должна считаться правомерной. В конце концов, именно подобного рода критика привела к появлению подходов, альтернативных подходу Я. Хинтикки, в частности к появлению самой логики эффектов фрейминга. Надо полагать, что и в дальнейшем такая критика способна играть стимулирующую роль. Именно для этого я ее здесь привожу.

Дополнительно для активных убеждений в логике эффектов фрейминга можно вывести следующую теорему:

$$(3) \vdash B_A \varphi \rightarrow \Diamond \varphi.$$

Если агент активно убежден в чем-то, то это возможно.

Доказательство: 1. $B_A \varphi$ [Нур.]; 2. $\neg \Diamond \varphi$ [Нур.]; 3. $\Box \neg \varphi$ [из 2 по Def. $\Diamond$]; 4. $\Box(\varphi \rightarrow \neg \varphi)$ [из 3 по S5]; 5. $B_A \bar{\varphi}$ [из 1 по Ax1]; 6. B_A [из 5 по Def. $\bar{\varphi}$]; 7. $B_A \neg \varphi$ [из 1, 4, 6 по Ax2]; 8. $\neg B_A \neg \varphi$ [из 1 по D]; 9. $B_A \neg \varphi \wedge \neg B_A \neg \varphi$ [из 7, 8]; 10. $\Diamond \varphi$ [из 9, элим. 2]; 11. $B_A \varphi \rightarrow \Diamond \varphi$ [из 10, элим. 1].

Сама по себе выводимость формулы, представленной в (3), кажется достаточно безобидным свойством данной логики. Более того, она имеет простое семантическое объяснение. Поскольку условием истинности формул вида $B_A \varphi$ относительно ячейки памяти O_a является конъюнкция, один из конъюнктов которой гласит, что φ должно быть истинно на множестве O , и поскольку в определении ячейки памяти сказано, что множество O непусто, отсюда следует, что если $B_A \varphi$ истинно, то существует, по крайней мере, один мир, в котором истинно φ . А поскольку условием истинности формул вида $\Diamond \varphi$ является как раз существование такого мира, получаем, что $\Diamond \varphi$ истинно. Все вполне закономерно и понятно. Однако оказывается, что теорема (3) имеет крайне проблематичные в философском смысле следствия. Я рассмотрю три из них.

Первым следствием (3) является выводимость формулы, которую можно считать формализацией так называемого *принципа следования возможности из «мыслимости»*¹:

$$(3a) \vdash B_A \Diamond \varphi \rightarrow \Diamond \varphi.$$

Если агент активно убежден в возможности чего-то, то это действительно возможно.

Доказательство: 1. $B_A \Diamond \varphi$ [Нур.]; 2. $\Diamond \varphi$ [из 1 по (3)]; 3. $\Diamond \varphi$ [из 2 по S5].

Принцип следования возможности из «мыслимости» или «представимости» (conceivability) известен еще со времен средневековой философии, и он еще с тех пор вызывал у философов обоснованные сомнения. Кажется, это означает что-то слишком сильное – что реальность каким-то образом зависит от мышления. Не вдаваясь здесь в эти дискуссии, можно отметить, по крайней мере, что данный принцип предъявляет весьма сильные требования к тому, как агент понимает модальности. Более отчетливо это проявляется, если рассмотреть другое следствие (3), близкое по смыслу к обсуждаемому принципу:

$$(3b) \vdash \neg \Box \varphi \rightarrow \neg B_A \Box \varphi.$$

Агент не убежден в необходимости того, что не является необходимым.

Доказательство: 1. $B_A \Box \varphi$ [Нур.]; 2. $\Diamond \Box \varphi$ [из 1 по (3)]; 3. $\Box \varphi$ [из 3 по S5]; 4. $B_A \Box \varphi \rightarrow \Box \varphi$ [из 3, элим. 1]; 5. $\neg \Box \varphi \rightarrow \neg B_A \Box \varphi$ [из 4 по контрапозиции].

Это означает не что иное, как *инфаллибилизм в области дедуктивных наук*. Согласно данной логике, агент не может, например, ошибаться в доказательствах: ведь если ошибочное доказательство он примет за верное, то сочтет, что полученный им результат имеет необходимый характер, что противоречит сказанному в (3b). Причем, обратим внимание, агент не только не может *знать* о необходимости того, что необходимым не является (что было бы вполне оправданным выводом, если бы мы придерживались классической инфаллибилистской концепции знания). Он не может быть *убежденным* в необходимости этого, что почти полностью стирает различие между знанием и убеждением применительно к области дедуктивных наук. Между тем, думается, никто не станет спорить, что в логике и математике (как дисциплинах) убеждения присутствуют и играют роль, существенную и отчетливо отличимую от той роли, которую в этих дисциплинах играет знание. Доказательства, даже ошибочные, могут быть убедительными и могут пользоваться *доверием*. Так, мы не всегда проверяем доказательства теорем, встречающихся в учебниках, поскольку полагаем, что до нас их проверило уже много людей, в том числе специалистов в этой области, и вероятность ошибки крайне мала. И тем не менее такая вероятность есть, потому что все мы люди, а люди могут ошибаться.

Еще более подозрительной выглядит теорема, которую я буду называть *теоремой о необходимости «мыслимо» необходимого*:

$$(3c) \vdash B_A \Diamond \Box \varphi \rightarrow \Box \varphi.$$

Если агент активно убежден в возможности чего-то как необходимого, то это действительно является необходимым.

¹ Под «мыслимостью» здесь и далее я понимаю, в соответствии с традицией употребления этого понятия, то, что некоторый агент схватывает содержание φ как такое, которое не содержит в себе противоречия и, следовательно, является возможным в логическом смысле.

Будучи непосредственным следствием подстановочного случая теоремы (3) по S5, теорема о необходимости «мыслимо» необходимого существенно отличается от (3) по тому, какой смысл из нее вычитывается. В частности, философ при взгляде на формулу в (3с) сразу заметит сходство ее с логической формой хорошо известного и крайне дискуссионного доказательства, а именно онтологического доказательства бытия Бога. Конечно, для того чтобы получить из этой формы само доказательство, требуется провести сначала большую концептуальную работу, и тем не менее появление формул такого рода в качестве доказуемых в логике эффектов фрейминга показывает, что данная логика может иметь серьезные и не для всех приемлемые философские следствия. Думается, этот вопрос стоило бы исследовать более подробно.

Есть еще несколько интересных свойств логики эффектов фрейминга, таких как прямая и обратная интроспекция для активных и пассивных убеждений, обратная негативная интроспекция для активных убеждений и т.д. Но эти свойства не относятся к теме настоящей статьи, поэтому они не будут здесь обсуждаться.

5. Заключение

Резюмируя сказанное выше, можно заключить, что логика эффектов фрейминга в том виде, в котором она представлена в статье Ф. Берто и А. Озгюн, действительно успешно справляется с проблемой эффектов фрейминга на пропозициональном уровне, а вот с проблемой логического всеведения справляется несколько хуже. Таких очевидно чрезмерных идеализаций, как замкнутость системы убеждений относительно необходимой импликации и убеждение во всех необходимо истинных пропозициях, данная логика не поддерживает. Однако те свойства убеждений, которые в ней доказываются (а именно локальная и ограниченная дедуктивная замкнутость, а также свойства (3а)–(3с) для активных убеждений), все же очень сильны и не всеми могут считаться приемлемыми.

В качестве предположения о том, как можно дополнительно ограничить рациональность агента, моделируемую в логике эффектов фрейминга, и тем самым увеличить ее объяснительные возможности, можно рассмотреть расширение этой логики до логики первого порядка с индексикалами. Попытки использования индексикальной стратегии для объяснения эффектов фрейминга и информативности необходимо истинных предложений уже предпринимались, например, в [7] и выглядят достаточно убедительными. Им недоставало лишь хорошей формализации. Думается, тот формализм, который используют Ф. Берто и А. Озгюн, вполне совместим с индексикальностью.

В действительности элементы индексикальной стратегии уже имплицитно применялись выше при интерпретации результатов, которые в формальном виде дает логика эффектов фрейминга – конкретно для объяснения затруднений агента с задачей « $\sqrt{1089} = ?$ ». Как отмечает при разборе этого примера Дж. Перри в своей книге, правильно решить задачу агенту мешает не отсутствие у него знания об истинности пропозиции, что $\sqrt{1089} = 33$ как таковое. Наиболее непосредственно агенту не хватает знания, что *это число* (т.е. число, которое является ответом на задание) имеет имя «33» [7. Р. 144]. Содержание такого знания не является необходимо истинной пропозицией, и потому неосведомленность агента в данном случае вообще не представляла бы собой объяснительной проблемы с точки зрения семантики возможных

миров. Таким образом, проблема лишь в том, чтобы понять, как нужно модифицировать имеющуюся семантику, чтобы она была способна работать с «внутренними» индексикалами¹, подобными *этому числу*. Очевидно, что началом движения к этой цели должно быть преобразование ее в семантику для логики первого порядка.

Существуют, конечно, и другие стратегии борьбы с логическим всеведением в рамках общего подхода семантики возможных миров (например, введение невозможных миров и/или каких-то ограничений на длину логического вывода). Однако эти стратегии дают семантику, которая достаточно сложно формализуется и имеет свои проблемы. На мой взгляд, важное преимущество логики эффектов фрейминга в этом смысле состоит в том, что она имеет не только интуитивно понятную и обоснованную концептуальными соображениями семантику, но и аксиматику, для которой даже доказаны теоремы о корректности и полноте. Можно надеяться, что в том случае, если эта логика будет расширена, по крайней мере, до логики первого порядка, ее также будет достаточно легко аксиоматизировать, что обеспечивает возможность вывода в ней интересных и в формальном, и в содержательном смысле теорем.

Список источников

1. *Kahneman D., Tversky A.* Choices, Values, and Frames // *American Psychologist*. 1984. Vol. 39. P. 341–50.
2. *Kahneman D.* Thinking: fast and slow. London : Penguin, 2011.
3. *Hintikka J.* Knowledge and Belief: An Introduction to the Logic of the Two Notions. Ithaca, New York : Cornell University Press, 1962.
4. *Berto F., Özgün A.* The Logic of Framing Effects // *Journal of Philosophical Logic*. 2021. <https://doi.org/10.1007/s10992-022-09694-0>
5. *Stalnaker R.C.* Inquiry. Cambridge, Mass. : MIT / Bradford Books, 1984.
6. *Stalnaker R.* Propositions // *Issues in the Philosophy of Language* / ed. by Alfred Mackay and Daniel Merrill. New Haven : Yale Press, 1976.
7. *Perry J.* Knowledge, Possibility and Consciousness. Cambridge, MA : MIT Press, 2001.
8. *Soames S.* Substitutivity // *On Being and Saying: Essays in Honor of Richard Cartwright* / ed. by J.J. Thomson. Cambridge, Mass. : MIT Press, 1988.
9. *Salmon N.U.* Frege's Puzzle. Cambridge, MA : MIT Press, 1986.
10. *Schiffer S.* Naming and Knowing // *Midwest Studies in Philosophy*. 1977. Vol. II. P. 28–41.
11. *Schiffer S.* Belief Ascription // *The Journal of Philosophy*. 1992. Vol. 89, № 10. P. 499–521.
12. *Мусеева А.Ю.* De re приписывания убеждений и спецификация понятий // *Философия науки*. 2016. № 4 (71). С. 40–56.
13. *Schiffer S.* The Basis of Reference // *Erkenntnis*. 1978. № 13. P. 171–206.
14. *Schiffer S.* The 'Fido'-Fido Theory of Belief // *Philosophical Perspectives*. 1987. Vol. 1. Metaphysics. P. 455–480.
15. *Salmon N.U.* Illogical Belief // *Philosophical Perspectives*. 1989. Vol. 3. Philosophy of Mind and Action Theory. P. 243–285.
16. *Lewis D.* Logic for Equivocators // *Noûs*. 1982. Vol. 16. P. 431–441.
17. *Berto F., Jago M.* Impossible Worlds. Oxford : Oxford University Press, 2019. <http://dx.doi.org/10.1093/oso/9780198812791.001.0001>
18. *Yablo S.* Aboutness. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2014.
19. *Berto F.* Aboutness in imagination // *Philosophical Studies*. 2018. Vol. 175. P. 1871–1886.
20. *Hawke P., Özgün A., Berto F.* The Fundamental Problem of Logical Omniscience // *Journal of Philosophical Logic*. 2019. <https://doi.org/10.1007/s10992-019-09536-6>
21. *Hintikka J.* Socratic Epistemology: Explorations of Knowledge-Seeking by Questions. Cambridge : Cambridge University Press, 2007.

¹ Под внутренними индексикалами Перри понимает знаки, которые заводятся агентом в рамках его внутреннего идиолекта и указывают на некоторый объект посредством его роли в определенном контексте, в рамках которого агент этот объект воспринимает.

References

1. Kahneman, D. & Tversky, A. (1984) Choices, Values, and Frames. *American Psychologist*. 39. pp. 341–50.
2. Kahneman, D. (2011) *Thinking: Fast and Slow*. London: Penguin.
3. Hintikka, J. (1962) *Knowledge and Belief: An Introduction to the Logic of the Two Notions*. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press.
4. Berto, F. & Özgün, A. (2021) The Logic of Framing Effects. *Journal of Philosophical Logic*. 52. pp. 939–962. DOI: 10.1007/s10992-022-09694-0
5. Stalnaker, R.C. (1984) *Inquiry*. Cambridge, Mass.: MIT / Bradford Books.
6. Stalnaker, R. (1976) Propositions. In: Mackay, A. & Merrill, D. (eds) *Issues in the Philosophy of Language*. New Haven: Yale Press.
7. Perry, J. (2001) *Knowledge, Possibility and Consciousness*. Cambridge, MA: MIT Press.
8. Soames, S. (1988) Substitutivity. In: Thomson, J.J. (ed.) *On Being and Saying: Essays in Honor of Richard Cartwright*. Cambridge, Mass.: MIT Press.
9. Salmon, N.U. (1986) *Frege's Puzzle*. Cambridge, MA: MIT Press.
10. Schiffer, S. (1977) Naming and Knowing. *Midwest Studies in Philosophy*. 2. pp. 28–41.
11. Schiffer, S. (1992) Belief Ascription. *The Journal of Philosophy*. 89(10). pp. 499–521.
12. Moiseeva, A.Yu. (2016) De re pripisyvaniya ubezhdeniy i spetsifikatsiya ponyatiy [De re ascriptions of beliefs and notion specification]. *Filosofiya nauki*. 4(71). pp. 40–56.
13. Schiffer, S. (1978) The Basis of Reference. *Erkenntnis*. 13. pp. 171–206.
14. Schiffer, S. (1987) The 'Fido'-Fido Theory of Belief. *Philosophical Perspectives*. 1. pp. 455–480.
15. Salmon, N.U. (1989) Illogical Belief. *Philosophical Perspectives*. 3. pp. 243–285.
16. Lewis, D. (1982) Logic for Equivocators. *Noûs*. 16. pp. 431–441.
17. Berto, F. & Jago, M. (2019) *Impossible Worlds*. Oxford: Oxford University Press. DOI: 10.1093/oso/9780198812791.001.0001
18. Yablo, S. (2014) *Aboutness*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
19. Berto, F. (2018) Aboutness in imagination. *Philosophical Studies*. 175. pp. 1871–1886.
20. Hawke, P., Özgün, A. & Berto, F. (2019) The Fundamental Problem of Logical Omniscience. *Journal of Philosophical Logic*. 49. pp. 727–766. DOI: 10.1007/s10992-019-09536-6
21. Hintikka, J. (2007) *Socratic Epistemology: Explorations of Knowledge-Seeking by Questions*. Cambridge: Cambridge University Press.

Сведения об авторе:

Моисеева А.Ю. – кандидат философских наук, сотрудник Русского общества истории и философии науки (Москва, Россия); научный сотрудник Международной лаборатории логики, лингвистики и формальной философии Национального исследовательского университета Высшая школа экономики (Москва, Россия). E-mail: abyssian03@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Moiseeva A.Yu. – Cand. Sci. (Philosophy), researcher, Russian Society for the History and Philosophy of Science (Moscow, Russia); research officer, HSE University (Moscow, Russia). E-mail: abyssian03@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 15.12.2023;

одобрена после рецензирования 17.01.2024; принята к публикации 04.03.2024

The article was submitted 15.12.2023;

approved after reviewing 17.01.2024; accepted for publication 04.03.2024

Научная статья

УДК

doi: 10.17223/1998863X/77/4

НОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ЕСТЕСТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ЗАДАЧАХ АВТОМАТИЗАЦИИ РАССУЖДЕНИЙ

Владимир Ильич Разумов¹, Юрий Петрович Дусь²

¹ Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, Омск, Россия,
Razumovvi@omsu.ru

² Омская духовная семинария, Омск, Россия, dusomsk@mail.ru

Аннотация. Успехи развития искусственного интеллекта находятся в прямой зависимости от естественного интеллекта. Анализируются возможности категориальной методологии в вопросах автоматизации рассуждений. В развитии новых технологий естественного интеллекта большое внимание уделяется категориальным оппозициям и триадам. Тема автоматизации рассуждений тесно связана с теорией динамических информационных систем. Работа методологии демонстрируется на примере.

Ключевые слова: автоматизация рассуждений, естественный интеллект, искусственный интеллект, категориальная методология, новые интеллектуальные технологии

Для цитирования: Разумов В.И., Дусь Ю.П. Новые технологии естественного интеллекта в задачах автоматизации рассуждений // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2024. № 77. С. 53–61. doi: 10.17223/1998863X/77/4

Original article

NEW TECHNOLOGIES OF NATURAL INTELLIGENCE IN REASONING AUTOMATION TASKS

Vladimir I. Razumov¹, Yuri P. Dus²

¹ Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russian Federation, RazumovVI@omsu.ru

² Omsk Theological Seminary, Omsk, Russian Federation, elita-family@mail.ru

Abstract. One of the most important challenges that humanity will have to answer in the 21st century is its ability to master intelligence. This provides for the elaboration of a series of questions, including the following: Are there other, non-humanoid intellectual beings? In which variants, in relation to possible extra-human forms of intelligence, is human intelligence positioned (surpasses, lags behind, competes)? Using the topic of new technologies of natural intelligence in the automation of reasoning, the authors propose to shift the emphasis from the focus on the development of artificial intelligence as a competitor and even a threat to man in its strong version, to the task of a complex development of intelligence as a cosmic phenomenon. This focus provides for such a work plan, where the audit of natural intelligence should be the beginning. An assumption is made that the untapped potential of natural intelligence is very large, and its insufficient development was due to significant advances in computer automation. The authors propose to consider the prospects that open up from the use of categorical methodology in reasoning, and especially in their automation. Categories are defined by cognitive units that organize reasoning, and concepts are forms of thought that convey the meaning and content of reasoning. The experiments of implementing categorical methodology in dual and triadic constructions are discussed. It is stated that the potential of categorical schemes in the forms

of triads is not sufficiently realized. The authors proceed from the assumption of a significant methodological potential contained in the theory of dynamic information systems (TDIS, DIS). TDIS can play the role of a base for the deployment of a categorical methodology. An example is given demonstrating the operation of a TDIS device. In conclusion, a summary is made about the expediency of the complex human development of intelligence, implemented in various ways and on a variety of natural and artificial media. A more important task, in comparison with the isolated improvement of artificial intelligence to the level of its strong version, is the work on the integration of individual intelligences. In principle, we can talk about a tremendous success in combining the computing power of computers in cloud technologies, but this is not the integration of intelligence.

Keywords: reasoning automation, natural intelligence, artificial intelligence, categorical methodology, new intelligent technologies

For citation: Razumov, V.I. & Dus, Yu.P. (2024) New technologies of natural intelligence in reasoning automation tasks. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 77. pp. 53–61. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/77/4

Введение. Мир изменился, и нет оснований утверждать, что скоро (в XXI в.?) общество перейдет к новому состоянию устойчивости. Тем не менее можно констатировать, что уже к концу XX в. определились относительно стабильные антропосоциоморфные онтологии с характерными для каждой пространством и временем, сущностями, акторами, классом специфических взаимодействий, типологией состояний, факторами, стимулирующими и угнетающими изменения, табу. Лидером перемен общества и человека представляются сейчас работы над искусственным интеллектом, координирующим также ход автоматизации, роботизации, цифровизации.

В историко-культурном процессе можно выделить несколько последовательно чередующихся участков развития¹, и в продолжении каждого из них доминирует определенный вид деятельности. Есть основания остановиться на такой исторической последовательности: повседневность, искусство, религия, наука и образование. А дальше перечень обрывается. Идет ускоренный переход к доминированию технологии и техники. Сциентизм как идеология науки формировал для человека установку на познание как деятельное отношение к природе, удовлетворяющее интерес, любопытство человека относительно того, как нечто устроено, почему реальность такова и т.д. Выходы науки в области практики и образования – это вторичные, вынужденные для ученого действия, как для технолога обращение к науке есть вынужденное действие. Технологии и техника сразу ориентированы на результат, и для них характерны вопросы: как это сделать... как добиться эффекта?.. И наука, образование особенно со 2-й половины XX в. все больше подчиняются требованиям технологизации деятельности, технической оснащенности конкретных исследований. Доминирование в историко-культурном комплексе от науки и образования переходит к новому пятому участку развития – технологиям и технике.

¹ В научной литературе часто используют словосочетание «устойчивое развитие». Оно некорректно, внутренне противоречиво, поскольку указывает на следующее: если это развитие, чем оно интенсивнее, тем значительнее изменения, тем менее устойчивой становится система; если это устойчивость, то в системе доминируют механизмы, препятствующие изменениям жизненно важных параметров системы. Затруднение устраняется при употреблении вместо «устойчивое развитие» выражения «устойчивость и развитие».

Естественный и искусственный интеллект. В настоящее время темы искусственного интеллекта, роботизации, цифровизации можно рассматривать как внешние проявления внутренних изменений в обществе. Развернувшиеся сейчас реформы отличаются от проводившихся раньше тем, что они затронут не меньшинство, как раньше, а большинство населения. Внедрение банковских карт, электронных денег, криптовалют, мобильных телефонов было таким, что это сделало недоступным их использование заметной частью населения. Расширяющееся использование искусственного интеллекта, роботизации, цифровизации, становится массовым мероприятием. Нам представляется, что реформы такого масштаба должны проводиться в обществе одновременно сверху, как в организации производства, доставки, начала потребления продукта, и снизу, в форме подготовки населения к появлению массово распространяющихся инноваций, развитию у отдельных социальных групп и общества в целом толерантности к планируемым нововведениям. В данной работе обратимся к теме связи искусственного и естественного интеллекта, в развитие чего рассмотрим, как могут решаться задачи автоматизации рассуждений. Многие из специалистов ИТ-сферы предполагают, что искусственный интеллект формируется по мере автоматизации естественных рассуждений. Существует иной подход, в русле которого человек рассматривается не эксклюзивным носителем, а только одним из обладателей интеллекта. В таком случае возникает потребность в общем логико-математическом определении интеллекта и создании теории интеллекта с соответствующими приложениями. Еще одно направление в работе над интеллектом предполагает гибридный подход к его эволюции. В этом случае естественный и искусственный интеллект в качестве компонентов включаются в особые – когнитивно-ориентированные системы [1]. В качестве близкого к приведенному выше примеру такой системы можно указать интеллектуальные системы, разработанные И.С. Ладенко и его научной школой «Интеллектуальные системы и интеллектика». Интеллектуальные системы объединяют коллектив специалистов, предметную область, вычислительные устройства, задачи, технику [2, 3].

Стратегически ошибочно рассматривать искусственный интеллект конкурентом и перспективным заменителем естественного интеллекта, обладающего существенным потенциалом в работе над информацией и знаниями. Однако недостаточно только констатировать актуальность согласований двух ветвей интеллектуальной деятельности – естественной и искусственной. Серьезным потенциалом для развития обладает естественный интеллект. Рассмотрим этот вопрос особо. Значительным препятствием в развитии искусственного интеллекта выступает серьезное отставание автоматизации рассуждений от автоматизации вычислений. Нам представляется, что первичными здесь должны выступить предложения по автоматизации рассуждений для естественного интеллекта.

Категориальная методология и ее место в автоматизации рассуждений. Под автоматизацией рассуждений будем понимать выявление и использование в мышлении алгоритмов, организующих знания определенным способом, позволяющим на конкретных структурах знания разворачивать рассуждения как специфичные логистические схемы. Такие действия доступны многократным повторениям, что позволяет масштабировать разработан-

ный когнитивный автоматизм на решение задач определенного типа. Первым успешным опытом автоматизации рассуждений является логика Аристотеля, особенно его учение о силлогизмах, формальная структура которых в типах комбинаций фигур и модусов играла роль таких алгоритмов. Завершенную форму эти поиски приобретают в 1662 г. в логике Пор-Рояля [4]. Однако отмеченная линия не применяла технических средств. Автоматизация вычислений использовала счеты разных модификаций, а в 1642 г. Б. Паскаль konstruiрует первый арифмометр. Стоит сказать и о первом механическом устройстве, позволяющем построить высказывания, сконструированном в XIV в. Раймондом Луллем.

В широком смысле под автоматизацией рассуждений будем понимать алгоритмизацию выстраивания последовательностей категорий в высказываниях, в логических структурах доказательства и опровержения; в узком смысле это стереотипизация выполнения более или менее математически осмысленных схем систем, т.е. представляющих подобные конструктивные решения на структурном и функциональном уровнях. Такие конструкции представляют собой имитационные модели. Они объединяют структурный и функциональный аспекты представления объекта в модели. Эмерджентным свойством имитационной модели является то, что на ней доступно проведение вычислительных экспериментов, позволяющих лучше понять и спрогнозировать варианты протекания в объекте изучаемых процессов.

Схемы позволяют подготовить смылосодержательный материал к его последующему формально-логическому выражению. Для того чтобы реализовать предлагаемый здесь проект автоматизации рассуждений, потребуется принять утверждение о том, что единицы знания разделяются на две группы: понятий, несущих смысл и содержание об объекте в знаниевых формах; категорий, комбинациями которых организуются рассуждения. К примеру, больший, средний, меньший термины (P, M, S) простого категорического силлогизма представляют категории в нашем понимании, а посылки и вывод есть суждения, составленные из понятий.

От полярizingующих оппозиций к компенсирующим триадам. Ведущим для интеллектуалов организационным принципом в работе со знаниями с древности и по настоящее время выступает оппозиционность. Она проявляется созданием пар категорий, выстраивающих все остальное знание определенным образом. Друзья/враги, любовь/ненависть, процветание/застой, идеальное/материальное, колония /метополия, здоровый/больной, субъект/объект, активное/пассивное, устойчивость/развитие, уместное/неуместное, и список можно продолжить. С помощью таких оппозиций организуют семиотическое пространство рассуждения таким образом, чтобы смыслы и содержания, передаваемые оппозициями в каждой категориальной оппозиции, выступали своеобразным маршрутизатором семиотического ресурса. Категориальные оппозиции обеспечивают или констатируют неравномерность распределения какого-либо физического или семиотического ресурса. Это вызывает ускорение изменений в соответствующих системах. Большая часть изменений подобного типа является катастрофой, обусловленной быстрым перераспределением ресурсов. Несмотря на масштабность описываемых перемен, если не произошел выход социальной системы за пределы актуальных для него оппозиций, к примеру, таких: друзья/враги, любить/ненавидеть,

справедливое/несправедливое, угнетатели/угнетенные, субъект/объект, активное/пассивное, устойчивость/развитие, то сменится характер данного общества, но, по существу, внутренний конфликт сохранится. Ускоренные перемены такой природы будут свойственны не только социальным, но и любым другим системам. Оппозиция выражает состояние неустойчивости. Переход в устойчивое состояние происходит, когда к оппозиции подключается третий компонент, но такой, что он, не образуя с оппозицией трехкомпонентную систему, оказывает на нее управляющее воздействие. К примеру, в период 30–50-х гг. XX в. развитие биологии в СССР определялось противодействием групп акторов, одну из которых возглавлял Н.И. Вавилов, другой руководил Т.Д. Лысенко. Для оппозиции биологов управляющим воздействием становится политическое решение руководства СССР об осуждении Вавилова и признании правоты за группой Лысенко.

Особое место среди категориальных оппозиций занимают компенсационные гомеостаты, разрабатываемые в ветви кибернетики – гомеостатике [5]. Такие гомеостаты представляют собой схематически два черных ящика, соединенных перекрестными обратными связями. В зависимости от положительного или отрицательного характера обратных связей для компенсационного гомеостата характерны четыре режима: с взаимным усилением (обе обратные связи положительные), с взаимным ослаблением (обе обратные связи отрицательные), с усилением первого черного ящика и с ослаблением второго, с усилением второго черного ящика и с ослаблением первого (в одном случае обратная связь положительная, в другом случае – отрицательная). Конструкция компенсационного гомеостата определилась в ходе обсуждения проблемы: чем вызваны феномены структурного и функционального удвоения в объектах разной природы [6].

Сформулируем гипотезу: для систем любого вида и природы в дублировании нуждаются те из систем, которые по отдельности неустойчивы. При условии, что две такие неустойчивые системы соединят как компенсационный гомеостат, они вместе образуют одну устойчивую систему. Это можно аргументировать, обращаясь к примеру из экологии о том, что сохранность многих биотических сообществ поддерживается балансом жертв/хищников, а также опираясь на проведенные с участием одного из авторов данной статьи исследования по выявлению причин того, что в метаболизме человека и высших животных сосуществуют две энергетические подсистемы, конечными метаболитами в которых выступают аденозинтрифосфорная кислота (АТФ) и гуанозинтрифосфорная кислота (ГТФ). Было установлено, что только соединенными в формат компенсационного гомеостата и в тот режим, когда АТФ оказывает стимулирующее действие на синтез ГТФ, а синтез ГТФ тормозит синтез АТФ, обеспечивается устойчивость энергетического метаболизма. При этом необходимым условием выступает наличие асимметрии: скорость синтеза АТФ превосходит скорость синтеза ГТФ [7]. По аналогии: скорость размножения жертв превосходит скорость размножения хищников.

В общем виде образование компенсационных гомеостатов на базе оппозиций происходит далеко не во всех случаях. Оппозиции выражают наличие наибольших градиентов в распределении ресурса, обозначенного данной оппозицией. Поэтому оппозиции связаны с неустойчивыми состояниями, с развитием, осуществляемым в виде скачков.

В триадах одна из категорий за счет участия в перераспределении ресурса по всей триаде сглаживает развитие крайностей. Ниже приведем примеры триад категорий, обладающих значительным креативным потенциалом в науке, обучении, проектировании.

1. Для организации любых материалов к статье, выступлению, диссертации и т.п. удобно сформировать их как ответы на три вопроса: Что (характеристика предмета деятельности), Как (инструментарий, использованный для целесообразных воздействий на предмет X), Зачем (оценка действий и их результатов репрезентативным сообществом). 2. Триада категорий с выражением развертывания действия: Потенциал (накапливаемый и улучшаемый ресурс), Актуализация (мероприятие, событие, которым манифестирует данное действие), Воплощение (развертывание действия и его результат). 3. Триада категорий для задания и осмысления онтологии области исследования: Сущности (компоненты, наличие и особенности которых определяют кардинальные характеристики интересующей нас области), Взаимодействия (процессы воздействия сущностей друг на друга и на самих себя), Состояния (области устойчивости).

Двойственные и тройственные образования широко представлены в физической и семиотической реальностях, в когнитивном процессе. Однако в мышлении, отношениях и поведении люди активнее пользуются оппозициями. Вероятно, в этом заключается одна из причин неизбывных войн, агрессии, несправедливости. Но из того, что триады в сравнении с дуадами обеспечивают большее разнообразие и сложность, еще не следует, что от оппозиций имеет смысл отказаться. Стоит задуматься о том, что на уровне естественного интеллекта требуется разрабатывать теорию и практику работы с триадами. В обобщенном подходе можно рассматривать системы любой природы с 1, 2, 3, ..., n центрами управления. Без знания особенностей дуад и триад в естественном интеллекте задачи автоматизации рассуждений в искусственном интеллекте навряд ли будут решены.

В целях показать, как аппарат теории динамических информационных систем (ТДИС) открывает возможности работы с триадами и в применении к организации рассуждений, обратимся к примеру.

Методика и пример работы с триадами с применением аппарата ТДИС. Обратимся к уже введенной выше триаде категорий: Что, Как, Зачем, применяя к ней последовательно разработанные в ТДИС операции дешифровки, мутации, свертки. Дешифровка – детализация категории в тройку категорий, уточняющих ее содержание. Каждая детализирующая категория также уточняется в следующей тройке категорий. Это обозначается уровнем дешифровки: 0-й уровень – исходная категория, 1-й уровень – триада категорий, 2-й уровень – три триады...

Мутации – перестановки категорий по определенному осмысленному математически алгоритму так, чтобы образовывались новые триады категорий. На 2-м уровне дешифровки их будет 6, а на третьем – 24.

Свертки – номинация триад категорий, образованных в ходе проведения дешифровок и мутаций.

Работа с динамическими информационными системами (ДИС) предусматривает использование двух языков: языка объекта, где мы описываем объект на адекватном ему языке (физики, медицины и т.д.); формального

языка цифровых индексов, созданных для троичного исчисления, – 0, 1, 2. Аппарат работы со знаниями на базе ТДИС находит все более широкое применение в науке, обучении, проектировании [8–10]. Получена госрегистрация на разработанный нами программный продукт [14].

С использованием изложенных выше соображений предпримем следующие дешифровки.

Что (0): 00 – имя, 01 – статус, 02 – предназначение.

Как (1): 10 – задание объекта, 11 – когнитивная база, 12 – план исследований.

Зачем (2): 20 – демонстрация новизны, 21 – оригинальность, 22 – значение для окружения.

Теперь проведем мутации, ограничиваясь здесь только теми, с помощью которых образуются только те триады, которые не повторяют триады, уже полученные от дешифровок. Сменится логика записи. Сначала мы выписываем триаду индексов, а затем подбираем для нее имя.

00, 10, 20 – сравнительный анализ с имеющимися результатами.

01, 11, 21 – баланс старое/новое.

02, 12, 22 – извлечение ресурса.

00, 22, 11 – системный эффект.

01, 20, 12 – участие в конвергенции технологий.

02, 21, 10 – участие в проекте будущего¹.

Заключение. Подводя итоги, будет уместным сослаться на то, что имеющее место противопоставление искусственного интеллекта, а особенно в сильной его версии, естественному интеллекту можно объяснить проявлением склонности к оппозиционному мышлению. Развитие интеллекта как планетарного феномена ориентирует человечество на работы над синтезом естественного и искусственного в интеллекте. ИТ следует развиваться с установкой на конвергенцию в них высоких технологий с технологиями гуманитарными (здоровый образ жизни, воспитание гармоничного человека и т.п.) и социальными (волонтерские движения, коллективные действия по обустройству территории и т.п.), т.е. теми, что делают, соответственно, лучше человека и общество.

Будет нелишним порассуждать о следующем. В человеческом мозге около 15 млрд нейронов. Сравним это число с 8 млрд населения планеты, плюс к этому компьютеры, включая микрокомпьютеры современных телефонов (около 8 млрд устройств), а также разнообразные системы связи. С учетом сказанного можно предположить, что человек и так является частью некой мега-вычислительной системы космоса. Соглашусь, что в настоящее время доказать данный тезис невозможно, но и опровергнуть тоже не удастся.

Почему ушли на периферию интересов три закона робототехники Айзека Азимова? Обсуждаются или нет вопросы о боевых роботах с искусственным интеллектом как тотальной угрозе человечеству? Напротив, представляется актуальным качественное усиление интеллекта человека, коллективов, общества в целом как посредством использования основной части вычислительных мощностей ЭВМ для решения задач оценки и эффективного применения

¹ Подбор категорий и их комбинаций осуществляется экспертным методом с различным числом экспертов. Наилучшим вариантом здесь является проведение с заинтересованными творческими людьми организационно-деловой игры, разработанной на базе ТДИС – Инсейфинга [11–13].

планетарных ресурсов, освоения космоса, усовершенствования природы человека и общества. С другой стороны, стоит очень внимательно отнестись к работам над развитием естественного интеллекта.

Список источников

1. Разумов В.И., Сизиков В.П. Естественный и искусственный интеллект и их соотношение // Вестник Омского университета. 2019. Т. 24, № 1. С. 98–105.
2. Ладенко И.С. Интеллектуальные системы и логика. Новосибирск : Наука, 1973. 172 с.
3. Ладенко И.С., Разумов В.И., Теслинов А.Г. Концептуальные основы теории интеллектуальных систем (систематизация теоретических основ интеллектики) / СО РАН Ин-т философии и права ; отв. ред. И.С. Ладенко. Новосибирск, 1994. 270 с.
4. Арно А., Николь П. Логика, или искусство мыслить / пер. с фр. В.П. Гайдамака. М. : Наука, 1991. 413.
5. Astafyev V.I., Gorski Yu.M., Pospelov D.A. Homeostatics // Cybernetics and Applied Systems. New York, 1992. P. 7–22.
6. Gorski Y., Razumov V.I. Teslinov A. Kybernetes // The International Journal of Systems and Cybernetics. 1999. Vol. 28, № 8 and 9. P. 929–938.
7. Gorski Yu.M., Zolin P.P., Stepanov A.M., Razumov V.I. Proceedings on Knowledge Transfer, held July 14–16, 1997 at The School of Oriental and African Studies, University of London, UK. Vol. 2. P. 90–95.
8. Разумов В.И., Рыженко Л.Н., Сизиков В.П. Автоматизация интеллектуальной деятельности // Философия науки. 2013. № 4 (59). С. 125–135.
9. Разумов В.И., Сизиков В.П. Автоматизация рассуждений: программирование мутаций ДИС-компьютера уровня 2 // Сибирский философский журнал. 2016. Т. 14, № 1. С. 53–69.
10. Боуш Г.Д., Разумов В.И. Методология научного исследования (в кандидатских и докторских диссертациях) : учебник. М. : ИНФРА-М, 2020. 227 с.
11. Дусь Ю.П., Поминов Д.Ю., Разумов В.И., Рыженко Л.И., Сизиков В.П., Цой В.Г. Приложения аппарата ТДИС в управлении коммуникациями (с выходом на разработку Инсейфинга) // Вестник Омского университета. 2013. № 4. С. 253–259.
12. Dus Yu.P., Pomminov D.Yu., Razumov V.I., Ryzhenko L.I., Sizikov V.P., Tsoy V.G. Insafing: new promising form of intellectual communications // International Journal of Management, Knowledge and Learning. 2014. № 3. P. 25–42.
13. Dus Yu., Ryzhenko L., Sizikov V. Insafing – new intellectual technology of group work // Journal Psychologie des Alltagshandelns / Psychology of Everyday Activity. 2018. Vol. 11, № 2. P. 15–24.
14. Свидетельство о госрегистрации программы для ЭВМ № 2023680436. «Программирование перестановок категорий в рассуждениях на базе теории динамических информационных систем (ТДИС)» / Правообладатель: Разумов Владимир Ильич (RU). Автор: Разумов Владимир Ильич (RU). Дата госрегистрации в Реестре программ для ЭВМ: 29 сентября 2023 г.

References

1. Razumov, V.I. & Sizikov, V.P. (2019) Estestvennyy i iskusstvennyy intellekt i ikh sootnoshe-nie [Natural and artificial intelligence and their relationship]. *Vestnik Omskogo universiteta*. 24(1). pp. 98–105.
2. Ladenko, I.S. (1973) *Intellektual'nye sistemy i logika* [Intelligent Systems and Logic]. Novosi-birsk: Nauka.
3. Ladenko, I.S., Razumov, V.I. & Teslinov, A.G. (1994) *Kontseptual'nye osnovy teorii intellektual'nykh sistem (sistemizatsiya teoreticheskikh osnov intellektiki)* [Conceptual foundations of the theory of intellectual systems (systematization of the theoretical foundations of intelligence)]. Novosibirsk: SB RAS.
4. Arno, A. & Nicole, P. (1991) *Logika, ili iskusstvo myslit'* [Logic, or the art of thinking]. Trans-lated from French by V.P. Gaydamak. Moscow: Nauka.
5. Astafyev, V.I., Gorski, Yu.M. & Pospelov, D.A. (1992) Homeostatics. In: Negoita, C.V. (ed.) *Sybernetics and Applied Systems*. New York: Routledge. pp. 7–22.
6. Gorski, Y., Razumov, V.I. & Teslinov, A. (1999) Kybernetes. *The International Journal of Systems and Cybernetics*. 28(8/9). pp. 929–938.

7. Gorsky, Yu.M., Zolin, P.P., Stepanov, A.M. & Razumov, V.I. (1997) *Proceedings on Knowledge Transfer, held July 14–16, 1997 at The School of Oriental and African Studies, University of London, UK*. Vol. 2. pp. 90–95.

8. Razumov, V.I., Ryzhenko, L.N. & Sizikov, V.P. (2013) Avtomatizatsiya intellektual'noy deyatel'nosti [Automation of intellectual activity]. *Filosofiya nauki*. 4(59). pp. 125–135.

9. Razumov, V.I. & Sizikov, V.P. (2016) Avtomatizatsiya rassuzhdeniy: programmirovaniye mutatsiy DIS-komp'yutera urovnya 2 [Automation of reasoning: programming mutations of a level 2 DIS computer]. *Sibirskiy filosofskiy zhurnal – The Siberian Journal of Philosophy*. 14(1). pp. 53–69.

10. Boush, G.D. & Razumov, V.I. (2020) *Metodologiya nauchnogo issledovaniya (v kandidatskikh i doktorskikh dissertatsiyakh)* [Methodology of scientific research (in candidate and doctoral dissertations)]. Moscow: INFRA-M.

11. Dus, Yu.P., Pominov, D.Yu., Razumov, V.I., Ryzhenko, L.I., Sizikov, V.P. & Tsoy, V.G. (2013) Prilozheniya apparata TDIS v upravlenii kommunikatsiyami (s vykhodom na razrabotku Insey-finga) [Applications of the TDIS apparatus in communications management (with access to the development of Insensing)]. *Vestnik Omskogo universiteta*. 4. pp. 253–259.

12. Dus, Yu.P., Pominov, D.Yu., Razumov, V.I., Ryzhenko, L.I., Sizikov, V.P. & Tsoy, V.G. (2014) Insafing: new promising form of intellectual communications. *International Journal of Management, Knowledge and Learning*. 3. pp. 25–42.

13. Dus, Yu., Ryzhenko, L. & Sizikov, V. (2018) Insafing – new intellectual technology of group work. *Journal Psychologie des Alltagshandelns / Psychology of Everyday Activity*. 11(2). pp. 15–24.

14. Razumov, V.I. (2023) *Svidetel'stvo o gosregistratsii programmy dlya EVM № 2023680436. "Programmirovaniye perestanovok kategoriy v rassuzhdeniyakh na baze teorii dinamicheskikh informatsionnykh sistem (TDIS)"* [Certificate of state registration of a computer program No. 2023680436. "Programming permutations of categories in reasoning based on the theory of dynamic information systems (TDIS)"]. Copyright holder: Vladimir Ilyich Razumov (RU). State registration date in the Register of Computer Programs is September 29, 2023.

Сведения об авторе:

Разумов В.И. – доктор философских наук, профессор кафедры теологии, философии и культурологии Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского (Омск, Россия). E-mail: Razumovvi@omsu.ru.

Дусь Ю.П. – доктор экономических наук, профессор Омской духовной семинарии, кафедры гуманитарных дисциплин (Омск, Россия); директор ООО «Семейный медицинский центр „Элита Фэмили“» (Омск, Россия). E-mail: dusomsk@mail.ru.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Razumov V.I. – Dr. Sci. (Philosophy), professor, professor of the Department of Theology, Philosophy and Culturology. Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russian Federation). E-mail: RazumovVI@omsu.ru

Dus Yu.P. – Dr. Sci. (Economics), professor of the Department of Humanities of Omsk Theological Seminary (Omsk, Russian Federation); director of the LLC Family Medical Center “Elita Family” (Omsk, Russian Federation). E-mail: elita-family@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 15.12.2023;
одобрена после рецензирования 17.01.2024; принята к публикации 04.03.2024
The article was submitted 15.12.2023;
approved after reviewing 17.01.2024; accepted for publication 04.03.2024

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

Научная статья
УДК 930.1
doi: 10.17223/1998863X/77/5

НА ПЕРЕЛОМЕ: Ф.А. СТЕПУН О РЕВОЛЮЦИИ 1917 г. И СОВЕТСКОМ СТРОИТЕЛЬСТВЕ В РОССИИ

Лидия Александровна Гаман

*Северский технологический институт – филиал Национального исследовательского
ядерного университета «Московский инженерно-физический институт» (СТИ НИЯУ
МИФИ), Москва, Россия, GamanL@yandex.ru*

Аннотация. Рассматриваются историко-философские и религиозные представления Ф.А. Степуна (1884–1965) о революции 1917 г. в России и советском строительстве первых пореволюционных лет, подчеркивается большая их сложность и противоречивый характер. Отмечается своеобразие его исследовательской стратегии, междисциплинарной по характеру. Анализируются его представления о предпосылках и своеобразии Февральской и Октябрьской революций и советского строительства.

Ключевые слова: Россия, религиозно-философская мысль, революция, советское строительство

Для цитирования: Гаман Л.А. На переломе: Ф.А. Степун о революции 1917 г. и советском строительстве в России // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2024. № 77. С. 62–71. doi: 10.17223/1998863X/77/5

HISTORY OF PHILOSOPHY

Original article

AT THE TURNING POINT: FYODOR STEPUN ABOUT THE 1917 REVOLUTION AND SOVIET CONSTRUCTION IN RUSSIA

Lydia A. Gaman

*Seversk Institute of Technology – branch of the National Research Nuclear University MEPhI
(Moscow Engineering Physics Institute), Seversk, Russian Federation, GamanL@yandex.ru*

Abstract. The aim of the article is to highlight the historical, philosophical and religious views of Fyodor Augustovich Stepun (1884–1965), a scientist, philosopher, Christian thinker, about the 1917 Revolution and post-revolutionary Soviet construction in Russia. The relevance of the topic is justified, and the necessity of its further study is emphasized. The author characterizes the corpus of sources, including Stepun's works of different years that comprehend this topic. The author emphasizes the interdisciplinary nature of Stepun's research strategy that combines scientific methods of knowledge, such as the critical method, the method of ideal-typical construction, the biographical method, the method of philosophical criticism of literary texts, and the main provisions of religious symbolism,

which implies the study of history in the context of higher religious ideas. Based on such an interdisciplinary approach, Stepun considered the revolution as a religious and historical tragedy of the Russian people and the Christian world as a whole, while paying attention to a careful study of the factual material. Stepun's ideas about the causes of the Revolution of 1917 are highlighted, in the structure of which he attributed a key place to the counterproductive policy of the Russian autocracy and World War I, which was unsuccessful for Russia. The complexity of Stepun's ideas about the February and October revolutions is emphasized. Attention is focused on his positive attitude to the February Revolution, the main goal of which was the democratization of the Russian political system. Stepun also accepted the October Revolution, which raised the world-wide theme of socialism, connected, in his opinion, with the Christian project of the transformation of the world. The thinker's ideas about the religious consciousness of the people as a factor of their political activity in the revolutionary epoch are analyzed. A positive attitude is observed. Stepun's ideas about the revolutionary game, in his interpretation reflecting the population's search for forms of social adaptation in the first post-revolutionary years, are considered. His deep rejection of Bolshevism as a political system with its God-fighting and class ideology, which contributed to the widespread state violence and immoralism in the country, is emphasized. It is concluded that Stepun's conception of the 1917 Revolution and Soviet construction in Russia is meaningful, and that it is relevant to contemporary Russian society.

Keywords: Russia, religious and philosophical thought, revolution, Soviet construction

For citation: Gaman, L.A. (2024) At the turning point: Fyodor Stepun about the 1917 revolution and soviet construction in Russia. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 77. pp. 62–71. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/77/5

Революция 1917 г. в России, обусловившая цивилизационный разлом в стране, повлиявшая на всю систему международных отношений в XX в., не перестает привлекать внимание исследователей. В этой связи сохраняется устойчивый научный интерес к объяснительным версиям перехода от имперского периода российской истории к советскому, созданным представителями русской религиозно-философской мысли первой половины XX в. Одним из ярких ее представителей является Федор Августович Степун (1884–1965), русский и немецкий ученый, философ, христианский мыслитель, автор целого ряда работ, посвященных историко-философскому и религиозному осмыслению революции 1917 г. в России и ее многоплановых последствий в режиме «долгого времени».

Предваряя дальнейшее изложение, подчеркнем «жизнетворческий» характер построений Ф.А. Степуна, в частности значение его жизненного опыта для его осмысления революции 1917 г. и развития России в переломную эпоху от империи к Советскому государству. Философ по призванию и образованию, он имел трехлетний опыт участия в Первой мировой войне. В составе делегации от Юго-Западного фронта попал в революционный Петроград, стал активным участником Февральской революции. По своим политическим взглядам он был близок к эсерам, однако в партии эсеров никогда не состоял. Вехами его политической карьеры, продолжавшейся до октября 1917 г., стало назначение на должность начальника Политического отделения в Военном министерстве и участие в работе I Всероссийского съезда рабочих и солдатских депутатов. После Октябрьской революции Ф.А. Степун занимался философской, просветительской и театральной деятельностью, совмещая ее в голодные годы военного коммунизма с работой в сельской коммуне в подмосковном имении, что дало ему возможность непосредственно наблюдать пореволюционные трансформации в деревне. Был выслан из России в 1922 г.

в связи с идеологическим неприятием большевизма. В эмиграции он обосновался в Германии, первоначально в Дрездене. В 1926 г. принял немецкое гражданство. С 1947 г., не желая оставаться в советской зоне влияния, он переехал в Мюнхен, где работал вплоть до конца своей жизни в Мюнхенском университете Св. Людвига на основанной специально для него кафедре истории русской культуры.

Многогранное творческое наследие Ф.А. Степуна привлекало и продолжает привлекать внимание исследователей. Его представления о революции 1917 г. в России и советском строительстве затрагиваются в работах его современников М.М. Карповича [1], М.В. Вишняка [2], Ю. Иваска [3], А. Штаммлера [4] и др. В постсоветский период исследование его взглядов предпринимается в работах российских авторов А.А. Ермичева [5], В.К. Кантора [6], Р.Е. Гергеля [7], А. Киселева [8], М.Г. Вандалковской [9], Л.А. Гаман [10, 11] и др. Различные аспекты творческого наследия Ф.А. Степуна рассматриваются в коллективной монографии, подготовленной международным коллективом авторов [12].

Основными источниками для данной статьи является серия очерков Ф.А. Степуна «Мысли о России» [13], публиковавшихся на страницах «Современных записок» в 1923–1928 гг., в которых представлена панорамная картина жизни в России первых пореволюционных лет, и мемуары «Бывшее и несбывшееся» [14], содержащие его ценные свидетельства как современника и очевидца о предреволюционной России, о Первой мировой войне, о революционных событиях 1917 г. и их неоднозначных последствиях. В корпусе источников важное значение имеет ранняя работа Ф.А. Степуна «Из писем прапорщика-артиллериста» [15], в которой, в частности, отражены настроения в действующей российской армии накануне революции. Богатый материал по интересующей нас теме также содержится в его статьях 1930–1950-х гг., публиковавшихся на страницах русскоязычных эмигрантских изданий.

Свой образ революции и Советской России Ф.А. Степун создавал, опираясь на междисциплинарный подход, составными элементами которого являлись как собственно научные методы познания, прежде всего, критический метод, метод идеал-типического конструирования, биографический метод, метод философской критики литературных текстов, так и основные положения религиозного символизма [16]. Присоединяя себя к линии религиозного символизма, заложенной Вяч. Ивановым, он выразил его стержневую идею в лапидарной формуле: «...сущность познания в символизме состоит в религиозном истолковании природной и исторической действительности» [16. С. 139].

В версии Ф.А. Степуна, такой междисциплинарный подход предполагал детальное исследование фактографического материала при одновременном анализе его в свете высших религиозных начал. В соответствии со своими теоретико-методологическими установками он рассматривал историю в духе христианского историзма как религиозную трагедию, смысловое ядро которой составляла идея непрекращающейся борьбы добра и зла в мире как пути к преображению мира. В рамках такого понимания истории он исследовал и революцию – как и войну, – рассматривая ее как религиозную трагедию, полисемантическое по своей природе событие, обусловленное сложным взаимодействием сакрального и эмпирического уровней истории [11. С. 15–43].

В корпусе причин революции центральное место Ф.А. Степун объективно отводил контрпродуктивной политике российского монархического режима [13. С. 377]. Он отмечал его архаичность, его приверженность старым идеалам, его устаревшую культуру властвования, к сожалению, освящавшуюся Церковью и в условиях десаκραлизации монархической идеи в общественном сознании [17. С. 87]. Он отмечал политическую близорукость двух последних российских императоров, Александра III и Николая II, их неспособность к социальным конвенциям [18. С. 112], запоздалость и половинчатость социально-экономических реформ [19. С. 68], неспособность своевременно реагировать на эпохальные вызовы современности. Все это в совокупности вело к накоплению в империи трудноразрешимых социальных противоречий, а в условиях неудачной для страны войны делало неизбежным социальный взрыв.

Известие о Февральской революции Ф.А. Степун получил, находясь в действующей армии. Воспринял он революцию с воодушевлением, как «цивилизаторскую» по своим целям и задачам, направленную на демократизацию политической системы в России. «Старая культура монархии, – писал он, – искони укорененная в религии, мало заинтересованная в прогрессе цивилизации, закоснела и рухнула. Пафос либерально-демократической Февральской революции был недвусмысленно цивилизаторским. Новая культурная идея не была начертана на ее знаменах» [16. С. 432–433]. В первые революционные дни он воочию наблюдал стремительное нарастание политической активности в действующей армии, в своих основных проявлениях обусловленной массовым восприятием революции как пути к долгожданному миру. Такая мотивация значительной части боевых офицеров и особенно солдат, с сожалением отмечал он позднее, не была понята и учтена Временным правительством, политика которого мало коррелировалась с народными ожиданиями мира [13. С. 334–335], с народным восприятием войны как *вынужденного* зла [15. С. 78]. Резюмируя в своих мемуарах многолетние размышления об истоках революционного взрыва в России, он писал: «...последнюю причину того, что случилось с Россией, надо искать в том, что народное понимание революции как миротворческой силы, долженствующей положить конец безумию и греху войны, не разделялось ни одним из политических лагерей, кроме большевиков» [14. С. 378].

Октябрьскую революцию Ф.А. Степун воспринимал как «измену Февралю», но несмотря на это – как этап единого революционного процесса в России 1917 г. В этом заключается своеобразие его восприятия этих двух революций, которое нередко подвергалось критике его современниками [2]. Ф.А. Степун подчеркивал мировое значение Октябрьской революции, ее сопоставимость с Французской революцией по значительности и актуальности прозвучавшей в ней темы [13. С. 398]. Для революции в России фундаментальной стала тема социализма, которая, по его убеждению, по своему исходному замыслу была связана с христианским проектом преображения мира, ценность которой для него не умалялась созданной в Советской России версией социализма.

Будучи религиозным мыслителем, Ф.А. Степун интерпретировал революцию как религиозную и историческую трагедию русского народа и христианского мира в целом. Он отмечал, что за революционным «взрывом всех смыслов» [13. С. 362], которые обеспечивали социальное взаимодействие в

имперской России, взрывом, обнажившим накопившуюся в обществе ложь, заострившим вопросы человеческой экзистенции, раскрывалась многослойность истории, становились зримыми онтологические ее основания, прояснялись высшие цели и задачи истории, общества, человека, резко заострялась необходимость преобразования мира в духе христианских ценностей. В этом он усматривал главный смысл революции в России.

Принимая революцию, Ф.А. Степун оставался непримиримым противником идеологии большевизма. Во избежание неверной интерпретации его представлений о большевизме следует сделать важное уточнение. Он рассматривал большевизм как двойственное по своей природе явление: большевизм как некую черту национального менталитета – в его интерпретации «национальный грех», – сформировавшуюся исторически, преодоление которой являлось задачей русского народа, и большевизм как политическую силу, имевшую своих лидеров и свою идеологию, получившую власть в результате Октябрьской революции. Этот последний аспект затрагивает в своих работах глубокий знаток творчества Ф.А. Степуна А.А. Ермичев [5]. В данной статье речь идет о большевизме во втором смысле.

Ф.А. Степун был последовательным критиком любых попыток отождествления большевистской и монархической моделей власти как разновидностей авторитарного типа власти, якобы исторически свойственного России, выступал бескомпромиссным противником встраивания большевизма в историческую традицию российской государственной власти [17. С. 83]. В этой связи он критиковал Н.А. Бердяева, упрекая его в «переоценке большевизма» [16. С. 193]. Очевидным маркером, коренным образом отличавшим большевистский и монархический политические режимы, для Ф.А. Степуна выступало их отношение к собственной насильственной практике в структуре культуры властвования. По его убеждению, радикализация государственного насилия в рамках созданной большевиками политической системы, их воинствующее богоборчество, разрушительная коллективизация, массовые репрессии были обусловлены принципиальным *антитеизмом* идеологии большевизма [13. С. 446], отсутствием религиозно-этической мотивации у советской правящей элиты. Характеризуя фундаментальную основу советской политической системы, сделавшей возможным масштабный государственный террор в стране, Ф.А. Степун отмечал: «Неограниченная полнота власти ни перед кем и ни за что не ответственного правительства, ставящего себе задачей создание человека определенного типа...» [17. С. 96]. В сознании же политических элит имперской России, подчеркивал мыслитель, несмотря на все их недостатки, были укоренены христианские ценности, являлась действенной категория «греха» со свойственными ей коннотациями, что сказывалось и на их отношении к государственному насилию [20. С. 515].

Для пореволюционной России особенно разрушительной, по убеждению Ф.А. Степуна, стала связанная с *антитеизмом* «имитаторская», по его определению, деятельность большевиков как победившей политической силы. В самом общем виде сущность таковой он усматривал в глубоком расхождении между декларируемыми ими целями, нормами и ценностями, вдохновлявшими широкие народные массы, и их непосредственной социально-экономической и политической практикой, как и в отсутствии у них собственных творческих, созидательных идей в рамках «большого проекта» но-

вого Советского государства. С глубокой тревогой он находил проявления имитаторства во всех сферах жизни, будь то создание нового привилегированного слоя при декларировании гомогенного пролетарского государства или заявленная новая экономическая политика [13. С. 354], которую он иронично определял как «старую экономическую политику, «СТЭП», возрождавшую буржуазно-капиталистические начала в революционной стране. Эти и другие инициативы большевистского режима вели к дезориентации населения, способствовали формированию атмосферы имморализма и страха в стране. В духе религиозного символизма он определял такую имитаторскую практику большевистской власти как сатанинскую по своей природе. Аргументируя этот свой вывод, он писал: «...в библии дьявол именуется *Imitator Dei*» [17. С. 91].

На страницах работ Ф.А. Степуна особое внимание уделялось антропологическому измерению революции. Одним из главных положительных ее результатов он считал возросшую активность широких народных масс, которую он квалифицировал как «по существу праведную жажду политического творчества» [21. С. 613], констатируя наступление эпохи масс [7].

Отдельного внимания заслуживают размышления Ф.А. Степуна о своеобразии религиозного сознания народа для понимания его массовой политической активности в революционную эпоху. Так, восприимчивость русского народа к первым декретам советской власти он в немалой степени связывал с максималистской, эсхатологической по своей природе, народной верой в возможность скорого построения справедливого общества вопреки принципу исторической постепенности. В работах Ф.А. Степуна заметное место занимает проблема истоков культурной разрушительности революции в России, отразившей безразличие русского народа, включая многих образованных его представителей, к собственному культурному наследию. По его убеждению, отчасти это стало следствием свойственного русскому человеку «культурного нигилизма», сложно связанного с православным его воспитанием [13. С. 257]. Вместе с тем многие положительные явления советской жизни он также связывал с народной религиозностью и нерастраченной религиозной энергией. Например, вспыхнувшую после революции всенародную жажду знаний, энтузиазм как основу советского социального титанизма, который, конечно, обеспечивался отнюдь не только насилием, советский патриотизм.

Новаторскими для своего времени являлись размышления Ф.А. Степуна об игровом измерении революции и советского строительства, о «революционной игре». Отметим, что анализ этой части концепции революции Ф.А. Степуна в числе первых предпринял современный исследователь В.К. Кантор, который рассматривает эту проблему в контексте ценностей Серебряного века в перспективе становления массового общества [12. С. 187–234].

Ф.А. Степун обратил внимание на игровое измерение революции в работах 1920-х гг., оставив зарисовки разнообразных игровых проявлений в различных сегментах общества: в армии в революционных органах власти, советских госучреждениях, повседневной жизни. По его мнению, недооцененным исследователями фактором, обусловившим размах революционной игры в России, являлась «артистическая даровитость» русского народа [13. С. 314], свойственный русскому человеку дар социального перевоплощения.

«Во всяком случае, – писал он в мемуарах, – углубленное постижение природы этой театральности (русского народа. – Л.Г.) совершенно необходимо для серьезного социологического анализа на добрых 50% разыгранной большевицкой революции» [14. С. 38]. Небезынтересно отметить близость этих представлений Ф.А. Степуна и идей М.М. Бахтина о народной культуре и ее карнавальных проявлениях [22].

Ценность размышлений Степуна о «революционной игре» определяется его попыткой проанализировать это явление в фокусе проблемы социальной адаптации населения в переломный исторический момент, в условиях коренной ломки привычных социальных структур и традиционной нормативно-ценностной системы. Ему удалось показать большую сложность проблемы трансформации идентичностей в новых рамочных условиях, в которых, тем не менее, сохранялись линии преемственности с предшествующим периодом и многие исторически сложившиеся устойчивые черты менталитета. Заметим попутно, что первенство в постановке проблемы социального «маскарада» применительно к революции 1917 г. – правда, исключительно с негативными коннотациями – принадлежала Н.А. Бердяеву [23. С. 251], который уже в 1918 г. затрагивал сложную проблему приспособленчества в условиях глубоких социально-политических трансформаций.

По мнению Ф.А. Степуна, спонтанная революционная игра, первоначально карнавальная по своему характеру, была характерна для «героического периода» революции вплоть до 1920 г. Он писал в этой связи: «Дух творческого радикализма и рассекающей жестокости был им (большевикам. – Л.Г.) исконно свойствен, скудный же дух реакции овладел ими только постепенно» [14. С. 458]. Несмотря на чрезвычайно разрушительную политику военного коммунизма, несмотря на «апокалиптический круг» [14. С. 461], по которому проходила пореволюционная Россия, подчеркивал он, в этот период в стране еще сохранялись условия для бытовой и творческой свободы, развивались разнообразные социальные практики, росла вовлеченность населения в жизнь общества [14. С. 506]. Так, Ф.А. Степун с большой симпатией отмечал активность и самостоятельность деревенского населения, стремившегося переустроить свою жизнь на новых основаниях, что он непосредственно наблюдал в пореволюционной деревне [14. С. 453]. Однако по мере роста структурного насилия в стране и изменения рамочных условий советской жизни спонтанная революционная игра угасала, а в 1930-е гг., отмечал мыслитель, она окончательно трансформировалась в вынужденный «советский конформизм», обусловленный идеологическим диктатом и «советской служебной монополией» [14. С. 584]. Отличительным признаком советской версии конформизма стала обязательность «коммунистической маски» [14. С. 584].

Подводя итог, следует отметить, что историко-религиозные построения Ф.А. Степуна связаны с культурно-историческим контекстом эпохи, в которой ему довелось жить и творить. Опираясь на собственный опыт участия в Первой мировой войне и Февральской революции, непосредственно наблюдая события Октябрьской революции и вызванные ими структурные изменения российского общества, Ф.А. Степун сумел отразить глубоко трагический характер своей противоречивой эпохи, трагическое положение человека в современном обществе, поставленного перед сложными экзистенциальными

вопросами, вынужденного искать новые формы адаптации к стремительно меняющимся условиям жизни. Уже на заре формирования тоталитарных режимов XX в. этот христианский мыслитель сумел рассмотреть таящиеся угрозы человеческой личности в современных тоталитарных системах, связанные с ростом государственного насилия и ущемлением естественных прав человека, прежде всего его свободы. Несомненной научной ценностью обладают исследования Ф.А. Степуна, непосредственно посвященные осмыслению причин и характера революции 1917 г. и советского строительства в России. Его заслугой является стремление отразить их большую сложность и многофакторность. Так, вплоть до настоящего времени вызывают интерес его размышления о религиозном сознании народа как весомом факторе, влиявшем на его социальное поведение в революционную эпоху. Следует отметить и его новаторские для своего времени теоретические положения, способствующие углубленному пониманию многослойности истории и многомерности человека, в частности положение о революционной игре. Созданные им в результате образы революции 1917 г. и Советской России отличаются панорамностью и глубиной, способствуют формированию более емких представлений о России в переломную эпоху перехода от империи к советскому государству.

Список источников

1. Карпович М. Комментарий. О воспоминаниях Ф.А. Степуна // Новый журнал. 1956. № 46. С. 220–237.
2. Вишняк М.В. Два пути (Февраль и Октябрь). Париж : Современные записки, 1931. 286 с.
3. Иваск Ю. Федор Степун. Встречи // Новый журнал. Нью-Йорк. 1963. Кн. № 74. С. 289–292.
4. Штаммлер А. Ф.А. Степун // Русская религиозно-философская мысль XX века: сб. ст. / под ред. Н.П. Полторацкого. Питсбург : Отдел славянских языков и литературы Питсбургского ун-та, 1975. 413 с. С. 322–332.
5. Ермичев А.А. Федор Августович Степун: христианское видение России // Имена и сюжеты русской философии. СПб. : Наука, 2014. 710 с. С. 405–425.
6. Кантор В.К. Ф.А. Степун: анализ большевизма и национал-социализма (с приложением двух писем Степуна Н.А. Бердяеву) // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2009. Т. 10, вып. 4. С. 156–170.
7. Гергель Р.Е. Социология массы Федора Степуна // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Т. 1, № 3. С. 33–42.
8. Киселев А.Ф. С верой в Россию. Духовные искания Федора Степуна. М. : Дрофа, 2011. 364 с.
9. Вандалковская М.Г. Прогнозы постбольшевистского устройства России в эмигрантской историографии (20–30-е гг. XX в.). М. ; СПб. : Ин-т Рос. истории РАН : Центр гуманитарных инициатив, 2015. 239 с.
10. Гаман Л.А. Русская революция 1917 г. в освещении Ф.А. Степуна // Вестник Томского государственного университета. История. 2017. № 46. С. 28–38
11. Гаман Л.А. Ф.А. Степун о революции 1917 г. и Советской России: взгляд христианского мыслителя из эмиграции (1922–1965 гг.). Северск : Изд-во СТИ НИЯУ МИФИ, 2020. 174 с. С. 15–43.
12. Федор Августович Степун / под. ред. В.К. Кантора. М. : Рос. полит. энциклопедия (РОССПЭН), 2012. 339 с.
13. Степун Ф.А. Мысли о России // Жизнь и творчество. Избранные сочинения / вступ. ст., сост. и ком. В.К. Кантора. М. : Астрель, 2009. 807 с. С. 253–474.
14. Степун Ф.А. Бывшее и несбывшееся. СПб. : Алетей, 2000. 651 с.
15. Степун Ф. (Н. Лугин) Из писем прапорщика-артиллериста. Томск : Водолей, 2000. 192 с.

16. Степун Ф.А. Мистическое мировидение. Пять образов русского символизма / пер. с нем. Г. Снежинской, Е. Крепак и Л. Маркевич. СПб. : Владимир Даль, 2012. 479 с.
17. Степун Ф.А. Москва – третий Рим // Большевизм и христианская экзистенция. Избранные сочинения / сост. В.К. Кантор. М. ; СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2017. 896 с. С. 80–100.
18. Степун Ф.А. Пролетарская революция и революционный орден русской интеллигенции // Большевизм и христианская экзистенция. Избранные сочинения / сост. В.К. Кантор. М. ; СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2017. 896 с. С. 101–119.
19. Степун Ф.А. Дух, лицо и стиль русской культуры // Большевизм и христианская экзистенция. Избранные сочинения / сост. В.К. Кантор. М. ; СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2017. 896 с. С. 64–79.
20. Степун Ф.А. Христианство и политика // Жизнь и творчество. Избранные сочинения / вступ. ст., сост. и ком. В.К. Кантора. М. : Астрель, 2009. 807 с. С. 502–531.
21. Степун Ф.А. «Германия проснулась» // Жизнь и творчество. Избранные сочинения / вступ. ст., сост. и ком. В.К. Кантора. М. : Астрель, 2009. 807 с. С. 605–622.
22. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М. : Э, 2017. 640 с. С. 220–591.
23. Бердяев Н.А. Духи русской революции // Вехи. Из глубины. М. : Правда, 1991. С. 250–289.

References

1. Karpovich, M. (1956) Kommentarii. O vospominaniyakh F.A. Stepuna [Comments. About the memories of F.A. Stepun]. *Novyy zhurnal*. 46. pp. 220–237.
2. Vishnyak, M.V. (1931) *Dva puti (Fevral' i Oktiabr')* [Two paths (February and October)]. Paris: *Sovremennye zapiski*.
3. Ivask, Yu. (1963) Fedor Stepun. Vstrechi. *Novyy zhurnal*. 74. pp. 289–292.
4. Stammer, A. (1975) F.A. Stepun. In: Poltoratsky, N.P. (ed.) *Russkaya religiozno-filosofskaya mysl' XX veka* [Russian Religious and Philosophical Thought of the 20th Century]. Pitsburg: Department of Slavic Languages and Literatures of the University of Pittsburgh. pp. 322–332.
5. Ermichev, A.A. (2014) *Imena i syuzhety russkoy filosofii* [Names and Subjects of Russian Philosophy]. St. Petersburg: Nauka. pp. 405–425.
6. Kantor, V.K. (2009) F.A. Stepun: analiz bol'shevizma i natsional-sotsializma (s prilozheniem dvukh pisem Stepuna N.A. Berdyayevu) [F. Stepun: An analysis of Bolshevism and National Socialism (with the attachment of two letters from Stepun to N.A. Berdyayev)]. *Vestnik Russkoy khristianskoy gumanitarnoy akademii*. 10(4). pp. 156–170.
7. Gergel, R.E. (1998) Sotsiologiya massy Fedora Stepuna [Sociology of the masses by Fyodor Stepun]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii – Journal of Sociology and Social Anthropology*. 1(3). pp. 33–42.
8. Kiselev, A.F. (2011) *S veroy v Rossiyu. Dukhovnye iskaniya Fedora Stepuna* [With Faith in Russia. A Spiritual Quest of Fyodor Stepun]. Moscow: Drofa.
9. Vandalkovskaya, M.G. (2015) *Prognozy postbol'shevistskogo ustroystva Rossii v emigrantskoy istoriografii (20–30-e gg. XX v.)* [Forecasts of the post-Bolshevik structure of Russia in emigrant historiography (1920–30s)]. Moscow; St. Petersburg: Institute of Russian History RAS: Center for Humanitarian Initiatives.
10. Gaman, L.A. (2017) The Russian revolution of 1917 according to F.A. Stepun. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 46. pp. 28–38. (In Russian). DOI: 10.17223/19988613/46/4
11. Gaman, L.A. (2020) *F.A. Stepun o revolyutsii 1917 g. i Sovetskoy Rossii: vzglyad khristianskogo myslitelya iz emigratsii (1922–1965 gg.)* [F. Stepun about the revolution of 1917 and Soviet Russia: The perspective of a Christian thinker from emigration (1922–1965)]. Seversk: STI NIYaU MIFI. pp. 15–43.
12. Kantor, V.K. (ed.) (2012) *Fedor Avgustovich Stepun*. Moscow: ROSSPEN.
13. Stepun, F.A. (2009a) *Zhizn' i tvorchestvo. Izbrannye sochineniya* [Life and Creativity. Selected Works]. Moscow: Astrel. pp. 253–474.
14. Stepun, F.A. (2000) *Byvshee i nesbyvsheesya* [The Former and the Unfulfilled]. St. Petersburg: Aleteyya.
15. Stepun, F. (N. Lugin) (2000) *Iz pisem praporshchika-artillerista* [From the letters of an ensign-artilleryman]. Tomsk: Vodoley.
16. Stepun, F.A. (2012) *Misticheskoe mirovidenie. Pyat' obrazov russkogo simbolizma* [Mystical worldview. The five images of Russian symbolism]. Translated from German by G. Snezhinskaya, E. Krepak, L. Markevich. St. Petersburg: Vladimir Dal'.

17. Stepun, F.A. (2017a) Moskva – tretiy Rim [Moscow is the third Rome]. In: Kantor, V.K. (ed.) *Bol'shevizm i khristianskaya ekzistentsiya. Izbrannye sochineniya* [Bolshevism and Christian Existence. Selected Works]. Moscow; St. Petersburg: Center for Humanitarian Initiatives. pp. 80–100.
18. Stepun, F.A. (2017b) Proletarskaya revolyutsiya i revolyutsionnyy orden russkoy intelligentsii [Proletarian revolution and the revolutionary order of the Russian intelligentsia]. In: Kantor, V.K. (ed.) *Bol'shevizm i khristianskaya ekzistentsiya. Izbrannye sochineniya* [Bolshevism and Christian Existence. Selected Works]. Moscow; St. Petersburg: Center for Humanitarian Initiatives. pp. 101–119.
19. Stepun, F.A. (2017c) *Bol'shevizm i khristianskaya ekzistentsiya. Izbrannye sochineniya* [Bolshevism and Christian Existence. Selected Works]. Moscow; St. Petersburg: Center for Humanitarian Initiatives. pp. 64–79.
20. Stepun, F.A. (2009b) *Zhizn' i tvorchestvo. Izbrannye sochineniya* [Life and Creativity. Selected Works]. Moscow: Astrel'. pp. 502–531.
21. Stepun, F.A. (2009c) *Zhizn' i tvorchestvo. Izbrannye sochineniya* [Life and Creativity. Selected Works]. Moscow: Astrel'. pp. 605–622.
22. Bakhtin, M.M. (2017) *Problemy poetiki Dostoevskogo* [Problems of Dostoevsky's Poetics]. Moscow: E. pp. 220–591.
23. Berdyaev, N.A. (1991) *Vekhi. Iz glubiny* [Milestones. From the Depth]. Moscow: Pravda. pp. 250–289.

Сведения об авторе:

Гаман Л.А. – доктор исторических наук, доцент, профессор и и.о. заведующего кафедрой гуманитарных и социальных наук Северского технологического института – филиал Национального исследовательского ядерного университета «Московский Инженерно-физический институт» (СТИ НИЯУ МИФИ) (Северск, Россия). E-mail: GamanL@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Gaman L.A. – Dr. Sci. (History), professor, head of the Department of Humanities and Social Sciences, Seversk Institute of Technology – branch of the National Research Nuclear University MEPhI (Moscow Engineering Physics Institute) (Seversk, Russian Federation). E-mail: GamanL@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 15.12.2023;
одобрена после рецензирования 17.01.2024; принята к публикации 04.03.2024
The article was submitted 15.12.2023;
approved after reviewing 17.01.2024; accepted for publication 04.03.2024*

Научная статья

УДК 340.115.3

doi: 10.17223/1998863X/77/6

КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ПРИЧИННОСТИ В АНАЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ ПРАВА

Антон Борисович Дидикин

*Университет КАЗГЮУ имени М.С. Нарикбаева, Астана, Республика Казахстан,
abdidikin@mail.kz; a_didikin@kazguu.kz*

Аннотация. Представлен анализ основных подходов к концептуальному осмыслению принципа причинности в аналитической философии права на основе концепции Г. Харта и Э. Оноре. Рассмотрены наиболее известные примеры о возможности применения аргументов Д. Юма и Дж. С. Милля в их понимании причинности при анализе суждений, содержащих правовую оценку эмпирических фактов. Обосновывается позиция о том, что специфика философско-правовой аргументации в отношении причинности требует учета специфики юридической аргументации.

Ключевые слова: аналитическая философия права, причинность, условия, ответственность, вменение, Д. Юм, Дж. С. Милль, Г. Харт, Э. Оноре

Для цитирования: Дидикин А.Б. Концептуальное осмысление причинности в аналитической философии права // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2024. № 77. С. 72–80. doi: 10.17223/1998863X/77/6

Original article

CONCEPTUAL UNDERSTANDING OF CAUSALITY IN ANALYTIC LEGAL PHILOSOPHY

Anton B. Didikin

Maqsut Narikbayev University, Astana, Kazakhstan, abdidikin@mail.kz; a_didikin@kazguu.kz

Abstract. The article presents an analysis of the main approaches to the conceptual understanding of the causality principle in analytic legal philosophy based on Hart and Honore's theory. The most famous examples of the possibility to apply the arguments of David Hume and J. S. Mill in their understanding of causation to analyze propositions that include the legal assessment of empirical facts are considered. The article substantiates the position that the specificity of philosophical and legal argumentation in causality requires a clarification of the specificity of legal argumentation.

Keywords: analytic legal philosophy, causality, conditions, responsibility, imputation, David Hume, J.S. Mill, Herbert Hart, Anthony Honore

For citation: Didikin, A.B. (2024) Conceptual understanding of causality in analytic legal philosophy. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 77. pp. 72–80. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/77/6

Причинность относят к фундаментальным философским понятиям, поскольку многие юридические конструкции в языке так или иначе опираются на концептуальное прояснение причинно-следственных связей. Одной из базовых концепций, существенно обновляющих осмысление принципа причин-

ности в праве, является теоретическая концепция Г. Харта и Э. Оноре [1]. В своей книге они утверждают, что причинность в праве основана на причинности вне области права, а каузальные принципы, на которые полагаются суды для определения юридической ответственности, основаны на различиях, выводимых из обычных причинных суждений. Таким образом, уяснение специфики причинно-следственной связи как философского принципа позволяет правильно понять проблемы, возникающие в связи с ее установлением в конкретных областях, в том числе и в праве. При этом философское понимание причинности не исключает обоснования методологических ограничений при применении данного принципа в языке права.

Первичные аргументы в концепции Г. Харта и Э. Оноре основываются на философской традиции Д. Юма и Дж.С. Милля в отношении характера проявления причинно-следственных связей и их эмпирического исследования. Как отмечает В.В. Васильев, аргументы Д. Юма обосновывают минималистскую концепцию причинности в контексте отношений между физическими и ментальными объектами [2. С. 25, 27]. Однако эмпиризм и скептицизм Д. Юма способствуют тому, что причинность существует только как способ соединения различных восприятий в области психики, и отсюда следует, что описание может касаться только переживаний людьми явлений, вплетенных в структуру эмоций и намерений, все остальное оказывается за рамками опыта [3. Р. 9]. Он относится к числу сторонников поиска ближайшей причины, учитывая, что познание сущности явлений ограничено опытом. Г. Харт полагает, что такая интерпретация причинности в праве будет иметь несколько иной смысл. Если причинение вреда необходимо связывать с поведением конкретного субъекта, важно при установлении причинных связей учитывать влияние множества причин и условий совершения действий. Например, в уголовном праве нередко приводят пример, что насильственные действия одного человека приводят к причинению вреда другому человеку. Если рассматривать утверждение о недоказуемости причинных связей между двумя событиями, о чем аргументирует Д. Юм в своей скептической позиции, то невозможно раскрыть особенности правовых связей между событиями и действиями [4. С. 105, 112]. С другой стороны, в языке права использование терминов в суждениях о правовых отношениях в основном происходит без установления точного соответствия между термином и физическими объектами, что приводит к необходимости формулирования правовой оценки фактов в контексте именно юридических фактов, имеющих нормативный характер. В целом, переосмысливая аргументацию Д. Юма, Г. Харт и Э. Оноре считают, что если представление о причинно-следственной связи называть лишь привычкой к наблюдению, когда одинаковые между собой события происходят после других, так же схожих между собой, то необходимо учитывать не только обобщения, которые могут сообщить нам о том, какие события являются необходимыми или достаточными условиями возникновения других событий, но также и о том, как обобщения могут быть объединены и применены в частных случаях.

Индуктивная логика Дж.С. Милля и его методы анализа причинных связей также выступает философской основой понимания причинности в праве [5. С. 239–242]. Милль отстаивает позицию, что каждое причинное утверждение подразумевает по своему смыслу общее положение, утверждающее

универсальную связь между видами событий. Тем самым такая исключительная причинно-следственная связь должна заключаться в том, что связанные события являются примерами универсальной связи между типами событий. Милль отрицал психологическую однозначность связи причины и следствия и подчеркивал объективный характер причинно-следственных связей, рассматривая их в сугубо логическом плане [3. Р. 20]. Поэтому если мы идентифицируем отдельные события как причины явления, может показаться, что происходит выбор одного элемента из такого набора, хотя каждый из элементов набора одинаково необходим для проявления закономерности или тенденции. В отличие от Д. Юма, Милль последовательно реализует правила индуктивного анализа каузальных отношений на основе методов установления причинной зависимости между явлениями природы: метод сходства, метод различия, соединенный метод сходства и различия, а также методы остатков и сопутствующих изменений [6. С. 19–31].

Тем не менее, если проанализировать индуктивные методы Милля более глубоко, то становится очевидным, что они направлены, прежде всего, на сбор эмпирических данных и установление тенденций и закономерностей, характеризующих динамику в естественной или социальной среде. В случае же с применением нормативных предписаний потенциал использования этих данных невысок с точки зрения достижения юридически значимого толкования правовой нормы и его правовых последствий.

Например, будет ли обвиняемый привлечен к ответственности в рамках уголовного права за вред, причиненный потерпевшему, который хотя и был вызван действиями обвиняемого, но наступил в результате действий третьих лиц или чрезвычайного природного явления? В концепции Г. Харта и Э. Оноре обсуждаются различные варианты интерпретации установления причинности в подобных случаях. Распространенным подходом в теории уголовного права является принцип *sine qua non*, в соответствии с которым вред будет считаться причиненным обвиняемым в том случае, когда негативные последствия не наступили бы вовсе, *если бы* не действия обвиняемого [7].

В каком случае данный принцип не работает? Так, согласно *sine qua non*, если обвиняемый, намереваясь убить потерпевшего, нанес ему ряд ударов, в результате чего потерпевший оказался в больнице, где медсестра умышленно дала ему двойную дозу морфия для облегчения его страданий, что в конечном счете повлекло его смерть, обвиняемый будет привлечен к ответственности за убийство, поскольку если бы ни физический вред, причиненный обвиняемым потерпевшему, потерпевший никогда бы не оказался в больнице и не умер бы от передозировки морфия [3. Р. 349]. Но очевидно, что нет прямой связи между деянием потерпевшего и его правовыми последствиями, поскольку имеется вмешательство особого случая.

В концепции Г. Харта и Э. Оноре для решения проблемы установления причинно-следственной связи при вмешательстве третьих лиц или иных явлений проводится различие между самой причинной связью и *объективным вменением* путем выделения дополнительных элементов причинности помимо *sine qua non* и эмпирической причинной связи, в частности:

– лицо должно быть уверенным в том, что его действие повлечет определенный вред;

– для привлечения обвиняемого к ответственности необходимо не только желание со стороны обвиняемого наступления негативных последствий, но также и предвидения желаемого результата его деяния;

– в правовой системе не должно существовать каких-либо правовых норм, навешанных социальной политикой, которые освобождали бы от ответственности и тем самым влияли бы на определение причинно-следственной связи при вынесении приговоров.

Для решения проблемы «вмешательства третьих лиц» и установления причинно-следственной связи в таких случаях другой ученый Д. Холл также выделяет специальный принцип «добровольности поведения», признаваемый Г. Хартом и Э. Оноре [З. Р. 350–352]. Смысл данного принципа заключается в том, что если вред, причиненный третьим лицом, стал результатом его добровольного поведения, обвиняемый, без действий которого вред в принципе не наступил бы, все же не должен нести ответственность, как если бы этот вред наступил непосредственно в результате его действий, поскольку в данном случае наступление вреда поставлено в очень сильную зависимость от непредвиденных, самостоятельных действий иных лиц или событий. Для иллюстрации данного принципа приводится в качестве примера судебное решение *People v. Lewis*, в котором обвиняемый наносит несмертельное ранение потерпевшему, который в дальнейшем в состоянии аффекта перерезает себе горло¹. Применяя тест, предложенный Д. Холлом, привлечение обвиняемого к ответственности будет зависеть от того, было ли действие потерпевшего перерезать себе горло добровольным актом потерпевшего или же стало следствием его нестабильного психического состояния или автоматической реакцией на возникшую боль. Сложность применения этого теста в данном судебном деле состоит в том, что потерпевший, по сути, совершает суицид сам, а причин такого поступка может быть множество.

Специфика понимания причинности в праве, когда буквальное истолкование эмпирических данных о причинных связях невозможно, а требует учета процессуальных особенностей принятия судебных решений, приводит к необходимости анализа случаев разрыва причинной связи и причиненного вреда от деяния. В каких случаях закон признает волевое поведение и особые непредвиденные обстоятельства разрушающими данную связь?

В этом вопросе необходимо учитывать, что особые непредвиденные обстоятельства не всегда связаны со степенью противоправности самого преступления. А волевое поведение, в свою очередь, будучи внешним фактором, всегда находится в зависимости от неправомерного деяния, т.е. оно определяется тем, что деяние уже совершено, или представлением о том, что оно может быть совершено в будущем. При этом поведение, которое не является полностью волевым, может также разрывать причинно-следственную связь между деянием и его последствиями с учетом особого характера такого поведения, а значит, оно может рассматриваться и как волевое поведение, и как особые непредвиденные обстоятельства.

Г. Харт и Э. Оноре изначально исходят из того, что по общему правилу свободное, осознанное и намеренное действие или бездействие лица, направленное на наступление конкретных последствий, реально наступивших, ни-

¹ *People v. Lewis* [1899], 124 Cal. 551, 57 Pac. 470.

велирует причинную связь [3. Р. 129–131]. В подтверждение данного принципа Г. Харт приводит несколько примеров. Так, в судебном деле *Miller v. Bahmuller* (1908). 108 N.Y.S. 924 ответчики, действовавшие совместно и не поставившие заграждение на проход в погреб, были признаны невиновными за телесные повреждения, причиненные истцу, которого намеренно столкнул в погреб один из ответчиков. Суд обязал только одного ответчика, столкнувшего истца, возместить причиненный ущерб, поскольку лишь в его поведении видна прямая связь между действием и причиненным вредом.

Принцип волевого поведения в его соотношении с причинностью может использоваться с учетом разных допущений.

Во-первых, поведение может рассматриваться как свободное в определенном узком смысле. Тем самым, если свобода усмотрения в совершении поступка ограничена, это будет ключевой аргумент в суде. Например, в судебном деле *Wilkinson v. Downtown* (1897) 2 Q.B. 57, 61 суд пришел к выводу, что поведение, мотивированное страхом, не может быть признано свободным.

Концепция свободного поведения, используемая в аргументации Г. Харта, основана на представлении о человеке, который с учетом внешних обстоятельств имеет возможность свободно без какого-либо давления или влияния реализовывать свои ментальные и физические способности. Именно такой человек признается наиболее свободным. Соответственно, различные обстоятельства, которые сокращают степень свободы человека, рассматриваются как факторы, снижающие его моральную или юридическую ответственность. Однако при этом не стоит отождествлять неволеовое поведение с отсутствием моральной или юридической ответственности. Деяние, совершенное по неосторожности, хотя и влечет в некоторых случаях юридическую ответственность, признается все же неволевым актом, так как обвиняемый не рассчитывал на наступление определенных последствий [3. Р. 130–131].

Неволеовое поведение, характер которого как раз и может доказывать причинная связь, может быть вызвано совершенно разными факторами (недостаток контроля, недостаток знаний, давление со стороны третьего лица). Тем самым не будет признано внешним фактором, разрывающим связь между деянием и последствием, поведение, если оно обусловлено физическим воздействием; состоянием шока, гипноза, головокружения, контузии; заблуждением, несчастным случаем, неосторожностью; или же рефлекторной, естественной и ожидаемой реакцией, а также поведением неспособного лица.

Из указанных факторов есть немало исключений. Например, если потерпевший необоснованно полагает, что находится в опасном для его жизни состоянии, он не считается вынужденным прибегать к самозащите, а значит, его действия могут быть квалифицированы как нивелирующие причинно-следственную связь между деянием преступника и его последствиями. Так, в деле *Venter v. Smit* (1927 C.P.D. 30) ответчик намеренно отвязал одно из поводьев на повозке, а женщина, которая ехала в повозке, упала с нее и повредила ногу. Ответчик не был признан виновным за вред, причиненный женщине, так как в момент, когда одно из поводьев повозки было отвязано, она на самом деле не находилась в состоянии опасности [3. Р. 134–136].

Сложности также могут возникнуть с разделением действий, совершенных под влиянием заблуждения (ошибки), совершенных случайно либо по неосторожности. Г. Харт отмечает, что противоправное деяние, совершенное

по ошибке, по сути будет деянием, совершенным лицом, не обратившим внимание на важное, имеющее значение для данной ситуации обстоятельство, в то время как при совершении деяния случайно либо по неосторожности определенное последствие, наступления которого лицо не желало и не ожидало, спровоцировано его действиями [З. Р. 141–144]. При этом во всех трех случаях нет оснований полагать, что лицо совершило то, что оно планировало. Отличие деяния, совершенного по неосторожности, от деяния, совершенного случайно, состоит в том, что при неосторожности действия лица и их последствия не являются случайными. Другими словами, несмотря на то что лицо действует без умысла, есть основания предполагать, что в данной ситуации при отсутствии других факторов его действия приведут к определенным, ожидаемым последствиям, тогда как случайность означает, что предположить, какие последствия наступят, невозможно.

Во-вторых, волевое поведение может быть как в форме действия, так и в форме бездействия.

В-третьих, волевое поведение нейтрализует причинно-следственную связь не только между деянием и негативным результатом (вредом), но и между деянием и положительным результатом (доходом, выгодой).

В остальном принцип волевого поведения, по своему характеру исключая буквальный учет причинных связей, все же нуждается в применении принципа причинности. Ведь по общему правилу нормальное состояние вещей, возникшее даже после совершенного противоправного деяния, не освобождает нарушителя от ответственности, в то время как аномальное развитие событий (т.е. противоправное деяние + внешние обстоятельства) разрывает причинно-следственную связь между деянием и наступившими общественно опасными последствиями [З. Р. 150–151].

Условия применения такого общего правила достаточно специфичны с точки зрения причинной оценки происходящих событий. Если аномальное развитие событий не зависит от человека, то действует презумпция, упоминаемая Г. Хартом, о том, что «запланированные последствия никогда не будут слишком отдаленными» (*intended consequences can never be too remote*) [З. Р. 159]. Это касается тех ситуаций, когда в судебном процессе ответчик уверен полностью или частично, что определенный негативный внешний фактор, будь то пожар либо действия третьего лица, проявится в определенное время и в определенном месте, в котором находится истец.

Кроме того, внешний фактор может быть привходящим (*intervening event*), возникая после деяния, нарушающего закон. В противном случае он не оказывает никакого воздействия на причинно-следственную связь. Привходящий фактор отличается от положения вещей, состояния человека, находящихся под влиянием самого преступления. Г. Харт называет такое положение вещей либо состояние обстоятельствами совершения противоправного деяния [З. Р. 160–161]. Ведь будет явно несправедливо, когда ответчик вынужден компенсировать истцу убытки в полном объеме, несмотря на то, что в какой-то степени они были вызваны тем состоянием, в котором находился истец к моменту совершения противоправного деяния. В целях решения данной проблемы Г. Харт предлагает обратиться к теории сопутствующей небрежности (*contributory negligence*), позволяющей снизить размер убытков, подлежащих взысканию [З. Р. 166].

Такие привходящие факторы в концепции Г. Харта разделены на божественные акты (*acts of God*), по своей сути являющиеся необъяснимыми, исключительными и экстраординарными, и совпадения (*coincidences*), т.е. события, которые не являются экстраординарными сами по себе, но в данных конкретных обстоятельствах с учетом совершенного противоправного деяния либо каких-либо последствий данного деяния приобретают исключительное значение. Но насколько полным должно быть знание о данных обстоятельствах? Г. Харт полагает, что моделью восприятия таких обстоятельств могут быть ограниченные знания среднестатистического правоспособного человека, а вовсе не абсолютно полная информация о внешнем мире [3. Р. 152–154]. Такая аргументация о неопределенности понятия «совпадение» подкрепляется рядом интересных судебных дел в английском праве. Так, например, в деле *Central of Georgia R. Co v. Price (1898)* истец по невнимательности ответчика (транспортной компании) приехал не в то место, куда планировал. Транспортная компания организовала для истца ночь в отеле, чтобы компенсировать убытки. Отель предоставил истцу на ночь светильник, лампочка которого ночью взорвалась и разлетевшиеся осколки поранили истца. Суд принял решение, что истец не имеет право на взыскание убытков с ответчика (транспортной компании), так как действия транспортной компании не были *ближайшей причиной вреда*, причиненного истцу, а также не были *существенным фактором*, повлиявшим на наступление неблагоприятных последствий для здоровья истца.

Именно поэтому Г. Харт утверждает, что совпадением могут считаться только те обстоятельства, которые при нормальном ходе вещей либо очень маловероятны, либо крайне маловероятны. Другой вопрос, однако, состоит в том, что считать «существенным фактором» в одном деле, а в другом не считать таковым, и какие обстоятельства будут совпадением, нивелирующим причинную связь. Г. Харт пытается разделить все случаи, когда поведение ответчика в судебном деле становится «существенным фактором» с точки зрения перемещения истца в пространстве и во времени:

- ответчик затягивает прибытие истца в определенное место, в определенное время, в связи с чем истец попадает в место, где проявляется внешний фактор;

- ответчик ускоряет процесс перемещение истца и вещей так, что вместо того, чтобы попасть в запланированное время в запланированное место, истец попадет туда раньше либо попадает в другое место;

- ответчик перемещает истца либо вещи таким образом, что истец попадает в место, где проявляется внешний фактор.

Рассуждая о природе «привходящего фактора», Г. Харт критикует принцип «прямых последствий» (*direct consequences*), которые воспринимаются как обстоятельства, возникшие незамедлительно после совершенного правонарушения. Данное определение представляется Г. Харту неполным и не решающим проблему причинно-следственной связи, так как незамедлительно после совершенного деяния может возникнуть множество обстоятельств различной значимости, некоторые из них могут быть совпадениями [3. Р. 157].

Кроме того, внешний фактор должен вытекать из причины, не связанной с противоправным деянием, т.е. быть причинно независимым. Если же внешний фактор проявляется только потому, что было совершено правонаруше-

ние, он не устраняет причинно-следственную связь между деянием и наступившими последствиями [3. Р. 164].

В концепции Г. Харта и Э. Оноре о причинности в праве интересно и отношение к влиянию поведения животных на причинную связь между правонарушением и его последствиями. Животные могут оказывать влияние, вызванное правонарушением, или независимо от него. В последнем случае к поведению животных применяются общие критерии, которые действуют для аномального развития событий. Тем более что поведение животных может оказаться весьма необычным, а значит разрывающим причинную связь между правонарушением и его последствиями [3. Р. 168].

Такой подход в принципе может быть распространен и на человеческую природу: поведение, противоречащее природе человека как разумного существа, будет считаться фактором, разрушающим связь между деянием и последствиями. Так, в судебном деле *Lynch v. Knight (1861)* большинство судей пришли к выводу, что поведение мужа, который, узнав о том, что его жена была ложно обвинена в сожительстве с другим мужчиной до замужества, отправил ее обратно к родителям, не является естественным и свойственным человеческой природе. Вместе с тем в другом судебном деле, *Purchase v. Seelye (1918)*, суд рассматривал вопрос о том, в каком случае врачебная небрежность является фактором, прерывающим связь между деянием и неблагоприятными последствиями. В этом деле истец получил травму из-за небрежности на железной дороге и попал на операционный стол к ответчику, который провел операцию *не на той стороне тела пациента*, объяснив свое поведение тем, что он перепутал истца с другим пациентом. Суд посчитал, что такая ошибка настолько маловероятна и непростительна, что может считаться грубой небрежностью (*gross negligence*) и послужить основанием для самостоятельного требования истца к ответчику, отдельно от требования истца к сотрудникам железной дороги.

Таким образом, подводя итоги анализу проблемы причинности в праве, следует отметить, что внешние факторы, способные разорвать причинно-следственную связь между противоправным деянием и наступившими общественно опасными последствиями, чрезвычайно разнообразны. Несмотря на то что в философии права выработаны общие принципы и критерии соотношения фактов, характеризующих причинную связь, и их правовой оценки, в концепции Г. Харта и Э. Оноре содержится аналитически корректная аргументация, имеющая теоретическое значение для аналитической философии права.

Список источников

1. Дидикин А.Б. Причинность и ответственность: философско-правовой анализ // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2015. № 4. С. 170–174.
2. Васильев В.В. Дэвид Юм и загадки его философии. М. : Ленанд, 2020. 704 с.
3. Hart H.L.A. *Honore A. Causation in the Law*. Second edition. Oxford : Oxford University Press, 1985.
4. Юм Д. О человеческой природе. СПб. : Азбука, 2017. 320 с.
5. Милль Дж. С. Система логики силлогистической и индуктивной: Изложение принципов доказательства в связи с методами научного исследования. М. : Ленанд, 2011. 832 с.
6. Субботин А.Л. Джон Стюарт Милль об индукции. М. : ИФ РАН, 2012. 76 с.
7. Moore M.S. *Causation and Responsibility: An Essay in Law, Morals, and. Metaphysics*. Oxford : Oxford University Press, 2009.

References

1. Didikin, A.B. (2015) Prichinnost' i otvetstvennost': filosofsko-pravovoy analiz [Causality and responsibility: A philosophical and legal analysis]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State university Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 4, pp. 170–174.
2. Vasiliev, V.V. (2020) *Devid Yum i zagadki ego filosofii* [David Hume and the Mysteries of his Philosophy]. Moscow: Lenand.
3. Hart, H.L.A. (1985) *Honore A. Causation in the Law*. 2nd ed. Oxford: Oxford University Press.
4. Hume, D. (2017) *O chelovecheskoy prirode* [On Human Nature]. Translated from English. St. Petersburg: Azbuka.
5. Mill, J.S. (2011) *Sistema logiki sillogisticheskoy i induktivnoy: Izlozhenie printsipov dokazatel'stva v svyazi s metodami nauchnogo issledovaniya* [The system of syllogistic and inductive logic: The statement of the principles of proof in connection with methods of scientific research]. Moscow: Lenand.
6. Subbotin, A.L. (2012) *Dzhon Styuart Mill' ob induktsii* [John Stuart Mill on induction]. Moscow: IPh RAS.
7. Moore, M.S. (2009) *Causation and Responsibility: An Essay in Law, Morals, and Metaphysics*. Oxford: Oxford University Press.

Сведения об авторе:

Дидикин А.Б. – доктор философских наук, доцент Высшей школы права Университета КАЗГЮУ имени М.С. Нарикбаева (Астана, Республика Казахстан). E-mail: abdidikin@mail.kz; a_didikin@kazguu.kz

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Didikin A.B. – Dr. Sci. (Philosophy), associate professor of the Higher School of Law, Maqsut Narikbayev University (Astana, Kazakhstan). E-mail: abdidikin@mail.kz; a_didikin@kazguu.kz

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 11.12.2023;
одобрена после рецензирования 19.01.2024; принята к публикации 04.03.2024
The article was submitted 11.12.2023;
approved after reviewing 19.01.2024; accepted for publication 04.03.2024

Научная статья

УДК 165.12+168.52+551

doi: 10.17223/1998863X/77/7

ПАЛЕОЭСТЕТИКА Д. ТЁРНЕРА В КОНТЕКСТЕ ГЕРМЕНЕВТИКИ И ФИЛОСОФИИ ИСТОРИИ

Василий Анатольевич Миронов

*Новосибирский национальный исследовательский государственный университет,
Новосибирск, Россия, mironovv@mail2000.ru*

Аннотация. Анализируется работа Д. Тёрнера «Палеоэстетика и практика палеонтологии». Показано методологическое сходство аргументов автора рассматриваемой книги с идеями герменевтики и философии истории. На этом основании делается предположение о том, что палеоэстетику Тёрнера следует рассматривать не как отдельную экзотическую философскую дисциплину, а как концепцию, которая хорошо соотносится с идеями герменевтики и философии истории.

Ключевые слова: палеоэстетика, герменевтика, философия истории, философия геологии, философия палеонтологии, метафоры

Для цитирования: Миронов В.А. Палеоэстетика Д. Тёрнера в контексте герменевтики и философии истории // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2024. № 77. С. 81–94. doi: 10.17223/1998863X/77/7

Original article

DEREK TURNER'S PALEOAESTHETICS IN THE CONTEXT OF HERMENEUTICS AND PHILOSOPHY OF HISTORY

Vasiliy A. Mironov

*Novosibirsk National Research State University, Novosibirsk, Russian Federation,
mironovv@mail2000.ru*

Abstract. The article discusses a new book by Derek Turner, *Paleoaesthetics and the Practice of Paleontology*, which is the first outline on the given topic with a fairly wide coverage of current research literature. In a sense, Turner's work can be viewed as an invitation to a dialogue between researchers who are interested in the philosophical and methodological problems of geology in general and paleontology in particular. The presented application of Turner for the construction of the theory of aesthetic values in the earth sciences requires a comprehensive consideration and study by different researchers. The aim of this article is to determine the place of Turner's concept of paleoaesthetics in the general field of Western European philosophy. The article proves that Turner, like the classic of hermeneutics Gadamer, points to a close relationship between epistemic (historical) and aesthetic values in cognition. The dependence of our aesthetic perception of a fossil on the knowledge of its history, which Turner points out, can be described without distortion of meaning in terms of hermeneutics, namely, through the concept of the hermeneutic circle and the role of prior knowledge in historical knowledge. Also, Turner's appeal to reflection on metaphors in paleontology, as on the poetic dimension of knowledge, also correlates with the idea of Hayden White, a classic of the philosophy of history of the 20th century, about the need to reflect on the poetic dimension of historical knowledge, as well as the

fundamental role of the poetic in the construction of historical works. In addition, in his desire to make paleontology more exploratory and to move away from the descriptive nature of studies of the history of the Earth, Turner conducts the same operation as R. J. Collingwood, who strictly separated the descriptive history of “scissors and glue” from scientific history. In the author’s opinion, Turner’s replacement of the “textual record” metaphor in relation to fossils with the “investigative tool” metaphor is similar in meaning to the replacement of the “source” metaphor by the “evidence” metaphor that Collingwood produced in relation to historical initial data. Based on this, it is concluded that the similarity of the ideas of Turner and the classics of hermeneutics and the philosophy of history gives reason to believe that paleoaesthetics in the form proposed by Turner should be considered as one of the sections of hermeneutics and philosophy of history. Such an understanding of the place of paleoaesthetics in the world philosophical tradition, on the one hand, will contribute to the use of the achievements of the main trends in philosophy for the development of philosophical paleoaesthetics; on the other hand, turning to classical philosophical works will help to avoid doubling the meanings and building similar classical philosophical concepts about geological (paleontological) knowledge.

Keywords: paleoaesthetics, hermeneutics, philosophy of history, philosophy of geology, philosophy of paleontology, metaphors

For citation: Mironov, V.A. (2024) Derek Turner’s paleoaesthetics in the context of hermeneutics and philosophy of history. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 77. pp. 81–94. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/77/7

Введение

К XX в. сформировалась и стала общепринятой позиция, согласно которой всякую естественную науку стоит рассматривать с точки зрения стандартов, разработанных преимущественно для экспериментальной физики: объективность и единство научного метода – эксперимента. Это в свою очередь раз за разом ставит перед философами и геологами проблему научного статуса геологического познания [1, 2].

Одним из решений данной проблемы стало рассмотрение естественной науки – геологии – с точки зрения философских концепций, ориентированных на анализ гуманитарного знания, которое было представлено американским философом и геологом Р. Фродеманом в его статье «Геологические рассуждения: геология как герменевтическая и историческая наука» [3] от 1995 г. На наш взгляд, своей статьей Фродеман заложил основы новому направлению, как в философии науки, так и философии геологии. Однако, несмотря на свою оригинальность и продуктивность, идеи Фродемана на данный момент не получили должного внимания со стороны философского сообщества ни в его родной стране – США, ни в России.

Также идеи Фродемана не нашли признания и среди современной группы исследователей, занимающихся решением философско-методологических проблем естественных наук о прошлом (historical sciences), в частности таких проблем, как познание прошлого, оптимизм и пессимизм в познании прошлого Земли, роль уникальности и универсальности в исследованиях прошлого и многое другое. Самыми яркими представителями данной группы исследователей являются Кэрл Клиленд [4, 5], Дерек Тёрнер [6, 7], Адриан Карри [8], Бен Джеффарес [9], Эллиот Собер [10, 11]. Несмотря на такой обширный интерес к историческому естествознанию, данные исследователи фокусируют

свое внимание преимущественно на философско-методологических проблемах палеонтологии¹. В этой связи нельзя не упомянуть довольно долгую и, на наш взгляд, продуктивную дискуссию между К. Клиленд и Д. Тёрнером об оптимизме и пессимизме в познании прошлого на примере проблемы познаваемости цвета динозавров. Подробно данная дискуссия представлена в ряде статей авторов [4–7, 12].

После этой долгой дискуссии Д. Тёрнер решил заняться новым направлением, и в 2019 г. выходит его новая книга «Палеоэстетика и практика палеонтологии» [13]. По словам самого автора, данная работа носит «краткий и программный характер» [13. Р. 2]. Действительно, книга выглядит не как законченный и полный философский проект по исследованию роли эстетических аргументов в ходе палеонтологических исследований, а как первый набросок по заданной теме с довольно широким охватом актуальной исследовательской литературы. В некотором смысле работу Д. Тёрнера можно рассматривать как приглашение к диалогу исследователей, которых интересуют философско-методологические проблемы геологии вообще и палеонтологии в частности. Представленная заявка на построение теории эстетических ценностей в науках о Земле требует всестороннего рассмотрения и изучения разными исследователями, поэтому после ознакомления с «Палеоэстетикой и практикой палеонтологии» автором данной статьи было принято решение в некотором смысле «принять вызов» и включиться в обсуждение заявленной Д. Тёрнером темы.

Ключевой задачей статьи является определение статуса заявленной Тёрнером темы: является ли она новым направлением в философии наук о Земле, или же *палеоэстетику* как предложенную концепцию можно отнести к одному из возможных направлений герменевтики и философии истории. Соответственно, для того чтобы ответить на поставленный вопрос, основные аргументы, приведенные в пользу рассмотрения геологического познания с точки зрения эстетики, будут сопоставлены с герменевтическими идеями Р. Фродемана, а также с идеями классиков герменевтической традиции – М. Хайдеггера [14] и Г.-Г. Гадамера [15]. Немного забегая вперед, стоит отметить, что Тёрнер указывает на работы Фродемана, однако в некотором смысле противопоставляет свой взгляд герменевтическому взгляду на исследование Земли. Кроме того, некоторые идеи Тёрнера о роли метафор в геологическом (палеонтологическом) познании будут сопоставлены с идеями таких философов гуманитарной истории, как Х. Уайт [16] и Р.Дж. Коллингвуд [17].

¹ Говоря о палеонтологии как научной дисциплине, необходимо всегда иметь в виду, что палеонтологию можно рассматривать либо как отдельную науку о прошлом флоры и фауны нашей планеты, либо как частный случай как прикладных, так и фундаментальных геологических исследований. С помощью палеонтологии геолог может определять или уточнять стратиграфическую датировку геологического разреза, и в то же время палеонтолог может заниматься исследованиями собственно палеонтологическими, которые никак не продвигают геологическую науку как таковую, если под геологией понимать исследование особенностей и закономерностей генезиса того или иного геологического тела или месторождения полезных ископаемых. К такому типу собственно палеонтологических исследований, которые, вероятнее всего, останутся «бесполезными» для геолога, можно отнести, например, исследования по определению цвета перьев динозавров. Однако, несмотря на указанные различия геологии и палеонтологии, фундаментальные проблемы познания прошлого уникальных объектов в рамках этих двух дисциплин, на наш взгляд, аналогичны.

Палеоэстетика: постановка проблемы

Свою работу Д. Тёрнер начинает с указания на то, что при исследовании философско-методологических проблем естественных наук о прошлом (historical science), таких как геология, палеонтология, эволюционная биология и другие, зачастую игнорируется эстетический аспект: «...все эти работы по эпистемологии естественных исторических наук (historical science) игнорировали эстетические измерения палеонтологической практики» [13. Р. 1]. Исследователь в качестве предмета своего исследования выбрал процесс познания одной из таких естественных исторических наук — палеонтологии. Познание в палеонтологии, по мнению Тёрнера, изначально содержит в себе как эпистемологическое, так и эстетическое измерение: «...палеонтология преследует как эстетические, так и эпистемологические цели, включая развитие чувства места и более глубокое эстетическое восприятие окаменелостей» [13. Р. 3]. При этом, автор «Палеоэстетики...» призывает не проводить строгую демаркационную линию между эпистемическими и эстетическими ценностями: «...когда мы действительно усвоим уроки палеоэстетики, может оказаться, что между ней и палеоэпистемологией нет резкого различия» [13. Р. 5]. Таким образом, согласно Тёрнеру, эстетическое выступает в качестве дополнительного основания в процессе доказательства или опровержения палеонтологических гипотез. Следовательно, изучение эстетического измерения палеонтологических исследований, по мнению Тёрнера, может позволить более полно понять сущность познавательных процессов в палеонтологии, которые часто ускользают из поля зрения философов. В качестве примера таких познавательных процессов Тёрнер указывает следующие познавательные практики: «...сбор окаменелостей, интерпретация местности, подготовка окаменелостей, статистический анализ, подготовка экспонатов, биомеханическое моделирование, создание базы данных, тафономические эксперименты, кодирование символов, палеоарт, использование таких технологий, как компьютерные томографы, и многое другое» [13. Р. 4].

Такая практикоориентированность философских идей Д. Тёрнера непротиворечиво коррелирует с идеями Р. Фродемана, который через герменевтический подход ставил себе задачу раскрытия сущности познавательных практик в геологии, т.е. в исследованиях прошлого Земли. При этом, несмотря на то, что Фродеман не рассматривал эстетический аспект в геологии, в самой герменевтической традиции, на которую он опирается, эстетическим вопросам познания уделено достаточно много внимания. Поэтому для того, чтобы лучше понять место палеоэстетики Тёрнера в ряду многообразия философских традиций и течений, видится перспективным рассмотреть ключевые положения палеоэстетики в контексте герменевтической традиции и смежной с ней философии истории.

Палеоэстетика в контексте герменевтики

Важным элементом в концепции палеоэстетики Д. Тёрнера является соотношение эстетических и эпистемических (непосредственно познавательных) ценностей и практик. Как утверждает Тёрнер, *эпистемическое* и *эстетическое* взаимопроникают друг в друга таким образом, что нельзя строго определить, где в процессе познания строго *эпистемическое*, а где строго *эсте-*

тическое. Тёрнер приводит пример, что на уровне окаменелостей роль полноты образца имеет одинаково важную ценность как с точки зрения эстетики, так и с точки зрения научного исследования: «В контексте сбора окаменелостей полнота образца чрезвычайно важна. Найти зуб тираннозавра – увлекательное занятие, но это не то же самое, что найти скелет, который, как и тираннозавр Сю, готов более чем на 70%. Является ли полнота эпистемологической или эстетической ценностью? Это довольно очевидно, что и то, и другое» [13. Р. 13].

По мнению автора «Палеоэстетики», познавательные (эпистемические) и эстетические практики также взаимопроникают друг в друга и через «стереовременное восприятие», которым, по мнению философа, постоянно пользуются палеонтологи: «Когда вы читаете популярные работы палеонтологов об их работе, вы часто можете обнаружить, что они размышляют об этом стереовременном опыте, в котором они эстетически взаимодействуют с ландшафтом здесь и сейчас, созерцая глубокую предысторию, на которую нынешний ландшафт иногда лишь намекает, но иногда поэтически говорит об этом» [13. Р. 7]. Можно сказать, что стереовременный опыт восприятия является ментальным соотношением прошлого и будущего, которое происходит в сознании палеонтолога, например, на берегу реки или в пределах того или иного обнажения.

Здесь стоит обратить внимание на то, что о слиянии эстетического и эпистемического (исторического) в процессе познания упоминается и в рамках герменевтики Гадамера: «Нужно обладать чувством как для эстетического, так и для исторического или образовывать это чувство, чтобы быть в состоянии положиться на свой такт в гуманитарных трудах» [15. С. 58]. Как известно, герменевтику Гадамера принято относить к континентальной философской традиции, ориентированной на изучение гуманитарного, а не геологического или палеонтологического знания. Поэтому здесь стоит упомянуть высказывание Р. Фродемана о схожести гуманитарных и геологических познавательных практик: «...полагаю, что проблемы и трудности, присущие геологическим исследованиям, подсказали геологам разработать разнообразные методы рассуждения, аналогичные некоторым из тех, которые описаны и используются в пределах континентальной философии» [3. С. 960–961].

Также стоит отметить, что Д. Тёрнер знаком с работами Фродемана, но, несмотря на это, в «Палеоэстетике» он трактует герменевтику только как один из способов текстуального анализа, а идеи Фродемана – лишь как обусловленные и ограниченные текстовой метафорой в понимании сути геологического познания. Тёрнер об идеях Р. Фродемана пишет следующее: «Он (Фродеман. – В.М.) опирается на герменевтическую традицию континентальной философии, которая, в свою очередь, черпала вдохновение в развитии сложных методов текстуального анализа и критики филологами и библеистами в девятнадцатом веке. Трактовка Р. Фродеманом геологии как герменевтической науки отражает его приверженность текстовой метафоре» [13. Р. 51]. По мнению Д. Тёрнера, текстуальная метафора уводит на второй план эстетический аспект в палеонтологических исследованиях: «...текстуальная метафора сделала эстетические аспекты палеонтологии менее заметными» [13. Р. 51]. Понимание Тёрнером идей Фродемана в данном аспекте, на наш взгляд, можно выстроить в следующую логическую цепочку:

1) герменевтическое понимание объекта геологического исследования является результатом приверженности Фродемана к текстуальной метафоре;

2) текстуальная метафора делает «эстетические аспекты палеонтологии менее заметными»

3) следовательно, герменевтический взгляд на познание Земли делает эстетические аспекты палеонтологии менее заметными.

По нашему мнению, вывод данной логической цепочки непротиворечиво вытекает из первых двух посылок, сформулированных Тёрнером. Если отталкиваться от понимания герменевтики, которое было представлено Хайдеггером, на которое, в свою очередь, опирался Фродеман, а также на понимание герменевтических процедур Гадамером, то с выводом указанной выше логической цепочки довольно сложно согласиться. Можно согласиться, что текстуальная метафора уводит на второй план эстетический аспект (в первую очередь визуальный) палеонтологического познания. Однако довольно сложно согласиться с тезисом, что герменевтика, как философское учение, уводит на второй план эстетический аспект познания. Эстетический аспект согласно герменевтическими идеями Гадамера с необходимостью включен в процесс познания.

В связи с этим хотелось бы отметить, что «стереовременное восприятие», о котором пишет Д. Тёрнер, на наш взгляд, аналогично чувству «такта», о котором писал герменевтики XX в. Г.-Г. Гадамер: «Под тактом мы понимаем определенную восприимчивость и способность к восприятию ситуации и поведения внутри нее, для которой у нас нет знания, исходящего из общих принципов» [15. С. 58]. Иными словами, чувство такта, по Гадамеру, – это взгляд на ситуацию «изнутри», и этот взгляд не может опираться на одни лишь обобщения. Взгляд на ситуацию «изнутри» надо пережить, надо хорошо представлять прошлое и в некоторой степени его пережить не только эпистемически, но и эстетически. Гадамер пишет: «...тот, кто обладает *эстетическим чувством* (курсив мой. – В.М.), умеет различать прекрасное и безобразное, хорошее или плохое качество, а тот, кто обладает историческим чувством, знает, что возможно и что невозможно для определенной эпохи, и обладает чувством инаковости прошлого по отношению к настоящему» [15. С. 58].

Как отмечает автор «Палеоэстетики», для того чтобы представить в своем воображении прошлое исследуемого участка, необходимо не только знать о его истории из книг и учебников, но и непосредственно присутствовать на *месте* (на исследуемом геологическом участке). При этом чувство *места*, а следовательно, и эстетическое восприятие объекта исследования – ландшафта, зависит от знания его истории с одной стороны, и от знания настоящего – с другой: «...наше ощущение места во многом связано с нарративами, часто включающими в себя научные нарративы, о том, что там происходило» [13. Р. 9]. При таком понимании роли истории в эстетическом восприятии ландшафтов (местности) знание настоящего должно обеспечиваться присутствием геолога на *месте* (геологическом участке), тогда как знание прошлого – его теоретической базой, профессиональным опытом, а также «стереовременным» воображением.

Стоит отметить, что идея важности полевых исследований, а точнее, важности присутствия геолога в непосредственной близости к исследуемому геологическому участку присутствует и у Р. Фродемана, который указывает

на фундаментальный полеориентированный характер геологических исследований: «Никакому лабораторному эксперименту или компьютерной модели в принципе невозможно преодолеть фундаментальный полеориентированный характер геологии» [18. Р. 71]. Если у Тёрнера присутствие на *месте* в процессе геологического (палеонтологического) исследования является необходимым условием особого рода ментальных практик, как, например, «стереовременного восприятия», то для Фродемана присутствие геолога в поле является проявлением жизненного полноценного восприятия мира через ментальные и телесные практики: «Так как геологическая работа обычно начинается с телесных действий непосредственно в поле, мы должны будем рассмотреть действия наблюдателя и его отношение к миру как нашу центральную эпистемологическую проблему» [18. Р. 73].

Тем не менее в тезисах обоих философов можно обнаружить едва уловимое требование, а именно то, что геологию и ее частный случай – палеонтологию, нельзя и невозможно продуктивно изучать только по учебникам. Например, для того чтобы определить, какой минерал в данный момент находится в руках, геолог должен был до этого с ним непосредственно работать на практических занятиях по минералогии. И это является не только телесной, но и эстетической практикой, в том числе в восприятии цветов, оттенки которых невозможно передать одними лишь словами. Аналогичная ситуация обстоит с палеонтологическими исследованиями, а также непосредственными работами с обнажениями в полевых условиях. Требование обучать геологов, палеонтологов в непосредственном контакте с геологическими обнажениями, минералами, горными породами и древними палеонтологическими окаменелостями, т.е. не только по книгам, может оказаться откровением для некоторых философов науки, придерживающихся лингвистической парадигмы. Однако для геологов это уже давно известная истина. Причем такое практикоориентированное требование можно встретить в любой области, где телесные и эстетические практики имеют большое значение: живопись, музыка, танцы, медицина и многое другое.

Зависимость нашего восприятия объекта от нашего знания его истории, от наших профессиональных компетенций и нашего профессионального и жизненного опыта указывает нам на два важных аспекта герменевтического познания: герменевтический круг и предварительные знания («наброски понимания», «предраассудки»). Д. Тёрнер напрямую не обращается к концепту герменевтического круга, однако приводит метафорическое сравнение познания прошлого окаменелости с попыткой разгадать, какой была музыкальная композиция, по последнему аккорду: «...очевидно, что между музыкальной композицией и геологическими процессами есть существенные различия, но есть и существенное сходство. Окаменелости и обнажения горных пород очень похожи на последний аккорд симфонии» [13. Р. 23]. Данной метафорой Тёрнер хотел обратить внимание именно на эстетический аспект познания в палеонтологии, однако при всем этом приведенное им метафорическое сравнение с симфонией мы можем легко трактовать с точки зрения герменевтического круга, т.е. познания частей через целое, а целого – через части. Иными словами, последний аккорд симфонии – это часть общего целого, и невозможно понять часть и целое в отрыве друг от друга. Как невозможно полностью понять симфонию без последнего аккорда, так и красоту последнего

аккорда без учета всей симфонии. Следовательно, для того чтобы понять красоту и смысл последнего аккорда – окаменелости, палеонтологу необходимо «правильным образом войти в него (в герменевтический круг. – В.М.)» [14. С. 179]. В свою очередь, это «правильное вхождение в круг» могут обеспечить наши предварительные знания, которые могут быть в виде наших представлений об истории окаменелости, а также общего жизненного и профессионального опыта.

Таким образом, можно сделать промежуточный вывод о том, что понимание Тёрнером герменевтической традиции, на наш взгляд, является неполным. Как известно, герменевтика в своем развитии прошла путь от способа интерпретации священных текстов до методологии «наук о духе» в XIX в. (В. Дильтей [19]) и до самостоятельного философского направления в XX в. (М. Хайдеггер [14], Г.-Г. Гадамер [15], П. Рикёр [20] и др.). Что же касается, критикуемой Тёрнером работы Фродемана, то рассуждая о герменевтических познавательных процедурах в геологии, Р. Фродеман отталкивается от работы «Бытие и время» М. Хайдеггера, в рамках которой герменевтика трактуется уже не просто как способ интерпретации текстов, а как философское учение о познании и бытии.

Но также здесь необходимо привести доводы и в защиту Тёрнера. Во-первых, как написал сам автор, его книга «Палеоэстетика и практика палеонтологии» носит «краткий и программный характер» [13. Р. 2]. В связи с этим необходимо это учитывать и с пониманием относиться к некоторой неполноте его работы. Во-вторых, приводя пример с Фродеманом, Д. Тёрнер не имел цели давать глубокую характеристику герменевтике и рассматривать эстетический аспект палеонтологии с герменевтических позиций. В-третьих, автор «Палеоэстетики» хотел показать, что необходимо производить рефлексии над метафорами: «Одна ценная услуга, которую мы, философы науки, можем оказать (ученым. – В.М.), – это критическое исследование научных метафор» [13. Р. 49]. В этом аспекте, тезис о том, что Р. Фродеман находится во власти текстуальной метафоры, можно считать верным, однако недостаточным для понимания сущности герменевтической идеи и его методологического шага в сторону континентальной философской традиции.

Палеоэстетика и философия истории

При всем при том было бы неверным утверждение, что концепция палеоэстетики Тёрнера полностью и всецело может быть объяснена только в категориях герменевтики. Например, за рамки герменевтики выходят идеи Д. Тёрнера о роли метафор в палеонтологических исследованиях. Метафоры в науке для Тёрнера – это поэтическое средство научного познания: «Как только вы оцените вездесущность метафорических понятий в науке, вам будет трудно не рассматривать формирование научных понятий и построение теорий как полупоэтическую практику» [13. Р. 49].

Тёрнер утверждает, что от выбора метафоры в отношении объекта исследования будет зависеть ход и результаты всего исследования: «...они (метафоры. – В.М.) открывают новые линии вопросов и новые способы видения, но как только метафора укореняется, она также может помешать нам видеть определенные вещи определенным образом» [13. Р. 49]. Автор «Палеоэстетики» считает, что окаменелости, воспринимаемые в рамках текстуальной ме-

тафоры, воспринимаются исследователями как «записи» о прошлом, выраженные в вещественной форме. Однако окаменелости могут быть воспринимаемы исследователями совершенно иначе после смены метафоры: «Окаменелости – это выраженные в вещественной форме доказательства (evidential items), и было бы безумием предполагать обратное. Но, как и любая другая метафора, метафора „ископаемая летопись“ не является обязательной. Другие метафоры, ни одна из которых не совершенна, могут открыть новые способы концептуализации вещей и могут прояснить эстетические аспекты палеонтологии» [13. Р. 53]. Иными словами, по Тёрнеру, текстовая метафора не просто уводит на второй план эстетический аспект окаменелостей, но и заставляет исследователя относиться к окаменелостям как к доказательству, которое своим существованием доказывает собственное прошлое. Следовательно, при текстуальном понимании окаменелостей в первую очередь возникают вопросы о полноте геологической информации: «...что неполная летопись окаменелостей может рассказать нам о прошлом? Сколько информации мы можем извлечь из нее?» [13. Р. 52]. В таком случае главной задачей исследователя истории Земли будет упорядочивание уже известных окаменелостей – «доказательств» – в единую картину прошлого исследуемого геологического участка или всей Земли. Такое отношение к «письменным» источникам как к авторитетам Тёрнер усматривает в культурной традиции, уходящей своими корнями в религию, где написанное в священном писании воспринималось как истина от Бога. Тёрнер об этом пишет следующее: «...текстуальная метафора имеет историю, которая восходит задолго до Дарвина и Ляйелля, к ранней современной идее о том, что Бог – часто называемый в этой связи „Творцом природы“ – написал для нас две книги для изучения» [13. Р. 52].

Для того чтобы «вырваться из тисков идеи о том, что окаменелости в первую очередь являются „записями“ прошлого» [13. Р. 54], Тёрнер приводит другую метафору в отношении палеонтологических окаменелостей: «...одной из альтернатив может быть рассмотрение окаменелостей как инструментов исследования». Понимание окаменелостей как «инструментов исследования», по мнению автора, порождает иные исследовательские вопросы, и как следствие, меняет вектор и характер палеонтологического исследования: «Вместо того, чтобы читать (или перечитывать) летопись окаменелостей, мы можем думать о палеонтологах как о разрабатывающих и совершенствующих инструментарий окаменелостей и применяющих его в координации с другими исследовательскими инструментами» [13. Р. 54].

Такой сменой метафоры Д. Тёрнер, вероятно, хотел уйти от описательной палеонтологии и прийти к научной, в рамках которой окаменелости воспринимались бы не как доказывающие своим существованием свою историю, а как средства, с помощью которых палеонтолог может получить информацию, в том числе и не оставшуюся в виде прямых свидетельств (палеонтологических окаменелостей). Здесь стоит оставить без обсуждения вопрос о том, насколько «описательна» или «научна» современная палеонтология, – несомненно, там есть и тот и другой тип исследования. Однако само стремление Тёрнера повысить уровень научности палеонтологии через смену отношения к окаменелостям, на наш взгляд, заслуживает всяческой поддержки.

В то же время нельзя не отметить тот факт, что подобные идеи можно встретить в некоторых классических трудах по философии истории. Напри-

мер, тезис о скрытой и фундаментальной роли *поэтического* только уже в отношении гуманитарного исторического знания мы можем прочесть у Х. Уайта: «...они (истории. – В.М.) включают глубинное структурное содержание, которое по своей природе в общем поэтично» [16. С. 17]. Книга Х. Уайта «Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX века» на сегодняшний день стала уже классической работой, в которой подробно рассмотрены поэтические аспекты исторического исследования, в частности в работе проведены классификации метафор, типов сюжета и типов идеологического подтекста, применяемых историками при написании своих исторических произведений.

Кроме концептуальной близости идей Д. Тёрнера к идеям Х. Уайта, на наш взгляд, можно провести прямую аналогию между заменой метафоры, которую провел Тёрнер, рассуждая о палеонтологическом познании, и заменой метафоры, которую провел Р.Дж. Коллингвуд, рассуждая о том, каким, по его мнению, должно быть научное историческое исследование. Коллингвуд в своей работе противопоставляет два типа исторического исследования. Первый тип – это история «ножниц и клея», которая представляет собой процедуру комбинирования уже готовых исторических свидетельств без должного критического отношения к ним со стороны историка. В лучшем случае при таком типе исторического «исследования» (историю «ножниц и клея» Коллингвуд не считает научной историей) историк может себе позволить отбросить, что является недостоверным, и принять, то, что он считает достоверным. Коллингвуд о методе истории «ножниц и клея» пишет следующее: «...отличительная черта истории ножниц и клея, равно присущая как ее наименее, так и наиболее критическим формам, – в том, что историк в ней имеет дело с уже готовыми утверждениями, и проблема, встающая перед ним, сводится к принятию либо отбрасыванию этих утверждений» [17. С. 261].

В рамках истории «ножниц и клея», о которой пишет Коллингвуд, исходная информация воспринимается как «источник»: «Если история означает историю ножниц и клея, когда историк в своих познаниях зависит от имеющихся у него готовых высказываний, а тексты, содержащие эти высказывания, называются его источниками, то легко дать определение источника. Источник – это текст, содержащий высказывание или высказывания о данном предмете» [17. С. 264]. Нетрудно заметить, что понятие «источник» в отношении текста – это метафора, также как и «запись», метафора в отношении окаменелости. В прямом смысле источник – это родник, источник воды. В культуре исторически сложилось такое отношение к источникам, что источник может быть либо подходящим, либо неподходящим. Главный вопрос в оценке источника воды – можно ли пить из него воду или нельзя, и если нельзя, то необходимо просто искать другой источник. Вряд ли у кого-то возникнет идея выкопать источник с непригодной для питья водой глубже или провести над ним какую-то работу в целях использования данной воды для питья в будущем. Разумеется, если больше нет никаких других источников, то люди попробуют очистить воду, чтобы она стала пригодной для питья, но если есть поблизости другие источники, то от источника с непригодной для питья водой люди просто откажутся и будут брать воду из чистого соседнего источника.

В этом смысле, на наш взгляд, метафора «источник», применяемая Коллингвудом в отношении исходных исторических данных в рамках истории «ножниц и клея», очень близка по своему смыслу к метафоре «запись», которую Д. Тёрнер применяет в отношении окаменелостей. Причем стоит отметить, что понятие «запись» он трактует специфическим образом. Для Тёрнера окаменелости, воспринимаемые как «записи», трактуются как достоверные записи. Автор «Палеоэстетики», вероятно, имеет ввиду, что вряд ли кто-то может подумать, что «автор» этих «записей» (окаменелостей) мог иметь целью создать ложную «запись». При таком отношении к окаменелостям исследователю необходимо лишь выбирать и комбинировать эти достоверные данные. Следовательно, на наш взгляд, не будет искажением смысла, если мы назовем окаменелость, понимаемую в рамках текстуальной метафоры, «источником» в том значении, которое этой метафоре придал Р. Коллингвуд.

Второй тип исторического исследования, по Коллингвуду, – научная история. В рамках научной истории исходные данные, по мнению философа, должны пониматься не как источник, а как основание: «Если история означает научную историю, то термин „источник“ мы должны заменить термином „основание“» [17. С. 266]. Причем термин «основание» должен восприниматься таким образом, что всякая информация вне зависимости от своей полноты или истинности может быть использована научным историком. Научный историк, по мнению Коллингвуда, должен изучать не периоды, а ставить вопросы и находить на них ответы: «Научные историки изучают проблемы – они ставят вопросы и, если они хорошие историки, задают такие вопросы, на которые можно получить ответ» [17. С. 265].

Так же как и в случае с первой метафорой, новая метафора Тёрнера – «инструмент исследования» в отношении окаменелостей, на наш взгляд, аналогична по своему смыслу метафоре «основание» Коллингвуда в отношении исторических текстов. Окаменелость, понимаемая как «инструмент исследования» не может быть просто включена или отброшена в силу своей достоверности или недостоверности, а также полноты или неполноты в какую-либо хронологию или историю. Инструмент исследования – это средство познания, и при таком понимании окаменелостей палеонтолог должен относиться к окаменелостям как к объекту, с которым надо научиться работать и правильно его использовать в своих исследованиях. Использовать окаменелость как инструмент исследования означает в том числе через окаменелость искать ответы на вопросы, которые не даны непосредственно в самой окаменелости.

На наш взгляд, Тёрнер неслучайно выбрал именно метафору «инструмент», так как он был хорошо знаком с передовыми достижениями в палеонтологии и написал философскую статью [7] о том, как по микроструктуре пера палеонтологи определили цвет перьев динозавров, не имея при этом никаких останков пигментации в окаменелостях. Конечно, «основание» и «инструмент» имеют разные изначальные значения, однако в рамках работы Д. Тёрнера и Р. Коллингвуда мы можем две эти метафоры с некоторыми допущениями признать тождественными.

Выводы

При рассмотрении работы Д. Тёрнера «Палеоэстетика и практика палеонтологии» было обнаружено, что основные аргументы автора в пользу по-

строения новой философской дисциплины – палеоэстетики – можно описать в рамках философской герменевтики (Хайдеггер, Гадамер, Фродеман), а также в рамках философии истории (Уайт, Коллингвуд):

– Тёрнер, как и классик герменевтики Гадамер, указывает на тесную взаимосвязь эпистемических (исторических) и эстетических ценностей в познании

– Зависимость нашего эстетического восприятия окаменелости от знания ее истории, на которую указывает Тёрнер, без искажения смысла можно описать в категориях герменевтики, а именно через концепт герменевтического круга и роли предварительных знаний в историческом познании.

– Обращение Тёрнера к рефлексии над метафорами в палеонтологии как над поэтическим измерением знания также коррелирует с идеей классика философии истории XX в. Х. Уайта о необходимости рефлексии над поэтическим измерением исторического знания, а также о фундаментальной роли *поэтического* в построении исторических произведений.

– В своем стремлении сделать палеонтологию в большей степени исследовательской и уйти от описательного характера исследований истории Земли Тёрнер проводит ту же операцию, что и Р.Дж. Коллингвуд, строго разделявший описательную историю «ножниц и клея» от научной истории. На наш взгляд, проведенная Тёрнером замена метафоры «запись» в отношении окаменелостей на метафору «инструмент исследования» аналогична по своему смыслу замене метафоры «источник» на метафору «основание», которую произвел Коллингвуд в отношении исторических свидетельств.

Сходство аргументов Тёрнера и классиков герменевтики и философии истории дает основание полагать, что палеоэстетику в том виде, в каком предложил ее Тёрнер, следует рассматривать в русле герменевтики и философии истории. Такое понимание места палеоэстетики в мировой философской традиции, с одной стороны, будет способствовать использованию достижений магистральных направлений в философии для развития философской палеоэстетики; с другой стороны, обращение к классическим философским трудам позволит избежать удвоения смыслов и построения аналогичных классическим философским концепциям о геологическом (палеонтологическом) познании.

Список источников

1. *Миронов В.А.* Проблема научного статуса геологии и способы ее решения в трудах отечественных исследователей в период XX–XXI вв. // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 429. С. 74–81.
2. *Миронов В.А.* Специфика взглядов западных исследователей на проблему научного статуса геологического познания в период XX–XXI // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 438. С. 93–96.
3. *Frodeman R.* Geological reasoning: Geology as an interpretive and historical science // Geological Society of America Bulletin. 1995. № 107. P. 959–968.
4. *Cleland C.* Prediction and explanation in historical natural science // British Journal for the Philosophy of Science. 2011. Vol. 62, № 3. P. 551–582.
5. *Cleland C.* Methodological and epistemic differences between historical science and experimental science // Philosophy of Science 2002. Vol. 69, № 3. P. 474–496
6. *Turner D.* Local Underdetermination in Historical Science // Philosophy of Science. 2004. Vol. 72. P. 209–230.
7. *Turner D.* A second look at the colors of the dinosaurs // Studies in History and Philosophy of Science. 2015. P. 1–9.

8. Currie A. *Rock, Bone, and Ruin: An optimist's guide to the historical sciences*. Cambridge, MA : MIT Press, 2018.
9. Jeffares B. Testing times: Regularities in the historical sciences // *Studies in History and Philosophy of Biological and Biomedical Sciences*. 2008. Vol. 39, № 4. P. 469–475.
10. Sober E. *Reconstructing the Past: Parsimony, evolution, and inference*. Cambridge, MA : MIT Press, 1988.
11. Sober E., Steel M. Time and knowability in evolutionary processes // *Philosophy of Science*. 2014. Vol. 81, № 4. P. 558–579.
12. Cleland C. Common Cause Explanation and the Search for a Smoking gun // *Rethinking the Fabric of Geology: Geological Society of America Special Paper 502*. 2013. P. 1–9.
13. Turner D. *Paleoaesthetics and the Practice of Paleontology (Elements in the Philosophy of Biology)*. Cambridge University Press, 2019.
14. Хайдеггер М. Бытие и время. М. : Академ. проект, 2011. 460 с
15. Гадамер Г.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики : пер. с нем. / общ. ред. и вступ. ст. Б.Н. Бессонова. М. : Прогресс, 1988. 704 с.
16. Уайт Х. Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX века / пер. с англ. под ред. Е.Г. Трубиной, В.В. Харитоновой. Екатеринбург : Изд-во Урал, ун-та, 2002. 528 с.
17. Коллингвуд Р.Дж. Идея истории. Автобиография / пер. и ком. Ю.А. Асеева. М. : Наука, 1980. 485 с.
18. Raab T., Frodeman R. What is it like to be a geologist? A phenomenology of geology and its epistemological implications // *Philosophy & Geography*. 2002. Vol. 5, is. 1. P. 69–81.
19. Дильтей В. Собрание сочинений: в 6 т. / под ред. А.В. Михайлова и Н.С. Плотникова. Т. 1: Введение в науки о духе / пер. с нем. под ред. В.С. Малахова. М. : Дом интеллектуальной книги, 2000. С. 270–730.
20. Рикер П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. М. : Канон-пресс-Ц : Кучково поле, 2002. 624 с.

References

1. Mironov, V.A. (2018) The problem of the scientific status of geology and how to resolve it in the works of Russian researchers in the 20th – 21st centuries. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 429. pp. 74–81. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/429/9
2. Mironov, V.A. (2019) Specifics of the Western researchers' views relating to the problem of the scientific status of geology in the 20th and 21st centuries. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 438. pp. 93–96. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/438/12
3. Frodeman, R. (1995) Geological reasoning: Geology as an interpretive and historical science. *Geological Society of America Bulletin*. 107. pp. 959–968.
4. Cleland, C. (2011) Prediction and explanation in historical natural science. *British Journal for the Philosophy of Science*. 62(3). pp. 551–582.
5. Cleland, C. (2002) Methodological and epistemic differences between historical science and experimental science. *Philosophy of Science*. 69(3). pp. 474–496.
6. Turner, D. (2004) Local Underdetermination in Historical Science. *Philosophy of Science*. 72. pp. 209–230.
7. Turner, D. (2016) A second look at the colors of the dinosaurs. *Studies in History and Philosophy of Science*. 55. pp. 60–68. DOI: 10.1016/j.shpsa.2015.08.012
8. Currie, A. (2018) *Rock, Bone, and Ruin: An Optimist's Guide to the Historical Sciences*. Cambridge, MA: MIT Press.
9. Jeffares, B. (2008) Testing times: Regularities in the historical sciences. *Studies in History and Philosophy of Biological and Biomedical Sciences*. 39(4). pp. 469–475.
10. Sober, E. (1988) *Reconstructing the Past: Parsimony, Evolution, and Inference*. Cambridge, MA: MIT Press.
11. Sober, E. and Steel, M. (2014) Time and knowability in evolutionary processes. *Philosophy of Science*. 81(4). pp. 558–579.
12. Cleland, C. (2013) Common Cause Explanation and the Search for a Smoking gun. *Rethinking the Fabric of Geology: Geological Society of America Special Paper*. 502. pp. 1–9.
13. Turner, D. (2019) *Paleoaesthetics and the Practice of Paleontology (Elements in the Philosophy of Biology)*. Cambridge University Press.

14. Heidegger, M. (2011) *Bytie i vremya* [Being and Time]. Translated from German. Moscow: Akademicheskiiy proekt.
15. Gadamer, H.-G. (1988) *Istina i metod: Osnovy filosofskoy germenевtiki* [Truth and Method: The Basics of Philosophical Hermeneutics]. Translated from German. Moscow: Progress.
16. White, H. (2002) *Metaistoriya: Istoricheskoe voobrazhenie v Evrope XIX veka* [Metahistory: The Historical Imagination in Nineteenth-century Europe]. Translated from English. Ekaterinburg: Ural State University.
17. Collingwood, R.J. (1980) *Ideya istorii. Avtobiografiya* [The Idea of History. Autobiography]. Moscow: Nauka.
18. Raab, T. & Frodeman, R. (2002) What is it like to be a geologist? A phenomenology of geology and its epistemological implications. *Philosophy & Geography*. 5(1). pp. 69–81.
19. Dilthey, W. (2000) *Sobranie sochineniy v 6 t.* [Collected Works in 6 vols]. Vol. 1. Translated from English. Moscow: Dom intellektual'noy knigi. pp. 270–730.
20. Ricœur, P. (2002) *Konflikt interpretatsiy. Ocherki o germenевtike* [The Conflict of Interpretations: Essays in Hermeneutics]. Moscow: Kanon-press-Ts: Kuchkovo pole.

Сведения об авторе:

Миронов В.А. – научный сотрудник Лаборатории анализа и прогнозирования интеграционных процессов современной Евразии Института философии и права Новосибирского национального исследовательского государственного университета (Новосибирск, Россия). E-mail: mironovv@mail2000.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Mironov V.A. – researcher at the Laboratory for Analysis and Forecasting of Integration Processes of Modern Eurasia, Institute of Philosophy and Law, Novosibirsk National Research State University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: mironovv@mail2000.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 07.09.2023;
одобрена после рецензирования 19.01.2024; принята к публикации 04.03.2024
The article was submitted 07.09.2023;
approved after reviewing 19.01.2024; accepted for publication 04.03.2024*

Научная статья
УДК 160.1
doi: 10.17223/1998863X/77/8

О СООТНОШЕНИИ ЛОГИКИ И ФИЛОСОФИИ МАТЕМАТИКИ КАНТА

Анатолий Геннадьевич Пушкарский

*Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта, Калининград, Россия,
pushcarskiy@mail.ru*

Аннотация. Логика и философия математики играют ключевую роль в адекватном понимании всей критической философии Канта. Особенности интерпретации Кантом формальной логики и выработанная им в его критической философии трансцендентальная логика, с одной стороны, обуславливает конструктивный и синтетический характер математического познания, с другой стороны, разработанная им нетривиальная философия математики представляет собой ответ на ограничения традиционной логики в представлении математических знаний и попытку их преодоления. Конструирование математических понятий в чистом созерцании чувственной интуиции позволяет выйти за пределы этих ограничений в математическом познании.

Ключевые слова: логика Канта, философия математики Канта, интенциональный подход в логике, аналитическое, синтетическое, конструирование понятий

Благодарности: исследования проведены при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации, проект № 075-15-2019-1929 «Кантианская рациональность и ее потенциал в современной науке, технологиях и социальных институтах», реализуемый на базе Балтийского федерального университета имени И. Канта (Калининград).

Для цитирования: Пушкарский А.Г. О соотношении логики и философии математики Канта // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2024. № 77. С. 95–110. doi: 10.17223/1998863X/77/8

Original article

ON THE RELATIONSHIP BETWEEN LOGIC AND PHILOSOPHY OF MATHEMATICS IN KANT

Anatoly G. Pushcarsky

*Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russian Federation,
pushcarskiy@mail.ru*

Abstract. For Kant's theoretical philosophy, logic was not at all a separate or peripheral discipline. Quite the opposite, it can be argued that formal general logic became a kind of a paradigm of his transcendental philosophy, and its central ideas are due to the specific nature of Kant's logical concept. Kant's philosophy of mathematics is of particular interest, since one of the central questions of his *Critique of Pure Reason* is the question of how mathematics is possible as a science of universal and necessary truths. Kant's theoretical philosophy cannot be understood without his mathematical concept, since the type of synthesis that, according to Kant, underlies mathematics is the same as for all other objects of perception. In addition, in his transcendental philosophy, the difference between the philosophical and mathematical methods turns out to be fundamental. Undoubtedly, Kant's original logical concept, including the construction of a new and non-standard transcendental logic, could not but have a significant impact on the main characteristics of his philosophy of mathematics. Their mutual influence may be of interest to anyone who wants to find the key

to understanding Kant's philosophy in a more general context. The following central provisions of Kant's philosophy of mathematics, formulated by him in "The Transcendental Aesthetic", "The Transcendental Doctrine of Method" and other small fragments of the *Critique of Pure Reason*, can be distinguished: firstly, it is the idea of formality of both mathematical and any rational cognition (just as formal logic is the basis of "empty" logical forms, mathematics is formal, since it deals with pure a priori forms of intuitions); secondly, it is the doctrine of the synthetic a priori character of mathematical truths; thirdly, it is his idea that mathematical knowledge is realized through the construction of concepts, and, finally, it is the idea of the direct and necessary connection of mathematical knowledge with pure forms of intuitions, i.e. with extremely general areas of empirical experience. At the same time, the apparatus of traditional logic available to Kant had significant limitations that did not make it possible to adequately represent mathematical knowledge. On the one hand, the features of Kant's interpretation of formal logic and the transcendental logic developed by him in his critical philosophy determine the constructive and synthetic nature of mathematical knowledge; on the other hand, the non-trivial philosophy of mathematics developed by him is a response to the limitations of traditional logic and an attempt to overcome them. The construction of mathematical concepts in pure a priori intuition allows one to go beyond the limits of these limitations in mathematical knowledge, which had exceptional consequences for the history of modern philosophy of mathematics and the history of the foundations of mathematics. It must be assumed that the key features of Kant's logical concept and his philosophy of mathematics have not yet exhausted their heuristic possibilities for topical research in these areas of science and philosophy.

Keywords: Kant's logic, Kant's philosophy of mathematics, intensional approach in logic, analytical, synthetic, construction of concepts

Acknowledgments: The research was carried out with the financial support of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Project No. 075-15-2019-1929 "Kantian rationality and its potential in modern science, technology and social institutions", implemented at Immanuel Kant Baltic Federal University (Kaliningrad).

For citation: Pushkarsky, A.G. (2024) On the relationship between logic and philosophy of mathematics in Kant. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 77. pp. 95–110. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/77/8

Логика для теоретической философии Канта вовсе не была отдельной или периферийной дисциплиной. Совсем наоборот, можно утверждать, что формальная общая логика стала своеобразной парадигмой его трансцендентальной философии и ее центральные идеи обусловлены специфическим характером кантовской логической концепции. Особый интерес представляет философия математики Канта, поскольку одним из центральных вопросов первой критики Канта является вопрос, как возможна математика как наука о всеобщих и необходимых истинах. Теоретическую философию Канта невозможно понять без его математической концепции, поскольку тот тип синтеза, который, по мнению Канта, лежит в основе математики, такой же, как и для всех других объектов восприятия. К тому же в его трансцендентальной философии фундаментальным оказывается различие между философским и математическим методом. Несомненно, оригинальная логическая концепция Канта, включающая построение новой и нестандартной трансцендентальной логики, не могла не оказать значительного воздействия на основные характеристики его философии математики. Их взаимовлияние может представлять интерес для всех, кто хочет найти ключ к пониманию философии Канта, и в более общем контексте.

На первый и неискушенный взгляд кажется, что логика и философия математики Канта непосредственно связаны с общепринятой концепцией тра-

диционной логики и потому ограничены ее рамками. И, соответственно, его понимание логики и математики должно быть признано архаичным и неадекватным их современному восприятию. Тем не менее, как бы ни отличались его представления об основных понятиях математики от нашего, как бы они не были запутанны, если сравнивать его с общепринятыми, основанными на современной логике и теории множеств, оценка его концепции логики и математики претерпела определенные и иногда существенные изменения в связи с историко-логическими и историко-философскими изысканиями последнего времени. И надо полагать, что ключевые особенности логической концепции Канта и его философии математики и сегодня не исчерпали своих эвристических возможностей для актуальных исследований в данных областях науки и философии.

О специфических особенностях логической концепции Канта

Основной целью теоретической философии Канта было построение априорной структуры сознания и выявления фундаментальных условий рационального познания. При этом главной характеристикой такого познания является способность познания общезначимых истин. Определением общих условий признания некоторых суждений как общезначимо истинных занимается логика. Поэтому в основание построения своей теории сознания Кант полагает общую чистую логику, которая понимается им как канон и негативный критерий истины. Собственно говоря, он сам напрямую на это указывает: «Общая логика построена по плану, совершенно точно совпадающему с делением высших познавательных способностей. Эти способности суть рассудок, способность суждения и разум. Поэтому общая логика трактует в своей аналитике о понятиях, суждениях и умозаклчениях сообразно функциям и порядку упомянутых умственных способностей» [5. С. 216]. Однако общая чистая логика Канта «имеет дело исключительно с априорными принципами и представляет собой канон рассудка и разума, однако только в отношении того, что формально в их применении, тогда как содержание может быть каким угодно (эмпирическим или трансцендентальным)» [5. С. 156]. Эта логика не может быть использована в качестве органа, т.е. метода познания и получения нового знания, поскольку в ее экспликации «Кант опирался на специфическое понятие логической формы и в качестве основания для своего взгляда на логику выдвигал тезис о „пустоте“ логических форм. Анализ текстов Канта и сопоставление их с современными взглядами на логику и логическую форму намечают следующую цепочку: (А) „пустота“ логических форм → (Б) отвлечение от содержания и объектов мышления → (В) аналитичность общей логики, где стрелка обозначает отношение обусловливания» [1. С. 33]. По мнению Канта, общая чистая логика является вполне законченной и совершенной наукой, уже созданной Аристотелем, и служит для него непосредственным образцом для создания *трансцендентальной логики*, которая понимается им как наука, систематически излагающая способы построения, организации, преобразования и приращения априорного знания. Эта логика, по существу, представляет собой ядро трансцендентальной философии Канта и ее взаимосвязь с формальной логикой не ограничивается общими структурными сходствами с последней. Кант применяет методы формальной логики, например, в классификации суждений и для описания

логических функций рассудка. Кроме того, критика каждой познавательной способности начинается с изложения учения о ней традиционной логики, т.е. логического применения данной познавательной способности. В отличие от общей логики трансцендентальная логика синтетична, т.е. имеет дело с априорными синтетическими суждениями, которые общая логика не знает «даже по названию» и дает нам позитивный критерий истины.

Но насколько логическую концепцию Канта можно считать аристотелевской? Логическое учение Аристотеля – это в первую очередь его теория силлогизма. И традиционно она интерпретируется как дедуктивная система выводов на основе объемов понятий, представляющих собой термины категорических суждений, составляющих посылки и заключение силлогизма. И если мы обратимся к небольшой работе Канта «Ложное мудрствование в четырех фигурах силлогизма», то обнаружим, что в ней аристотелевский силлогизм подвергается суровой критике. В ней он сравнивает учение о фигурах и модусах силлогизма с колоссом, «голова которого скрывается в облаках древности, а ноги сделаны из глины» [4. С. 73], а саму силлогистику называет «атлетикой ученых», позволяющей «в ученом словопрении взять верх над неосмотрительным противником» и «искусством... которое в других отношениях, быть может и весьма полезно, но которое немного способствует интересам истины» [4. С. 73]. Кантовская критика кажется на первый взгляд необоснованной, но надо иметь в виду, что «в истории логики складывался иной – альтернативный экстенциональному – подход к интерпретации смыслов категорических суждений, которые составляют предмет исследования в силлогистических теориях. Суть этого подхода заключается в трактовке субъекта и предиката высказывания как понятийных конструкций и их анализе с точки зрения содержательных, а не объемных характеристик. Силлогистические константы при этом рассматриваются как знаки отношений между понятиями по содержанию» [10. С. 125]. В построении своей теоретической философии Кант практически всегда использует формы традиционного силлогизма, но дает свое определение умозаключения: «всякое суждение через опосредованный признак есть умозаключение» [4. С. 62]. Причем само суждение у Канта определяется следующим образом: «Высказывать суждение – значит сравнивать нечто как признак с какой-нибудь вещью» [4. С. 61]. По мнению В.Н. Брюшинкина, данное сведение умозаключений к суждениям у Канта как раз и «было вызвано особенностями его философских взглядов и, прежде всего, говорило о генетическом отношении между суждениями и умозаключениями» [1. С. 32]. В логике Кант принимает следующие два правила для всех умозаключений: «...первое и общее правило всех утвердительных умозаключений таково: признак признака есть признак самой вещи (*nota notae est etiam nota rei ipsius*), для всех отрицательных суждений: что противоречит признаку вещи, противоречит и самой вещи (*repugnans notae repugnant rei ip si*)» [4. С. 63]. Причем он предпочитает эти правила более традиционному *Dictum de omni et nullo*, которое утверждает, что все, что в понятии утверждается во всем объеме, утверждается и о каждом другом понятии, которое содержится в первом. Таким образом, как замечает Брюшинкин, «нетрудно заметить, что *Nota notae* главным образом говорит о содержании (признаках) рассматриваемых в умозаключении понятий, а *Dictum* – об объемах их. Поэтому первый принцип является существенно интенциональным,

второй – экстенциональным. Кант настаивает на приоритете интенциональных соображений и объявляет, что Dictum выводится из Nota notae, но не наоборот» [1. С. 34]¹. Сам Кант обосновывает это следующим образом: «Основание для доказательства этого правила ясно: то понятие, которое включается в другие, всегда обособлено от них как некоторый признак...» [4. С. 63–64]. Не сами силлогистические умозаключения, а их чисто экстенциональные интерпретации оказываются неприемлемыми для него и «строго интенциональный подход, выработанный Кантом в формальной логике, будет иметь важные следствия для его трансцендентальной логики, где он различает аналитические и синтетические суждения, что невозможно в рамках чисто экстенционального подхода к логическим категориям» [8. С. 72].

Интенциональную основу кантовской логики отмечает и Р. Ланье Андерсон, подробно разбирая кантовское понимание аналитичности и синтетичности в их применении к математическим объектам. Если исходить из правил деления понятий, данных Кантом в «Логике» Йеше, представляющих собой запись лекций Канта по логике, опубликованных в 1800 г.: «Относительно логического объема понятий имеют значение следующие общие правила:

1) что принадлежит или противоречит высшим понятиям, то принадлежит или противоречит и всем низшим понятиям, содержащимся под этим высшим: и

2) наоборот: что принадлежит или противоречит всем низшим понятиям, то принадлежит или противоречит и их высшему понятию» [6. С. 402], то «по сути, эти правила определяют условия эквивалентности для содержания и объема понятий. Они подразумевают, что понятия с одинаковым объемом также имеют такое же содержание и наоборот. Любые два таких понятия должны включать в себя те же самые признаки, „принадлежащие“ их содержанию или объему, но они также должны исключать те же самые признаки, которые „противоречат“ содержанию или объему... В этом смысле объем и содержание понятий не могут быть отделены друг от друга: любая разница в содержании влечет за собой разницу в его логическом объеме и наоборот» [13. Р. 508]. Однако, как подчеркивает Андерсон в логике Канта, «характеристика как содержания, так и „логического объема“ является полностью „интенциональной“ в нашем современном смысле...» [13. Р. 508]. И более того, «интенциональный характер трактовки Кантом отношений между понятиями не был естественным для ранней современной логики, и для него объем в логическом смысле всегда является множеством понятий, а не объектов» [13. Р. 509, footnote 17].

Андерсон убедительно демонстрирует, в том числе и с помощью визуальных схем, что, поскольку кантовская логика, включающая в себя логику понятий, находящихся в строго иерархическом порядке наподобие древа Порфирия, строится на интенциональных, содержательных отношениях между такими понятиями, она была просто не в состоянии описать и обосновать современную Канту математическую практику. Он пишет: «Официально считается, что для Канта суждения являются аналитическими, если и только если предикат „содержится“ в субъекте. Я намерен защитить это включающее определение от распространенного обвинения в неясности и утверждаю, что

¹ Более подробно о приоритете правила Nota notae в общей логике Канта см. в [9].

арифметика в конечном смысле не может быть аналитической. В моем подходе используются два понятия традиционной логики: логическое деление и иерархия понятий. Деление родового понятия делит его на взаимно исключающие и полностью исчерпывающие его виды. Повторные деления создают иерархию, в которой низшие виды являются производными от их рода путем добавления видового отличия. Иерархии образуют прямой смысл содержания: роды содержатся в образовавшихся из них видах. Затем тезис Канта сводится к утверждению, что никакая иерархия понятий, соответствующая правилам деления, не может выражать истины, такие как „ $7 + 5 = 12$ “. Кант прав. Понятия операции ($<7 + 5>$) имеют два отношения к понятиям чисел: $<7>$ и $<5>$ – входные данные, $<12>$ – выходные данные. Чтобы охватить оба отношения, иерархии должны допускать совпадения понятий, нарушающих правило исключения. Таким образом, такие истины являются синтетическими» [13. Р. 501]¹. Получается, что средств «обычной» формальной логики в ее кантовской интенциональной трактовке не хватает даже для того, чтобы выразить такие простые математические понятия, как арифметическая операция сложения натуральных чисел, поскольку отношения между числами в арифметике превышает выразительные возможности одномерной иерархии и нарушает взаимозависимость содержания и объема, предписанных правилами деления: «Как оказалось, правила деления блокируют построение соответствующей иерархии, и поэтому арифметика должна быть синтетической» [13. Р. 517]. Все это приводит Канта в конце концов к утверждению о синтетичности, а также конструктивности всех математических утверждений.

Еще одной специфической особенностью логической концепции Канта является то, что она предполагает не одну-единственную логику. В «Критике чистого разума» он подразделяется ее на логику частного применения рассудка, которая есть пропедевтика всех наук, и на логику общего применения рассудка, т.е. *logica specialis* как органон частных наук. Логика общего применения рассудка «содержит безусловно необходимые правила мышления, без которых невозможно никакое применение рассудка, и потому исследует его, не обращая внимания на различия между предметами, которыми рассудок может заниматься» [5. С. 155], а логика частного применения рассудка «содержит правила правильного мышления о предметах определенного рода» [5. С. 155]. И если трансцендентальная логика – это *logica specialis* метафизики, логика, «содержащая правила правильного мышления» об априорных структурах сознания, то *логикой математического познания* должна служить «логика частного применения рассудка, содержащая правила правильного мышления» о математических объектах². Однако математика, по Канту, так-

¹ В этом отношении важным будет отметить, что одной из основных трудностей новаторов в математизации логики, например Г.В. Лейбница или И.-Г. Ламберта, было то, что они принимали интенциональный подход к логике либо опирались на изоморфизм интенциональной и экстенциональной трактовки логических выражений. Как потом выяснилось, построение интенциональных логик оказалось чрезвычайно трудной задачей, окончательно так и не завершенной. То же самое можно сказать и о логиках, учитывающих иерархично классифицированные объекты познания. Об этом см., например, работы Нино Коккиареллы (*Cocchiarella N. Sortals, natural kinds and re-identification // Logique et Analyse. 1977. 20. Р. 438–474*) или недавно вышедшую книгу Макса Фройда – Freund M.A. *The Logic of Sortals*. Switzerland : Springer Verlag, 2019.

² О возможности реконструкции кантовской логики математики см. статью Томаса Зеебома [3].

же наука априорная, но предметом ее познания являются чистые и априорные формы чувственности.

Фундаментальным в теоретической философии Канта является различие между общим и единичным, а также между качественными и количественными характеристиками представлений. Первые присущи только понятиям логики и, соответственно, относятся к сфере рассудочной способности познания, а вторые – представлениям созерцания, т.е. сферы чувственности. Говоря иначе, в терминах современной логической семантики Кант строго различает интенционал и экстенционал любых представлений в мышлении. Такое понимание природы логического и предопределяет основные характеристики математического познания в философии математики Канта и, по существу, ложится в основу его концепции философии математики.

В интереснейшем и глубоком исследовании по истории логического позитивизма Альберто Коффа указывает на Германа Когена как на того, кто в своей «Теории опыта Канта» впервые обратил внимание на неоднозначность использования Кантом понятий «аналитическое» и «синтетическое», которые, по существу, имеют два смысла: «Кант иногда имел в виду под синтетическим „предикат, немыслимый в субъекте“, а в других случаях он имел в виду „наличие интуиции в качестве основы для синтеза“. Однако вместо того, чтобы рассматривать это как результат и источник нескольких недоразумений, Коген счел эту двусмысленность еще одним доказательством тонкости Канта. Согласно Когену, первое определение будет номинальным, тогда как второе – реальным. Различие между этими двумя видами определений можно проиллюстрировать на примере почтенного Вольфа, который объяснил в своей логике, что номинальное определение часов будет „машина, которая показывает часы“, тогда как „если я укажу на ее структуру, я дам реальное определение“. Очевидно, реальное определение должно выявлять причины или источники свойств (определяемого), просто приписываемых номинальным определением. Вывод состоит в том, что второе определение Канта „аналитического“ не эквивалентно первому, но идет гораздо глубже, он определяет сущность аналитичности» [14. Р. 58]². Однако, несмотря на несколько иронический тон Коффы, кажется, что для понимания взаимовлияния логики и философии математики Канта представления Когена об «аналитическом» и «синтетическом» у Канта совсем не лишены оснований.

О специфических особенностях математической концепции Канта

Кант попытался преодолеть недостатки схем познания, в том числе и математического, предложенных рационализмом и эмпиризмом эпохи Просвещения, разработав новую концепцию активности познающего субъекта. Одним из основных в кантовской философии стал вопрос «как возможна математика», т.е. как возможны всеобщие и необходимые математические суждения? Сам он прямо заявляет, что одна из главных целей его Первой критики – убедительно обосновать, как возможно синтетическое априорное познание, в том числе и математическое. Однако в главном трактате Канта

¹ См. Часть 11 «Теории опыта Канта» Германа Когена [7. С. 395–426].

² См. русский перевод книги: Коффа А. Семантическая традиция от Канта до Карнапа: к Венскому вокзалу. М.: Канон+ РООИ, 2019. С. 81–82.

по теоретической философии нет никакой отдельной части, посвященной подробному объяснению того, как именно устроено само математическое познание, за исключением многочисленных и относительно коротких отрывков.

За последние десятилетия появился целый ряд оригинальных и глубоких работ, посвященных проблемам кантовской философии математики. Например, Дэниел Сазерленд вслед за признанным авторитетом в исследованиях по данной проблематике Ч. Парсонсом отстаивает положение о том, что философия математики Канта в значительной степени опирается на его теорию величин, которая в свою очередь основана на теории пропорций Евдокса. В частности, он обращается к аксиомам интуиции, в которых Кант рассматривает математическое познание как познание *количественно однородных величин*. Аргументация Сазерленда строится следующим образом: «Поскольку его взгляд на величины происходит из евклидовой традиции, его представление о математическом знании опирается на познание, которое делает возможной теорию пропорций. Оно должно включать познание отношений сравнительных размеров посредством познания равенства и отношений части – целого. А также содержать в себе познание отношений величин композиций части и целого. В теории Канта композиционные отношения части и целого познаются путем применения категорий количества – единства, множественности и целокупности – к интуиции. Таким образом, количественные категории обеспечивают мереологическую основу математического познания» [22. Р. 539]. И далее: «Основное внимание Кант обращает на сочетание и суммирование математически однородных величин. Он полагает, что условием такой формы математического познания является представление числовых различий без какого-либо их качественного различия. Он утверждает, что многообразие числовых, но некачественных различий отличает количество и величину (quantity) от качества (quality). Представления однородности выражает такую форму познания, которая вообще не позволяет представить какие-либо качественные различия...» [22. Р. 539]. Но понятия у Канта, как мы отмечали выше, сами по себе могут представлять только *качественные различия*, и, следовательно, они не могут выражать *однородное многообразие*. Напротив, *созерцание* может представлять разницу в числах без их *качественного* различия, и тогда именно созерцание позволяет представлять математические величины: «Форма математического познания есть причина того, что оно может быть направлено только на количества. В самом деле, конструировать, т.е. представить *a priori* в созерцании, можно только понятия величины, а качества можно показать не иначе как в эмпирическом созерцании» [5. С. 601].

В отличие от геометрии арифметика имеет отношение к числам как дискретным величинам, т.е. множествам отдельных и несвязанных элементов. Но и такое понимание арифметики встраивается Кантом в более общую теорию величин. Но указывает, что соединение, сумма как «синтез многообразного, части которого не необходимо принадлежат друг к другу» есть «синтез однородного во всем, что можно исследовать математически» [5. С. 237]. Поскольку это такой синтез, под который попадают только однородные величины, а именно представление их суммы в созерцании, он необходим как в арифметике, так и в восприятии непрерывных величин. Из таблицы катего-

рий в «Критике чистого разума» следует, что арифметическое дискретное число попадает под категорию чистого рассудка – категорию целокупности, поскольку для такого числа требуется не просто множество частей, но восприятие целого, которое становится возможным благодаря ее применению. Однородность частей, которые делают их сумму некоторой величиной, означает, что они подпадают под определенное общее понятие. Только тогда такое понятие придает единство множеству частей, так что они составляют единое целое. Именно поэтому, полагает Кант, мы в состоянии различать целое, имеющее определенное множество частей, от самого множества частей самого по себе.

Естественно, что Кант не мог знать работ Георга Кантора по теории множеств и придерживался обычной для того времени точки зрения, согласно которой число в арифметике означает просто конечное число. Если бы величина (*quantum*) была континуумом, то его понятие не могло бы определять количество бесконечного¹ множества его частей, т.е. понятие континуума не может определять все его части. Пространство и время, по Канту, являются определенными парадигмами континуума (непрерывного *continua*). И он считает части пространства и времени не точками, а также пространствами и временами. Если все реальные величины (*quanta*) делимы до бесконечности, то применение арифметики, так же как и алгебры, требует, чтобы некоторые величины были представлены как дискретные. Таким образом, должно быть понятие, определяющее части дискретной величины, которое не останавливает их дальнейшее деление, так как возможно их дальнейшее деление, хотя полученные части такого дальнейшего деления уже больше и не подпадают под данное понятие. Это необходимо, если мы хотим придать смысл терминам, выражающим свойства кардинальных чисел. Кант иногда трактует такое понятие как *понятие не подлинной величины* (количества), как такую величину, которая будет непрерывной, даже если ее возможное деление на части может рассматриваться как дискретное: «Величина дискретна если все ее части рассматривался как единицы, когда же все ее части рассматриваются как множества, она называется континуумом. Мы также можем рассматривать континуум как дискретный; например, я могу рассматривать минуту как единицу часа, но также как множество, которое само содержит единицы, а именно 60 секунд»². Из всего этого следует, что без априорных форм чувственности – пространства и времени – невозможно понять, как однородное множество может вместе составлять единое.

Главной специфической особенностью всех математических рассуждений является тезис Канта о том, что математическое познание происходит путем конструирования понятий: «...математическое знание есть познание

¹ В отличие от Лейбница Кант понимает традиционную логику понятий в значительной степени более ограниченной, для него термин субъекта аналитического суждения не может иметь бесконечное содержание. Это еще одна значимая характеристика логики Канта, оказавшая существенное влияние на его концепцию математики. Как отмечает М. Фридман, «в явном противостоянии Лейбницу, Кант принимает эти логические формы строго ограниченными... для Канта нет никаких „полных понятий“ Лейбница, включающих в себя... бесконечное множество других понятийных репрезентаций. Но математические репрезентации (включая математическое представление пространства) могут и действительно содержат в себе бесконечное множество дополнительных (математических) репрезентаций (как в представлении бесконечной делимости). Таким образом, такие репрезентации для Канта не являются и не могут быть понятиями» [17. Р. 238].

² [Metaphysik Volckmann, p. 423] цитируется по: [19. Р. 144].

посредством конструирования понятий. Но конструировать понятие – значит показать *a priori* соответствующее ему созерцание» [5. С. 600]. Причем Кант различает конструирование понятий в арифметике и алгебре, и в геометрии. Если в геометрии это будет «остенсивная конструкция», основанная на представлении пространственных геометрических фигур в чистом созерцании, то алгебра имеет дело с «символической конструкцией»: «...только в математике имеются демонстрации, так как она выводит свои знания не из понятий, а из конструирования их, т.е. из созерцания, которое может быть дано *a priori* соответственно понятиям. Даже действия алгебры с уравнениями, из которых она посредством редукции получает истину вместе с доказательством, представляют собой если не геометрическое, то все же конструирование с помощью символов, в котором понятия, в особенности понятия об отношении между величинами, выражены в созерцании знаками, и, таким образом, не говоря уже об эвристическом [значении этого метода], все выводы гарантированы от ошибок тем, что каждый из них показан наглядно» [5. С. 614].

Однако было бы неверным рассматривать данное кантовское различие с современной точки зрения, как, например, это понимается в аксиоматических логико-математических исчислениях, где преобразование символических конструкций происходит безотносительно любой их возможной интерпретации. Для Канта «символическая» конструкция в алгебре просто символизирует некоторую остенсивную конструкцию для представления некоторой конкретно конструируемой сущности, такой, например, как отрезок. Так что в любой символической конструкции будет проявляться кантовское созерцание, поскольку «процедура и результат всех математических построений для Канта фундаментально остенсивны: для построения математического понятия с необходимостью требуется созерцание, в котором явным образом демонстрируются его особенности» [21. Р. 101]. В этом отношении Кант опирается на понимание алгебры математиками эпохи Просвещения, которые рассматривали ее как инструмент для решения и арифметических, и геометрических задач и связывали ее с теорией пропорций Евдокса. Именно применяя алгебру к геометрическим задачам, Декарт разработал свою аналитическую геометрию, понимая алгебру как общую теорию уравнений и пропорций. В ней он видел *mathesis universalis*, всеобщую математику, которая должна стать ключом к математическому постижению мира. Картезианской традиции в понимании алгебры придерживался и Христиан Вольф, по учебникам которого Кант преподавал математику. «Я буду отстаивать положение, – начинает свою статью Дэниел Сазерленд, – что Кант считал алгебру всеобъемлющей универсальной математикой, которая включает в себя арифметику. Она принимает величины в качестве объекта изучения и является выражением теории пропорций Евдокса. Кроме того, с точки зрения Канта, созерцание играет решающую роль в арифметике, позволяя представлять дискретные величины» [22. Р. 534]. С одной стороны, как замечает Лиза Шабель, для Канта «упоминание об алгебре и ее „символических конструкциях“ позволяет расширить его теорию математического познания, включив в нее так называемые „аналитические искусства“ математической практики восемнадцатого века и тем самым показать, как в алгебраическом методе также применяются синтетические суждения» [20. Р. 131]. С другой стороны, Кант, вопреки взглядам своих предшественников, прежде всего Лейбница и Воль-

фа, намеревался продемонстрировать, что математический метод, позволяющий достигать необходимых и универсальных истин, обладает своей особой уникальностью и не может быть согласован с чисто аналитическим методом философии. Как говорит об этом сам Кант, что если в своем познании математик «руководствуясь все время созерцанием... цепью выводов приходит к совершенно очевидному и вместе с тем общему решению вопроса» [5. С. 602], то «философское же познание неизбежно лишено этого преимущества, так как ему приходится рассматривать общее всегда *in abstracto* (посредством понятий), тогда как математика может исследовать общее *in concreto* (в единичном созерцании) и тем не менее с помощью чистого представления *a priori*, причем всякая ошибка становится очевидной» [5. С. 614]. Проводя различие между математическим и философским методом, Кант вырабатывает оригинальную философию математики, которая, будучи когерентной его логической концепции, соответствует главным целям его теоретической философии и согласуется с математической практикой его времени.

Философия математики Канта: от логического позитивизма до современных исследований

Исторически сложилось так, что почти все важные философские разработки начиная с XIX в. были определенным ответом Канту. И это особенно верно в отношении логической семантики, философии математики и оснований математики уже в XX в. Особое внимание к Канту со стороны научно ориентированных философских направления было, видимо, обусловлено тем, что «решение Кантом эпистемологической проблемы было в то же время последним, где наука играла какую-то роль. Более поздние философские системы окончательно утратили связь с наукой своего времени... Спекулятивные и рационалистически-аналитические компоненты кантовской системы были сохранены, близость же с естественными науками утрачена» [12. С. 12].

Сама же философия математики Канта оказала значительное влияние на концепции математики Г. Фреге, Б. Рассела, Э. Гуссерля и особенно на основателя математического интуиционизма Л.Э.Я. Брауэра. Последний вообще утверждал, что необходимо восстановить в правах идею Канта об интуиции времени как априорной форме чувственности, обосновывающей истинность арифметических истин. Что касается современных исследователей философии математики Канта, то практически все они едины в опровержении такой традиционной точки зрения, которая первоначально была выдвинута Расселом¹ в его «Принципах математики» и Р. Карнапом в его «Философских основаниях физики», согласно которой развитие современной логики в 19 и 20 вв., открытие неевклидовых геометрий и формализация математики делают основанную на чувственной интуиции теорию математики и основанной на ней философию математики устаревшей или неактуальной. Саму суть ма-

¹ Тем не менее Рассел счел важным отметить, что «Кант, бесспорно, заслуживает уважения за две вещи: во-первых, за понимание того, что мы имеем априорное знание, которое не является чисто „аналитическим“, т.е. таким, противоположность которого есть противоречие, и, во-вторых, за то, что он сделал очевидной философскую важность теории познания. Он понял, что не только связь причины и следствия, но и все утверждения арифметики и геометрии являются „синтетическими“, т.е. не аналитическими: во всех этих предложениях никакой анализ субъекта не раскроет предиката» [11. С. 77].

тематической концепции логического позитивизма Карнап выразил в краткой формуле – в математике не существует синтетических априорных высказываний, все высказывания математики аналитичны. Однако начиная с 60-х гг. XX в., после публикаций работ Якко Хинтикки, Чарльза Парсонса, Филипа Китчера¹ по философии математики Канта, начинает наблюдаться все возрастающий интерес к тщательному исследованию по проблемам оснований математической концепции в системе Канта.

Например, в пику представителям логического позитивизма Л. Бек полагает, что Кант не отрицал и даже мог утверждать, что математический вывод является логическим или аналитическим. Его основная задача состояла в определении статуса предпосылок или аксиом таких выводов. Геометрия является синтетической именно потому, что ее основные аксиомы синтетические. Синтетические теоремы геометрии затем выводятся чисто логически или аналитически: «Настоящий спор между Кантом и его критиками заключается не в том, являются ли теоремы аналитическими в смысле их строго [логической] выводимости, и в не том, должны ли они называться аналитическими сейчас, когда признается, что они дедуцируемы из определений, но в том, существуют ли какие-нибудь первоначальные элементарные пропозиции, которые являются синтетическими и интуитивными. Кант утверждает, что аксиомы не могут быть аналитическими... потому что они должны установить такую связь, которая может быть показана только в чувственной интуиции» [15. Р. 89–90]. Разъясняя такую точку зрения, Майкл Фридман пишет: «Кажется, что Кант говорит о том, что поскольку вывод теоремы из аксиом (правильно) воспринимается как аналитический, сами аксиомы (неправильно) считать аналитическими. Но эти аксиомы действительно синтетические; по этой причине (и только по этой причине) так же дело обстоит и для теорем. Поэтому Кант согласился бы с Расселом в том, что условное высказывание „Аксиомы → Теоремы“ является логической или аналитической истиной; его точка зрения заключается просто в том, что основание этого условного высказывания является синтетическим» [16. Р. 82]. А, например, относительно отличия алгебраического метода от геометрического и арифметического в математике, вызывающего горячие дискуссии среди исследователей философии математики Канта, Лиза Шабель отмечает: «Алгебраические понятия не создают препятствия для аргументации Канта, что синтетические априорные математические суждения обусловлены построением математических понятий в интуиции: алгебраические понятия конструируются в чувственной интуиции так же, как и геометрические понятия, хотя их построение символизируется просто ради ясности и легкости» [20. Р. 131].

Конечно, обладая мощным логико-математическим аппаратом, можно скептически относиться к математической концепции Канта с современной математической точки зрения, но надо иметь в виду, что, как указывает

¹ Работы Хинтикки «Кант о математическом методе» 1967 г., Китчера «Кант и основания математики» 1975 г. и Парсонса «Арифметика и категории» 1984 г. были включены в сборник под редакцией Карла Пози – *Kant's Philosophy of Mathematics: Modern Essays*, Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 1992. Необходимо отметить, что интерпретация философии математики Канта Хинтиккой известна как «логическая», а Парсонса – как «феноменологическая», и на современные исследования по философии математики Канта значительное влияние оказала продолжительная дискуссия между ними.

М. Фридман в своей основательной работе «Кант и точные науки»¹, «в рамках простой силлогистической логики невозможно адекватно представить основную идею бесконечного или неопределенного расширения числового ряда: такая идея требует многоместной квантификации в зависимости от формы $\forall \dots \exists$. Например, такое как отношение плотного порядка: $\forall x \forall y (R(x, y) \supset \exists z R(x, z) \& R(z, y))$.

Поскольку такие формы квантификации, несомненно, недоступны для силлогистической логики, Кант, естественно, считает, что «идея неопределенной итерации не может быть отражена в чистой общей логике. Таким образом, то, что позволяет нам мыслить или представлять такую неопределенную итерацию, принимается за чистую интуицию времени: форму внутреннего чувства, в которой обязательно должны быть найдены все наши представления...» [16. Р. 121]. Тем не менее, замечает он, «мы все еще можем понять фундаментальное инсайд Канта, с нашей собственной точки зрения, если мы увидим, что никакая бесконечная математическая структура (такая как пространство евклидовой геометрии или ряд чисел) не может быть представлена в монадической кванторной логике... С точки зрения Канта, те же самые структуры становятся возможными представить благодаря итеративному применению конструктивных функций в «продуктивном воображении», в котором... довольно явно конструируются сколемовские функции для экзистенциальных кванторов, которые используются в наших формулировках» [17. Р. 239].

В том же духе, касаясь проблемы строго формального представления бесконечных порядков в математике, Джон Макфарлейн замечает: «Для нас будет естественным полагать, что Фреге опроверг мнение Канта о том, что понятие плотного порядка может быть представлено только посредством интуиции» [18. Р. 27]. И задается вопросом: а что если предположить, что Кант смог бы изучить современную логику, то вынужден ли был он отказаться от своей точки зрения? Возможно, он заявил бы, «что Begriffsschrift Фреге вовсе не является логикой в собственном смысле этого слова, а есть некоторая разновидность абстрактной комбинаторики, а значение вложенных кванторов может быть постигнуто только посредством построений в чистом созерцании» [18. Р. 27]. Если это так, то специфические особенности кантовской логики тем более имеют ключевое значение для понимания кантовской философии математики.

Итак, можно выделить следующие центральные положения философии математики Канта, сформулированные им в Трансцендентальной эстетике и Учении о методе и других наибольших фрагментах Критики чистого разума: во-первых, это идея формальности как математического, так и любого рационального познания (так же как формальна логика, поскольку в ее основе ле-

¹ В этой, ставшей уже классической книге Фридман придерживается «логической» интерпретации философии математики Канта, которая была задана Хинтиккой. Она состоит в том, что современную логику следует использовать как инструмент, но не как критику для интерпретации философии Канта. В дальнейшем он несколько изменил свою первоначальную позицию. Эта новая интерпретация по существу стала синтезом логической и феноменологической интерпретации философии математики Канта, поскольку она объединяет представления геометрического пространства через построение евклидовых конструкций с перспективным пространством, которое, по мнению Фридмана, и является чистой формой внешней чувственности Канта (см.: [17]).

жат «пустые» логические формы, математика формальна, поскольку имеет дело с чистыми априорными формами чувственности); во-вторых, это доктрина синтетического априорного характера математических истин; в-третьих, его идея о том, что математическое познание осуществляется через конструирование понятий, и, наконец, непосредственная и необходимая связь математического познания с чистыми формами чувственности, т.е. с предельно общими областями эмпирического опыта. При этом доступный Канту аппарат традиционной логики имел существенные ограничения, которые не давали возможности адекватно представлять математические знания.

Особенности интерпретации Кантом формальной логики и выработанная им в его критической философии трансцендентальная логика, с одной стороны, обуславливает конструктивный и синтетический характер математического познания, с другой стороны, разработанная им нетривиальная философия математики представляет собой ответ на ограничения традиционной логики и попытка их преодоления. Конструирование математических понятий в чистом созерцании чувственной интуиции позволяет выйти за пределы этих ограничений в математическом познании, что имело исключительные последствия для истории современной философии математики и истории оснований математики. Возможно, что новые философские и математические интерпретации взглядов Канта на математическое знание помогут найти общее базовое основание для современных конкурирующих концепций в основаниях математики. Например, вполне согласующееся с мыслью Канта представление о том, что математика не есть отражение эмпирического, но и не является частью логического синтаксиса языка. Она представляет собой результаты проявления активности познающего субъекта путем конструктивной деятельности по построению математических объектов, связывающей логические формы языка с эмпирической реальностью.

Список источников

1. Брюшинкин В.Н. Парадигмы Канта: логическая форма // Кантовский сборник. Калининград, 1985. Вып. 10. С. 30–40.
2. Брюшинкин В.Н. Кант и силлогистика. Некоторые размышления по поводу «Ложного мудрствования в четырех фигурах силлогизма» // Кантовский сборник. Калининград, 1986. Вып. 11. С. 29–38.
3. Зеебом Т.М. Логика понятий как предпосылка кантовской формальной и трансцендентальной логики // Кантовский сборник. Калининград, 1993. Вып. 17. С. 67–81.
4. Кант И. Ложное мудрствование в четырех фигурах силлогизма. 1762 // Соч. : в 6 т. М. : Мысль, 1964. Т. 2.
5. Кант И. Критика чистого разума // Соч. : в 6 т. Т. 3. М. : Мысль, 1964.
6. Кант И. Логика. Пособие к лекциям. 1800 // Трактаты и письма. М. : Наука, 1980. С. 319–444.
7. Коген Г. Теория опыта Канта. М. : Академический Проект, 2012.
8. Лемешевский К.В. Способы сведения силлогизмов в логике Канта // Аргументация и Интерпретации. Исследования по логике, истории философии и социальной философии : сб. науч. ст. / под общ. ред. В.Н. Брюшинкина. Калининград : Изд-во РГУ им. И. Канта, 2006. С. 59–72.
9. Лемешевский К.В. Правило *Nota Notae* в силлогистике Канта // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. 2009. Вып. 6. С. 39–45.
10. Маркин В.И. Силлогистика как интенциональная логическая теория: формальная реконструкция идей Г. Лейбница и Н.А. Васильева // Критическое мышление, логика, аргументация : сб. ст. / под общ. ред. В.Н. Брюшинкина, В.И. Маркина. Калининград, 2003. С. 128–140.
11. Рассел Б. Избранные труды. Новосибирск : Сиб. ун-е изд-во, 2009.

12. *Peйхенбах Г.* Философия пространства и времени. М. : Прогресс, 1986.
13. *Anderson R.L.* It Adds Up After All: Kant's Philosophy of Arithmetic in Light of the Traditional Logic // *Philosophy and Phenomenological Research*. 2004. Vol. 69, № 3. P. 501–540.
14. *Coffa A.* The semantic tradition from Kant to Carnap. Cambridge University Press, 1991.
15. *Beck L.* Studies in the Philosophy of Kant. Indianapolis, 1965.
16. *Friedman M.* Kant and the exact sciences. Cambridge : Harvard University Press, 1992.
17. *Friedman M.* Kant on Geometry and Spatial Intuition // *Synthese*. 2012. № 186. P. 231–255.
18. *MacFarlane J.* Frege, Kant, and the Logic in Logicism // *The Philosophical Review*. January 2002. Vol. 111, № 1 P. 25–65
19. *Parsons C.* Arithmetic and the Categories // *Kant's Philosophy of Mathematics. Modern Essays* / editors: Posy. C.J. Kluwer. Academic Publishers, 1992.
20. *Shabel L.* Mathematics in Kant's critical philosophy: reflections on mathematical practice. New York : Routledge, 2003.
21. *Shabel L.* Kant's Philosophy of Mathematics // *The Cambridge Companion to Kant and Modern Philosophy* / ed. P. Guyer. Cambridge : Cambridge University Press, 2006. P. 94–128.
22. *Sutherland D.* Kant on Arithmetic, Algebra, and the Theory of Proportions // *Journal of the History of Philosophy*. 2006. Vol. 44, № 4. P. 533–558.

References

1. Bryushinkin, V.N. (1985) Paradigmy Kanta: logicheskaya forma [Kant's paradigms: logical form]. *Kantovskiy sbornik*. 10. pp. 30–40.
2. Bryushinkin, V.N. (1986) Kant i sillogistika. Nekotorye razmyshleniya po povodu “Lozhnogo mudrstvovaniya v chetyrekh figurakh sillogizma” [Kant and syllogistics. Some reflections on “False reasoning in four figures of a syllogism”]. *Kantovskiy sbornik*. 11. pp. 29–38.
3. Zeebom, T.M. (1993) Logika ponyatiy kak predposylka kantovskoy formal'noy i transtsendental'noy logiki [Logic of concepts as a prerequisite for Kantian formal and transcendental logic]. *Kantovskiy sbornik*. 17. pp. 67–81.
4. Kant, I. (1964a) *Sochineniya v 6 t.* [Works in 6 vols]. Vol. 2. Translated from German. Moscow: Mysl'.
5. Kant, I. (1964b) *Sochineniya v 6 t.* [Works in 6 vols]. Vol. 3. Translated from German. Moscow: Mysl'.
6. Kant, I. (1980) *Traktaty i pis'ma* [Treatises and Letters]. Moscow: Nauka. pp. 319–444.
7. Kogen, G. (2012) *Teoriya opyta Kanta* [Kant's Theory of Experience]. Moscow: Akademicheskii Proekt.
8. Lemeshevskiy, K.V. (2006) Sposoby svedeniya sillogizmov v logike Kanta [Methods of reducing syllogisms in Kant's logic]. In: Bryushinkin, V.N. (ed.) *Argumentatsiya i Interpretatsii. Issledovaniya po logike, istorii filosofii i sotsial'noy filosofii* [Argumentation and Interpretations. Studies in Logic, History of Philosophy and Social Philosophy]. Kaliningrad: Kant University. pp. 59–72.
9. Lemeshevskiy, K.V. (2009) Pravilo Nota Notae v sillogistike Kanta [The Nota Notae rule in Kant's syllogistic]. *Vestnik Rossiyskogo gosudarstvennogo universiteta im. I. Kanta*. 6. pp. 39–45.
10. Markin, V.I. (2003) Sillogistika kak intensional'naya logicheskaya teoriya: formal'naya rekonstruktsiya idey G. Leybnitsa i N.A. Vasil'eva [Syllogistics as an intensional logical theory: Formal reconstruction of the ideas of G. Leibniz and N.A. Vasilyev]. In: Bryushinkin, V.N. (ed.) *Kriticheskoe myshlenie, logika, argumentatsiya* [Critical Thinking, Logic, Argumentation]. Kaliningrad: [s.n.]. pp. 128–140.
11. Russell, B. (2009) *Izbrannye trudy* [Selected works]. Translated from English. Novosibirsk: Sib. univ. izd-vo.
12. Reichenbach, G. (1986) *Filosofiya prostranstva i vremeni* [Philosophy of Space and Time]. Moscow: Progress.
13. Anderson, R.L. (2004) It Adds Up After All: Kant's Philosophy of Arithmetic in Light of the Traditional Logic. *Philosophy and Phenomenological Research*. 69(3). pp. 501–540.
14. Coffa, A. (1991) *The Semantic Tradition from Kant to Carnap*. Cambridge University Press.
15. Beck, L. (1965) *Studies in the Philosophy of Kant*. Indianapolis: The Bobbs-Merrill Company.
16. Friedman, M. (1992) *Kant and the Exact Sciences*. Cambridge: Harvard University Press.
17. Friedman, M. (2012) Kant on Geometry and Spatial Intuition. *Synthese*. 186. pp. 231–255.
18. MacFarlane, J. (2002) Frege, Kant, and the Logic in Logicism. *The Philosophical Review*. 111(1). pp. 25–65

19. Parsons, C. (1992) Arithmetic and the Categories. In: Posy, S.J. (ed.) *Kant's Philosophy of Mathematics*. Modern Essays. Kluwer.
20. Shabel, L. (2003) *Mathematics in Kant's critical philosophy: reflections on mathematical practice*. New York: Routledge.
21. Shabel, L. (2006) Kant's Philosophy of Mathematics. In: Guyer, P. (ed.) *The Cambridge Companion to Kant and Modern Philosophy*. Cambridge: Cambridge University Press. pp. 94–128.
22. Sutherland, D. (2006) Kant on Arithmetic, Algebra, and the Theory of Proportions. *Journal of the History of Philosophy*. 44(4). pp. 533–558.

Сведения об авторе:

Пушкарский А.Г. – аналитик Академии Кантиана Высшей школы философии, истории и общественных наук Образовательно-научного кластера «Институт образования и гуманитарных наук» БФУ имени И. Канта (Калининград, Россия). E-mail: pushcarskiy@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Pushkarsky A.G. – analyst at the Academia Kantiana of the Higher School of Philosophy, History and Social Sciences of the Institute of Education and the Humanities Cluster “Institute of Education and Humanities”, Immanuel Kant Baltic Federal University (Kaliningrad, Russia). E-mail: pushcarskiy@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 04.03.2021;
одобрена после рецензирования 19.01.2024; принята к публикации 04.03.2024
The article was submitted 04.03.2021;
approved after reviewing 19.01.2024; accepted for publication 04.03.2024*

Научная статья

УДК 1(091)(410):2

doi: 10.17223/1998863X/77/9

ЭКСПЛИЦИТНЫЕ ТЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ НАТУРФИЛОСОФСКИХ ВОЗЗРЕНИЙ ДЖ. ТОЛАНДА О МАТЕРИИ И ДВИЖЕНИИ

Валентин Валентинович Яковлев

Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия, v-yakovlev@yandex.ru

Аннотация. Проведен обзор ряда фрагментов четвертого и пятого писем сочинения Дж. Толанда «Письма к Серене», содержащих его концептуальные суждения о материи и движении. Также выделены основные идеи и положения данных суждений. Это позволило выявить и объективировать некоторые базовые эксплицитные (очерченные непосредственно в «Письмах...») теологические предпосылки натурфилософских воззрений Толанда о материи и движении.

Ключевые слова: Джон Толанд, деизм, теология, материя, движение, натурфилософия

Для цитирования: Яковлев В.В. Эксплицитные теологические предпосылки натурфилософских воззрений Дж. Толанда о материи и движении // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2024. № 77. С. 111–121. doi: 10.17223/1998863X/77/9

Original article

EXPLICIT THEOLOGICAL PREMISES OF JOHN TOLAND'S NATURAL PHILOSOPHICAL VIEWS ON MATTER AND MOTION

Valentin V. Yakovlev

University of Tyumen, Tyumen, Russian Federation, v-yakovlev@yandex.ru

Abstract. John Toland (1670–1722) is known as one of the most extraordinary and bright representatives of the early British and certainly of the Western European Enlightenment as a whole. He is recognisable for his controversial religious-philosophical and natural philosophical ideas, usually qualified as deistic, materialistic, pantheistic. The historiography of Toland's religious-philosophical views is quite extensive. As a rule, Russian and Western specialists emphasise deistic, materialistic-atheistic, pantheistic attributes of Toland's religious-philosophical ideas, criticism and subversive nature of this ideas – orientation either against any Christian religious and theological doctrines, or against religion in general. The focus of this article is Toland's natural philosophical views on matter and motion, as expressed in the fourth and fifth letters (addressed to an unnamed Dutch Spinozist) of the work *Letters to Serena* (1704). In general terms, Toland's natural philosophical materialism has been and still is evaluated by many Russian and Western specialists only as a forerunner of modern forms of natural-scientific materialist discourse, as a predictable complement to his subversive religious-philosophical ideas. Toland is also predominantly identified as a thinker who sought to liberate natural philosophical views on matter and motion from theological constructs as much as possible. Vivid examples of the embodiment of such and similar interpretative attitudes when reading Toland's reflections on matter and motion are presented in the studies of B.V. Meerovski and J. Brown. However, the author of this article is inclined to take the side of those scholars who, when interpreting Toland's deistic and materialistic views, prefer to fix the presence of meaning-forming theological foundations in these views in a reasoned and justified manner. Such scholars include, for

example, J. Champion and J. R. Wigelsworth. The article reviews a number of fragments of the fourth and fifth letters of *Letters to Serena*, which contain Toland's conceptual judgements on matter and motion. The main ideas and propositions of these judgements are also highlighted. This allowed to identify and objectify some basic explicit (outlined directly in *Letters*) theological premises of Toland's natural philosophical views on matter and motion.

Keywords: John Toland, deism, theology, matter, motion, natural philosophy

For citation: Yakovlev, V.V. (2024) Explicit theological premises of John Toland's natural philosophical views on matter and motion. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 77. pp. 111–121. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/77/9

Введение

Джон Толанд (1670–1722) известен как один из самых неординарных и ярких представителей раннего британского и, безусловно, западноевропейского Просвещения в целом. Будучи неродовитым незаконнорожденным сыном ирландского католического священника, юношеские и молодые годы Толанд посвятил кропотливой учебе. В период с 1687 по 1695 г. он изучал теологию, философию, языки в университетах Глазго, Эдинбурга, Лейдена и Оксфорда.

Усидчивость, прилежание и выдающиеся интеллектуальные способности позволили ему стать талантливым мыслителем и писателем – автором многочисленных философских, религиозно-философских, научных и публицистических трудов. В его работах прослеживается влияние гносеологии Дж. Локка, с которым он, судя по всему, встречался в начале 1690-х гг. Он был также лично знаком с Г.В. Лейбницем, с прусской королевой Софией-Шарлоттой. Толанд узнаваем по своим неоднозначным религиозно-философским и натурфилософским идеям, обычно квалифицируемым как деистские, материалистические, пантеистские.

Основным деистским сочинением Толанда считается «Христианство без тайн» (“Christianity not Mysterious”, 1696 г.). Деистскими, по сути, называют также первые три письма из его сочинения «Письма к Серене» (“Letters to Serena”, 1704 г.). В четвертом и пятом письмах Толанд изложил свои концептуальные соображения по проблемам материи и движения. В сочинении «Пантеистикон» (“Pantheisticon”, 1720 г.) Толанд, соответственно, представил свое пантеистское учение, продолжив также выдвигать материалистические соображения.

Историография религиозно-философских воззрений Толанда достаточно обширна. При этом отечественными и западными специалистами, как правило, акцентируются деистские, материалистическо-атеистические, пантеистские атрибуты религиозно-философских идей Толанда, критицизм и подрывной характер последних – направленность либо против каких-либо христианских религиозных и теологических доктрин, либо против религии в целом. Например, Г.С. Тымянский заявлял, что Толанд был философом, который боролся «против религии вообще» [1. С. 46], М.К. Джейкоб полагала, что Толанд использовал эпистемологию Локка в своей атаке на богооткровенную религию [2. Р. 330], Б.В. Мееровский утверждал, что Толанд был пропагандистом и распространителем деизма [3. С. 115], Д. Берман доказы-

вал, что Толанд был тайным атеистом [4. Р. 77], П. Люрбе информировал, что Толанд относился к католицизму как к форме суеверия [5. Р. 38] и т.д. и т.п.

В центре внимания в настоящей статье находятся натурфилософские воззрения Толанда о материи и движении, изложенные им в четвертом и пятом письмах (адресованных неназванному голландскому Спинозисту) сочинения «Письма к Серене» [6, 7]. Сереной Толанд иносказательно именовал «королеву-философа» Софию-Шарлотту (вероятно, с подачи Лейбница), пригласившую его в 1701 г. в Берлин.

Следует сказать, что натурфилософские материалистические рассуждения Толанда, встречающиеся на страницах его сочинений, достаточно часто становились предметом осмысления советских исследователей. По мнению К.И. Салимовой, Толанд был одним «из наиболее выдающихся представителей послереволюционного материализма в Англии» [8. С. 104], А.М. Деборин видел в Толанде крупнейшего представителя «английского материализма конца XVII и первой четверти XVIII в.» [9. Т. 1. С. 212], Б.Э. Быховский представлял Толанда носителем «восходящего к Дж. Локку материалистического мировоззрения» [10. С. 29] и т.д.

В общих чертах, многими отечественными и западными специалистами натурфилософский материализм Толанда оценивался и оценивается лишь как предтеча современных форм естественно-научного материалистического дискурса, как предсказуемое дополнение к его подрывным религиозно-философским идеям. Толанда также преимущественно идентифицируют как мыслителя, стремившегося максимально освободить натурфилософские воззрения о материи и движении от теологических построений. Яркие примеры воплощения таких и подобных интерпретационных установок при прочтении размышлений Толанда о материи и движении представлены в монографии Б.В. Мееровского [3. С. 65–78] и эссе Дж. Брауна [11]. Однако автор настоящей статьи склонен занимать сторону тех исследователей, которые при истолковании деистских и материалистических воззрений Толанда предпочитают аргументированно и оправданно фиксировать наличие в этих воззрениях смыслообразующих теологических основ. К таким ученым, например, относятся Дж. Чемпион (1960–2020) и Дж.Р. Уигелсворт.

Чемпион отмечал, что наиболее распространена точка зрения, в соответствии с которой британские деисты, пропагандируя материализм, критикуя базовые христианские догматы и религиозно-философские доктрины, заложили основы европейского безбожия и секулярного деизма. Однако Чемпион также справедливо предложил учитывать значительный объясняющий потенциал альтернативных трактовок, показывающих включенность деизма как такового в структуры теологического мировоззрения и религиозного дискурса раннего Нового времени [12. Р. 437]. Эти трактовки дают возможность увидеть в деизме вообще реализацию переосмысления традиционного томистского понимания отношений между разумом и откровением, а в деизме, в частности, Толанда – воплощение идей либеральных церковных реформаторов [12. Р. 438], апробацию исследований религиозной веры, не стесненных священническим авторитетом [12. Р. 442] и т.д. и т.п.

Дж. Уигелсворт стал одним из первых специалистов, обратившихся к изучению теологических, религиозно-философских основ, историко-философских компонентов материалистических идей «Писем к Серене». Им исследованы

теология «Христианства без тайн», отражение в ней эпистемологических постулатов Локка [13. Р. 16–72], а также воззрения Толанда о самодвижущейся материи, изложенные в «Письмах к Серене» [13. Р. 73–125].

Очерчивая свои историографические – методологические – ориентиры, Уигелсворт, во-первых, ссылаясь на соображения, в соответствии с которыми натурфилософия раннего Нового времени была направлена на изучение природы – как созданной Богом [13. Р. 1]. Это позволило ему исходить из того, что Толанд, имеющий репутацию деиста, изучал природу через призму веры в разумного Бога [13. Р. 6]. Во-вторых, Уигелсворт опирался на суждения о том, что Реформация и протестантизм предоставили верующим возможность нового (буквального, а не аллегорического) толкования Библии (и библейских сюжетов о мироустройстве) без отсылок на классические христианские тексты без обращения к посредникам – священнослужителям. По Уигелсворту, Толанд использовал эту возможность, создавая свой вариант прочтения книги природы [13. Р. 6–7].

По мнению Уигелсворта, ранние теологические воззрения Толанда, описанные им в работе «Христианство без тайн», легли в основу его ранних материалистических – натурфилософских – воззрений, изложенных в «Письмах к Серене» [13. Р. 13–14, 15]. Уигелсворт выделил следующие центральные принципы ранней – рациональной – теологии Толанда: убежденность в простоте и свободе от церковных тайн изначального христианства, приписывание Богу желания сделать нужные для спасения знания, а также все другие знания интеллектуально доступными для всех без исключения людей, приписывание Богу запрета на усвоение знаний, которые не были бы полезны людям здесь и сейчас, различение полезного и бесполезного знания с опорой на взгляды Локка о различиях номинальных и реальных сущностей [13. Р. 14]. Согласно Уигелсворту, Толанд полагал, что принадлежащие ему представления о составляющей Вселенную самодвижущейся материи относятся к тем полезным знаниям, постижения которых Бог ожидает от философов [13. Р. 15].

Таким образом, вклад Уигелсворта в реконструкцию имплицитных теологических основ материалистических идей «Писем к Серене» Толанда можно без преувеличения назвать фундаментальным. Цель настоящей статьи заключается в выявлении и объективации некоторых базовых эксплицитных (очерченных непосредственно в «Письмах...») теологических предпосылок натурфилософских воззрений Толанда о материи и движении. Задачи состоят, во-первых, в проведении обзора ряда фрагментов четвертого и пятого писем, содержащих концептуальные суждения Толанда о материи и движении, и, во-вторых, в выделении основных идей и положений данных суждений. Новизна предлагаемого исследования заключается в демонстрации перспективности дальнейшего поиска и изучения теологических предпосылок всего комплекса натурфилософских воззрений как Толанда, так и тех британских интеллектуалов раннего Нового времени, которых обычно причисляют к деистам.

Толанд о материи и движении

Античные философы являются основоположниками идей о бездейственности материи, о ее неспособности к самостоятельному движению. Согласно Толанду, большинство древнегреческих мыслителей вслед за Анаксагором провозглашали, что материя как таковая является бездейственной,

мертвой и тяжелой глыбой и что нематериальное божество привело ее в движение посредством недоступного человеческому разумению способа. Далее философы показывали, как материя разделилась, какие разнообразные по объему и форме частицы возникли, как Вселенная (опуская, насколько хорошо) со всеми своими частями обрела свое теперешнее состояние [7. С. 143–144].

Воззрения Спинозы о материи и движении (хоть и признававшего фактически движение вечным и несотворимым) содержат существенные недостатки. Намечая контуры своих натурфилософских воззрений о материи и движении, Толанд перечислил существенные, насколько можно судить по тону его комментариев, недостатки такого рода воззрений Спинозы, описанных в «Этике» (“Ethica, Ordine Geometrico Demonstrata”, 1677). Так, «Спиноза [хоть и признавал фактически движение вечным и несотворимым], тем не менее, 1) не объяснил, как материя обретает движимость или как движение длится, 2) не помыслил Бога в качестве перводвигателя [“first Mover”], 3) не выдвинул доказательств и предположений касательно атрибутивности движения (применительно к материи. – В.Я.), 4) в целом, не прояснил сути движения, 5) не смог истолковать то, как «разнообразие отдельных тел возможно примирить с единством субстанции или с однородностью материи во всей [В]селенной» [6. Р. 147; 7. С. 145–146].

Эксплицитные теологические предпосылки. Представления о соучастии Бога «в каждом движении во Вселенной» ведут к разрушению правильного тезиса о том, что «движения, первоначально сообщенного Богом материи, вполне достаточно для будущего без каких-либо дополнительных усилий», а также к недопустимому признанию Бога виновником всего злого, даже если в движении видеть лишь статус модуса. Согласно Толанду, мыслители, корректно отличающие причину от действия, как правило, испытывают трудности в описании „движущей силы“ [“moving Force”. Здесь и далее курсив мой. – В.Я.]. Возникает множество вопросов: 1) о сущностных характеристиках этой силы, 2) о ее местопребывании (в/вне материи), 3) о присущих ей способах движения материи, 4) о путях ее переходов от тела к телу, 5) о ее разделении «между многими телами, пока остальные пребывают в покое» и т.д. Но упомянутые мыслители не имеют возможности ни обнаружить такую природную силу, ни распознать ее в качестве тела или духа; и в еще меньшей степени они могут назвать ее модусом, ибо известно (при прочих возражениях), что акциденции не переходят от субъекта к субъекту и не могут быть без особой причины в каком-либо субъекте. В конечном итоге, понимая также, что акциденция уничтожима в сохраняющемся субъекте, эти мыслители вынужденно обращаются к характеристикам Бога «и утверждают, что он, первоначально сообщивший материи движение, и поныне порождает и сохраняет его (до тех пор пока для этого имеются предпосылки) и что он фактически соучаствует в каждом движении во [В]селенной» [6. Р. 156; 7. С. 150–151].

По Толанду, вопреки благим намерениям, использование такой системы рассуждений ведет к фатальным последствиям. Во-первых, ее приверженцы разрушают выдвигаемый до этого немалым их числом тезис о том, что «движения, первоначально сообщенного [Б]огом материи, вполне достаточно для будущего без каких-либо дополнительных усилий». Во-вторых, Бог выступает у них виновником всего злого, даже если в движении видеть лишь статус

модуса. Ибо получается, что Бог «фактически движет языком лжесвидетеля, рукою и кинжалом убийцы и т.д.» [7. С. 151].

Движение является существенным свойством материи. Движение целого (всей материи) – активность (“Action”), любое пространственное движение – движение (“Motion”). Толанд предложил следующую формулу: «...движение есть существенное свойство материи [“*Motion is essential to Matter*”], иначе говоря, столь же неотделимо от ее природы, сколь неотделимы от нее непроницаемость и протяжение, и что оно должно входить составною частью в ее определение». Нам свойственно различать «в материи количество отдельных тел и протяжение целого», где «количества» являются только определениями или модусами – протяжениями, существующими и исчезающими в силу особых причин. Толанд констатировал, что в таком же ключе он «хотел бы движение целого называть активностью (action), а пространственное движение, будь оно прямое или круговое, быстрое или медленное, простое или сложное, по-прежнему называть движением (motion)»; в указанном движении Толанд видел не более чем изменчивое определение активности, постоянно и везде остающейся одинаковой «и без которой движение не может принимать никаких модификаций». В завершение этих рассуждений Толанд отказался понимать под материей настоящего и прошлого бездейственную, мертвую глыбу, абсолютно покоящуюся и являющуюся «чем-то косным и неповоротливым [“I deny that Matter is or ever was an inactive dead Lump in absolute Repose, a lazy and unweildy thing”]» [6. P. 158–159; 7. С. 151–152].

Многообразие материи, ее качеств и свойств – следствие не только протяжения, но и движения материи. Толанд утверждал, что «материя столь же немыслима без движения, как без протяжения, и что оба этих свойства равно неотделимы от нее» (при этом здесь под движением материи Толанд явно имел в виду то, что он называл «внутренней энергией, самодвижением или существенной активностью всякой материи [“internal Energy, Autokinesy, or essential Action of all Matter”]» (см.: [6. P. 193; 7. С. 171])). В понимании Толанда, если попытаться представить себе неподвижную материю, то перед нашим мысленным взором неминуемо должно предстать «нечто лишенное всяких чувственных качеств, лишенное частей, соразмерности и каких бы то ни было отношений». Так как перечисленные и другие характеристики «всех телесных предметов» определяются не чем иным, как движением. В характеристиках же этих предметов воплощается всевозможная активность их частей/«частиц», являющаяся «естественным и несомненным следствием движения или, вернее, самим движением под различными наименованиями и определениями» [7. С. 157].

Наличие делимости материи означает наличие составляющих ее сущность движения и протяжения. Толанд полагал, что в основе всеми признаваемой делимости материи лежит движение, поскольку не что иное, как движение разнообразит или разделяет ее; отсюда следовали два вывода Толанда: 1) движение и протяжение обеспечивают делимость материи, 2) оба они одинаково «существенны для материи» [7. С. 157].

Любая часть Вселенной (включая человеческие тела) пребывает в непрекращающемся «движении разрушения и созидания, созидания и разрушения». Толанд утверждал, что материя Вселенной везде одинакова (ср.: [7.

С. 169]), но сообразно своим всевозможным модификациям она представлена неисчислимыми особыми системами, вихрями или пучинами [7. С. 167]. Везде и непрерывно происходят взаимные переходы земли, воды, воздуха, огня, эфира [“Ether”] в свои противоположности, «каждое существо живет разрушением другого», что проявляется в соответствующих изменениях материи. Любая часть Вселенной, таким образом, пребывает в непрекращающемся «движении разрушения и созидания, созидания и разрушения». Существование человеческого тела во всем подобно существованию тел животных. Вообще, при жизни человек пребывает в состоянии непрерывного речного течения; умерев, когда его тело окончательно разложится, он проникает в качестве составных частей во множество самых разных вещей одновременно [6. Р. 188; 7. С. 168].

Вселенная неизменна. Согласно Толанду, части материи не привязаны к какой-либо одной фигуре или форме, т.е. они пребывают в вечном движении, стираясь, изнашиваясь, измельчаясь и т.д. и т.п. На Земле все меняется каждое мгновение; этими изменениями, представляющими собой разные виды движения, неопровержимо подтверждается наличие «некоей всеобщей активности». Однако изменения частей не приводят к изменениям Вселенной: ведь очевидно, что всевозможные трансформации материи не приводят к ее каким-либо количественным изменениям, так же как бесконечные комбинации букв в словах и языках не изменяют состава алфавитов. По мысли Толанда, вещи непрестанно меняют свои формы, но «мир во всех своих частях и видах пребывает во все времена в одном и том же состоянии» [7. С. 169].

В любых внутренних изменениях вещей отображается их постоянное движение. Толанд полагал, что требуется различать внутреннюю энергию материи и ее пространственные движения. Внутренняя энергия, самодвижение, или существенная активность присуща всей материи. Без этой внутренней энергии не могло бы случаться никакого ее изменения или разделения. Всякие пространственные/внешние локальные движения, иначе – перемещения/изменения места являются лишь всевозможными модификациями внутренней энергии – существенной активности (ср.: [7. С. 176]). Конкретные (пространственные) движения тел происходят от разнообразных превалирующих движений прочих тел. Все части материи обладают своей внутренней энергией и влияют друг на друга сильнее или слабее в зависимости от имеющихся у них возможностей противодействия и воздействия. Следовательно, резюмирует Толанд, «всякая вещь претерпевает бесконечные изменения, т.е. находится, как я утверждаю, в непрестанном движении» [7. С. 171].

Покой тел относителен. Толанд вывел определение: «покой есть только известное ограничение движения тел, будучи реальным действием (action) взаимного сопротивления двух равных движений». Из этого, по его мнению, следует, что «не существует абсолютной бездеятельности тел, а есть только относительный покой по сравнению с другими телами, изменяющимися на наших глазах» [7. С. 174]. Толанд давал понять, что солидарен с учеными, стремящимися объяснять природные явления, ссылаясь на движение, всеобщее взаимодействие «вещей», используя принципы механики. С явным скепсисом упомянув об отстаивании И. Ньютоном идеи «протяженного, бестелесного пространства», Толанд, тем не менее, с энтузиазмом перечислил

некоторые представлявшиеся ему верными толкования сущности покоя и движения тел, встречающиеся в ньютоновских «Математических началах натуральной философии» [“Mathematical Principles of Natural Philosophy”, 1687 г.] [7. С. 174–175].

Представления об абсолютном покое являются грубым заблуждением. Сославшись на приведенные им выше многочисленные примеры и умозаключения, Толанд счел возможным окончательно резюмировать, что «*активность есть существенное свойство материи* [“Action is essential to Matter”]», так как 1) в активности им обнаружен реальный субъект всевозможных «модификаций» материи – пространственных/локальных движений, изменений, различий или разнообразий, и, что казалось Толанду главным, 2) представления об абсолютном покое, обосновывающие «понятие о бездеятельности или безжизненности материи [“Inactivity or Lumpishness of Matter”]», ему удалось разрушить как грубое заблуждение. По Толанду, оно подпитывается наличием «тяжелых, твердых и массивных тел». Наблюдая за покоем и движением этих тел, люди стали делать ошибочные умозаключения о том, что состояние абсолютного покоя существует и что существует нематериальный «внешний двигатель [“foreing Mover”]» [6. Р. 202–203; 7. С. 176].

Явления природы – «состояния движения». По Толанду, под плотностью, протяжением и активностью материи не следует понимать три разные «вещи»; они являются лишь тремя отдельными идеями, позволяющими по-разному рассматривать ту же самую материю. Толанд различал существенную активность материи [“essential Action of Matter”] и «некое состояние общей активности [“some Determination of the general Action”]»; первую он обозначал как “*Vis motrix*” – истинную движущую силу [“true motive Force”], второе – как “*Vis impressa*” – силу, сообщаемую «отдельным телам» [“the imprest Force of particular Bodys”]. Общая активность проявляется в постоянных заменах меньших сил большими, что задает направления движения материи. Точно так же и формы материи, разрушаясь, замещают одна другую. Движения материи тоже сменяют друг друга и не могут завершаться «абсолютным покоем» и т.д. На основании вышеизложенного Толанд заключил, что указанные «состояния движения в [различных] частях плотной протяженной материи и образуют то, что мы называем явлениями природы [“Phænomena of Nature”]» [6. Р. 231–232; 7. С. 193].

Эксплицитные теологические предпосылки. Активность материи совместима с существованием верховного Ума. По мнению Толанда, наличие доказательств активности материи вовсе не создает предпосылок для оспаривания причастности к этой активности руководящего/верховного Ума [“*presiding Intelligence*”] [6. Р. 234; 7. С. 195].

Бог постоянно направляет движения материи (однажды раз и навсегда определив порядок протекания процессов бытия). Толанд предположил, что материя могла быть создана Богом, в одинаковой мере обладающей свойствами и активности, и протяженности. Помимо этого, затруднительно отрицать, что Бог постоянно направляет движения материи (однажды раз и навсегда определив порядок протекания процессов бытия). Причем формирование того или иного животного либо растения невозможно полноценно объяснить, ссылаясь только на активность материи или только на ее протяжение. Наконец, разумно ли допускать, что взаимовлияния тел, «всех

частиц материи» друг на друга могли бы когда-нибудь привести к созданию любой «из этих изумительных растительных или животных машин?» [7. С. 195].

Никто [кроме Бога] не может «изобрести правила и средства для построения человека или мыши». Положением о «бесконечности материи» исключается бытие протяженного телесного Бога, но не бытие чистого Духа или нематериального Существа. Толанд полагал, что все имеющиеся у какого-нибудь человека знания в сфере устройства механизмов не помогут ему (как не помогли Р. Декарту) «изобрести правила и средства для построения человека или мыши». Любое смешение атомов во всех возможных вариантах не смогло бы обеспечить объединение и сохранение частей Вселенной в том виде/порядке, который известен на сегодня, не смогло бы «создать организацию цветка или мухи». Точно так же и многократное перемешивание типографских букв не приведет к созданию «Энеиды», «Илиады» или любой другой книги. Как отметил в завершение этих размышлений Толанд, положением о «бесконечности материи» [“Infinity of Matter”] должно исключаться только то, что надлежит исключать всем разумным и достойным людям – бытие протяженного телесного Бога, но не бытие чистого Духа или нематериального Существа [“an extended corporeal God, but not a pure Spirit or immaterial Being”] [6. P. 236; 7. С. 195–196].

Заключение

Таким образом, выполнены задачи нашего исследования: во-первых, проведен обзор ряда фрагментов четвертого и пятого писем сочинения «Письма к Серене», содержащих концептуальные суждения Толанда о материи и движении, и, во-вторых, выделены основные идеи и положения данных суждений. Это позволило достичь цели – выявить и объективировать следующие базовые эксплицитные (очерченные непосредственно в «Письмах») теологические предпосылки натурфилософских воззрений Толанда о материи и движении: 1. Представления о соучастии Бога «в каждом движении во Вселенной» ведут к разрушению правильного тезиса о том, что «движения, первоначально сообщенного Богом материи, вполне достаточно для будущего без каких-либо дополнительных усилий», а также к недопустимому признанию Бога виновником всего злого, даже если в движении видеть лишь статус модуса. 2. Активность материи совместима с существованием верховного Ума. 3. Бог постоянно направляет движения материи (однажды раз и навсегда определив порядок протекания процессов бытия). 4. Никто (кроме Бога) не может «изобрести правила и средства для построения человека или мыши». 5. Положением о «бесконечности материи» исключается бытие протяженного телесного Бога, но не бытие чистого Духа или нематериального Существа.

Перечисленные эксплицитные теологические предпосылки, думается, вполне определенно отражают теологический характер изложенных Толандом в «Письмах к Серене» натурфилософских воззрений о материи и движении. Данное предположение, в свою очередь, подтверждает правоту Дж. Уигелсворта, придерживавшегося при квалификации обозначенных воззрений как теологических концептуального кредо А. Каннингема, в соответствии с которым натурфилософия была посвящена Богу на протяжении всего своего существования начиная с середины 1200-х гг. и заканчивая XIX в.,

когда от нее отказались в пользу новой исследовательской практики – «науки» [13. Р. 1; 14. Р. 38].

Список источников

1. Тымьянский Г. Джон Толанд // Под знаменем марксизма. 1924. № 10/11. С. 32–55.
2. Jacob M.C. John Toland and the Newtonian Ideology / M. C. Jacob // Journal of the Warburg and Courtauld Institutes. 1969. Vol. 32. P. 307–331.
3. Мееровский Б.В. Джон Толанд. М. : Мысль, 1979. 190 с.
4. Berman D. Deism, Immortality and the Art of Theological Lying // Deism, Masonry and the Enlightenment : Essays Honoring Alfred Owen Aldridge / ed. by J.A.L. Lemay. Newark : University of Delaware Press ; London : Associated University Press, 1987. P. 61–78.
5. Lurbe P. John Toland and the Naturalization of the Jews // Eighteenth-Century Ireland / Iris an dá chultúr. 1999. Vol. 14. P. 37–48.
6. Toland J. Letters to Serena... London : Printed for Bernard Lintot..., 1704. [52], 239, [1] p.
7. Толанд Дж. Письма к Серене / пер. с англ. И.Б. Румера, Б.В. Мееровского // Английские материалисты XVIII в. : собрание произведений : в 3 т. М. : Мысль, 1967. Т. 1. С. 51–197.
8. Салимова К.И. Материализм Дж. Толанда // Вопросы философии. 1956. № 1. С. 104–116.
9. Деборин А.М. Английский деизм и «вольнодумцы». Джон Толанд (1670–1722) // Социально-политические учения нового и новейшего времени : в 3 т. М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1958. Т. 1: Социально-политические учения нового времени. Разд. 3: Английская революция XVII века и ее политические идеи, [гл.] 8. С. 210–218.
10. Быховский Б. Лидер английского деизма // Наука и религия. 1981. № 9. С. 28–30.
11. Brown J.C. John Toland's Letters to Serena: From the Critique of Religion to the Metaphysics of Materialism // After the Postsecular and the Postmodern: New Essays in Continental Philosophy of Religion / ed. by A. Smith & D. Whistler. Newcastle : Cambridge Scholars Publishing, 2010. Part 1: The Contribution on Modernity, chapter 2. P. 44–63.
12. Champion J.A.I. Deism // The Columbia History of Western Philosophy / ed. by R.H. Popkin. New York : Columbia University Press, 1999. [Part] 6: Eighteenth-Century Philosophy, [chapter]. P. 437–445.
13. Wigelsworth J.R. The Nominal Essence of Motion: John Toland's Natural Philosophy, 1696–1704 : A Thesis Submitted to the Faculty of Graduate Studies in Partial Fulfilment of the Requirements for the Degree of Master of Arts / The University of Calgary ; Department of History. Calgary, 2000. vii+141 p.
14. Cunningham A. The Anatomical Renaissance: The Resurrection of the Anatomical Projects of the Ancients. Aldershot : Scolar Press, 1997. xiv, 283 p.

References

1. Tymyanskiy, G. (1924) Dzhon Toland [John Toland]. *Pod znamenem marksizma*. 10/11. pp. 32–55.
2. Jacob, M.C. (1969) John Toland and the Newtonian Ideology. *Journal of the Warburg and Courtauld Institutes*. 32. pp. 307–331.
3. Meerovskiy, B.V. (1979) *Dzhon Toland* [John Toland]. Moscow: Mysl'.
4. Berman, D. (1987) Deism, Immortality and the Art of Theological Lying. In: Lemay, J.A.L. (ed.) *Deism, Masonry and the Enlightenment: Essays Honoring Alfred Owen Aldridge*. Newark: University of Delaware Press; London: Associated University Press. pp. 61–78.
5. Lurbe, P. (1999) John Toland and the Naturalization of the Jews. *Eighteenth-Century Ireland / Iris an dá chultúr*. 14. pp. 37–48.
6. Toland, J. (1704) *Letters to Serena*... London: Printed for Bernard Lintot.
7. Toland, J. (1967) Pis'ma k Serene [Letters to Serena]. In: Toland, J. et al. *Angliyskie materialisty XVIII v.: sobranie proizvedeniy: v 3 t.* [English Materialists of the 18th Century]. Vol. 1. Translated from English by I.B. Rumer, B.V. Meerovsky. Moscow: Mysl'. pp. 51–197.
8. Salimova, K.I. (1956) Materializm Dzh. Tolanda [J. Toland's Materialism]. *Voprosy filosofii*. 1. pp. 104–116.
9. Deborin, A.M. (1958) *Sotsial'no-politicheskie ucheniya novogo i noveyshego vremeni: v 3 t.* [Socio-political teachings of new and modern times: in 3 vols]. Vol. 1. Moscow: USSR AS. pp. 210–218.

10. Bykhovskiy, B. (1981) Lider angliyskogo deizma [Leader of English deism]. *Nauka i religiya*. 9. pp. 28–30.

11. Brown, J.C. (2010) John Toland's Letters to Serena: From the Critique of Religion to the Metaphysics of Materialism. In: Smith, A. & Whistler, D. (eds) *After the Postsecular and the Postmodern: New Essays in Continental Philosophy of Religion*. Vol. 1. Newcastle: Cambridge Scholars Publishing. pp. 44–63.

12. Champion, J.A.I. (1999) Deism. In: Popkin, R.H. (ed.) *The Columbia History of Western Philosophy*. New York: Columbia University Press. pp. 437–445.

13. Wigelsworth, J.R. (2000) *The Nominal Essence of Motion: John Toland's Natural Philosophy, 1696–1704*. A Thesis Submitted to the Faculty of Graduate Studies in Partial Fulfilment of the Requirements for the Degree of Master of Arts. Calgary: The University of Calgary.

14. Cunningham, A. (1997) *The Anatomical Renaissance: The Resurrection of the Anatomical Projects of the Ancients*. Aldershot: Scolar Press.

Сведения об авторе:

Яковлев В.В. – доктор философских наук, доцент, доцент кафедры истории Института социально-гуманитарных наук Тюменского государственного университета (Тюмень, Россия). E-mail: v-yakovlev@yandex.ru.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Yakovlev V.V. – Dr. Sci. (Philosophy), docent, associate professor of the Department of History, Institute of Social Sciences and Humanities, University of Tyumen (Tyumen, Russian Federation). E-mail: v-yakovlev@yandex.ru.

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 13.12.2023;

одобрена после рецензирования 19.01.2024; принята к публикации 04.03.2024

The article was submitted 13.12.2023;

approved after reviewing 19.01.2024; accepted for publication 04.03.2024

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ И ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

Научная статья
УДК 130.2;140.8; 215; 322
doi: 10.17223/1998863X/77/10

О ВЛИЯНИИ МЕДИЙНОГО ПРОСТРАНСТВА НА ФУНКЦИИ РИТУАЛА

Александр Владимирович Атаманов¹, Владислав Васильевич Чешев²

^{1,2} *Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия*

² *Новосибирский государственный университет экономики и управления,
Новосибирск, Россия*

¹ *atamanovtomske@gmail.com*

² *chwld@rambler.ru*

Аннотация. Предпринята попытка проследить трансформацию роли ритуала в современном обществе под влиянием медиапространства, интернет-ресурсов, социальных и виртуальных сетей. Результатом решения этой задачи является выявление изменений внешней формы и содержания ритуала. Рассмотрены возможные пути взаимопроникновения ритуала и медийного пространства.

Ключевые слова: ритуал, социальные функции ритуала, секулярный ритуал, коронация

Для цитирования: Атаманов А.В., Чешев В.В. О влиянии медийного пространства на функции ритуала // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2024. № 77. С. 122–131. doi: 10.17223/1998863X/77/10

SOCIAL PHILOSOPHY AND PHILOSOPHY OF HUMANITY

Original article

ON THE INFLUENCE OF MEDIA SPACE ON THE FUNCTIONS OF RITUAL

Alexander V. Atamanov¹, Vladislav V. Cheshev²

^{1,2} *National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation*

² *Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk, Russian Federation*

¹ *atamanovtomske@gmail.com*

² *chwld@rambler.ru*

Abstract. This article attempts to trace the transformation of ritual in modern society under the influence of media space, Internet resources, social and virtual networks. The result of solving this problem is the identification of changes in the form and content of ritual. Possi-

ble ways of interpenetration of ritual and media space are considered. Ritual, which is the object of study of many sciences, is defined as a preserved sequence of actions with certain practical applications, or as a complex symbolic religious system. Being a symbolic system and language, ritual fulfills a social function – the formation of society. The symbolic content of ritual is associated not only with its mythical or religious worldview, but also with the ability to separate the ordinary profane from the sacred. The main function of ritual is the uniting of society. Thanks to ritual, historical memory is actualized, the social worldview is transmitted to all individuals of the group, and social hierarchy is built. Rituals of initiation and transition contribute to the definition of identity by an individual, a person learns and accepts his status and place in society. Ritual tends to keep society from disintegration, preserves it; being dramatically played, it re-presents the social, builds it up and encloses it from other social groups. Thus, it is possible to consider rituals forming generally accepted values as reference points for a person in social life that consolidate people. The article analyzes the mutual influence of ritual and media-virtual space on the example of Charles III's coronation ritual. The prerequisites for such a comparison are the ideas of F. Stahl and R. Rappoport, who describe the external form of ritual as performance. The article identifies three levels of the collision between ritual and media. Firstly, ritual in modern conditions moves as any event of human life to the level of media and the Internet, becoming publications on social networks, public and virtual pages. Secondly, it is possible to broadcast ritual to a huge number of people through radio, television, and the Internet, which gives the possibility of parallel translation, comments, discussions, clarifications, and references. Thirdly, media penetrate the very form of ritual as a way of performing it. Such characteristics of media as a special perception of time and place, a regulated form, social positions of participants, audience as a group, a bright expressive character, performance, a certain set of attitudes connect them with ritual, contribute to their interaction and transformation. Ritual, remaining an ontological part of human life, reflects social changes and influences their formation.

Keywords: ritual, social functions of ritual, initiation, secular ritual

For citation: Atamanov, A.V. & Cheshev, V.V. (2024) On the influence of media space on the functions of ritual. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 77. pp. 122–131. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/77/10

Введение

Ритуал как символическое действие сохраняется в современном обществе и современной культуре в силу того, что представляет собой одно из важных символических средств, участвующих в программировании поведения личности. Общественные изменения отражаются на содержании и роли ритуала. Современный технический прогресс, проявляющийся в «цифровой революции», изменяет в обществе коммуникационные связи, а также процессы трансляции и закрепления фундаментальных смыслов. В этой связи изменяются функции светских и религиозных ритуалов, используемых обществом. В современной общественной практике существует понятие «символическая политика», которым обозначают коммуникативные действия, использующие ритуальные формы трансляции соответствующих смыслов. К действиям символической политики относят зрелища, акции, парады, шествия, поднятие флага и другие, посредством которых достигается принятие обществом тех или иных ценностей. Критическое осмысление системы ценностей, принимаемой обществом в современном цифровом пространстве, требует анализа изменяющихся функций ритуалов, закрепляющих эти аксиологические установки.

Традиционная оценка общественной роли ритуала

Ритуал, являясь объектом изучения множества наук, чаще всего определяется либо как законсервированная последовательность действий, имеющая

практические применения, либо как сложная символическая религиозная система. Названные функциональные свойства не исключают друг друга, но в конкретных ситуациях одно из них может быть преобладающим. В любом случае ритуал предстает как драматическое действие, совершаемое группой людей и имеющее сакральное значение. Сакральный смысл, зашифрованный во внешней символической форме ритуала, транслируется в ходе ритуальной игры между ее субъектом и объектом. В ходе этого действия ритуал реализует свои социальные функции, одной из которых, и весьма важной, является фиксация социального статуса действующих лиц через их отношение к сакральным смыслам ритуала. Действиями такого рода ритуал вносит вклад в процедуру формирования общества и общественных отношений. Э. Дюркгейм объясняет названную функцию ритуала его связью с изменениями социальных ролей человека при его рождении, инициации, возведении в новый статус, посвящении и пр. Тем самым, как полагал французский социолог, ритуал обеспечивает адаптацию индивидов к вносимым действием смыслам и обеспечивает солидарность членов сообщества [1].

Фиксацию социального статуса индивида, осуществляемую в ритуале, можно рассматривать как идентифицирующую процедуру или как ее элемент. При этом смысловая сторона идентификации связана со способностью ритуала разделять обыденное (профанное) и сакральное. Во всяком случае, такое разграничение обнаруживается в ритуалах посвящения и инициации. Новый статус неотделим от принятия смысловых посылок, внушаемых ритуалом. Д. Хоманс утверждает в этой связи, что ритуал ценен для человека, скорее, не его практическим результатом, а наоборот, сакральностью как характеристикой его успешности [2. Р. 171]. Если под сакральностью понимать в том числе необычное, редкое явление присвоения субъекту новой социальной функции, которая не отражается в материальном мире физическими изменениями человека, то разделение ритуалов на религиозные и секулярные примет условный характер. Каждый секулярный ритуал является сакрализующим, поскольку он утверждает новые внутренние над-физические смыслы. Сакральность, переживаемая всеми участниками ритуала как аффект, становится ментальной объединяющей силой, консолидирующей членов группы. Ритуал порождает психологическое заражение индивида, результатом которого является трансформация его поведения [3. С. 54].

Другой позиции в анализе функций ритуала придерживается Ф. Сталь. Отвергая символическое наполнение ритуала, исследователь полагает, что «ритуал это – чистая активность, без значения или цели» [4. Р. 131]. Поскольку в разных социальных обществах и религиях встречаются похожие ритуалы, то понимание последнего не закреплено за мировоззрением определенной группы, и целью ритуала, по утверждению Сталя, становится сама ритуальная игра [4. Р. 133]. Утверждаемая исследователем мысль о непринадлежности ритуала к какой-либо ценностной смысловой системе становится аргументом против принципиального разграничения секулярных и религиозных ритуалов. Тем не менее Ф. Сталь не отрицает социализирующих функций ритуала, но относит их не к символическому содержанию ритуала, а к результатам самой игры, к тому, куда эта игра приводит [5].

Рой Раппапорт развивает концепцию Ф. Сталя, определяя ритуал как «последовательность более или менее неизменных формальных действий и

высказываний, не полностью ясных для исполнителей» [6. Р. 24]. Он утверждает, что символическое содержание не всегда определяется человеком, его толкование и понимание трансформируется со временем, а внешняя форма ритуала сохраняется. Таким образом, и форма, и содержание ритуала исполняют свои функции, при этом внешняя форма добавляет свои значения в ритуал, которые не отражаются в его символической информации [6. Р. 30]. Р. Раппапорт указывает на зрелищность (перформанс) как необходимый аспект ритуальной игры. Заметим, что феномен ритуала, непременно присутствующий в любом социуме как универсальный механизм статусной и смысловой инициации, назван исследователем вариантом современной религии. Этим вновь указывается на то, что ритуал вносит смысловую границу между сакральным, предписанным в данном случае социальной средой, и профанным (обыденным).

Социализирующую функцию считает основной для ритуалов такой исследователь, как Э. Дюркгейм, выделенные им дисциплинирующая, связующая, воспроизводящая и психотерапевтическая роли заключаются в создании живого общества и возможности определить человеку свое место в нем [1]. К. Леви-Стросс, описывая социализирующую функцию ритуала, отмечает: «Росписи на лице, прежде всего, придают личности человеческое достоинство; они совершают переход от природы к культуре, от „тупого“ животного к культурному человеку. Затем, будучи различными по стилю и композиции в разных кастах, они выражают в сложном обществе иерархию статусов» [7. С. 86]. Как архаичные ритуалы, так и современные его аналоги, представленные в униформе, значках, спецодежде, являются феноменами в том числе и современной культуры, которые все так же продолжает помогать индивиду определить представителей своей группы.

В последующем мы будем исходить из предположения, что фундаментальной функцией ритуала является его социализирующая роль, т.е. консолидация общества как на уровне больших и малых социальных групп, так и на уровне общества как системного целого. Этим обеспечивается включенность ритуала в динамику общества и его собственные изменения в этом процессе. Востребованный обществом ритуал актуализирует историческую память, транслирует общественное мировоззрение всем индивидам группы, облегчает выстраивание социальной иерархии. Ритуалы инициации и перехода способствуют определению своей идентичности индивидом, при котором человек осознает и принимает свой статус и место в обществе. Тем самым ритуал способствует стабилизации общества, удерживает его от распада и сохраняет его. Драматическая ритуальная игра в определенных границах репрезентирует общественную жизнь и поддерживает ее консолидирующие смысловые ценности.

Идентифицирующая функция ритуала и постиндустриальная информационная среда

Социальную идентификацию человека посредством ритуалов можно представить следующим образом. Для правильной ориентации в социальном мире и понимании своего места в нем индивид опирается на окружающие его реалии. Приписываемые им символические значения ре-презентуют для человека окружающий мир. Для успешной социализации участнику группы

необходимы: четкое зафиксированное представление о самом себе, определение своего места в структуре общества и принятие своего статуса как результат осознания символической структуры ритуала. Тем самым ритуал помогает человеку осознать свой статус и войти в сообщество, которое через ритуальную игру подтверждает легитимность и положение нового члена группы. Новые роли и статусы способствуют конструктивным коммуникациям всех членов общества, как прежних, так и ранее не состоявших нем. Если в прошлом социализирующее ритуальное действие было преимущественно локальным, не выходящим за пределы ограниченной социальной группы, то в современной информационной среде ритуал приобретает открытый и массовый характер. В этой связи особенности ритуальных процедур социализации и самоидентификации человека, погруженных сегодня в мир медийного и виртуального пространства, можно рассматривать через теорию интерактивных ритуалов Коллинза [8]. Р. Коллинз развивает идеи Дюркгейма и Гофмана, совмещая два уровня социального анализа: 1) уровень социальной солидарности и 2) уровень повседневных межличностных интеракций. В последнем случае идентификация, как постоянное и необходимое представление индивидом самого себя, трансформируется в презентацию своей жизни с помощью средств коммуникации, и каждая такая самопрезентация является ситуацией встречи с другим. С точки зрения Коллинза, социальная жизнь реализуется во взаимодействии здесь-и-сейчас как совокупность столкновений индивидов. Интерактивный ритуал¹ представлен условиями соприсутствия акторов взаимодействия, которые четко определены ситуацией, и интенсивным эмоциональным состоянием участников. Подобные условия присущи и медийному пространству.

Указанному процессу способствует приобретаемая в современной медийности особенность ритуала, а именно обретение им характеристик перформанса. Перформанс является современной тенденцией как культуры, так и социальных практик. Будучи культурной новацией, перформанс сам по себе имеет характерные для ритуала аспекты. Символическая ритуальная нагрузка, аксиологичность, системность, определенные цели и роли – все это так или иначе присуще перформансу. Самой важной для нас видится такая характеристика ритуала, как зрелищное отражение событийности. Всякий раз, проигрывая исторические события или празднества, ритуальная драматическая игра воспроизводится по-новому, с новыми участниками, в новом понимании, в новых условиях. Ритуал невозможно зафиксировать в застывшей форме, его перформансный характер создает инновационное воспроизведение и восприятие при каждом совершении, он живет между действующими во встрече лицом к лицу здесь и сейчас акторами. Ритуалы воспроизводятся снова и снова, неизменно по-новому для повторного переживания и восприятия их смыслов субъектами.

Сравнительный анализ ритуала и медийно-виртуального пространства можно провести, опираясь на выделенные В. Тернером характеристики названных форм коммуникативности [9, 10]. Символический характер обоих

¹ Термин «интерактивный ритуал» ввел в употребление И. Гофман для описания повседневных встреч людей, при которых индивиды транслируют свое отношение к другому и демонстрируют себя определенным образом. См: Коллинз Р. Программа теории ритуала интеракции / пер. с англ. А. Хохловой // Журнал социологии и социальной антропологии. 2004. Т. 7, № 1. С. 27–39.

феноменов проявляется в их знаковости, аллегорическом языке, зрелищности представленной информации. Основным содержанием ритуала являются мировоззренческие нормы и установки, транслируемые от субъекта к объекту, а ценностным аспектом медийного пространства является возможность донести определенную точку зрения и понимание события до каждого индивида. Системность ритуала аналогична системности медийного и виртуального пространства. Подобно тому как ритуал отображает социальные роли, так и медийное пространство, транслируя события, предлагает человеку вообразить себя участниками произошедшего. Кроме этого, жизнь с ее распределением статусов и ролей, общением и мероприятиями сегодня полностью переносится в виртуальный мир либо воссоздается в нем, и отображение легендарных и исторических событий, проигранное через календарные ритуалы, позволяет своим участникам пережить их заново, переосмыслить, что соответствует фиксации событий в информационном пространстве. Подобным образом характеризуются категории времени и пространства в ритуальном понимании и в медийном восприятии. Необходимо отметить, как представляется, самый важный аспект ритуала и медийно-виртуального пространства – коммуникацию. Виртуальное пространство социальных сетей создается по принципу общности интересов. Они объединяют, группируют и консолидируют сообщества, приобретая характерную для ритуала способность объединять последние. Схожесть характеристик медиапространства и ритуала позволяет проследить взаимное влияние этих культурных феноменов друг на друга. Выделим три уровня соприкосновения последних. Во-первых, ритуал в современных условиях перемещается, как и любое событие человеческой жизни, на уровень медиа и интернета, проникая в публикации социальных сетей, пабликов, виртуальных страниц. Во-вторых, появившаяся возможность трансляции ритуала огромному количеству людей через радио, телевидение, интернет дает место параллельному переводу, комментариям, обсуждениям, уточнениям, ссылкам. В-третьих, медиа проникает в саму форму ритуала как способ его совершения.

Современную общественную жизнь невозможно представить без медийного пространства. Медийная мобильность и виртуальное пространство не просто являются достижениями техники, но стали необходимыми элементами человеческой жизни, вольно или невольно воздействующими на ее символический мир. Одна из форм такого воздействия обусловлена тем, что пользователи сетей помещают в них фото- и видеoinформацию из своей личной жизни, связанной с посещением знаковых мест и важными событиями, включая также свое участие в тех или иных общественных действиях ритуального характера. Субъективная окраска таких действий оказывает влияние на восприятие смыслового символического содержания, которое не может не отражаться и не восприниматься как важная для субъекта, ставящего целью демонстрацию своего соответствия интересам группы, которой адресована информация. Такие действия модифицируют восприятие ритуалов, связанных с соответствующими символами. Участие в них совершается уже не ради его культурных и социальных функций, но ради эпатажной картинки или нового поста в социальной сети. При этом важной стороной подобных публикаций остается перформанс, точнее хайп, если использовать современный сленг. Примерами таких трансформаций, похожих на чистую актив-

ность, лишенную ясного смыслового наполнения [4], являются всевозможные фото у вечного огня, ритуалы венчание или крещения, совершаемые ради красивой картинки, скандальные фото и видео у религиозных объектов, резкие комментарии и насмешки под публикациями в социальных сетях и пр. Подобная трансформация ритуала может формировать негативное отношение сетевого сообщества к соответствующим ритуалам. С другой стороны, медийные возможности позволяют широкому кругу людей стать участниками ритуала в той или иной роли, что способствует не только распространению и принятию последнего, но и пониманию и толкованию его символических смыслов. Параллельные комментарии, подстрочный текст, перевод, сурдоперевод, возможность множественного повторного знакомства с ритуальной игрой – все это может стать педагогическим средством для знакомства с ритуалами. Яркими примерами такого воздействия являются трансляции богослужений, светских ритуалов принятия присяги, инаугурации, награждения, суда, защиты диссертаций, парадов и шествий. Медийное пространство позволило пользователям сетей стать участниками или наблюдателями даже такого незаурядного ритуала, как коронация Карла III (Чарльз Филипп Артур Джордж), которая совершалась 6 мая 2023 г. в Вестминстерском аббатстве и вызвала интерес огромного количества людей.

Современный мир глобализации, политика мультикультурализма и идеи «плавильного котла» [11], совмещая элементы различных культур в единое смысловое поле, оказывают сильное влияние на общественные ритуалы, используя в том числе медийное и интернет-пространство. Характерным и ярким примером такого процесса явился уже отмеченный нами ритуал коронации английского Карла III в качестве короля Соединенного Королевства и королевств Содружеств. Коронации в настоящее время, как и само монархическое устройство власти в государстве, сохранились в небольшом количестве. Англия, являясь наследницей Британской империи, сохранила элементы имперского мировоззрения, представленные в символическом содержании чина коронации. Последний раз коронация в Англии совершалась в 1952 г. В современных условиях традиционный консервативный ритуал коронации, или помазания на царство, был совершен в новом реформированном варианте с яркими новационными элементами, достаточно органично вписанными в старую форму. Модернизацией церемонии занимался Лондонский университет, который задолго до самой коронации опубликовал подробный отчет [12] с предложениями. Коронация совершалась традиционно в составе литургии в Вестминстерском аббатстве главой Церкви Англии архиепископом Кентерберийский Джастином Уэлби. Древний ритуал, старинные облачения и одежды, горностаевые мантии, использование исторических артефактов создавали яркое перформансное действие, что способствовало его зрелищности для миллионов людей. К трансформированным элементам можно отнести молитвы на валлийском и гельском языках, участие женского священства, которое как феномен не существовало во время предыдущей коронации Елизаветы (стало возможным в Церкви Англии с 1970 г.), присутствие представителей иных конфессий, в том числе мировых нехристианских религий, использование ширмы для скрытия от посторонних глаз короля во время помазания, оставшегося при этом в одной сорочке, исполнение песнопений Восточной православной церкви, использование современных музыкальных произведений как богослужебных, в

том числе и исполнение их известными поп-музыкантами [13]. Масло для помазания было освящено Иерусалимским патриархом Феофилом III в церкви Гроба Господня города Иерусалима, состав масла был тоже модернизирован, оно не содержало веществ животного происхождения [14]. Ограниченное количество гостей компенсировалось прямой трансляцией.

Символика коронации подробно комментировалась при трансляции, поэтому не составило труда понять ее смысл. Представление архиепископом Кентерберийский нового короля на четыре стороны света и последовавшая за этим клятва народу и Церкви Англии несколько противоречили многоконфессиональности современного английского общества, но тем не менее исполнили функцию засвидетельствования истинности короля и его главенство над империей и церковью. Помазание освященным маслом означало наделение сакральной, божественной силой и явилось срединной частью ритуала. Короны Святого Эдуарда и королевы Марии, трон Святого Эдуарда, имперские мантии и туники, держава, скипетр, жезл, коронационное кольцо и прочие регалии предстали артефактами, подтверждающими легитимность и преемственность нового короля, а также символами божественной природы королевской власти. Важно, что символика стран – членов Содружества и представительство этих стран на церемонии символически закрепляли распространение королевской власти на всю империю, что подтверждало и присутствие представителей различных религиозных конфессий, и выражение последними почтения перед новым королем после церемонии [14].

Стоит отметить главный лейтмотив коронации, который звучал с первых минут ритуала в приветственных словах пажа, в клятве короля Карла на Евангелии, в проповеди архиепископа Джастина Уэлби, – новый король является слугой народа. Таким образом, коронация как ритуал перехода трансформировала принца Чарльза Филиппа Артура Джорджа в Карла III, короля Великобритании и Северной Ирландии и королевств Содружества. Кроме того, ритуал транслировал претензии нового короля на историческое имперское правление.

Заключение

В современном обществе сохраняется большое многообразие ритуалов, выполняющих те функции, на которые указывали его исследователи в прошлом, включая важнейшую функцию социализации и самоидентификации индивидов в обществе. Однако новые формы коммуникации, порожденные «информационной революцией», существенно влияют на условия и процедуры ритуальных действий, трансформируя одновременно и транслируемые ими смыслы. В этих новых условиях открываются разные пути адаптации и использования ритуала, в частности расширение его использования в медийных процедурах, превращающих в ряде случаев ритуальное действие в перформанс, охватывающий массовую аудиторию. В таких случаях ритуал может трансформироваться в средство актуальной политики, формирующей общественное мнение и установки массового сознания, при этом резко возрастает актуальность проблематики ритуала и рассмотренных нами функций ритуала в информационном обществе. Ритуал, оставаясь бытийственной частью жизни человека, продолжает в настоящее время отражать социальные изменения, одновременно формируя их.

Список источников

1. Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни. Тотемистическая система в Австралии // Мистика. Религия. Наука. Классики мирового религиоведения. М., 1998. Т. 2. С. 174–230.
2. Homans G. Anxiety and ritual: the theories of Malinowski and Radcliffe-Brown // *American anthropologist*. 1941. № 43. P. 164–171. URL: <http://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1525/aa.1941.43.2.02a00020/pdf> (access date: 14.10.2023).
3. Сафронов Р.О. Теория ритуала Д. Маршалла в свете социологии религии Э. Дюркгейма // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2011. Т. 12, вып. 2. С. 52–61.
4. Staal F. *Ritual and mantras: rules without meaning*. Delhi : Motilal Banarsidass Publ., 1996. 490 p.
5. Селигман А., Веллер Р., Пьет М., Саймон Б. Да здравствует ритуал! Ритуалы и их последствия: там, где не нужна искренность // Историческая психология и социология истории. 2009. № 2. С. 171–183.
6. Rappaport R.A. *Ritual and religion in the making of humanity*. Cambridge : Cambridge University Press, 1999. 564 p.
7. Леви-Строс К. Печальные тропики / пер. с фр. Г.А. Матвеевой ; науч. консультант и авт. предисл. Л.А. Файнберг. М. : Мысль, 1984. 220 с.
8. Коллинз Р. Программа теории ритуала интеракции / пер. с англ. А. Хохловой // Журнал социологии и социальной антропологии. 2004. Т. 7, № 1. С. 27–39.
9. Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни / пер. с англ. А.Д. Ковалева. М. : Канон-Пресс-Ц : Кучково поле, 2000. 304 с.
10. Тернер В. Символ и ритуал. М. : Наука, 1983. 277 с.
11. Higham J. *Send these to me: immigrants in urban America*. New York : Atheneum, 1975. 259 p.
12. Morris B. Inaugurating a new reign: planning for accession and coronation / University College London. London, 2018. URL: https://www.ucl.ac.uk/constitution-unit/sites/constitution-unit/files/181_-_Inaugurating_a_New_Reign.pdf (access date: 04.11.2023).
13. Dixon H. Coronation for the cost of living crisis as King expresses wish for 'good value' // The Telegraph. 2022. 13 september. URL: <https://www.telegraph.co.uk/royal-family/2022/09/13/charles-coronation-prince-king-monarchy-when-plans-cost-living/> (access date: 16.09.2022).
14. Badshah N. King Charles coronation oil is consecrated in Jerusalem // The Guardian. 2023. 3 march. URL: <https://hellomagrussia.ru/monarkhi/vse-o-monarkhiyakh/51738-polveka-s-karlom-hvigustavom-shvedy-prazdnuyut-yubiley-pravleniya-svoego-monarha.html> (access date: 04.03.2023).

References

1. Durkheim, E. (1998) *Elementarnye formy religioznoy zhizni. Totemisticheskaya sistema v Avstralii* [Elementary forms of religious life. The totemistic system in Australia]. In: Krasnikov, A. (ed.) *Mistika. Religiya. Nauka. Klassiki mirovogo religiovedeniya* [Mysticism. Religion. Science. Classics of World Religious Studies]. Vol. 2. Moscow: Kanon+. pp. 174–230.
2. Homans, G. (1941) Anxiety and ritual: the theories of Malinowski and Radcliffe-Brown. *American Anthropologist*. 43. pp. 164–171.
3. Safronov, R.O. (2011) *Teoriya rituala D. Marshalla v svete sotsiologii religii E. Dyurkgeyma* [D. Marshall's theory of ritual in the light of E. Durkheim's sociology of religion]. *Vestnik Russkoy khristianskoy gumanitarnoy akademii*. 12(2). pp. 52–61.
4. Staal, F. (1996) *Ritual and Mantras: Rules Without Meaning*. Delhi: Motilal Banarsidass Publ.
5. Seligman, A., Weller, R., Piette, M. & Simon, B. (2009) *Da zdravstvuet ritual! Ritualy i ikh po-sledstviya: tam, gde ne nuzhna iskrennost'* [Long live ritual! Rituals and their consequences: Where sincerity is not needed]. *Istoricheskaya psikhologiya i sotsiologiya istorii*. 2. pp. 171–183.
6. Rappaport, R.A. (1999) *Ritual and Religion in the Making of Humanity*. Cambridge: Cambridge University Press.
7. Lévi-Strauss, K. (1984) *Pechal'nye tropiki* [Sad Tropics]. Translated from French by G.A. Matveeva. Moscow: Mysl'.
8. Collins, R. (2004) *Programma teorii rituala interaktsii* [Program of the theory of interaction ritual]. Translated from English by A. Khokhlova. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii – Journal of Sociology and Social Anthropology*. 7(1). pp. 27–39.
9. Hoffman, I. (2000) *Predstavlenie sebya drugim v povsednevnoy zhizni* [Presenting oneself to others in everyday life]. Translated from English by A.D. Kovalev. Moscow: Kanon-Press-Ts: Kuchkovo pole.

10. Turner, V. (1983) *Simvol i ritual* [Symbol and Ritual]. Translated from English. Moscow: Nauka.
11. Higham, J. (1975) *Send These to Me: Immigrants in Urban America*. New York: Atheneum.
12. Morris, B. (2018) *Inaugurating a new reign: planning for accession and coronation*. [Online] Available from: https://www.ucl.ac.uk/constitution-unit/sites/constitution-unit/files/181_-_Inaugurating_a_New_Reign.pdf (Accessed: 4th November 2023).
13. Dixon, H. (2022) Coronation for the cost-of-living crisis as King expresses wish for 'good value'. *The Telegraph*. 13th September. [Online] Available from: <https://www.telegraph.co.uk/royal-family/2022/09/13/charles-coronation-prince-king-monarchy-when-plans-cost-living/> (Accessed: 16th September 2022).
14. Badshah, N. (2023) King Charles coronation oil is consecrated in Jerusalem. *The Guardian*. 3rd March. [Online] Available from: <https://hellomagrussia.ru/monarkhi/vse-o-monarkhiyakh/51738-polveka-s-karlom-hvi-gustavom-shvedy-prazdnuyut-yubilej-pravleniya-svoego-monarha.html> (Accessed: 4th March 2023).

Сведения об авторе:

Атаманов А.В. – аспирант кафедры философии и методологии науки Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: atamanovtomske@gmail.com

Чешев В.В. – профессор, доктор философских наук, профессор кафедры философии и методологии науки Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия); старший научный сотрудник Лаборатории социально-гуманитарных проблем транзитивного общества Новосибирского государственного университета экономики и управления НИИХ (Новосибирск, Россия). E-mail: chwld@rambler.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Atamanov A.V. – postgraduate student of the Faculty of Philosophy, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: atamanovtomske@gmail.com

Cheshev V.V. – professor, Dr. Sci. (Philosophy), professor, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation); senior researcher, Laboratory of Social and Humanitarian Problems of Transitive Society, Novosibirsk State University of Economics and Management (Novosibirsk, Russia Russian Federation). E-mail: chwld@rambler.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 17.12.2023;
одобрена после рецензирования 22.01.2024; принята к публикации 04.03.2024*

*The article was submitted 17.12.2023;
approved after reviewing 22.01.2024; accepted for publication 04.03.2024*

Научная статья

УДК 111.85

doi: 10.17223/1998863X/77/11

ХРАМОВАЯ АРХИТЕКТУРА В КОНТЕКСТЕ ТЕОЭСТЕТИКИ: МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПОДХОД

Виктор Владимирович Барашков¹, Денис Александрович Бегчин²,
Инна Николаевна Круглова³

¹ Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет (НИУ МГСУ), Москва, Россия, v.barashkov@gmail.com

² Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия, begdengm@gmail.com

³ Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия, inna_krug@mail.ru

Аннотация. Проводится критический анализ и систематизация подходов к изучению храмовой архитектуры в рамках междисциплинарного исследования, преодолевающего символизм герменевтической традиции. В качестве философской основы используется теозстетика, позволяющая «прекрасному» совпадать с истиной искусства и истинной творения, проявляясь в различных феноменах – повседневности, культуре, психологии, политике.

Ключевые слова: теозстетика, сакральная архитектура, герменевтический подход, религиозоведческий подход, междисциплинарные исследования

Благодарности: исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда проект № 22-28-01668 «Комплексное исследование сакрального пространства старожилов Енисейского Севера: механизм сохранения и развития (на основе междисциплинарного исследования памятников истории и архитектуры)» <https://rscf.ru/project/22-28-01668/>

Для цитирования: Барашков В.В., Бегчин Д.А., Круглова И.Н. Храмовая архитектура в контексте теозстетики: междисциплинарный подход // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2024. № 77. С. 132–141. doi: 10.17223/1998863X/77/11

Original article

TEMPLE ARCHITECTURE IN THE CONTEXT OF THEOAESTHETICS: AN INTERDISCIPLINARY APPROACH

Viktor V. Barashkov¹, Denis A. Begchin², Inna N. Kruglova³

¹ Moscow State University of Civil Engineering (MGSU) National Research University, Moscow, Russian Federation, v.barashkov@gmail.com

² Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation, begdengm@gmail.com

³ Krasnoyarsk State Agrarian University, Krasnoyarsk, Russian Federation, inna_krug@mail.ru

Abstract. The article provides a critical analysis and systematization of approaches to the study of temple architecture within the framework of interdisciplinary research that comprehends classical philosophical and religious approaches, as well as research at the

intersection of sociology, cultural studies, aesthetics, psychology and architectural theory. Theoaesthetics is used as a philosophical basis, i.e. the temple as an aesthetic object is interpreted as the source and the habitation of all created perfection, which allows the “thing of beauty” to coincide with the truth of art and the truth of creation, manifesting itself in various phenomena – everyday life, culture, psychology, politics. The authors conclude that the beauty of the temple resists narrowing down to a symbolic series. On the one hand, the correlative nature of art history and religious studies approaches based on hermeneutics are shown (*Understanding Architectural Studies* by Stepan Vaneyan, *The Hermeneutics of Sacred Architecture* by Lindsay Jones, *Hierophany* by Mircea Eliade, the approaches of Henri Cobin, Ivan Davydov, Sharif Shukurov), and, on the other hand, the limitations of these approaches are shown in terms of criticism of the scientific method. Interdisciplinary research is represented by the architectural ontology of Mark Savchenko, the concept of Andrei Zabiako, the research done by modern anthropologists such as Oscar Verkaaik, Mattijs van de Port, Markha Valenta, evolutionary psychologists Yannik Joye, Jan Verpooten. In these studies, the function of religious architecture is designated as overcoming and restructuring the symbolic structures that subordinate religious behavior and thinking of people. Scientists distinguish three modes of Christian temple architecture: (1) the material mode, where the temple is presented as a monument (Maurice Halbwachs, Pierre Nora, Jan Assmann, Aleida Assmann, Alois Riegl developed tools for comparing memory and history); (2) the semiological mode, presenting architecture as communication (Umberto Eco, Yuri Lotman); (3) the functional mode (Henri Lefebvre, Bert Daelemans). Communication theories are presented by Oleg Davydov and John Zizioulas, who apply the image of the “communion of the Holy Trinity” to the interpretation of the image of the temple. Representatives of ecotheology believe that temple architecture is inseparable from the environment (Evgenii Arinin, Sigurd Bergmann, Roald E. Kristiansen). After combining the results of various social and human sciences, entering the field of interdisciplinary research transformed the “meanings of temple architecture” into the process of “human creation of sacred spaces”. Theoaesthetics made it possible to not detach the understanding of meanings from the theological content in which they were created, as well as to expand disciplinary boundaries, without losing the perception of the temple as a manifestation of “God’s glory”, as a complementarity of narratives and explanations telling about the infinite splendor of God.

Keywords: theoesthetics, sacred architecture, hermeneutical approach, religious studies approach, interdisciplinary research

Acknowledgments: The study is supported by the Russian Science Foundation, Project No. 22-28-01668, <https://rscf.ru/project/22-28-01668/>

For citation: Barashkov, V.V., Begchin, D.A. & Kruglova, I.N. (2024) Temple architecture in the context of theoesthetics: an interdisciplinary approach. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 77. pp. 132–141. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/77/11

В представленной статье предлагается критический анализ и систематизация подходов к изучению храмовой архитектуры в рамках традиции теоэстетики, которая в данном случае играет роль перспективы, способной, на наш взгляд, задать рассмотрение различных теоретико-методологических позиций в контексте «науки о прекрасном»: храм как архитектурное сооружение и его способы истолкования есть, прежде всего, проявление красоты – понятие, ставшее основанием «богословия Божьей славы». Цель, поставленная авторами, – обоснование и определение потенциала междисциплинарного исследования в истолковании сакральных аспектов архитектуры – требует не только предварительной дифференциации теоретических и методологических оснований изучения храмовой архитектуры, но также и «точки схождения», где все они могут пересекаться и взаимодополнять друг друга.

Храмовая архитектура традиционно представляет интерес для искусствоведов и религиоведов богатством неисчерпаемого ресурса смыслов и значений созданных человеком моделей «священного пространства». Представителями данных областей научного знания храмовые строения характеризуются как объекты «сакральной» или «культовой» архитектуры. Искусствоведы стремятся понять прежде всего символический смысл архитектурных форм, для чего используют религиоведческий материал: священные тексты, догматику, мифологию, ритуалистику, фольклор и т.д. Религиоведы, напротив, используют архитектурный материал для понимания специфики религиозного мышления, религиозных практик или религиозного опыта. В современной науке можно наблюдать повышенный интерес к храмовым строениям в исследованиях по социологии, антропологии, психологии, урбанистике. Оказалось, что храмовая архитектура не исчерпывается смысловыми конструктами, но является фактором, который, сохраняя свою специфику и относительную независимость, влияет на всевозможные культурные, религиозные, социальные, политические, экономические, информационные и даже биологические процессы.

Однако и у самой междисциплинарной методологии должна быть философская основа, в свою очередь, направляющая и обосновывающая дискурс взаимодополнительности. Такой основой нам представляется теозстетика. В данной работе мы опираемся на некоторые тезисы теолога и философа, Д.Б. Харта, для которого «красотолубие» является нормативной характеристикой «истины».

Первый вопрос, который возникает: почему теозстетика, а не эстетика, с которой гуманитарии привыкли работать в современной научной системе координат? Так случилось, что термин «прекрасное» практически изгнан из эстетического словаря современных интеллектуалов и заменен понятием «возвышенное». Однако последнее явно отсылает к определенной этической реакции, совмещенной с эстетическим опытом. Исследуя данный вопрос, Дж. Милбанк пришел к выводу: предрасположенность к такому забвению исходит из кантовского отрицания «конвертируемости трансценденциалей в рамках объективного бытия» [1. С. 253]. Это привело к разделению ценностных сфер и в конечном итоге – к стремлению трактовать религиозные смыслы как проявления частно-этической сферы социального: нечто не может быть одновременно прекрасным, истинным и благим; бытие Бога, воплощенное в образах искусства, – это художественный вымысел, отличающийся от религии только тем, что в последней он реализован ритуально и потому становится предметом веры.

Теозстетика напоминает, что понимание смыслов вне той символической целостности, в которой они рождены, редуцируется в стратегии, которую Д. Милбанк определил как «надзор за возвышенным». Раскрепощая «прекрасное», теозстетика начинает с него не как с теоретического постулата о первопричинности бытия, но как с «источка и изначального вместилища всего сотворенного совершенства» [1. С. 252].

Известно, что не существует такой вещи с именем «красота», но есть бесконечные события, опознаваемые этим именем. В «прекрасном» явлено само присутствие – бытие – в его изливающейся, переполненной данности, в его неподдающейся описанию природе и потому этот «миг» переживается

человеком как встреча с «трансцендентным». Это преимущество переживания позволило теозестетике начать с «точки» пришествия красоты, возвещающей благодать и славу Бога, в притягательности которой мы слышим призыв, что «творение приглашено разделить эти благодать и славу» [2. С. 26].

Раз красота – это то, что *есть*, первое ее проявление – различие и дифференциация, которая позволяет состояться всем вещам, и она существует в мирных аналогиях, не принуждающих к общему основанию. Объект красоты как объект особого внимания, любви и поклонения никогда не будет помещен в стабильные, насильственные репрезентации – он всегда открыт и непрестанно пополняется смыслом: «Ни один пример прекрасного (скажем, форма Христа) не может быть удержан в рамках диалектической структуры истины или узан вне своего эстетического ряда; он всегда расположен в точках зрения, позициях, отправных пунктах, но никогда не фиксирован, не замкнут, не исчерпан, не управляем». Другими словами, воспринимая храмовую архитектуру как эстетический объект, мы не только не отрываемся от его теологического содержания, но и открываем возможность пребывать в «грамматике славы» – мирном сосуществовании, взаимодополнении нарративов и объяснений, повествующих о бесконечном великолепии Бога. Расстояние как изначальный дар прекрасного, открывающий все различия как нигде явлено в искусстве архитектуры, но оно также присутствует и в полифонии рефлексий, рядоположенных и последовательно сменяющих друг друга и при этом отсылающих к бесконечной перспективе – избытку смысла.

Одним из существенных выводов, имеющих для нас методологическое значение, здесь будет «красота сопротивляется сведению к „символическому“». Именно потому, что символическое стабилизирует дистанцию, утрачивая гибкость восприятия эстетического опыта, а самое главное – не препятствует искушению видеть в сакральных аспектах архитектуры «какой-либо тайно сообщаемый гнозис» [2. С. 29].

Задаваясь целью критически осмыслить традиционные подходы к изучению храмовой архитектуры, мы обратились к опыту построения панорамы «смыслового анализа архитектуры» или герменевтического («понимающего») архитектуроведения, который был описан, например, в фундаментальном методологическом труде отечественного искусствоведа С.С. Ванеяна [3. С. 43–45]. Заметим, проблема сакральной архитектуры в науке об искусстве – это традиционно проблема герменевтики [4]: архитектурное сооружение может быть охарактеризовано как сакральное, если имеется возможность *понять* его сакральный смысл. Панорама искусствоведческих подходов к пониманию сакрального смысла архитектуры, представленная Ванеяном, имеет два измерения: вертикальное – характеризующее степень обобщения исторического материала, и горизонтальное – характеризующее дистанцию от конкретного архитектурного сооружения. Три условных подхода – символический, иконографический и социально-ритуально-семиологически-топологически-археологический – соответствуют уровням сакрального смысла: если мы исследуем абстрактные модели сакральных сооружений, то поднимаемся над историей архитектуры – к ее метафизическому уровню смысла, и тем самым отдаляемся от конкретных архитектурных памятников; наоборот происходит, если мы занимаемся детальной исторической реконструкцией и описанием сакральных сред, топосов, пространств.

Герменевтика храмовой архитектуры в рамках религиоведения представляет собой реконструкцию не сакрального смысла архитектурных сооружений, но особенностей понимания этих сооружений верующими людьми в процессе ритуального взаимодействия с ними. Если мы экстраполируем описанный выше способ систематизации на интересующую нас область герменевтики, то сможем построить аналогичную панораму религиоведческих подходов к пониманию храмовой архитектуры. Нижнему уровню будет соответствовать «герменевтика сакральной архитектуры» Л. Джонса [5], среднему – «иеротопика» или семиотика сакральных пространств, восходящая к теории «иерофании» М. Элиаде [6], а наиболее высоким по степени обобщения будет теменологический подход, представленный в трудах А. Корбена [7], И.П. Давыдова [8] и Ш.М. Шукурова [9].

Основанием обозначенных подходов является философская герменевтика – хайдеггерианская и гадамеровская [10], в результате чего понимание архитектурного сооружения (будь то ритуал, игра, коммуникация, созерцание) есть его бытие, взятое в конкретно-историческом или метафизическом измерении. В герменевтике сакральной архитектуры Л. Джонса это «ритуально-архитектурное событие», которое начинается с момента включенности человека в смысловую игру с архитектурным памятником. В иеротопии это сакральное пространство как универсальная система координат ритуальной активности, построенной в форме мультимедийной инсталляции (по выражению А. Лидова). В теменологии это миф как идеальная «оболочка» мифоритуала, или же *imago templi* как метафизическая конфигурация, архетип любого ритуального монумента.

Примером выхода в междисциплинарные исследования может служить архитектурная онтология и функциональная методология, развиваемые в трудах теоретика архитектуры М.Р. Савченко [11]. Последний исходит из признания существования специфических архитектурных свойств и процессов, которые не могут быть сведены к свойствам и процессам культурных институтов (включая религию), но, наоборот, способны извне воздействовать на культуру, выполняя по отношению к ней компенсаторную функцию. В исследовании таких свойств и процессов заключено уже не понимание архитектурных сооружений, но *объяснение* их необходимости для поддержания функционирования культурных институтов. Если говорить о храмовой архитектуре, то ее взаимодействие с культурой оказывается нелинейным, и в действительности оно всегда опосредовано множеством иных систем – биологических, социальных, экономических, политических, что предполагает переосмысление сакрального статуса храмовой архитектуры. Храмовое строение – это «гетеротопия», по мысли М. Фуко [12. С. 251–254], или же «абсолютное пространство» в понимании А. Лефевра, т.е. пространство, буквально выходящее за рамки любых возможных общественных и политических ориентиров и их же, вместе с тем, поддерживающее [13. С. 218–219]. По отношению к культурной реальности храмовая архитектура обладает «тотальной властью», так как неподконтрольна никаким символическим порядкам. Представленная точка зрения подтверждается исследованиями современных антропологов – О. Веркаайка, М. ван де Порта [14. Р. 99–116], М. Валенты [15] и эволюционных психологов – Я. Жойе, Я. Верпотена [16]: функция религиозной архитектуры заключается именно в *преодолении и реструктурирова-*

нии *символических структур*, подчиняющих религиозное поведение и мышление людей.

Эта позиция в отечественной гуманитарной науке сформулирована А.П. Забияко и основана на различении в понимании святилища как места, где пребывает священное (место поклонения, *domus dei*), и места, где религиозная община проводит обряды поклонения (*domus ecclesiae*, «дом собрания») [17. Р. 8100–8101]. Подтвердившие свою действенность методы социальных и гуманитарных наук показывают, что святилище «отличается от мирских и религиозных пространственных объектов совокупностью идеальных (духовных) и материальных (физических) характеристик». И если в культовом плане функцией храма является регулярное отправление ритуалов, то в мировоззренческом – структурирование картины мира и формирование у носителя религиозной культуры сети пространственных ориентаций [18. С. 136].

Еще на рубеже XIX–XX вв. в европейском искусствознании формулируются критерии ценности архитектурного памятника. А. Ригль справедливо замечал, что для обществ с живыми религиозными представлениями храмы «не обладают никакой ценностью памяти, а имеют абсолютно реальную ценность настоящего» [19. С. 31]. Пространственно это выражается в том, что храмы строятся в центре населенных пунктов – общем для всех пространстве, и остаются знаковыми доминантами, центрами композиционно-плановой структуры, своеобразными эталонами оценки всей местности.

Ю.М. Лотман, предлагая семиологический подход, замечает, что архитектурное пространство живет двойной семиотической жизнью: оно, с одной стороны, моделирует универсум и в то же время, воспроизводя представления (в том числе религиозные) о структуре мира, моделируется им [20. С. 676]. Также следует учитывать связь с семиотикой внеархитектурного ряда, со всей суммой культурного символизма. Как отмечает У. Эко, «когда архитектор ищет код архитектуры вне архитектуры, он должен уметь находить такие означающие формы, которые могли бы удержаться во времени, удовлетворяя разным кодам прочтения» [21. С. 327].

Кроме термина «коммуникация», взятого из семиотики, теологами применяется, с их точки зрения, более адекватный специфике христианства термин «общение». Так, согласно О.Б. Давыдову, образ храма является точным выражением духа общения: «...как в общем замысле, так и в способе согласования элементов он весь устремлен к общению, образуящему многоголовый, но гармоничный ансамбль» [22]. Причем общение, согласно православному богослову И. Зизиуласу, является истоком всей реальности, подобно взаимоотношениям между лицами Святой Троицы [23].

Храмовую архитектуру в ее неразделимой связи с окружающей средой рассматривают представители экотеологии (Е.И. Аринин, С. Бергман, Р.Е. Кристиансен). Для этого направления характерно понимание сакральных мест как пространств обретения родины в окружающем мире. По Р.Е. Кристиансену, типичным для методологии процесс-теологического мышления является осознание существования всех вещей в отношении к своей окружающей среде: ничто не существует «само в себе и для себя», но именно в отношении к чему-либо [24. С. 34].

Эстетическая сторона сакральной архитектуры всегда осознавалась верующими и играла важную роль в восприятии сакральных мест. Синтез искусств, осуществляемый в храмовом богослужении, является, по мысли П.А. Флоренского, высшей задачей искусств [25]. Согласно концепции немецкого евангелического теолога Т. Эрне, церкви становятся в наше время пространством самотрансцендентности, открыты для социальных и эстетических значений бесконечного. Храмовая архитектура в западных странах сейчас нередко получает новые функции (когда вынужденно храмы перепрофилируют), но все равно пространство церкви остается выделенным местом с особой атмосферой, определенной формами «секулярной религии» [26. Р. 179].

Общепризнанным является наличие у религии интеграционной и регулятивной социальных функций. Одной из наиболее значимых теорий в этом отношении является концепция «производства пространства» А. Лефевра. Начиная с его работ, пространство изучается как непосредственное человеческое пространство, как продукт, который «создается и воссоздается социумом в процессе экономического и культурного функционирования» [27. С. 94]. Французский философ старался продемонстрировать необходимость сакрального пространства для сохранения и развития общественной системы на определенных этапах. При этом, по мнению Лефевра, храмовое строение – символ, имеющий абсолютное значение, следовательно, обладающий тотальной властью.

Итак, храмовая архитектура как предмет исследования представлена герменевтической традицией, развиваемой, прежде всего, в искусствоведческих и религиоведческих подходах, «прочитывающих» храмовое сооружение как символический порядок бытия, как религиозно-архитектурный универсум. Основываясь на философской герменевтике XX в., данная традиция восприняла и критику научного метода, в чем можно увидеть ограниченность ее эвристического потенциала, поскольку символический характер герменевтической процедуры «перекрывает» доступ таким феноменам, как повседневность, культура, психология, политика, «присутствующим» в храме не только как часть социальной природы человека, но и как неотъемлемая часть, говоря словами Д. Харта, – того благодатного воздействия Божьей славы, которая возвещает человеку благодать Его творения. Выход в область междисциплинарных исследований, объединив результаты различных социальных и гуманитарных наук, позволил трансформировать «смыслы храмовой архитектуры» в процесс «создания человеком сакральных пространств».

Насколько оправдана попытка объединить рассмотренные подходы в контексте теозстетики, как бы надстраивающей теологическую рациональность над концептуализацией религиозных феноменов на языке секулярных терминов? На наш взгляд, оправдана: во-первых, философской традицией, когда знание о Боге – часть гуманитарного знания, все то же знание о человеке, но в отношении его абсолютной природы, отсылающей к бесконечности Бога – не как свойству единства, простоты и разумности, а как к Бесконечности, трансцендентной и свободной от мира, дающей возможность трансцендирования конечного к бесконечному; во-вторых, как форма метанарратива, позволяющего обогащать язык гуманитарного знания, а также расширять и преодолевать дисциплинарные границы. Эстетический опыт, который нам

дается в переживаниях сакрального – с позиции теозэстетики, – это фундаментальный опыт, в котором бытие предстает в его силе и интенсивности, – не как «завеса», «забвение», знак отсутствия бытия, но как красота и сияние славы, неотделимы от Слова, – явленная в храме в каждом отдельном фрагменте, разнообразная, собранная и рассеянная одновременно – интенциональный дар взаимной коммуникации, источник, от которого исходят все смыслы.

Список источников

1. Милбанк Дж. Надзор за возвышенным: критика социологии религии // Государство. Религия. Церковь. 2013. № 3 (31). С. 210–284.
2. Харт Д. Красота бесконечного: Эстетика христианской истины. М. : ББИ, 2010.
3. Ванеян С.С. Архитектура и иконография. «Тело символа» в зеркале классической методологии. М. : Прогресс-Традиция, 2010.
4. Иконография архитектуры. М. : ВНИИТАГ, 1990.
5. Jones L. Architectural catalyst to contemplation // Transcending architecture. Contemporary views of sacred space. Edited by Julio Bermudez. Washington DC : CUA Press, 2015. P. 170–207.
6. Элиаде М. Священное и мирское: пер с фр. М. : Издательство МГУ, 1994.
7. Корбен А. Храм и созерцание. М. : Касталия, 2020.
8. Давыдов И.П. Храм и ритуал: социальные функции священного. СПб. : Изд-во РХГА, 2021.
9. Шукуров Ш.М. Образ Храма. М. : Прогресс-Традиция, 2002.
10. Ioan A. The Sacred Space // Lost in space. Bucharest : New Europe College, 2003. P. 87–121.
11. Савченко М.Р. Культура в свете теории архитектурной функции // Вопросы теории архитектуры: Архитектура и культура России в XXI веке. М. : Либроком, 2009. С. 64–74.
12. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы : пер. с фр. М. : Ad Marginem, 1999.
13. Лефевр А. Производство пространства : пер. с фр. М. : Strelka Press, 2015.
14. Religious architecture. Anthropological perspectives. Amsterdam : Amsterdam University Press, 2013.
15. Valenta M. Global eros in Amsterdam: Religion, sex, politics // Imagining global Amsterdam: History, culture, and geography in a World City. Amsterdam : Amsterdam university press, 2012. P. 289–304.
16. Joye Y., Verpooten J. An exploration of the functions of religious monumental architecture from a Darwinian perspective // Review of General Psychology. 2013. № 1 (17). P. 53–68.
17. Alles G.D. Sanctuary // Encyclopedia of religion. Vol. 12 / ed. by Lindsay Jones. 2nd ed. USA : Thomson Gale, 2005. P. 8100–8101.
18. Забияко А.П. Топография священного // Евразия: духовные традиции народов. 2012. № 1. С. 123–137.
19. Ригль А. Современный культ памятников: его сущность и возникновение : пер с нем. М. : ЦЭМ, V-A-C press, 2018.
20. Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб. : Искусство–СПб, 2000.
21. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию : пер. с ит. СПб. : Симпозиум, 2006.
22. Давыдов О.Б. Сияние формы. Этюды о красоте, благе и истине. М. : ББИ, 2021.
23. Зизиулас И. Общение и инаковость. Новые очерки о личности и церкви. М. : ББИ, 2012.
24. Кристиансен Р.Е. Экотеология. Архангельск : Помор. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, 2002.
25. Флоренский П.А. Храмовое действо как синтез искусств // Избранные труды по искусству. М., 1996. С. 199–215.
26. Böhme G. Atmospheric architectures. The aesthetics of felt spaces. Paderborn, 2013.
27. Худяев А.С. «Сакральное пространство» и «Сакральная география» как семиотические концепты // Человек. Культура. Образование : науч.-образоват. и метод. журнал. 2015. № 3 (17). С. 90–101.

References

1. Milbank, J. (2013) Nadzor za vozvyshennym: kritika sotsiologii religii [Surveillance of the sublime: a critique of the sociology of religion]. *Gosudarstvo. Religiya. Tserkov'*. 3(31). pp. 210–284.
2. Hart, D. (2010) *Krasota beskonechnogo: Estetika khristianskoi istina* [The Beauty of the Infinite: Aesthetics of Christian Truth]. Translated from English. Moscow: BBI.
3. Vaneyan, S.S. (2010) *Arkhitektura i ikonografiya. "Telo simvola" v zerkale klassicheskoy metodologii* [Architecture and Iconography. "The Body of the Symbol" in the Mirror of Classical Methodology]. Moscow: Progress-Traditsiya.
4. Batalov, A.L. (ed.) (1990) *Ikonografiya arkhitektury* [Iconography of Architecture]. Moscow: VNIITAG.
5. Jones, L. (2015) Architectural catalyst to contemplation. In: Bermudez, J. (ed.) *Transcending Architecture. Contemporary Views of Sacred Space*. Washington DC: CUA Press. pp. 170–207.
6. Eliade, M. (1994) *Svyashchennoe i mirskoe* [Sacred and Worldly]. Translated from French. Moscow: MSU.
7. Corbin, H. (2020) *Khram i sozertsanie* [Temple and Contemplation]. Translated from French by A. Karnaukhova. Moscow: Kastaliya.
8. Davydov, I.P. (2021) *Khram i ritual: sotsial'nye funktsii svyashchennogo* [Temple and Ritual: Social Functions of the Sacred]. St. Petersburg: Russian Christian Academy for the Humanities.
9. Shukurov, Sh.M. (2002) *Obraz Khrama* [Image of the Temple]. Moscow: Progress-Traditsiya.
10. Ioan, A. (2003) The Sacred Space. In: Ioan, A. (ed.) *Lost in Space*. Bucharest: New Europe College. pp. 87–121.
11. Savchenko, M.R. (2009) Kul'tura v svete teorii arkhitekturnoy funktsii [Culture in the light of the theory of architectural function]. In: Azizyan, I.A. (ed.) *Voprosy teorii arkhitektury: Arkhitektura i kul'tura Rossii v XXI veke* [Questions of the Theory of Architecture: Architecture and Culture of Russia in the 21st Century]. Moscow: Librokom. pp. 64–74.
12. Foucault, M. (1999) *Nadzirat' i nakazyvat'. Rozhdenie tyur'my* [Discipline and Punish. The Birth of Prison]. Translated from French. Moscow: Ad Marginem.
13. Lefebvre, A. (2015) *Proizvodstvo prostranstva* [The Production of Space]. Translated from French. Moscow: Strelka Press.
14. Verkaaik, O. (ed.) (2013) *Religious Architecture. Anthropological Perspectives*. Amsterdam: Amsterdam University Press.
15. Valenta, M. (2012) Global eros in Amsterdam: Religion, sex, politics. In: Waard, M. de (ed.) *Imagining Global Amsterdam: History, Culture, and Geography in a World City*. Amsterdam: Amsterdam University Press. pp. 289–304.
16. Joye, Y. & Verpooten, J. (2013). An exploration of the functions of religious monumental architecture from a Darwinian perspective. *Review of General Psychology*. 1(17). pp. 53–68.
17. Alles, G.D. (2005) Sanctuary. In: Jones, L. (ed.) *Encyclopedia of Religion*. 2nd ed. Vol. 12. Thomson Gale. pp. 8100–8101.
18. Zabiako, A.P. (2012) Topografiya svyashchennogo [Topography of the sacred]. *Evrasiya: dukhovnye traditsii narodov*. 1. pp. 123–137.
19. Riegl, A. (2018) *Sovremennyy kul't pamyatnikov: ego sushchnost' i vzniknovenie* [Modern Cult of Monuments: Its Essence and Origin]. Moscow: TsEM, V-A-C press.
20. Lotman, Yu.M. (2000) *Semiosfera* [Semiosphere]. St. Petersburg: Iskustvo–SPB.
21. Eko, U. (2006) *Otsutstvuyushchaya struktura. Vvedenie v semiologiyu* [The Missing Structure. Introduction to Semiology]. Translated from Italian. St. Petersburg: Simpozium.
22. Davydov, O.B. (2021) *Siyanie formy. Etyudy o krasote, blage i istine* [The radiance of form. Sketches about beauty, goodness and truth]. Moscow: BBI.
23. Zizioulas, J. (2012) *Obshchenie i inakost'. Novye ocherki o lichnosti i tserkvi* [Communion and Otherness. New Essays on Personality and the Church]. Moscow: BBI.
24. Christiansen, R.E. (2002) *Ekoteologiya* [Ecotheology]. Arkhangelsk: Pomorsky State University.
25. Florenskii, P.A. (1996) *Izbrannye trudy po iskusstvu* [Selected works on art]. Moscow: [s.n.]. pp. 199–215.
26. Boehme, G. (2013) *Atmospheric architectures. The aesthetics of felt spaces*. Paderborn: [s.n.].
27. Khudyaev, A.S. (2015) "Sakral'noe prostranstvo" i "sakral'naya geografiya" kak semioticheskie kontsepty ["Sacred space" and "sacred geography" as semiotic concepts]. *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie*. 3(17). pp. 90–101.

Сведения об авторе:

Барашков В.В. – кандидат философских наук, доцент кафедры социально-гуманитарных наук и технологий Национального исследовательского Московского государственного строительного университета (НИУ МГСУ) (Москва, Россия). E-mail: v.barashkov@gmail.com

Бегчин Д.А. – аспирант кафедры философии религии и религиоведения философского факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия). E-mail: begdengm@gmail.com

Круглова И.Н. – доктор философских наук, доцент, заведующая кафедрой философии, профессор Юридического института Красноярского государственного аграрного университета (Красноярск, Россия). E-mail: inna_krug@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Barashkov V.V. – Cand. Sci. (Philosophy), associate professor at the Department of Social-Humanitarian Sciences and Technologies, Moscow State University of Civil Engineering (MGSU) National Research University (Moscow, Russian Federation). E-mail: v.barashkov@gmail.com

Begchin D.A. – postgraduate student of the Department of Philosophy of Religion and Religious Studies, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: begdengm@gmail.com.

Kruglova I.N. – Dr. Sci. (Philosophy), docent, head of the Department of Philosophy; professor, Institute of Law, Krasnoyarsk State Agrarian University (Krasnoyarsk, Russian Federation). E-mail: inna_krug@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 15.12.2023;
одобрена после рецензирования 22.01.2024; принята к публикации 04.03.2024
The article was submitted 15.12.2023;
approved after reviewing 22.01.2024; accepted for publication 04.03.2024*

Научная статья

УДК. 130.2

doi: 10.17223/1998863X/77/12

АРХАИКА И ГОСТЕПРИИМСТВО В ЭКОФИЛОСОФСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

Юлия Владимировна Ватолина

*Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий
и дизайна, Санкт-Петербург, Россия, vatolina@bk.ru*

Аннотация. Представлен анализ генезиса экологического кризиса современности, а также условий возможности выхода из него. Автор обращается к идее рекультивации архаической «инорациональности» и приходит к выводу, что гостеприимство как символическая «антропотехника» способно пробудить к жизни способы ощущения своей самости и типы учреждения сообществ, благодаря которым станет возможным решение экологических проблем.

Ключевые слова: экологический кризис, расколдовывание мира, архаика, гостеприимство

Для цитирования: Ватолина Ю.В. Архаика и гостеприимство в экофилософской перспективе // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2024. № 77. С. 142–151. doi: 10.17223/1998863X/77/12

Original article

THE ARCHAIC AND HOSPITALITY IN AN ECOPHILOSOPHICAL PERSPECTIVE

Yulia V. Vatolina

Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design, Saint Petersburg, Russia, vatolina@bk.ru

Abstract. The article presents the results of an analysis of the logic and ethos responsible for the environmental crisis of our time, and the conditions for the possibility of exiting it through their transformation. Despite the fact that this problem has been repeatedly discussed by researchers, such a factor as “disenchantment of the world” (Max Weber) remains undeservedly ignored. On the one hand, its result is anthropocentrism, around the figure of which values and ethos strategies are subsequently formed, leading to the thoughtless use of natural resources and environmental pollution. On the other hand, there is the objectification of the “world” and the “other-alien”, which is deprived of its own ontological foundations. It is the communal practices of constructing the “other-alien” on a conventional basis that are largely responsible for the lack of effectiveness of environmental programs and initiatives. Thus, the subject-object episteme that dominates the “disenchanted” new European “world” not only initiates the environmental crisis of our time, but also creates an obstacle to exiting it. The idea of the reclamation of the “archaic” has analytical value for ecophilosophy, the “other-rationality” of which allows us to go beyond the boundaries of new European thinking, covered with a thick layer of technocratic illusions, political phantasms and value fictions. At the same time, archaic “other-rationality” is not exclusively a mental phenomenon, but is cast in ritual practices. The ritual of hospitality seems to unfold a symbolic map of “worlds” “here-now”, linking the past, present and future and inextricably connecting different “worlds” and their inhabitants. The subject-object matrix of vision and action is completely inappropriate in its execution, and therefore the ontic experience generated by it, in its con-

stitutive principles, is very far from the experience of modern European man. As a symbolic “anthropotechnique”, hospitality can become a kind of provocation for a cognitive, existential and social turn, which will make responsible human interaction with the “world”, permeated with an attitude of participation and care, possible.

Keywords: ecological crisis, disenchantment of world, archaic, hospitality

For citation: Vatolina, Yu.V. (2024) The archaic and hospitality in an ecophilosophical perspective. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 77. pp. 142–151. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/77/12

Введение

На сегодняшний день экологическая проблематика вызывает устойчивый интерес как в научных кругах, так и среди общественности. На фоне осознания экологических угроз и рисков многие государства, некоммерческие организации и бизнес-корпорации активно присоединяются к программам совместного централизованного урегулирования экологических проблем (UNEP, United Nations Environment Programme).

Однако социальный мир – это сложный ансамбль социальных институтов, осуществляющих достаточно отчетливые действия, и различных типов человека, определенным образом воспринимающих и переживающих идеи и истины, за которыми стоят те или иные институции. В целом, несколько огрубляя ситуацию, М. Аутио, Е. Хейсканен, В. Хейнонен выделяют внутри поля экологической ответственности такие типы субъектных позиционностей и сценариев поступания, связанных с ними, как «антигерой», «экогерой» и «анархист». Сценарий «антигероя» предполагает декларирование своего права на гедонизм и безудержное потребление, что подкрепляется аргументом о непосильности задачи сохранения планеты на уровне индивидуальных действий [1. С. 24–26]. Сценарий «экогероя» основан на преданности идее «зеленого потребления», реализуемой в «выборе экологических, натуральных и органически чистых продуктов» [1. С. 24–26]. Нужно заметить, что приверженцы этой идеи обнаруживаются также и в России (в основном среди столичной молодежи), где в целом «экологическая повестка находится на периферии общественных дискуссий и гражданской вовлеченности» и доминирует «дискурс расточительного отношения к природе» [2. С. 110]. Третий – «анархистский» – сценарий основан на критическом отношении к «западной культуре производства», консьюмеризму и предполагает протест против них [1. С. 26–28].

По наблюдению М. Аутио, Е. Хейсканен, В. Хейнонен, нарративы, в которых конституируются данные субъектные позиционности в поле экологической ответственности, представляют собой бриколажи, составленные из обломков дискурсов, доминирующих в обществе потребления. Кроме того, они «существуют не параллельно, а через отношения друг с другом» [1. С. 29]. Чего они не предполагают, так это отношения заботы о планете как о́йкос – «общий дом». Таким образом, эти сценарии объединяет общая логика отношения к самому себе, к «другому-чужому» и к «миру», без трансформации которой решение экологических проблем не представляется возможным.

Целью данного теоретического исследования является экспликация логики и этоса, лежащих в основе экологического кризиса современности, а также промысливание условий возможности такого экзистенциального поворота, epistrophe, благодаря которому возможен выход из него.

«Раз-очарование мира» как фактор экологических проблем

Генеалогия экологического кризиса современности неоднократно освещалась исследователями. И если предпосылки экологических проблем обнаруживаются ими уже в Античности и Средневековье, то их небывалая интенсификация однозначно связывается с зарождением новоевропейского «мира» с его капиталистической экономической парадигмой, политической системой, становлением картезианского субъективизма и проч. Вместе с тем незаслуженно без внимания в этом контексте остается такой фактор, как «расколдовывание», или «раз-очарование мира»¹, описанное М. Вебером и связываемое им, во-первых, с отказом от сакраментальных практик католицизма и, во-вторых, с отказом от магии в широком смысле [4].

Если говорить о магии и отказе от нее, то дело в том, что «мир» представлялся «архаическому» человеку не пустым и неодушевленным, а пронизанным священными силами. Эти силы обретали различные лики, будь то растение, зверь или человек. Само собой разумеется, что «мир», живой и одухотворенный, не мог быть воспринимаем с умственной отрешенностью, затребуя эмоционального участия и заботы. Магия как раз и позволяла выстраивать с ним глубоко личностные отношения, в которых опыт переживания сплетался с опытом конституирования смысла. Однако в процессе «расколдовывания» «мир» утрачивает свои высоты, бездны и всю сакральную геодезию, обретая вид «мира объектов», «предметов». Подобная трансформация имеет далеко идущие последствия: «...человек провозглашается субъектом радио, который отныне противопоставляет себя миру как объекту, выраженному косной материей, которую следует препарировать сообразно благу человека и общества» [5. С. 163]. Именно вокруг фигуры антропоцентризма в дальнейшем складываются ценности и этосные стратегии, приводящие к бездумному использованию природных ресурсов и загрязнению окружающей среды: «безрассудное потребление, детерминированное искусственно вызываемым и подогреваемым аффектом», «абсолютный приоритет финансового прироста по сравнению с качеством окружающей среды, здоровьем людей и благосостояния общества» и т.д. [5. С. 163]

Если говорить об отказе от сакраментальных практик католицизма, то в результате «раз-очарования мира» «обращению» подвергся и Бог. Он, как «доступный пониманию людей „небесный отец“ Нового завета, радующийся обращению грешника, как женщина найденной монеты», оказался вытеснен «далекой от человеческого понимания трансцендентной сущностью» [3. С. 142]. Бог превратился в инстанцию, «в своей патетической бесчеловечности» погружающую Я в «ощущение неслыханного доселе *одиночества*» [3. С. 142], в котором нет ни поддержек, ни алиби, одиночества, в котором не на что опереться. Не находя поддержки вовне в «расколдованном мире», человек уже не находит точки опоры и в самом себе, оказываясь ввергнутым в бездну меланхолии. В такой ситуации единственным подтверждением верования, мышления, существования может стать обращение к подобным же

¹ В русском издании «Протестантской этики и духа капитализма» М.И. Левина переводит с немецкого языка понятие «Entzauberung der Welt» как «расколдовывание мира» [3. С. 143]; В.Ю. Сухачев предлагает перевод понятия Вебера – «раз-очарование мира» [4], подчеркивая философско-антропологический смысл концепта.

«одиноким» Я, и именно желание такого подтверждения, по сути, ложится в основу учреждения десакрализованных сообществ, собирающих одинокие Я в «Мы». Однако процессы консолидации «массового тела» достаточно жестко вычерчивают его границы, и сборка Я в «Мы» неизбежно несет в себе и критерии исключения, отторжения: все, что «не-Мы», превращается в неприемлемое «чужое».

Коммунализм задает отчетливые политические границы и политическое обличие «другого-чужого», которое принимается за единственно возможное. В порожденной «раз-очарованием мира» дисциплинарной действительности «другой-чужой» лишается собственной онтологической данности, которая замещается конструированием, учреждением; оттого и мера «чуждости-приемлемости» начинает определяться исключительно конвенционально. Именно конвенционально – на основе политических, а точнее, идеологических ценностей «другим-чужим» отводятся места «отсталых» или «развивающихся» на темпоральной оси всеобщей истории, и именно на этой основе проводится жесткая демаркационная линия между странами «первого», «второго» и «третьего» «миров». Однако подобное разделение никак не способствует системному выходу из экологического кризиса, а лишь позволяет перевести экологически вредные производства из «развитых» в «развивающиеся» страны.

В современной экофилософской рефлексии антропоцентризм активно подвергается критике как феномен, несовместимый с защитой ресурсов Земли, и предпринимаются усилия для его смягчения или деконструкции [6–8]. Вместо таких моделей человека, как *Homo economicus* («человек экономический») и *Homo faber* («человек производящий»), исследователи активно конструируют образ *Homo ecologicus* («человека экологического»), который характеризуется: «...(а) симпатией и уважением к природе, (б) ориентацией своего собственного творчества на творчество, присущее природе, (в) отношением к природе, которое, главным образом, основано на личном опыте и встрече с ней» [6]. Однако эти проекты выхода из экологического кризиса за счет создания нового типа человека нельзя назвать удовлетворительными по ряду оснований, главным из которых является то, что они так и остаются в рамках логики новоевропейского «мира» с его субъектно-объектной парадигмой. Все остальное является следствиями, наиболее существенное из которых – абсолютная абстрактность предлагаемых моделей и концептуальное безразличие авторов к топологическим принципам конституирования онтологии различающихся социальных и жизненных «миров». Нужно признать, что концептуализация практик опознания и признания «другого-чужого» в его онтологической, а не конвенциональной данности на сегодня является необходимой составляющей экофилософского проекта.

Гостеприимство как «антропотехника»

Сама по себе идея возвращения к «архаике» не нова и представлена в трудах Ж. Батая, Р. Жира, Р. Кайуа, Ф.И. Гиренка, В.В. Савчука и др. В целом она обладает аналитической ценностью для экофилософии по ряду оснований. Прежде всего, потому что «инорациональность» архаического позволяет выйти за пределы новоевропейского мышления, покрытого толстым слоем технократических иллюзий. Идея рекультивации архаики обращена к

«началам», *arkhe*, которые способны дать импульс к переопределению места человека в «мире» и изменению его «настрою», «т.е. основного способа, каким присутствие дает задеть себя миру» [9. С. 170]. Кроме того, архаическая «инорациональность» представляет собой не исключительно ментальный феномен, а отливается в ритуальных практиках.

Особенность архаических общностей состоит в том, что они предполагают сакрально-мифические формы консолидации и солидарности. С другой стороны, любое архаическое сообщество предполагает четкое различие «своих» и «чужих», отчетливое чувство присутствия инстанции «чужого», а также «технологии» встречи «чужого» и четко выверенные техники контактности с ним. Одной из главных в традиционных «мирах» ритуальных практик, опосредующих взаимодействие с «чужим», является гостеприимство.

Мифизм архаических социаций неизбежно предполагает сакральность гостя и самого гостеприимства. Это определяет его высочайшую значимость в традиционных «мирах» и универсальность: гостеприимство не только служит регулятором отношений между людьми, но и позволяет выстраивать отношения с богами, духами предков, природными стихиями, болезнями, воспринимаемыми как антропоморфные существа, и даже с промысловыми животными [10. С. 124]. При этом миф в жизни далеко не рутинен, не повседневен – напротив, он выводит человека за пределы простой данности «мира», открывая его непостижимую, неизъяснимую, но очевидную предданность и заданность «инаковости» благодаря своему символизму. В практике гостеприимства складывается ощущение совершенно конкретного присутствия и «иного» «мира», откуда пришел гость, и сакрально-символической скрепы, связующей «наш мир» и «миры иные». Именно поэтому гость в архаических «мирах» выступает как «знамение Иного»¹.

Обращение к сакральным срезам – это обращение к силам, нечеловеческим в своей мощи, предельно опасным. Отсюда становится понятной необходимость отчетливого видения за логикой различия принципа имманентности, который отсылает к «естественному», «собственному» месту, заставляя вырабатывать особую технику соприкосновения с Иным. Логика имманентности – это логика, которая дает возможность увидеть «все на своих местах», не допуская замещений и подмен. Таким образом, и гостевой феномен раскрывается как строго собранная топологическая формация, которая предполагает четкое различие топосов «хозяина» и «гостя» и отчетливое представление о входах, выходах, *gating regimes*. Вместе с тем логика мифа – это и логика коннекции, так как мифизм связывает, сцепляет человека с «миром», одновременно указывая ему на «его место».

По сути, хозяин и гость – это «пришельцы» из разных «миров», две различающиеся силовые формации. На первый взгляд, единственной формой, в которую может отлиться их встреча, является война. Однако встреча эта структурно обрамлена символическим, и взаимное уничтожение ее участников недопустимо. Показательно, что, как правило, верность гостеприимству получает приоритет даже при столкновении с обычаем кровной мести. То, что возможно для гостя и хозяина в их топосах, в их «мирах», оказывается совершенно неприемлемо в «между-мирье» их встречи. При этом, конечно,

¹ Подробнее о фигуре гостя, погруженной в логику мифа, см.: [11. С. 138–145].

тополого-мифические формации этой встречи следует понимать не как взаимное расположение тел в пространстве, а как топологию сил, желаний, умений-способностей. Это – представление геодезии сил, но сил всегда конечных, имеющих свои пределы.

Топология архаических «миров» символически определяется «центром мира», организующим ее и наделяющим смыслом. Этот центр совпадает с местом изначальных иерофаний, благодаря которым произошло конституирование сообщества, и становится священным местом. При этом сакральное затребует топоса, конкретного и символического одновременно. Подобные топологические разметки проецируются и на феномен гостеприимства. Ожидание гостя предполагает попытку приблизить топологию повседневности к идеальному образу, привнеся в пространство симметрию, гармонию и первозданную чистоту [12. С. 59–64]. С другой стороны, в дальнейшем места приема гостей становятся и для гостей, и для хозяев знаменательными, «памятными» местами, которые «представляют собой не хранилища индивидуальных образов, ожидающих своего обнаружения, но точки конвергенции, где индивидуальные воспоминания восстанавливаются благодаря их связи с системой координат» [13. С. 201]. Отныне это места трансиндивидуальной памяти, памяти сообщества, которая существует не только здесь и сейчас, но вытягивает в себя и прошлое, и будущее.

Вообще, в феномене гостеприимства эксплицируется сложность, комплексность временности как таковой. В частности, многомерность темпоральности гостеприимства проявляется в том, что гости могут приходить из прошлого (духи предков) или из будущего (феномен профетизма). Так, «гостями» званными или незванными в традиционных «мирах» нередко становились умершие родственники, и некоторые из обрядов предполагают их прием и чествование (например, колядование [10. С. 124]), тогда как другие (например, «проводы души»), напротив, предохраняют от их появления в непредусмотренное время [14. С. 114–141]. Дело в том, что сакрально-мифическая топология не одномерна, она включает в себя множество «миров»-сфер, обитатели которых могут являться в другие «миры» как гости [15. С. 3–22].

В целом мифическое время – это время, связанное с развертыванием «мира», «здесь-бытия» и «бытия-с-другими», «чужими». Собственно, и гостеприимство оказывается полем манифестации Я в его предельности, благодаря чему только и может быть распознано «иное», только и возможна открытость ему. Вопреки расхожим представлениям о невозможности уникального Я в архаических «мирах», сакрально-символическое всегда обращено именно к конкретному человеку, к его воле, к его поступкам, к его мысли. Это связано с тем, что в отличие от норм символы – отнюдь не инструктивны, а провокативны и затребуют не воспроизводства, репрезентации, а спонтанного осуществления. Гостеприимство – это и есть встреча двух Я, двух опытов, двух жизненных «миров». Именно поэтому оно вызывает к жизни феномены личной ответственности – нерушимых веры и верности. В этой связи можно с полным основанием говорить о гостеприимстве как о символической «антропотехнике» (П. Слотердаjk) [16].

Ритуал гостеприимства словно разворачивает «здесь-теперь» символическую карту «миров», связывает пласты прошлого, настоящего и будущего. Значимо, что в его исполнении совершенно неуместна субъектно-объектная

матрица видения и поступания – здесь действует логика, неслиянно связующая «миры» и их обитателей и порождающая онтический опыт, по своим конститутивным принципам весьма далеко отстоящий от опыта новоевропейского человека. Однако, как пишет В.В. Савчук, «в точке прорыва эпистемологической оболочки „дефект“ ответственности достойно оправляется и появляется серьезность тона... изнутри органичной целостности» [17. С. 11]. Думается, гостеприимство как антропотехника как раз способно пробудить к жизни такие способы ощущения своей самости и типы учреждения сообществ, или интересубъективности, благодаря которым может стать возможным решение экологических проблем.

Заключение

Таким образом, было выявлено, что субъектно-объектная эпистема, господствующая в «раз-очарованном» новоевропейском «мире», не только инициирует экологический кризис современности, но и создает преграду для выхода из него.

Аналитическую ценность для экофилософии имеет идея рекультивации «архаики», «инорациональности» которой позволяет выйти за пределы новоевропейского мышления, покрытого толстым слоем технократических иллюзий, политических фантазмов и ценностных фикций.

Одной из ритуальных практик, в которых исполняется «инорациональность» архаического, является гостеприимство. И исполнение, и даже само промысливание его феноменальности способны создать почву для такого когитального, экзистенциального и социального поворота, благодаря которому станет возможным ответственное взаимодействие с «миром», пронизанное отношением участия и заботы.

Однако гостеприимство имеет свои условия возможности: в своих основаниях, своем *arkhe*, оно предстает онтологическим, если не сказать, «космогоническим» событием, втягивающим в себя уникальные Я с их «мирами», где они возвращают свои неповторимые лики. Поэтому необходимо задаться вопросом о том, насколько возможно осуществление его феноменальности в десакрализованном новоевропейском «мире» с присущими ему линейным временем и идеей прогресса, одномерным и гомогенным пространством и «человеком-массой» (С. Московичи) [18. С. 36], сознание которого конституирует обыденный «здравый смысл».

Конечно, в новоевропейском «мире» имеют место типы поведения, которые будто и являются наследниками архаической обрядности, однако на самом деле лишены какого-либо символического, а заодно и онтологического, антропологического, экзистенциального смысла. Однако матрица гостеприимства, хотя и в «превращенном» виде, обнаруживается в символической размерности культуры – философии, науке, искусстве, затребующих Я и, вместе с тем, немислимых без рецепции «чужих» смысловых конфигураций. Благодаря чуткому и бдительному настрою Я становится «хозяином», гостеприимно принимающим «гостей» в своем «доме». Думается, что при определенных условиях подобное «семиотическое гостеприимство» может пропитать собой действительность и стать арматурой «жизненного мира», поступка, способствовать изменению здесь-бытия и горизонта будущего –

будущего, в котором может открыться перспектива отношений с миром не как с «Оно», а как с «Ты» [19. С. 26–27].

Список источников

1. Аутио М., Хейсканен Е., Хейнонен В. Нарративы «зеленых» потребителей: антигерой, экогерой и анархист : пер. с англ. // Лабиринт: Журнал социально-гуманитарных исследований. 2014. № 2. С. 19–34.
2. Лебедева Д.Р. Человек экологический: повседневные практики заботы об окружающей среде как атрибут современного субъекта в представлениях молодых москвичей // Журнал социологии и социальной антропологии. 2021. Т. 24, № 2. С. 110–143.
3. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма / пер. с нем. М.И. Левиной // Избранные произведения. М. : Прогресс, 1990. С. 61–272.
4. Сухачев В.Ю. «Волки»: по ту сторону человека, между Богом и бестией // Anthropology: web-кафедра философской антропологии. URL: <http://anthropology.ru/ru/texts/sukhach/wolfs.html> (дата обращения: 03.10.2023).
5. Рахманинова М.Д. Генеалогия экологического кризиса: проблема антропоцентризма как вектора западноевропейской рациональности // Международный научно-исследовательский журнал. 2016. Т. 54, № 12, ч. 2. С. 162–166.
6. Becker C. The human actor in ecological economics: Philosophical approach and research perspectives // Ecological Economics. 2006. Vol. 60, № 1. P. 17–23. (ScienceDirect.com | Science, health and medicine journals, full text articles and books.) URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0921800906000322?via%3Dihub> (дата обращения: 03.10.2023).
7. Ferraro E., Reid L. On sustainability and materiality. Homo faber, a new approach // Ecological Economics. 2013. № 96. P. 125–131. (ScienceDirect.com | Science, health and medicine journals, full text articles and books.) URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0921800913003133?via%3Dihub> (дата обращения: 03.10.2023).
8. Ingebrigtsen S., Jakobsen O. Moral development of the economic actor // Ecological Economics. 2009. Vol. 68, № 11. 102106. (ScienceDirect.com | Science, health and medicine journals, full text articles and books.) URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0921800909001360?via%3Dihub> (дата обращения: 03.10.2023).
9. Хайдеггер М. Бытие и время / пер. с нем. В.В. Бибихина. М. : Ad Marginem, 1997. XI+452 с.
10. Байбурин А.К., Топорков А.Л. У истоков этикета: Этнографические очерки. Л. : Наука, 1990. 167 с.
11. Ватолина Ю.В., Кребель И.А. Гость как знамение Иного // Вестник Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина. Серия: Философия. 2012. Т. 2, № 4. С. 138–145.
12. Ларделье П. Принимать друзей, отдавать визиты... (Ритуалы гостеприимства в перспективе Моссэ) / пер. с фр. Е. Гальцовой // Традиционные и современные модели гостеприимства : материалы российско-французской конф. 7–8 октября 2002 г. / под ред. С.Н. Зенкина, А. Монтадона. М. : РГГУ, 2004. С. 55–69.
13. Хаттон П.Х. История как искусство памяти / пер. с англ. В.Ю. Быстрова. СПб. : Владимир Даль, 1993. 424 с.
14. Лопатин И.А. Проводы души // Шаманизм народов Сибири. Этнографические материалы XVIII–XX вв. : хрестоматия : в 2 т. 2-е изд., испр. и доп. / авт.-сост. Т.Ю. Сем. СПб. : Филол. факультет СПб. гос. ун-та ; Нестор-История, 2011. Т. 2. С. 114–141.
15. Предисловие. Мир шамана и ритуальные практики народов Сибири // Шаманизм народов Сибири. Этнографические материалы XVIII–XX вв. : хрестоматия : в 2 т. 2-е изд., испр. и доп. / авт.-сост. Т.Ю. Сем. СПб. : Филол. факультет СПб. гос. ун-та ; Нестор-История, 2011. Т. 1. С. 3–22.
16. Слотердайк П. Правила для человеческого зоопарка. Ответ на письмо Хайдеггера о гуманизме / пер. с нем. Т. Тягуновой // Фридрих Ницше. URL: <https://nietzsche.ru/influence/philosophy/philosophie/sloterdijk/> (дата обращения: 03.10.2023).
17. Савчук В.В. Кровь и культура. 3-е изд., испр. и доп. СПб. : Академия исследования культуры, 2020. 288 с.
18. Московичи С. Век толп. Исторический трактат по психологии масс / пер. с фр. Т.П. Емельяновой. М. : Академический проект, 2011. 396 с.
19. Франкфорт Г., Франкфорт Г.А., Уилсон Дж.А., Якобсен Т. В преддверии философии. Духовные искания древнего человека / пер. с англ. Т.Н. Толстой. М. : Наука, 1984. 236 с.

References

1. Autio, M., Heiskanen, E. & Heinonen, V. (2014) Narrativy "zelenykh" potrebiteley: antigeroy, ekogeroy i anarkhist [Narratives of "green" consumers: Antihero, ecohero and anarchist]. *Labirint: Zhurnal sotsial'no-gumanitarnykh issledovaniy*. 2. pp. 19–34.
2. Lebedeva, D.R. (2021) Chelovek ekologicheskii: povsednevnye praktiki zaboty ob okruzhayushchey srede kak atribut sovremennogo sub"ekta v predstavleniyakh molodykh moskvicey [An ecological person: everyday practices of caring for the environment as an attribute of a modern subject in the views of young Muscovites]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii – Journal of Sociology and Social Anthropology*. 24(2). pp. 110–143.
3. Weber, M. (1990) *Izbrannye proizvedeniya* [Selected Works]. Translated from German by M.I. Levina. Moscow: Progress. pp. 61–272.
4. Sukhachev, V.Yu. (n.d.) "Volki": po tu storonu cheloveka, mezdu Bogom i bestiei ["Wolves": On the other side of man, between God and the beast]. [Online] Available from: <http://anthropology.ru/ru/texts/sukhach/wolfs.html> (Accessed: 3rd October 2023).
5. Rakhmaninova, M.D. (2016) Genealogiya ekologicheskogo krizisa: problema antropotsentrizma kak vektora zapadnoevropeyskoy ratsional'nosti [Genealogy of the environmental crisis: The problem of anthropocentrism as a vector of Western European rationality]. *Mezhdunarodnyy nauchno-issledovatel'skiy zhurnal*. 54(12). pp. 162–166.
6. Becker, C. (2006) The human actor in ecological economics: Philosophical approach and research perspectives. *Ecological Economics*. 60(1). pp. 17–23. [Online] Available from: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0921800906000322?via%3Dihub> (Accessed: 3rd October 2023).
7. Ferraro, E. & Reid, L. (2013) On sustainability and materiality. Homo faber, a new approach. *Ecological Economics*. 96. pp. 125–131. [Online] Available from: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0921800913003133?via%3Dihub> (Accessed: 3rd October 2023).
8. Ingebrigtsen, S. & Jakobsen, O. (2009) Moral development of the economic actor. *Ecological Economics*. 68(11). [Online] Available from: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0921800909001360?via%3Dihub> (Accessed: 3rd October 2023).
9. Heidegger, M. (1997) *Bytie i vremya* [Being and Time]. Translated from German by V.V. Bibikhin. Moscow: Ad Marginem.
10. Bayburin, A.K. & Toporkov, A.L. (1990) *U istokov etiketa: Etnograficheskie ocherki* [At the Origins of Etiquette: Ethnographic Essays]. Leningrad: Nauka.
11. Vatoлина, Yu.V. & Krebel, I.A. (2012) Gost' kak znamenie Inogo [A guest as a sign of the Other]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A.S. Pushkina. Seriya: Filosofiya*. 2(4). pp. 138–145.
12. Lardelier, P. (2004) Prinimat' družey, otdavat' vizity... (Ritualy gostepriimstva v perspektive Mossa) [Receive friends, pay visits... (Rituals of hospitality in Moss's perspective)]. Translated from French by E. Galtsova. In: Zenkina, S.N. & Montadon, A. (eds) *Traditsionnye i sovremennye modeli gostepriimstva* [Traditional and Modern Models of Hospitality]. Moscow: RGGU, 2004. pp. 55–69.
13. Hutton, P. (1993) *Istoriya kak iskusstvo pamyati* [History as the Art of Memory]. Translated from English by V.Yu. Bystrov. St. Petersburg: Vladimir Dal'.
14. Lopatin, I.A. (2011) Provydy dushi [Farewell to the soul]. In: Sem, T.Yu. (ed.) *Shamanizm narodov Sibiri. Etnograficheskie materialy XVIII–XX vv.* [Shamanism of the peoples of Siberia. Ethnographic materials of the 18th–20th centuries]. 2nd ed. Vol. 2. St. Petersburg: SPbSU; Nestor-Istoriya. pp. 114–141.
15. Sem, T.Yu. (ed.) (2011) *Shamanizm narodov Sibiri. Etnograficheskie materialy XVIII–XX vv.* [Shamanism of the peoples of Siberia. Ethnographic materials of the 18th–20th centuries]. 2nd ed. Vol. 1. St. Petersburg: SPbSU; Nestor-Istoriya. pp. 3–22.
16. Sloterdijk, P. (n.d.) *Pravila dlya chelovecheskogo zooparka. Otvet na pis'mo Khaydeggera o gumanizme* [Rules for the Human Zoo. Reply to Heidegger's Letter on Humanism]. Translated from German by T. Tyagunova. [Online] Available from: <https://nietzsche.ru/influence/philosophy/philosophie/sloterdijk/> (Accessed: 3rd October 2023).
17. Savchuk, V.V. (2020) *Krov' i kul'tura* [Blood and Culture]. 3rd ed. St. Petersburg: Akademiya issledovaniya kul'tury.
18. Moskovichi, S. (2011) *Vek tolpy. Istoricheskiy traktat po psikhologii mass* [The Century of Crowds. A Historical Treatise on Mass Psychology]. Translated from French by T.P. Emelyanova. Moscow: Akademicheskii projekt.

19. Frankfort, G., Frankfort, G.A., Wilson, J.A. & Jacobsen, T. (1984) *V preddverii filosofii. Dukhovnye iskaniya drevnego cheloveka* [On the Threshold of Philosophy. Spiritual Quests of Ancient Man]. Translated from English by T.N. Tolstaya. Moscow: Nauka.

Сведения об авторе:

Ватолина Ю.В. – доктор философских наук, профессор кафедры общественных наук Санкт-Петербургского государственного университета промышленных технологий и дизайна (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: vatolina@bk.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Vatolina Yu.V. – Dr. Sci. (Philosophy), professor of the Department of Social Sciences, Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: vatolina@bk.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 07.10.2023;
одобрена после рецензирования 23.01.2024; принята к публикации 04.03.2024
The article was submitted 07.10.2023;
approved after reviewing 23.01.2024; accepted for publication 04.03.2024*

Научная статья

УДК 141.319.8

doi: 10.17223/1998863X/77/13

ОБРАЗЫ ЖЕЛАЮЩЕГО ПРОИЗВОДСТВА В НАУЧНОМ ПОЗНАНИИ

Алексей Владимирович Волков

Петрозаводский государственный университет, Петрозаводск, Россия, alexvolkoff@bk.ru

Аннотация. Описываются эпистемологические аспекты концепции желания Делеза и Гваттари, представленной в произведении «Анти-Эдип. Капитализм и шизофрения». Обосновано, что шизоаналитическая концепция желания как «производство машин» находит отражение в исследованиях лабораторной науки. Раскрыт эпистемологический смысл образа желающей машины, состоящий в том, что познавать – значит испытывать возможности человекообразной формы быть вовлеченной в различные сцепления мира – психофизические, естественно-технические, социокультурные. На основе использования историко-научного материала делается вывод о релевантности понятия номадического субъекта для описания субъекта лабораторного познания.

Ключевые слова: Ж. Делез и Ф. Гваттари, Анти-Эдип, желание, машина, наука, лаборатория

Для цитирования: Волков А.В. Образы желающего производства в научном познании // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2024. № 77. С. 152–159. doi: 10.17223/1998863X/77/13

Original article

IMAGES OF DESIRING-PRODUCTION IN SCIENTIFIC COGNITION

Alexey V. Volkov

Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russia, alexvolkoff@bk.ru

Abstract. The aim of this article is to explicate the epistemological aspects of Deleuze and Guattari's conception of desire presented in *Anti-Oedipus. Capitalism and Schizophrenia*. I show that the schizoanalytic concept of desire as a "production of machines" is reflected in studies on a laboratory science. The epistemological meaning of the image of the "desiring-machine" is revealed, which is that to cognize means to experience the possibilities of the man-dimension to be involved in the various entanglements of the world – psychophysical, natural-technical, sociocultural. Through the use of historical and scientific material, I show that the concept of the nomadic subject is relevant to the description of a laboratory cognitive subject. I note that, on the one hand, the scientist is aware of himself as a researcher through territorialization, i.e. attribution of himself to tradition. On the other hand, the scientific cognition must also be treated as deterritorialization, i.e. the desire of consciousness to retreat themselves into a space in which it was possible to be outside of itself – outside of existing tradition. Thus, for the subject of cognition, it is immutable not only the requirement that "The 'I think' must be able to accompany all my representations" (Kant), but also the need to leave the sphere of the conscious as already thought out, held in the area of "the unconscious as passive syntheses of desire" (Deleuze and Guattari). I also demonstrate that in laboratory life the scientist is immersed in free syntheses of desire with non-linear, multi-valued connections and inclusive disjunctions. However, in the narrations of historians and philosophers, as well as in scientific articles and reports, all this heterogeneous plurality and ambiguity is reduced. Scientific articles, reports, interviews are written, on the contrary,

using linear, unambiguous connections and exclusive disjunctions, that is, in accordance with the Oedipal code. This circumstance points to a certain “Oedipalization of knowledge”, analogous to the “Oedipalization of desire” that Deleuze and Guattari identified in relation to Freudian psychoanalysis.

Keywords: Deleuze and Guattari, *Anti-Oedipus*, desire, machine, science, laboratory

For citation: Volkov, A.V. (2024) Images of desiring-production in scientific cognition. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 77. pp. 152–159. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/77/13

Знаменитый французский философ Мишель Фуко как-то заметил, что, возможно, когда-нибудь XX в. назовут веком Ж. Делеза. Одним из оснований для данного суждения послужило, по-видимому, произведение «Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения», написанное Ж. Делезом совместно с психоаналитиком Ф. Гваттари. По словам Фуко, успех этой работы был не ограничен частной аудиторией: быть Анти-Эдипом стало определенным стилем жизни, способом мысли и существования [1. С. 8]. Вместе с тем следует заметить, что определенная эпатажность изложения, свойственная авторам «Анти-Эдипа...», фрагментарность используемого ими языка и стиля порой затрудняют увидеть диапазон значений данного текста, а учитывая контекст его создания, майские события во Франции 1968 г. иногда и вовсе сводят до уровня политического манифеста.

В настоящей статье мы хотели бы привлечь внимание к философской концепции, которая была выстроена Делезом и Гваттари в работе «Анти-Эдип». Поначалу данная концепция, как и философия Делеза в целом, оказывалась предметом анализа в связи с феноменами эстетики и искусства [2, 3]. Впоследствии, однако, появились работы, проецирующие идеи Делеза и на другие сферы культуры, например на образование [4, 5] и науку [6, 7]. Мы продолжим эти исследовательские начинания и попробуем соотнести философию «Анти-Эдипа» с феноменом научного познания и в частности эксплицировать эпистемологические аспекты концепции желания Делеза и Гваттари.

Итак, коль скоро в центре философии «Анти-Эдипа» стоит понятие желания, то было бы резонно сначала прояснить смысл данного понятия, а затем перейти к его эпистемологическим аспектам. Свое представление о желании Делез и Гваттари формируют в полемике с З. Фрейдом. Связывая желание с сексуальными потребностями индивида, фрейдисты рассматривают его прежде всего в рамках семьи. То, с чем имеет дело желание, – это лица (мать, отец, ребенок), а также их субстанции (молоко, экскременты и т.п.) и органы (грудь, пенис). При этом желание трактуется с точки зрения нехватки и приобретения. Например, как энергия, направленная на восполнение изначально существующей, но утраченной целостности – единства с матерью. Или как зависть к пенису, желание его иметь (у девочек), как инцестуозные влечения и страх кастрации (у обоих полов). Как в первом, так и во втором случае фаллос символизирует некое трансцендентное единство.

Разъясняя свою позицию, Делез и Гваттари соглашаются с тем, что З. Фрейд открыл мир желания, однако, обращают внимание на то, что австрийский психоаналитик всегда испытывал трудности в том, чтобы свести воедино Эдипа (инцестуозные влечения) и детскую сексуальность, поскольку последняя отсылала к биологической реальности развития, а Эдип – к психи-

ческой реальности фантазма. В итоге эдипова триангуляция, считают Делез и Гваттари, была не столько открыта в анализе психики, сколько заимствована из арсенала классической культуры (греческого театра) и заброшена на мир желания, после чего он и стал классическим порядком греческого театра [1. С. 89–90].

Таким образом, ставя целью выработать собственную концепцию желания, Делез и Гваттари идут по пути дезэдипизации желания. «Очевидно, пишут философы, что присутствие родителей постоянно, что ребенок без них – ничто. Но не в этом вопрос. Вопрос в том, действительно ли все, чего он касается, переживается в качестве представителя родителей» [1. С. 78]. То чего не понял психоанализ, считают Делез и Гваттари, это то, что с самого рождения колыбель, грудь, соски, экскременты – это частичные объекты – детали, а само желание есть активность по сборке из этих деталей различных соединений, стыковок, или, как говорят французские авторы, «машин». Для иллюстрации желания как производства машин авторы «Анти-Эдипа» чаще всего прибегают к клиническим случаям, рассматривая последние как исковерканное проявление нормальной, здоровой жизни. Так, ссылаясь на Б. Беттельхейма, они вспоминают ребенка, который «живет, ест, испражняется лишь при том условии, что подключается к машинам, снабженным моторами, нитями, лампами, карбюраторами, спиралями, штурвалами...» [1. С. 64]. Патологическая сущность данного примера очевидна, но она же, по мнению французских философов, указывает и на изначальную природу желания, состоящую в производительной силе, активности, которая по каким-то причинам не получила развития. Эта производительная сила заявляет о себе в художнике, поэте, провидце, по мнению Делеза и Гваттари. Несмотря на то что в этом ряду нет ученого, попробуем, однако, взглянуть на концепцию желания как на производство с эпистемологической стороны.

На наш взгляд, некоторые современные исследования лабораторной науки обнаруживают параллели между созданием, применением научных приборов и концепцией желания французских философов. Возьмем для примера предпринятую П. Галисоном реконструкцию появления облачной камеры [8. Р. 73–143]. Как мы видим, согласно авторам «Анти-Эдипа», желание – это страсть порождать фрагментарно-разнородные сцепления (машины), и облачная камера является таковой, причем не в смысле просто технического инструмента, а в качестве той гетерогенной множественности, которая и выступает продуктом желания. В самом деле, как известно, Вильсон конструировал камеру с целью так называемого миметического экспериментирования – воспроизведения в лабораторных условиях естественных, природных явлений, в частности облаков, туманов. В этом отношении прототипом для облачной камеры послужил аппарат старшего современника Вильсона метеоролога Дж. Эйткена. Однако в камере Вильсона использовался только фильтрованный, очищенный от пыли воздух. Данное обстоятельство есть свидетельство присоединения Вильсона уже к другой инструментальной традиции – традиции аналитического экспериментирования Дж. Томсона, целью которой было рассечение, разъятие природы и обнаружение действующих в ней, но непосредственно ненаблюдаемых агентов – ионов. Как явствует из этого примера, познание – это желание в смысле процесса соединения друг с другом разнородных элементов, и в случае Вильсона таковыми стали агенты,

отсылающие к разным инструментальным традициям: пыль, дождевые капли, облака, фильтрованный воздух, рентгеновские лучи, электромагнитные поля, ионы.

В связи со сказанным обращает на себя внимание и особенность самого субъекта лабораторного познания как субъекта желания. Через все произведение Делеза и Гваттари красной нитью проходит мысль о том, что желание – это не сцентрированный в точке Я опыт становления себе иным – опыт, который уходит корнями в детство. И действительно, как пронизательно заметил по этому поводу В. Бибихин, ребенок не то чтобы не занят анализом того, кто субъект и где объект... ребенок вообще непонятно где, в субъекте или в объекте, он легко может вжиться и в другого. Допустим, автобус – чужая, шумная и опасная вещь. Но это только для нас. Ребенок в отличие от нас сам может стать автобусом. С автобусом ему проще... автобус которым стал ты сам, весь вполне послушен» [9. С. 98–110]. На наш взгляд, желание как опыт, в котором человек претерпевает становление не-человеком и, наоборот, нечто не-человеческое очеловечивается, релевантно и взрослому возрасту. Так, историкам науки известен пример А. Эйнштейна, путь которого к специальной теории относительности, включал эпизод отождествления себя с лучом света. Или Н. Бор, размышляющий о поведении электрона в атоме. Как указывает Дж. Холтон, за скачкообразными переходами электрона от одного стационарного состояния к другому может стоять воспринятая Бором от Кьеркегора идея духовных решений, в которых непрерывность изменения (например, переход от размышления к действию, от одного образа мировосприятия к другому) должна разрушаться [10. С. 193–195]. Можно предположить, что деятельность ученого наследует и возобновляет детский опыт желания – опыт вселиться, вжиться в другое, внешнее. И здесь, на наш взгляд, важно обратить внимание на следующее обстоятельство: если желать значит размыкать пределы наличных форм, быть на переходе от одной формы тела к другой, т.е. находиться в динамике становления, тогда познание, фундированное в желании, требует номадического субъекта с гетерогенной идентичностью. Не случайно уже упоминаемый нами П. Галисон замечает, что для Вильсона, который был способен, используя камеру, показать, что ионы, порожденные рентгеновскими лучами, могут вызывать конденсацию, было важно также продемонстрировать, что и реальная атмосфера содержит такие же ионы [8. Р. 105–107]. В этой связи гетерогенная множественность желания требует от субъекта лабораторного познания (и Вильсон в этом отношении не единственный пример) осциллировать – оставаться в динамике перехода от лаборатории к природе и обратно. Итак, как мы видим, существенным для Делеза и Гваттари в понимании желания является его производительный характер. Желание, по словам французских философов, является «совокупностью пассивных синтезов, которые прорабатывают частичные объекты, потоки и тела...» [1. С. 49]. В этой связи желать – значит открываться воздействию этих потоков, пропускать их через себя, вырабатывая на уровне тела некие отражательные пороги – машины-органы. На наш взгляд, важно внимательнее присмотреться к природе синтезов желания. Сами синтезы, подчеркивают авторы «Анти-Эдипа», носят свободный характер, являя код бриколажа [1. С. 21]. Для последнего характерно комбинирование разнородных фрагментов и способность включения фрагментов во все новые фрагментарные образова-

ния. Как это ни странно, но и в научном познании, если взглянуть на него сквозь призму этнометодологии, просматриваются черты той логики бриколажа, о которой пишут французские философы. Работа лабораторного исследователя, пишет К. Кнорр-Цетина, напоминает действия лудильщика [11. Р. 33–35]. Последний в отличие от инженера имеет дело с некими обрывками, обрезками – тем, что оказывается под рукой для производства некой работающей вещи. Так, например, замыслы и проекты в лаборатории часто приобретают соответствующую направленность просто потому, что, как объясняют исследователи, часть используемого ими оборудования осталась от прошлого проекта. А само оборудование, предназначенное для одних целей, может после некоторого преобразования быть использовано и для других целей. В этом смысле говорим ли мы об играющем ребенке, который, например, «использует свою ногу как весло» (Ж. Делез и Ф. Гваттари), или читаем об исследователе, который «приспособил измеритель давления для определения газоабсорбционной способности вещества» (К. Кнорр-Цетина), в обоих примерах мы сталкиваемся со свободными – ситуативно случайными и контекстуально изменчивыми – синтезами желания.

Тот факт, что желание являет собой совокупность свободных синтезов, заставляет обратить внимание на характер тех коннекций и дизъюнкций, которые выступают элементами и продуктами желания. Код желания, пишут Делез и Гваттари, больше походит на жаргон, а не на язык. Означающие цепочки здесь напоминают дефиле букв из разных алфавитов, каждая цепочка схватывает фрагменты других цепочек. Это целая система перевода стрелок и жеребьевок, которые формируют случайные частично зависимые явления, близкие цепи Маркова [1. С. 66]. Такими нелинейными коннекциями, производными от так называемых переводов, полна жизнь и лабораторного ученого. Как отмечает Кнорр-Цетина, исследовательский процесс в лаборатории пронизан постоянными выборами и решениями. При этом вопрос о критериях принимаемых решений часто становится вопросом перевода одних проблем в другие. Поясняя то, о чем идет речь, Кнорр-Цетина приводит следующий пример. В изучаемой ею лаборатории перед учеными встала проблема выбора инструмента для очистки белковых образцов от агентов химического осаждения. Данная проблема была переведена в другую проблему – проблему потребления энергии, и в итоге выбор был сделан в пользу специального фильтра как энергоэффективного инструмента. Однако, как замечает Кнорр-Цетина, нельзя сказать, что данный критерий и перевод исключали другие возможные критерии и переводы. И действительно, когда выяснилось, что фильтр не работает, то ученые сделали выбор в пользу центрифуги, переводя критерий энергоэффективности в критерий практической пригодности [11. Р. 40].

Далее, говоря о желании как совокупности свободных синтезов, Делез и Гваттари постоянно обращают внимание на логику включающих дизъюнкций, управляющую этими синтезами. Включающая дизъюнкция – это «дизъюнкция, которая остается дизъюнктивной и которая тем не менее утверждает термины дизъюнкции посредством их удаления друг от друга, не ограничивая один термин другим и не исключая один из другого...» [1. С. 125]. Наш взгляд, понятие включающей дизъюнкции достаточно удачно схватывает специфику взаимодействия субъекта и объекта лабораторной науки, о чем,

например, свидетельствует взаимодействие экспериментального оборудования и объекта познания. Воспользуемся примером Э. Пиккеринга о пузырьковой камере и называемых «странных частицах», открытых в экспериментах с космическими лучами. В первом приближении пузырьковая камера и частица – это две разные, отдельно друг от друга существующие сущности. Прибор – это нечто искусственное, а частица – естественное, природное. В то же время воздействие прибора на частицы является, выражаясь языком Делеза, детерриторизирующим, ибо, с одной стороны, странные частицы содержатся в космических лучах, но в процессе познания принадлежат способу, режиму работы прибора: они есть пузырьки в кипящей жидкости, содержащейся в камере. С другой стороны, сам прибор для того, чтобы стать местом появления странных частиц, детерриторизируется: сначала это была камера, взаимодействующая с приходящими из космоса лучами, затем камера, установленная в лаборатории на ускорителе, генерирующем лучи [12. Р. 559–589].

В завершении нашего разговора обратим внимание на еще одну, на наш взгляд, очень важную особенность, роднящую концепцию авторов «Анти-Эдипа» и современных исследователей лабораторной науки. Полемизируя с Фрейдом относительно природы желания, Делез и Гваттари полагают, что вывод о его эдиповом характере был получен с помощью некоего паралогизма. Так, Фрейд говорит, что закон запрещает только то, что люди были бы способны сделать под давлением некоторых своих инстинктов; так, из запрета законом инцеста мы должны заключить, что существует естественный инстинкт, который подталкивает нас к инцесту. Эту аргументацию Делез и Гваттари и называют «паралогизмом смещения». По их мнению, бывает так, что «закон запрещает нечто абсолютно фиктивное в порядке желания или инстинктов, чтобы убедить своих субъектов в том, что у них было намерение, соответствующее этой фикции» [1. С. 183–184]. Так вот, Эдип – это и есть, согласно французским философам, поддельный образ вытесненного, а само вытесненное – это желание как активность по производству машин с их нелинейными, многозначными коннекциями и включающими дизъюнкциями, не вписывающимися в семейную триангуляцию.

Если теперь обратиться к представителям этнометодологии, то окажется, что и у лабораторной науки есть свой аналог Эдипа как поддельного образа. Как видим, в своей лабораторной жизни ученый и на уровне действий, и на уровне высказываний с самого начала находится в нелинейных, многозначных коннекциях и включающих дизъюнкциях, однако в повествованиях историков и философов, а также и научных статьях, докладах, интервью самих ученых вся эта гетерогенная множественность редуцирована [11. Р. 37–38; 13. Р. 159]. Научные статьи, доклады, интервью написаны, наоборот, с использованием линейных, однозначных коннекций и исключаящих дизъюнкций, т.е. в соответствии с эдиповым кодом. При эдиповом коде знаки, по мнению французских философов, регулируются так называемым господствующим означающим. В данном случае это означает, что в центре повествования оказывается беспристрастно-интеллектуальное отношение ученый–природа, а сама деятельность ученого и ее продукт объясняются соответствием специфики научного метода объективным свойствам природы.

Подведем итоги. Выше нами были представлены некоторые, на наш взгляд, ключевые эпистемологические аспекты концепции желания французских философов. Как мы постарались показать, задействованные в этой концепции образы желающего производства имеют определенные параллели в исследованиях лабораторной науки. На протяжении всей книги Делез и Гваттари не устают повторять, что знаком желания выступает не закон, а потенция. Желание не является потребностью в чем-то запрещенном, в чем-то, чего не хватает и что, будучи вытесненным, возвращается потом в виде фантазмов. Желание – это энергия, ток недифференцированной, нестратифицированной материи, принимающей различные формы, но не коснеющей в них, а тянущейся к переоформлению. Желание течет, и в нем всегда что-то выходит навстречу друг другу, проникает друг в друга, прорабатывает друг друга. И в этом, по-видимому, один из главных эпистемологических смыслов, заключенных в образе желающей машины: познавать – значит испытывать возможности субъективности – возможности человекоразмерной формы быть вовлеченной в различные сцепления мира – психофизические, естественно-технические, социокультурные. Верно, что для субъекта познания является непреложным требование И. Канта о том, что «я мыслю должно сопровождать все мои представления». Вместе с тем, основываясь на концепции Делеза и Гваттари, было бы справедливым заметить, что субъект познания должен и выходить из сферы осознаваемого как уже продуманного, состоявшегося бытия в область пассивных синтезов желания или бессознательного как еще не знающего себя разума. С одной стороны, именно через воспроизводящееся отнесение себя к традиции (через территоризацию, сказали бы французские авторы) ученый сознает себя как исследователя и исследуемый им мир. С другой стороны, в опыте познания заявляет о себе и детерриторизация – стремление сознания отступить в такое пространство, в котором можно было быть вне-себя – себя обусловленного существующей традицией. Как нам кажется, именно об этом опыте детерриторизирующего себя сознания и говорят Делез и Гваттари, называя его опытом «сиротского бессознательного» – бессознательного не в психоаналитической (фрейдистской), а трансцендентальной трактовке.

Список источников

1. Делез Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения / пер. с фр. Д. Кралечкина. Екатеринбург : У-Фактория, 2007. 672 с.
2. Дианова В.М. Постмодернистская философия искусства: истоки и современность. СПб. : Петрополис, 1999. 240 с.
3. Маньковская Н.Б. Эстетика постмодернизма. СПб. : Алетейя, 2000. 347 с.
4. Semetsky I. Deleuze, Education and Becoming. Rotterdam : Sense Publishers, 2006. 142 p.
5. Deleuze and Education / eds. I. Semetsky, D. Masny. Edinburgh : Edinburgh University Press, 2013. 273 p.
6. Маркова Л.А. Философия из хаоса. Ж. Делез и постмодернизм в философии, науке, религии. М. : Канон +, 2004. 384 с.
7. Deleuze and Science / ed. J. Marks. Edinburgh : Edinburgh University Press, 2006. 192 p.
8. Galison P. Image and Logik: A Material Culture of Microphysics. Chicago : University of Chicago Press, 1997. 956 p.
9. Бибихин В.В. Узнай себя. СПб. : Наука, 1998. 577 с.
10. Холтон Дж. Тематический анализ науки / пер. с англ. А.Л. Великович, В.С. Кирсанов, А.Е. Левин. М. : Прогресс, 1981. 382 с.
11. Knorr-Cetina K. The manufacture of Knowledge: an essay on the constructivist and contextual nature of science. New York : Pergamon Press, 1981. 200 p.

12. Pickering A. The Mangle of Practice: Agency and Emergence in the Sociology of Science // American Journal of Sociology. 1993. Vol. 99 (3). P. 559–589.
13. Lynch M. Art and Artifact in Laboratory Science. A Study of Shop Work and Shop Talk in a Research Laboratory. London : Routledge & Kegan Paul, 1985. 180 p.

References

1. Deleuze, G. & Guattari, F. (2007) *Anti-Edip: Kapitalizm i shizofreniya* [Anti-Oedipus: Capitalism and Schizophrenia]. Translated from French by D. Kralechkin. Ekaterinburg: U-Faktoriya.
2. Dianova, V.M. (1999) *Postmodernistskaya filosofiya iskusstva: istoki i sovremennost'* [Postmodern Philosophy of Art: Origins and Modernity]. St. Petersburg: Petropolis.
3. Mankovskaya, N.B. (2000) *Estetika postmodernizma* [The Aesthetics of Postmodernism]. St. Petersburg: Aleteyya.
4. Semetsky, I. (2006) *Deleuze, Education and Becoming*. Rotterdam: Sense Publishers.
5. Semetsky, I. & Masny, D. (eds) (2013) *Deleuze and Education*. Edinburgh: Edinburgh University Press.
6. Markova, L.A. (2008) *Filosofiya iz khaosa. Zh. Delez i postmodernizm v filosofii, nauke, religii* [Philosophy from Chaos. G. Deleuze and Postmodernism in Philosophy, Science, Religion]. Moscow: Kanon +.
7. Marks, J. (2006) (ed.) *Deleuze and Science*. Edinburgh: Edinburgh University Press.
8. Galison, P. (1997) *Image and Logik: A Material Culture of Microphysics*. Chicago: University of Chicago Press.
9. Bibikhin, V.V. (1998) *Uznay sebya* [Know thyself]. St. Petersburg: Nauka.
10. Holton, G. (1981) *Tematicheskii analiz nauki* [Thematic Analysis of Science]. Translated from English by A.L. Velikovich, V.S. Kirsanov, A.E. Levin. Moscow: Progress.
11. Knorr-Cetina, K. (1981) *The Manufacture of Knowledge: An essay on the Constructivist and Contextual Nature of Science*. New York: Pergamon Press.
12. Pickering, A. (1993) The Mangle of Practice: Agency and Emergence in the Sociology of Science. *American Journal of Sociology*. 99(3). pp. 559–589.
13. Lynch, M. (1985) *Art and Artifact in Laboratory Science. A Study of Shop Work and Shop Talk in a Research Laboratory*. London: Routledge & Kegan Paul.

Сведения об авторе:

Волков А.В. – доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой философии и культурологии Петрозаводского государственного университета (Петрозаводск, Россия). E-mail: alexvolkoff@bk.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Volkov A.V. – Dr. Sci. (Philosophy), docent, head of the Department of Philosophy and Cultural Studies, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation). E-mail: alexvolkoff@bk.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 08.03.2023;
одобрена после рецензирования 17.01.2024; принята к публикации 04.03.2024
The article was submitted 08.03.2023;
approved after reviewing 17.01.2024; accepted for publication 04.03.2024

Научная статья

УДК 165+502.316

doi: 10.17223/1998863X/77/14

АНТРОПОЦЕН ИЛИ АГНОТОЦЕН? РЕЖИМЫ НЕЗНАНИЯ В ЭПОХУ КЛИМАТИЧЕСКОГО КРИЗИСА

Анастасия Валерьевна Голубинская

*Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
Нижний Новгород, Россия, golub@unn.ru*

Аннотация. Представлена концепция агноточена, – одного из направления исследований антропоцена, где особое внимание уделяется процессам игнорирования, обесценивания и подавления научного знания, производства зон незнания и климатической неопределенности. Цель статьи – установить, способен ли агноточен как концептуальный инструмент указать на что-то новое и расширить наше понимание проблем антропоцена. Предлагается уточненное определение понятия и основные направления возможных дискуссий.

Ключевые слова: антропоцен, агноточен, агнотология, эпистемология незнания, эпистемология неопределенности, климатическая неопределенность

Благодарности: работа выполнена в рамках НИР Н-490-99_2021-2023 «Образы будущего и креативные практики: антропологический анализ социального проектирования и научного творчества в условиях неопределенности» на базе Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского по заказу Министерства образования и науки Российской Федерации (Программа стратегического академического лидерства «Приоритет 2030»).

Для цитирования: Голубинская А.В. Антропоцен или агноточен? Режимы незнания в эпоху климатического кризиса // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2024. № 77. С. 160–176. doi: 10.17223/1998863X/77/14

Original article

THE ANTHROPOCENE OR THE AGNOTOCENE? REGIMES OF IGNORANCE IN THE CLIMATE CRISIS

Anastasia V. Golubinskaya

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia, golub@unn.ru

Abstract. While the term “Anthropocene” has gained significant attention, it is important to note that the discussion of its terminology and status has yet to be concluded. Over the past two decades, many narrower “Anthropocene” narratives have been proposed to describe particular aspects of the problem, including “Thermocene”, “Capitalocene”, “Technocene”, “Urbanocene”, and more. This article presents an analysis of the concept “Agnotocene”. This concept explains the problems of the Anthropocene as a consequence of social mechanisms that create zones of ignorance where ecological criticism is discredited, the Earth’s depletion is denied, and corresponding scientific facts are called into question. The Agnotocene highlights that the solution to environmental problems on a planetary scale is not only political and economic but also epistemological. It includes questions about the legitimacy, accessibility, and relevance of knowledge but also requires a deeper understanding of how and why some knowledge is ignored, devalued, or suppressed. The aim of the article is to

establish whether the Agnotocene can expand our understanding of global social problems related to climate change. The article proposes the definition of the Agnotocene as a direction of Anthropocene research focused on social relations, which arise on the basis of or as a result of artificial ignorance. Its special task is to detect the types, forms, and specific ways of social production of ignorance that underlie human behavior in the context of global problems of the Anthropocene, to discover the evolution of ignorance and the current “modes” of its activity, as well as to look for possible ways to adjust it in the interests of the social and climatic well-being of mankind. As an example of Agnotocene studies, the article proposes two arguments based on this interpretation. The first follows from how science has maintained the illusion of a fourth wall between an expert community and a layman for a long time, which means that climate solutions requiring citizen participation are not perceived with the expected rigor. The second argument presents climate skepticism as a natural result of the cultural development of intolerance to ignorance and uncertainty within the framework of non-expert rationality.

Keywords: Anthropocene, Agnotocene, agnotology, epistemology of ignorance, epistemology of uncertainty, climatic uncertainty

Acknowledgments: The work was funded by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (Strategic Academic Leadership Program “Priority 2030”) within the framework of Research 490-99_2021-2023 “Images of the Future and creative practices: An anthropological analysis of social design and scientific creativity in conditions of uncertainty” on the basis of Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod.

For citation: Golubinskaya, A.V. (2024) The anthropocene or the agnotocene? Regimes of ignorance in the climate crisis. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 77. pp. 160–176. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/77/14

Введение

В конце XX в. экологи Юджин Ф. Стормер и Пауль Й. Крутцен ввели термин «антропоцен», который сегодня прочно вошел в словарь дебатов о роли человека в экосистеме планеты и влиянии цивилизации людей на природу Земли. В настоящее время антропоцен рассматривается как потенциальная геологическая эпоха, и его окончательное принятие в качестве таковой означало бы, что голоценовое мировоззрение, в котором климат остается на заднем плане, уходит в прошлое. В новой эпохе, как отметил Б. Латур, отношения человека и мира меняются настолько, что сами люди в какой-то степени становятся геологией, а все, что мы привыкли называть исконной породой, начинает очеловечиваться [1. Р. 113–114]. Термину «антропоцен» Б. Латур посвятил одну из шести лекций по философским проблемам наук о климате в Эдинбургском университете. Он отмечает, что независимо от официальной судьбы этого термина антропоцен – это наиболее подходящая философская, религиозная, антропологическая и политическая концепция, чтобы отказаться от широко критикуемых понятий «модерн», «постмодерн», «современность» и чтобы создать альтернативу постгуманизму, установив необходимую связь между науками о Земле и тонкостями исследований гуманитарных и социальных наук [1. Р. 116–117]. Последнее замечание Латур иллюстрирует ироничным призывом: «Попробуйте рассказать моим соседям, фермерам из Овернь, как если бы это был просто „научный факт“, что их почва теперь стерильна из-за их неразумного использования земель и что устье их реки теперь является „мертвой зоной“ из-за того, как они используют нитраты. Попробуйте и приготовьтесь к жесткой критике и публичным попыткам» [2. Р. 38]. Интеграция нарративов о климате и социальных свойствах

климатических акторов кажется Латуру ключевым свойством антропоцена: для наук о Земле антропос перестает быть пассивной биологической сущностью и наделяется моральной и политической историей, а ответственность за климатические трансформации входит в предметное поле социальных наук. Таким образом, выстраивая мост с двусторонним движением, и это крошечное терминологическое новшество кажется ему способным дать начало совершенно иному разговору.

Позиция Б. Латура соответствует общему ориентиру современной социальной эпистемологии и философии науки в этих вопросах. Похожие мысли, например, высказывает П. Галисон: в рамках антропоцена ученые не могут оставить человечество в стороне, объект исследования изменился, потому что мы сами изменили его [3. Р. 189]. С. Фуллер добавляет, что антропоцен – это экспансия человека по всей экосфере, и не только физическая, но в том числе идейная: «...разрушительность промышленной революции часто признается как необходимая цена, которую приходится платить за глобализованную современность, в то время как глобальное изменение климата часто преподносится как нечто, что мы должны смягчить, если не полностью предотвратить. <...> Поразительной особенностью сегодняшних дебатов по поводу глобального изменения климата является относительное отсутствие серьезных утопических предложений, сравнимых с марксистскими, которые оправдывали неоспоримые издержки массовой индустриализации в девятнадцатом и двадцатом веках» [4. Р. 77–78].

Пусть обсуждения антропоцена еще не закончены и даже его терминологический статус не определен до конца, за последние два десятилетия было предложено множество более узких антропоценовых нарративов. Историки науки К. Бонней и Ж.-Б. Фрессоз отмечают, что история антропоцена неоднородна, и понять его эволюцию можно только через сопоставление нескольких тесно связанных между собой историй, семь из которых авторы рассматривают в произведении «Шок антропоцена» [5]. Первый нарратив – это история термоцена, т.е. промышленная история источников энергии и политическая история CO₂. Исследования термоцена должны ответить на вопрос о том, какие исторические процессы наиболее важны по отношению к кривой, показывающей экспоненциальный рост выбросов углекислого газа на протяжении XIX и XX столетий (эта кривая стала своеобразной эмблемой антропоцена). Разумеется, антропоцен возник не из паровой машины и угля, а, скорее, из длительного исторического процесса экономического обмена. Реконструкция этого процесса самого по себе составляет суть второго нарратива, который К. Бонней и Ж.-Б. Фрессоз обозначили как капиталоцен. Третья часть эволюции антропоцена – это танатоцен, включающий историю смертоносного проявления политической силы через войны. В XX в. государства внедрили в армии машины, что оказало беспрецедентное по тяжести воздействие на окружающую среду, но и в мирное время тренировочные лагеря и военные испытания требуют значительных объемов сырья и энергии. Для антропоцена важно то, что история войн – это история зарождения технологических и правовых рамок для потребления. К примеру, П. Галисон назвал автомобилизацию населения в США следствием именно послевоенной субурбанизации, спекулирующей на ядерной угрозе [6]. Потребление – также значимый фактор антропоцена, и К. Бонней и Ж.-Б. Фрессоз предлагают для

этого термин «фагоцен». Массовое потребление со временем затмило практику вторичной переработки, которая была абсолютно фундаментальной в XIX в., что повлияло не только на экономический порядок, но и на круговорот материалов. Пятый элемент – фроноцен, историю которого авторы предлагают основывать на том факте, что разрушение окружающей среды было осуществлено не в отсутствие, а вопреки экологической предусмотрительности. Долгое времяистики науки мало интересовались экологическими спорами: опасения и тревоги рассматривались как романтические курьезы или как сопротивление прогрессу. Проблема фроноцена состоит в том, чтобы восстановить «концептуальные грамматики», в рамках которых зарождалась экологическая рефлексивность. Экологические споры отражаются и в другой части концепции, полемоцене, однако здесь речь идет о социально-экологических движениях, общественных мероприятиях и истории экологических предостережений, производимых не научным сообществом, а просто гражданами. Последнюю часть истории антропоцена представляет агнотокен, однако, прежде чем перейти к его обсуждению, оставим несколько замечаний.

Нарративы антропоцена, которые перечислили К. Бонней и Ж.-Б. Фресоз, не представляют собой заверченный список. Современная академическая литература содержит десятки различных «-ценов», через которые развивается основная проблема: техноцен [7, 8]; гомогенотокен, в котором культурный и экологический ландшафт унифицируется, что делает мировые экосистемы все более похожими [9, 10]; эремотокен, или эпоха одиночества, изоляции и вымирания [11; 12. Р. 221]; урбанотокен, урбицен, метропотокен и другие изложения социологии города в рамках экологических изменений [13, 14], негантропотокен, где токсичной является не только экологическая среда, но и психологическая, и социальная [15], или даже «ктулхуцен» антрополога Д. Харауэй, который состоит из продолжающихся многовидовых историй и в нестабильные времена, когда «мир еще не закончился, а небо еще не рухнуло» [16. Р. 55]. В 2021 г. в книге М. Боулда только перечисление таких терминов заняло две страницы [17. Р. 7–8], но и этот список неполный. В своей работе «Вокруг антропоцена в восьмидесяти названиях» польский культуролог Ф. Хвалчик иллюстративно переходит от антропоцена к европотокену, затем к англопотокену и даже к трампотокену [13. Р. 8]. Все эти приложения антропоцена выглядят настолько избыточными, что утрачивают концептуальную целостность. Делаем ли мы науку точнее, добавляя к словам окончание «-цен»? Скорее всего, на этот вопрос следует ответить отрицательно.

Скептическое отношение может вызвать не только количество, но и качество терминов: совершенно ясно, что ни один из рассмотренных «-ценов», за исключением антропоцена, не претендует на статус отдельной эры, хотя выбранное окончание характерно именно для геологических эр и традиционно указывает именно на это. Несмотря на эти замечания, представленные понятия все же задают определенный тон последующих дебатов и показывают масштаб проблемы: двусторонний мост между социальными и климатическими науками не один, таких мостов десятки. Понятийная ценность, к примеру, урбанотокена заключается не в словарной новизне, а в семантической точности: употребляя это слово, мы указываем на то, что дальнейшие обсуждения будут посвящены фиксации свойств городской жизни в контексте связей между человечеством и климатом. И все же задача фундаментальной

науки – не только фиксация фактов и описание наблюдаемых явлений, но также поиск причин и объяснений этих самых явлений. Независимо от того, говорим ли мы об урбаноцене, полемоцене, капиталоцене или любом другом аналогичном явлении, причины их остаются весьма похожими: если то, что позволило нам столь неразумно покинуть стабильное состояние голоцена, – это знание, то антропоцен, в любом из своих изложений, – это скорее результат незнания.

Агнотокен: определение и специальные задачи

Научное исследование процессов формирования и распространения незнания и неопределенности получило название «агнотология» [18], и это направление К. Бонней и Ж.-Б. Фрессоз отмечают как одну из ключевых «историй антропоцена»: агнотокен – это история создания зон незнания, в которых дискредитируется экологическая критика и отрицается истоцаемость Земли [5. Гл. 9]. Агнотокен означает, что решение основных экологических проблем планетарного масштаба, с которыми мы сталкиваемся сегодня, является не только политическим и экономическим, но и эпистемологическим: оно включает в себя вопросы о легитимности, доступности и актуальности знаний, о том, какие знания и какие формы знания игнорируются, обесцениваются, подавляются и почему [19. Р. 6].

Из всех новшеств философского словаря исследований антропоцена агнотокен кажется универсальным термином: общественные дебаты, запоздавшая реакция экспертного сообщества, политические стратегии и экономические отношения всегда содержат в себе пространство неопределенности и незнания. Это незнание может иметь самые разные формы, но действия, основанные на незнании, неизбежно влекут неопределенность последствий. К примеру, история земледелия имеет случаи, когда эксперты использовали указание на незнание, чтобы подкрепить аргументы в пользу передовых технологий сельского хозяйства и маргинализировать знания коренных народов [20] или чтобы склонить других экспертов к частичному, ограниченному пониманию сложных явлений [21]. Преждевременная уверенность в полноте и достаточности наших знаний о мире природы, в промышленном подходе к ведению сельского хозяйства привели к недооценке продуктивности местных систем земледелия. «Фермеры могли поступать так, как им заблагорассудится, но если они искали альтернативы доминирующему подходу, то, по сути, были предоставлены сами себе – просто не было экспертов, с которыми они могли бы проконсультироваться» [22. Р. 122–123]. Об этом свидетельствуют исторические источники: в начале XX в. найти информацию об агрохимических средствах не составляло труда, но эта информация уклончиво обходила вопрос меры. Так, к примеру, в 1906 г. руководитель немецкой сельскохозяйственной опытной станции Пауль Вагнер заявил: «Должен ли я указать вам точно, каким количеством центнеров вы должны удобрять свои посевы, свекольные и картофельные поля, чтобы быть уверенными в максимальной чистой прибыли? Нет. Количество удобрений просто должно соответствовать обстоятельствам» [23. Р. 110–111]. Ситуация может быть и обратной, когда климатически значимые действия исходят из эпистемологических искажений, вызванных подменой научного знания устоявшимися в культуре образами и представлениями. Как рассказывает историк экологического права Д. Шорр

(Тель-Авивский университет, Израиль), в начале XX в. британское управление территории Подмандатной Палестины объявило политику возвращения природе «первичного вида», поскольку песчаный вид территории не соответствовал представленным в искусстве и литературе образам «исконной» лесистой природы этих территорий. «В отличие от других частей земного шара, с которыми сталкивались европейские колонизаторы, Святая Земля была почти знакома британцам, даже большинству чиновников, которые никогда не были там лично», отмечает автор [24. Р. 72]. Экологическое вмешательство, по словам Д. Шорра, вызвало серьезные нарушения экосистемы: замена местной растительности экзотическими для этой части планеты культурами и мероприятия по обеспечению водных и почвенных условий для этих культур оказались губительным для природы. Эти примеры показывают, что экологические последствия индустриализованного сельского хозяйства – это не просто побочные продукты новых методов производства, но и сумма человеческих отношений к научному и вненаучному знанию, а также к незнанию.

Ф. Юокоттер утверждает, что «формирование незнания – это процесс, растянувшийся на несколько поколений: потребовалось много времени, чтобы создать базу знаний, которая опиралась не только на научные исследования, но и на готовность игнорировать определенные проблемы и перспективы» [22. С. 123]. На протяжении последних ста лет социальная организация научных исследований действительно претерпела радикальные преобразования. Во-первых, произошла коммерциализация академических исследований, и традиционные практики были изменены и перенаправлены в пользу благоприятных для отрасли результатов, что во многих случаях приводило к росту невежества среди политиков и общественности в целом. Во-вторых, значительно выросла роль медиа в распространении информации и формировании неэкспертного мнения. Особенно это касается, конечно, последних двух десятилетий, когда коммуникация стала плоской, эксперты и обыватели получили равные возможности быть услышанными общественностью, а привычные механизмы защиты от дезинформации перестали быть эффективными. Указание на эти изменения не новы, а рассуждения о спровоцированных ими последствиях широко известны. Способен ли агнотокен как концептуальный инструмент указать на что-то новое и расширить наше понимание этих процессов? Указанные выше в статье отсылки являются если не полным, то почти полным перечнем существующих суждений об агнотокене, литература по этому вопросу все еще остается скудной. Однако эти фрагменты позволяют предложить рабочее определение: под термином «агнотокен» предлагается понимать направление антропоценовых исследований, объектом которых являются социальные отношения, возникающие на основе или в результате рукотворного незнания. Какую проблему решают подобные исследования? Глобальная цель любого из философских нарративов антропоцена едина, но в качестве специальной задачи можно предположить обнаружение видов, форм и конкретных способов социального производства незнания, которое стоит за поведением человека в условиях глобальных проблем антропоцена, его эволюции и современных «режимов» действия, а также поиска возможных способов его корректировки в интересах социального и климатического благополучия человечества.

Дилемма геоинженерии и три формы незнания

Четвертый эпизод драматической антологии «Экстраполяции», вышедшей на экран в 2023 г., посвящен крупной экофилософской дилемме: должны ли мы действовать уверенно и безотлагательно, чтобы исправить уже совершенные по незнанию ошибки, или же прошлый опыт должен научить нас не действовать в условиях незнания, чтобы избежать более разрушительных непредсказуемых последствий? Очевидно, что для решения о применении технологий геоинженерии, о которой повествует указанный эпизод, обществу требуются точные оценки последствий ее применения. Однако, точность этих оценок фундаментально ограничена тем, что известно современной науке, а то, что известно и прогнозируемо, перестает быть главным источником опасений. Борьба с непредсказуемым – это одновременно и логический тупик, и эпистемическая дилемма.

Дилемма геоинженерии уже неоднократно была проанализирована философами. К примеру, Д. Скотт проследил ее возникновение из философских основ западной культуры как результат столкновения двух мировоззрений, технократии и экологической этики [25]. Для нашей статьи она важна по другой причине: в структуре данной дилеммы можно проследить три ключевые формы незнания.

Первая форма – это незнание от отрицания: нам неизвестны последствия подобного решения просто потому, что они находятся за пределами познаваемого, и мы даже не в состоянии предположить, где и как именно искать необходимые для этого знания.

Вторая форма – это незнание от утверждения, которое означает, что мы все же обладаем какими-то определенными убеждениями, которые тем не менее не соответствуют реальному положению дел; т.е. мы не знаем нечто, потому что «знаем что-то другое», и это что-то не позволяет нам обнаружить искомое знание. Если говорить о дилемме геоинженерии, то незнание от утверждения характеризует момент столкновения разных мировоззрений. С точки зрения радикальной технократии технологическая мощь – это благотворная и прогрессивная сила, и аргументы о ее разрушительных последствиях выглядят бессмысленно, поскольку они строятся на принципиально иных предпосылках. Известно, что существует многочисленная группа людей, не высказывающих доверия к утверждению, что климатические науки давно достигли консенсуса по вопросу антропогенных изменений климата. Однако не знать о климатических проблемах можно по-разному, и необразованность, как это обычно объясняется, – это только одна из множества возможных причин. Совсем другая причина – не знать о них, опираясь на «знание», например, что факты, высказываемые о климате, представляют собой политическую игру. В рамках такой рациональности ученые становятся «судебными приставами», изымающими материальные блага и условия привычной комфортной жизни человека в интересах элит. Аргумент от отсутствия альтернатив наполняется разными смыслами в зависимости от того, кто его произносит. Присмотревшиеся к таким дебатам могут обнаружить, что в их основе речь идет не только и не столько о решении экологической проблемы, сколько о фундаментальных вопросах роли и места человека в мире: «...даже если бы [геоинженерия] была успешной, она все равно имела бы плохой эф-

фект, усиливая человеческое высокомерие и представление о том, что правильное отношение человека к природе – это отношение доминирования» [26. Р. 332]. Если говорить о современном состоянии этих дискуссий, то можно привести несколько примеров: Б. Кларк утверждает, что в основе споров лежат разногласия по поводу того, что крупные политические деятели могут ожидать от таких вариантов развития проблемы [27], Л. Расмуссен обнаруживает переосмысление ответственности в религиозной этике [28], а М. Макдональд и Д. Джаярам проводят параллели между геоинженерией, международной экономикой и культурной гегемонией [29. С. 158; 30]. Это в очередной раз подтверждает идею о многомерности антропоцена, но важно отметить, что экологическое мировоззрение в целом тоже не одномерно, и часть смыслов таких диспутов всегда остается скрытой. Здесь можно вспомнить задачу так называемой уличной эпистемологии – понять не то, что говорит оратор, а почему он говорит именно это и какие глубокие и рефлексивно недоступные убеждения стоят за его аргументами.

Третья форма составляет главную суть дилеммы и сюжета упомянутого эпизода «Экстраполяций» – это незнание от неопределенности. Незнание от неопределенности описывает состояние, при котором у субъекта есть несколько наборов информации, но нет доказательств в пользу истинности или ложности одного из них или же доказательства обеих сторон сбалансированы. Но как говорить о незнании от неопределенности в контексте антропоцена? Естественно-научное и социально-научное толкования неопределенности отличаются, в первом случае она имеет онтологический характер, во втором – эпистемологический. В то время как естествоиспытатели заинтересованы в достоверности измерений экологических моделей, социологи озабочены достоверностью восприятия людьми риска для человека, вытекающего из этих моделей, и если естествоиспытатели и социологи совместно работают над комплексными оценками глобального изменения климата, различия в оценке обсуждаемых философских корней неопределенности неизбежны [31. С. 28]. Одно из существующих сегодня предположений связано с тем, что именно несоизмеримость неопределенностей делает научное знание непригодным для разработки новой экологической политики [32].

Рассмотренные три формы представляют собой только одну из возможных таксономий незнания. В рамках такого подхода сложная модель поведения человека в контексте агнотопена упрощается до трех компонентов: незнание, связанное с отсутствием предпосылок для знания; незнание того, что противоречит традиционным или устоявшимся представлениям и не может быть встроено в господствующую логику, не разрушив ее, и незнание, вызванное невозможностью обосновать выбор одной из альтернатив.

Агнотологические ошибки антропоцена

Агнотопен – не до конца осмысленное понятие, и несмотря на представленные выше попытки придать ему смысловой объем, включать его в постоянный инструментарий философии преждевременно. Тем не менее для агнотологии опыт работы с таким понятием представляет новизну и вместе с тем высокий интерес. В данной статье мы представим два рассуждения по поводу того, как в русле агнотопена можно упорядочить некоторые существующие примеры и предположения о роли незнания в развитии общества. Эти рас-

суждения, как и само понятие «агнотоцен», являются не конечной точкой анализа проблемы, а попыткой начать дискуссию в необычном для нее направлении.

Ошибка вовлеченности: четвертая стена научного творчества

Представьте себе ситуацию: как-то раз, вернувшись к чтению книги, например «Преступление и наказание», вы обнаруживаете, что Родион Раскольников не просто излагает свои переживания, но и обращается к вам напрямую. Он начинает требовать от вас немедленных действий, связанных с тем, как, где и когда именно необходимо переорганизовать свое времяпрепровождение с этой книгой. Осторожно следуя за повествованием, вы находите устрашающие предупреждения о том, что отказ от сотрудничества повлечет последствия, которые будут вполне реальными и неизбежно печальными. Если вы не засомневаетесь в своем здравомыслии, то, скорее всего, отнесетесь к этому как к странной шутке, новому провокационному жанру литературы или, возможно, подтвердите для себя какую-нибудь теорию заговора. Разрушение четвертой стены – известный художественный прием включения наблюдателя в повествование. В данной части статьи мы хотели бы показать, что наука на протяжении длительного времени сохраняла иллюзию четвертой стены между собой и обывателем, в связи с чем климатические решения, требующие участия граждан и тем самым разрушающие четвертую стену, не были восприняты всерьез.

Науку часто представляют в отрыве от повседневной реальности, в социальном вакууме. Это справедливый комментарий как для эпохи Нового времени, когда научному творчеству служили единицы, как правило, из обеспеченных семей и имеющих возможность позволить себе подобное занятие, так и для современности. Разумеется, нынешняя популяризация научного знания и концепция науки, открытой для общественности, сместили акценты в коммуникации экспертного сообщества с публикой, но этого вряд ли достаточно для начала понимающего диалога.

С одной стороны, эксперты не знают, в каком виде научное знание поступит к обывателю. К примеру, в XX в. теория относительности покинула башню из слоновой кости академической науки, и, как сообщает В.Г. Будапов, «за ее сюжеты взялись писатели-фантасты и философствующие журналисты, возвещающие век относительности всего на свете» [33. С. 84]. Однако вместе с этим она стала «символом непостижимости новой науки». То, что она «не разрушает причинно-следственную ткань нашего мира, а рождает интуицию единого, относительного к средствам наблюдения четырехмерного пространства-времени», не осознавалось в рамках обыденного мировоззрения, и «теория относительности надолго создала комплекс неполноценности у обывателей, обрела ореол науки для избранных, что так же в конечном счете способствовало расколу культуры» [33. С. 84], а не сближению экспертного и неэкспертного сообществ.

С другой стороны, общественность не знает полноценно ни предмет, ни суть научного дискурса. Образованному человеку в XIX в. было относительно легко прочитать научный текст и понять, что пытался сказать его автор. Наш современный мир совсем другой, «сегодня сотни тысяч ученых ежегодно публикуют более миллиона научных работ, и ни один человек не смог бы

прочитать все научные статьи по какому-либо предмету, не сделав на этом карьере на полный рабочий день» [33. С. 70]. Политика открытого доступа вышла за пределы исключительных интересов научного сообщества, результаты научных исследований проникли в социальные сети, популярные средства массовой информации, развлекательные сообщества. Однако остается неясным, как именно пользоваться этой возможностью. Какие привилегии предоставляет доступ обывателя к массиву научных исследований? Нужна ли вообще неэкспертному субъекту «наука из первых рук» в ее неизменном виде? Таким образом, наука стала открытой, но полагаться на эффективность этой открытости сродни тому, чтобы оставить открытый учебник по турецкому языку на столе в школьном кабинете и ждать, что ученики как-то сами собой заговорят по-турецки.

В корне этой проблемы лежит исключительно агнотологическое наблюдение, описанное еще Гельвецием: для преодоления незнания абсолютно необходимо доверие, так как знающий может понять незнающего, ведь он сам когда-то был незнающим, но незнающий принципиально не может понять знающего, и ему остается только доверять или не доверять ему [34. С. 193]. Н. Орескес подтверждает, что для стороннего человека точно определить, что авторы научной статьи действительно думают о глобальном изменении климата, довольно трудно. Эксперты пишут для экспертов, и если вывод является общепринятым, то нет необходимости повторять его в контексте экспертного обсуждения, так что многие элементы остаются неявными для новичка [35. Р. 72]. В 2001 г. физик В. Сун вместе с несколькими коллегами опубликовал статью под названием «Modeling Climatic Effects of Anthropogenic Carbon Dioxide Emissions: Unknowns and Uncertainties» («Моделирование климатических последствий антропогенных выбросов углекислого газа: неизвестные и неопределенности»). Эта статья содержит критику прогностических моделей изменения климата. Однако, как указывает Н. Орескес [35. С. 75–76], для обывателя критика модели и критика теории не имеют существенной разницы, что сделало данную статью популярным аргументом сторонников климатического скептицизма и противников теории глобального потепления. Для экспертного сообщества это пример разногласий о деталях и методах, но в глазах оппонентов такие аргументы подрывают общую картину проблемы. Таким образом, чтобы избавиться от неопределенности в массовом сознании, мы призываем публику прислушаться к экспертам, а экспертов, чтобы избавиться от неопределенности в научном знании, – сосредоточиться не на вопросах, которые задают обыватели, а на вопросах, которые остаются спорными или вовсе без ответа. Это закономерно приводит к тому, что мы наблюдаем сегодня, а именно к ошибочной уверенности общественности в том, что ученые по-прежнему ведут жаркие дебаты о проблеме изменения климата. Разумеется, в сложившихся обстоятельствах любое тактическое движение (например, призыв «слушать экспертов только тогда, когда они обращаются именно к широкой публике») только снижает степень доверия экспертной картине мира и подкрепляет конспирологические версии.

Итак, четвертая стена науки – невидимая граница между экспертами и обывателями – не ликвидирована политикой открытого доступа к научной информации. На протяжении столетий обыденное мировоззрение опиралось

на убеждение, что пространство науки изолировано от повседневности, «простой человек» был не активным участником процесса научного творчества, а зрителем и случайным наблюдателем дискурса, предназначенного вовсе не для него. Четвертая стена рушится только теперь, когда вовлеченность населения в принятие обоснованных решений становится необходимым. На опасения, риски и требования изменить привычный образ действия описанные Б. Латуром фермеры из Овернь [2. Р. 38] реагируют так же, как мы реагировали бы на описанные выше угрозы персонажа книги: попытки сотрудничества кажутся не более чем «неожиданная, но не обязательная» часть общего повествования. Это, разумеется, только одна из множеств точек обзора проблемы массового принятия научного знания, которая призвана дополнить, а не заменить ее иные толкования.

Ошибка стигматизации неопределенности и FONK-эффект

Климатический скептицизм [36] как агнотологическая ситуация часто объясняется через нежелание правительств распределять бюджет с учетом существующего углеродного следа и нежелания людей менять привычный порядок действий. Со стороны кажется, что с учетом рисков, которые несет изменение климата относительно благополучия планеты, хватило бы согласия и половины климатологов, чтобы ограничить выбросы парниковых газов. Однако на деле почти единогласный консенсус экспертов сопровождается ростом его отрицания в неэкспертных сообществах. Это говорит об одном: по некоторым причинам то, что артикулируется активистами антинаучных убеждений, – это именно то, что обычные люди больше всего хотят услышать. В данной части работы мы предлагаем посмотреть на климатический скептицизм как на закономерный результат культурного развития нетерпимости к незнанию и неопределенности в рамках неэкспертной рациональности.

Упрощение проблемы незнания и неопределенности в климатической системе опасно тем, что излишняя самоуверенность становится источником ошибок и заблуждений. В конце концов именно излишняя самоуверенность в незначительности вреда, наносимого человеком планете, и стала причиной современных климатических проблем. Учитывая растущее количество публикаций по этой теме, можно сделать вывод, что это хорошо известно философам науки и самим ученым. Однако в повседневной жизни мы избегаем неопределенности, мы привыкли говорить о «точных науках», и именно точность, однозначность и непримиримость к неопределенности традиционно делают их образцом познания. Отношение к научному незнанию в рамках обыденной рациональности, предположительно, довольно просто: если нечто не определено или не до конца известно, то окончательные решения следует отложить до того момента, когда ученые устранят имеющиеся пробелы. Ограниченные знания вызывают апатию, когда от них не зависит многое, или глубокую тревогу, когда потребность общественности в ответах нарастает (например, знания о COVID-19 в период пандемии). Скорее всего, все известные философам изложения незнания в контексте науки (ученое незнание Н. Кузанского, агнойология Дж. Ферьера, наукоемкое незнание Дж. Раветца) вообще не характерны для обыденного мышления, в рамках которого незнание есть не более чем нехватка информации и то, что еще не открыто.

Что именно для сегодняшнего человека значит открыто «не знать» тот или иной факт? Отстаивая идеалы просвещения, Руссо не предполагал (и не мог предполагать), как быстро и как многократно преумножатся знания за эти немногие столетия. Его современники знали многое, если не все из того, что можно было знать. В 1839 г. в «Догматической части социальной философии» О. Конт высказывал уверенность, что продолжительность жизни поколения человека будто спроектирована с учетом того опыта, который он реально может накопить. Сегодня вряд ли кто-то согласится с этим утверждением, количество окружающей нас информации постоянно растет, и, несмотря на то что обработать всю ее в рамках одной человеческой жизни стало невозможно, незнание все еще остается социальной стигмой. Привычка притворяться знающим, вероятно, имеет эволюционное значение, и современное общество позиционирует знания как универсальные индикаторы социального успеха для любого из людей, а не только для небольшого числа мудрецов. Как отмечает Д. ДеНикола [37. Р. 9], указание на невежество другого стало проявлением превосходства, демонстрация знания в повседневной жизни вплелась в статусные отношения и выражения власти. Сложилось отчетливое представление о том, что знающий человек ничем не отличается от большинства, а человек, честно признающий пробелы в своих знаниях, – это невежда, подлежащий осуждению и насмешкам. Стигматизация незнания довольно опасна, поскольку подталкивает обывателя к тому, чтобы как можно быстрее, не разбираясь, выбрать точку зрения и отстаивать ее до конца (ведь чем больше мы боимся оказаться неправыми, тем сильнее мы склонны защищать то, что уже знаем [38], в частности относительно фактов о климате [39]).

Fear of not knowing (FONK), страх не знать то, что знают окружающие, – это психологический эффект, спровоцированный цифровой информационной культурой. Это совсем новое, малоизученное психологией состояние известно большинству из нас. Фобия демонстрации незнания проявляется повсюду: в боязни студентов попросить разъяснений у преподавателя, в неловкости пациента, не понимающего механизм работы назначенного препарата, в лукавстве кандидата о своих навыках во время собеседования при трудоустройстве. Совсем недавно (в масштабах человеческой истории) на месте FONK-эффекта была его полная противоположность: «синдром вечного студента» считался признаком инфантильности, формой прокрастинации [40. Р. 490] или сигналом о нарушениях способности обучаться [41. Р. 61]. Предполагалось, что знакомство с наукой является лишь частью жизни человека, этапом его взросления. В XXI в. обучение и получение информации стало фоновым процессом, а сегодня, возможно, и источником психологических расстройств.

Термин «FONK» происходит из национального исследования цифровых аддикций среди австралийской молодежи в 2017 г. [42], однако оставленные выше комментарии показывают, что это естественный и закономерный результат развития глобальной культуры в целом, который был не спровоцирован технологиями, а обнаружен благодаря им. Часть «игроков рынка информации» давно используют этот эффект в коммерческих интересах. «Вы что, правда не знаете, что?..» – это риторическая фигура, на которой построена индустрия лженауки и теорий заговора. То, почему эта фигура с такой легкостью влияет на эпистемические практики людей, вероятно, как раз связано со страхом осуждения за отсутствие мнения или обвинения в безразличии, в

незнании. В этих обстоятельствах незнание может стать настолько изнурительным, что люди перестают быть открытыми в своих знаниях, пытаются скрыть свое незнание, и чем больше мы боимся признаться в незнании, тем крепче мы привязаны к своим убеждениям, даже если они в корне ложные, что делает фобию незнания самовоспроизводящейся.

Еще в школе мы узнаем, что ученые следуют научному методу, чтобы получить «правильные ответы», и в борьбе с дениализмом мы укрепляем ошибочные стереотипы, рассуждая о примате науки перед прочими способами познания, о точности научного знания, строгости научных процедур и практически волшебной силе научного метода. Эти взгляды ошибочны, а тех, кто ждет от науки безупречной строгости точности, ожидает разочарование: незнания в науке, вероятно, намного больше, чем где-либо еще, если допустить, что ученое незнание может иметь качественные отличия. Критика романтической идеализации науки, доставшейся нам в наследство от первой половины двадцатого столетия, не нова и в целом широко известна [33. С. 79–80; 43; 44]. Однако это должно служить не целью, а началом рассуждения. В то время как удовлетворить потребность обывателя в точном, однозначном и понятном знании средствами науки невозможно, культура общества знания и, в частности, эффекты цифрового общества типа FONK твердят нам, что не знать тоже нельзя. Такое давление делает нас уязвимыми к «альтернативным фактам», которые становятся единственным способом «знать» хоть что-то. Все это говорит о том, что в условиях тотальной неопределенности в научной, социальной, политической, экономической и других сферах незнание послужило бы обществу гораздо больше, чем «академический блеф», разыгрываемый антинаучными движениями, и что культура, в которой нет места незнанию, обречена на вечную борьбу с «альтернативными фактами».

Заключение

Одна из главных особенностей антропоцена – это фундаментальный запрет на теории, предлагающие начать все «с чистого листа». Л.М. Вербургт по этому поводу отмечает, что проблема истории антропоцена – это наша попытка изучения прошлого, чтобы снова стать ориентированными на будущее [19. Р. 9]. Такие понятия, как агнотокен, приглашают нас взглянуть на прошлое, настоящее и будущее в новых терминах и тем самым пересобрать само понятие антропоцена. Материальных элементов, составляющих антропоцен, бесчисленное множество: паровые машины, ископаемые источники энергии, геологические теории, океаны, пестициды, цифровые технологии, городские инфраструктуры. Однако, как бы мы не смешивали эти элементы между собой, они останутся инертными без человеческой деятельности. В этом смысле все антропоценовые нарративы о температурах, способах производства, экологических ландшафтах – это нарративы о деятельности человека и о том, что мы знаем или не знаем о температурах, способах производства и экологических ландшафтах. Акцент на незнании создает новую точку зрения: агнотокен – это взгляд на историю Земли, в которой события антропоцена следуют из особенностей производства зон незнания, установления различных режимов незнания, специфических свойств скрытых структур познавательной культуры человека.

Список источников

1. *Latour B.* Facing Gaia: Eight lectures on the new climatic regime. Cambridge : Polity Press, 2017. 300 p.
2. *Latour B.* Anthropology at the time of the Anthropocene: a personal view of what is to be studied // The anthropology of sustainability: Beyond development and progress / eds. M. Brightman, J. Lewis. London : Palgrave Macmillan, Springer Nature, 2017. P. 35–49. doi: 10.1057/978-1-137-56636-2_2
3. *Galison P.* On the building, crashing, and thinking of technologies & selfhood: Peter Galison in conversation with Etienne Turpin // Art in the Anthropocene: Encounters among Aesthetics, Politics, Environments and Epistemologies. London : Open humanities press, 2015. P. 181–190.
4. *Fuller S.* Nietzschean meditations: Untimely thoughts at the dawn of the transhuman era. Basel : Schwabe Verlag, 2020. 218 p.
5. *Bonneuil C., Fressoz J.B.* The shock of the Anthropocene: The earth, history and us. London : Verso Books, 2016. 320 p.
6. *Galison P.* War against the Center // Grey Room. 2001. № 4. P. 7–33.
7. *Martins H.* The Technocene. London : Anthem Press, 2018. 224 p.
8. *López-Corona O., Magallanes-Guijón G.* It is not an Anthropocene; it is really the Technocene: names matter in decision making under planetary crisis // Frontiers in Ecology and Evolution. 2020. Vol. 8. Article 214. 5 p. doi: 10.3389/fevo.2020.00214
9. *Mann C.C.* 1493: Uncovering the new world Columbus created. New York : Vintage, 2011. 544 p.
10. *Eriksen T.H.* The loss of diversity in the Anthropocene biological and cultural dimensions // Frontiers in Political Science. 2021. Vol. 3. P. 743610. doi: 10.3389/fpos.2021.743610
11. *Wilson E.O.* Half-earth: our planet's fight for life. New York : WW Norton & Company, 2016. 256 p.
12. *Bishop K.W.* The Anthropocene and the Undead: Cultural Anxieties in the Contemporary Popular Imagination. Lanham : Rowman & Littlefield, 2022. 270 p.
13. *Chwalczyk F.* Around the anthropocene in eighty names—considering the urbanocene proposition // Sustainability. 2020. Vol. 12. № 11. Article 4458. 33 p. doi:10.3390/su12114458
14. *Palme M., Salvati A.* Introduction: Anthropocene or Urbanocene? // Urban Microclimate Modelling for Comfort and Energy Studies. Berlin : Springer Nature, 2021. P. 1–9.
15. *Stiegler B.* The neganthropocene. London : Open Humanities Press, 2018. 349 p.
16. *Haraway D.J.* Staying with the trouble: Making kin in the Chthulucene. Durham : Duke University Press, 2016. 304 p.
17. *Bould M.* The anthropocene unconscious: climate catastrophe culture. London : Verso Books, 2021. 176 p.
18. *Proctor R.N., Schiebinger L.* Agnotology: The Making and Unmaking of Ignorance. Palo Alto : Stanford. University Press, 2008. 312 p.
19. *Verburt L.M.* History, scientific ignorance, and the anthropocene // Journal for the History of Knowledge. 2021. Vol. 2, № 1. Article 12. 12 p. doi: 10.5334/jhk.46
20. *Van der Ploeg J.D.* Potatoes and knowledge // An anthropological critique of development: The growth of ignorance. London : Routledge, 1993. P. 209–240.
21. *Elliott K.C.* Selective Ignorance and Agricultural Research // Science, Technology, & Human Values. 2012. № 38(3). P. 328–350. doi:10.1177/0162243912442399
22. *Uekötter F.* Ignorance is strength // Managing the unknown: Essays on environmental ignorance. New York : Berghahn Books, 2014. P. 122–139.
23. *Uekötter F.* Die Chemie, der Humus und das Wissen der Bauern: Das frühe 20. Jahrhundert als Sattelzeit einer Umweltgeschichte der Landwirtschaft // Jahrbuch für Geschichte des ländlichen Raumes. 2006. Vol. 3. P. 102–128.
24. *Schorr D.B.* Forest law in Mandate Palestine: Colonial conservation in a unique context // Managing the Unknown: Essays on Environmental Ignorance. New York : Berghahn Books, 2014. P. 71–90.
25. *Scott D.* Geoengineering and environmental ethics // Nature Education Knowledge. 2012. Vol. 3, № 10. P. 10.
26. *Jamieson D.* Ethics and intentional climate change // Climatic change. 1996. Vol. 33, №. 3. P. 323–336.
27. *Clark B.* How to Argue about Solar Geoengineering // Journal of Applied Philosophy. 2023. Vol. 40, № 3. P. 505–520. doi: 10.1111/japp.12643

28. Rasmussen L. How the anthropocene changes religious ethics // *Journal of Religious Ethics*. 2023. Vol. 51, № 1. P. 171–185. doi: 10.1111/jore.12413
29. McDonald M. *Ecological Security*. Cambridge : Cambridge University Press, 2021. 200 p.
30. Jayaram D. A global south perspective on ‘ecological security’ // *New Perspectives*. 2023. Vol. 31, № 1. P. 31–38. doi: 10.1177/2336825X221143624
31. Romanello S.J. Natural vs. social scientists' perceptions of uncertainty in discussions of global climate change: A study using Sense-Making Methodology. Columbus : The Ohio State University, 2003. 216 p.
32. Beck M., Krueger T. The epistemic, ethical, and political dimensions of uncertainty in integrated assessment modeling // *Wiley Interdisciplinary Reviews: Climate Change*. 2016. Vol. 7, № 5. P. 627–645. doi: 10.1002/wcc.415
33. Буданов В.Г. «Концепции современного естествознания» и «Философия науки» – к взаимодействию учебных дисциплин // *Epistemology & Philosophy of Science*. 2007. Т. 12, № 2. С. 75–90.
34. Гельвеций. Сочинения : в 2 т. / сост., общ. ред., вступ. статья Х.Н. Момджяна. М. : Мысль, 1973. Т. 1. 647 с.
35. Oreskes N. Beyond the ivory tower: The scientific consensus on climate change // *Science*. 2004. Vol. 306, № 5702. P. 65–99. doi: 10.1126/science.1103618
36. Аронсон Д. Климатическая неопределенность и подсветка для темной экологии // *Логос : Филос.-лит. журнал*. 2019. Т. 29, № 5 (132). С. 87–102. doi: 10.22394/0869-5377-2019-5-87-100
37. DeNicola D.R. *Understanding Ignorance: The Surprising Impact of What We Don't Know*. Cambridge : The MIT Press, 2017. 264 p.
38. Peters U. What is the function of confirmation bias? // *Erkenntnis*. 2022. Vol. 87, № 3. P. 1351–1376.
39. Zhou Y., Shen L. Confirmation bias and the persistence of misinformation on climate change // *Communication Research*. 2022. Vol. 49, № 4. P. 500–523.
40. Smith D. The effects of student syndrome, stress, and slack on information systems development projects // *Issues in Informing Science and Information Technology*. 2010. Vol. 7. P. 484–494.
41. Sutcliffe J. *Adults with learning difficulties: education for choice & empowerment: a handbook of good practice*. New York : McGraw-Hill Education, 1990. 200 p.
42. Carson A., Muller D. *The future newsroom*. Melbourne : University of Melbourne, 2017. 56 p.
43. Жукова О.И., Жуков В.Д. Антиномичный характер науки в условиях современного социума // *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2014. Т. 1, № 3 (59). С. 203–205.
44. Юревич А.В., Цапенко И.П. Функциональный кризис науки // *Вопросы философии*. 1998. № 1. С. 17–29.

References

1. Latour, B. (2017a) *Facing Gaia: Eight lectures on the new climatic regime*. Cambridge: Polity Press.
2. Latour, B. (2017b) Anthropology at the time of the Anthropocene: a personal view of what is to be studied. In: Brightman, M. & Lewis, J. (eds) *The Anthropology of Sustainability: Beyond Development and Progress*. London: Palgrave Macmillan, Springer Nature. pp. 35–49. DOI: 10.1057/978-1-137-56636-2_2
3. Galison, P. (2015) On the building, crashing, and thinking of technologies & selfhood: Peter Galison in conversation with Etienne Turpin. In: Turpin, E. & Davis, H. (eds) *Art in the Anthropocene: Encounters among Aesthetics, Politics, Environments and Epistemologies*. London: Open Humanities Press. pp. 181–190.
4. Fuller, S. (2020) *Nietzschean meditations: Untimely thoughts at the dawn of the transhuman era*. Basel: Schwabe Verlag, 2020.
5. Bonneuil, C. & Fressoz, J.B. (2016) *The Shock of the Anthropocene: The Earth, History and Us*. London: Verso Books.
6. Galison, P. (2001) War Against the Center. *Grey Room*. 4. pp. 7–33.
7. Martins, H. (2018) *The Technocene*. London: Anthem Press.
8. López-Corona, O. & Magallanes-Guijón, G. (2020) It is not an Anthropocene; it is really the Technocene: names matter in decision making under planetary crisis. *Frontiers in Ecology and Evolution*. 8. Article 214. DOI: 10.3389/fevo.2020.00214

9. Mann, C.C. (2011) *1493: Uncovering the New World Columbus Created*. New York: Vintage.
10. Eriksen, T.H. (2021) The loss of diversity in the Anthropocene biological and cultural dimensions. *Frontiers in Political Science*. 3. pp. 743610. DOI: 10.3389/fpos.2021.743610
11. Wilson, E.O. (2016) *Half-earth: our planet's fight for life*. New York: WW Norton & Company.
12. Bishop, K.W. (2022) *The Anthropocene and the Undead: Cultural Anxieties in the Contemporary Popular Imagination*. Lanham: Rowman & Littlefield.
13. Chwałczyk, F. (2020) Around the anthropocene in eighty names—considering the urbanocene proposition. *Sustainability*. 12(11). Article 4458. DOI: 10.3390/su12114458
14. Palme, M. & Salvati, A. (2021) *Introduction: Anthropocene or Urbanocene? Urban Microclimate Modelling for Comfort and Energy Studies*. Berlin: Springer Nature.
15. Stiegler, B. (2018) *The Neganthropocene*. London: Open Humanities Press.
16. Haraway, D.J. (2016) *Staying with the trouble: Making kin in the Chthulucene*. Durham: Duke University Press.
17. Bould, M. (2021) *The Anthropocene Unconscious: Climate Catastrophe Culture*. London: Verso Books.
18. Proctor, R.N. & Schiebinger, L. (2008) *Agnotology: The Making and Unmaking of Ignorance*. Palo Alto: Stanford University Press.
19. Verbugt, L.M. (2021) History, scientific ignorance, and the Anthropocene. *Journal for the History of Knowledge*. 2(1). Article 12. DOI: 10.5334/jhk.46
20. Van der Ploeg, J.D. (1993) *Potatoes and knowledge. An anthropological critique of development: The growth of ignorance*. London: Routledge. pp. 209–240.
21. Elliott, K.C. (2012) Selective Ignorance and Agricultural Research. *Science, Technology, & Human Values*. 38(3). pp. 328–350. DOI: 10.1177/0162243912442399
22. Uekötter, F. (2014) *Ignorance is Strength. Managing the Unknown: Essays on Environmental Ignorance*. New York: Berghahn Books. pp. 122–139.
23. Uekötter, F. (2006) Die Chemie, der Humus und das Wissen der Bauern: Das frühe 20. Jahrhundert als Sattelzeit einer Umweltgeschichte der Landwirtschaft. *Jahrbuch für Geschichte des ländlichen Raumes*. 3. pp. 102–128.
24. Schorr, D.B. (2014) *Forest law in Mandate Palestine: Colonial conservation in a unique context. Managing the Unknown: Essays on Environmental Ignorance*. New York: Berghahn Books. pp. 71–90.
25. Scott, D. (2012) Geoengineering and environmental ethics. *Nature Education Knowledge*. 3(10). p. 10.
26. Jamieson, D. (1996) Ethics and intentional climate change. *Climatic Change*. 33(3). pp. 323–336.
27. Clark, B. (2023) How to Argue about Solar Geoengineering. *Journal of Applied Philosophy*. 40(3). pp. 505–520. DOI: 10.1111/japp.12643
28. Rasmussen, L. (2023) How the anthropocene changes religious ethics. *Journal of Religious Ethics*. 51(1). pp. 171–185. DOI: 10.1111/jore.12413
29. McDonald, M. (2021) *Ecological Security*. Cambridge: Cambridge University Press.
30. Jayaram, D. (2023) A global south perspective on ‘ecological security’. *New Perspectives*. 31(1). pp. 31–38. DOI: 10.1177/2336825X221143624
31. Romanello, S.J. (2003) *Natural vs. Social Scientists' Perceptions of Uncertainty in Discussions of Global Climate Change: A study Using Sense-Making Methodology*. Columbus: The Ohio State University.
32. Beck, M. & Krueger, T. (2016) The epistemic, ethical, and political dimensions of uncertainty in integrated assessment modeling. *Wiley Interdisciplinary Reviews: Climate Change*. 7(5). pp. 627–645. DOI: 10.1002/wcc.415
33. Budanov, V.G. (2007) “Kontseptsii sovremennogo estestvoznaniya” i “Filosofiya nauki” – k vzaimodeystviyu uchebnykh distsiplin [“Concepts of modern Natural science” and “Philosophy of Science” – to the interaction of academic disciplines]. *Epistemology & Philosophy of Science*. 12(2). pp. 75–90.
34. Helvétius. (1973) *Sochineniya* [Collected works]. Moscow: Mysl’.
35. Oreskes, N. (2004) Beyond the ivory tower: The scientific consensus on climate change. *Science*. 306(5702). pp. 65–99. DOI: 10.1126/science.1103618
36. Aronson, D. (2019) Klimaticheskaya neopredelennost' i podsvetka dlya temnoy ekologii [Climate uncertainty and illuminating dark ecology]. *Filosofsko-literaturnyy zhurnal “Logos.”* 29(5). pp. 87–102. DOI: 10.22394/0869-5377-2019-5-87-100

37. DeNicola, D.R. (2017) *Understanding Ignorance: The Surprising Impact of What We Don't Know*. Cambridge: The MIT Press.
38. Peters, U. (2022) What is the function of confirmation bias? *Erkenntnis*. 87(3). pp. 1351–1376.
39. Zhou, Y. & Shen, L. (2022) Confirmation bias and the persistence of misinformation on climate change. *Communication Research*. 49(4). pp. 500–523.
40. Smith, D. (2010) The effects of student syndrome, stress, and slack on information systems development projects. *Issues in Informing Science and Information Technology*. 7. pp. 484–494.
41. Sutcliffe, J. (1990) *Adults with learning difficulties: education for choice & empowerment: a handbook of good practice*. New York: McGraw-Hill Education.
42. Carson, A. & Muller, D. (2017) *The Future Newsroom*. Melbourne: University of Melbourne.
43. Zhukova, O.I. & Zhukov, V.D. (2014) Antinomicnyy kharakter nauki v usloviyakh sovremennogo sotsiuma [The antinomic nature of science in modern society]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Kemerovo State University*. 3(59). pp. 203–205.
44. Yurevich, A.V. & Tsapenko, I.P. (1998) Funktsional'nyy krizis nauki [The functional crisis of science]. *Voprosy filosofii*. 1. pp. 17–29.

Сведения об авторе:

Голубинская А.В. – кандидат философских наук, научный сотрудник лаборатории социальной антропологии, доцент кафедры социальной безопасности и гуманитарных технологий Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (Нижний Новгород, Россия). E-mail: golub@unn.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Golubinskaya A.V. – Cand. Sci. (Philosophy), researcher at the Laboratory of Social Anthropology; associate professor at the Department of Social Security and Humanitarian Technologies, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Nizhny Novgorod, Russian Federation). E-mail: golub@unn.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 29.08.2023;
одобрена после рецензирования 23.01.2024; принята к публикации 04.03.2024
The article was submitted 29.08.2023;
approved after reviewing 23.01.2024; accepted for publication 04.03.2024

Научная статья

УДК 130.121

doi: 10.17223/1998863X/77/15

ВНЕВРЕМЕННОСТЬ СУБЪЕКТА

Елена Владимировна Косилова

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия,
implicatio@yandex.ru*

Аннотация. Рассматривается свойство субъекта выходить из времени. Субъект выходит в трансцендентное квазипространство. План имманенции (во временном смысле слова) не допускает понимания, не допускает настоящего мышления. Мы полагаем свое мышление среди вневременных сущностей: ценностей, оценок, целей, проектов, истин. Проект мысли может разворачиваться во времени, но может и выходить ко всеобщим положениям. Таким образом, субъект двойственен.

Ключевые слова: вневременность, квазипространство, трансценденция, понимание

Для цитирования: Косилова Е.В. Вневременность субъекта // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2024. № 77. С. 177–192. doi: 10.17223/1998863X/77/15

Original article

ATEMPORALITY OF THE SUBJECT

Elena V. Kosilova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, implicatio@yandex.ru

Abstract. The article deals with the problem of time and the property of the subject to leave time. In temporal existence, the subject moves together with surrounding things in the same stream of time. However, within itself the subject emerges into a transcendental quasi-space. He builds it himself in his mental world. The layer of immanence (in the temporal sense of the word) does not allow for understanding, does not allow for real thinking. A conversation in terms of immanence can only develop according to the “stimulus-response” type, without a plan and without addressing one’s own idea of truth, since truth requires timelessness. The concept of “objectification” introduced by Whorf, as well as the ideas of the temporal horizon of Bergson and Husserl are considered. The second part of the article examines the timelessness of meaning. Meaning “lives” in the timeless space of meanings. The normativity of logic also has a timeless character. Even when we listen to music, we step out of time and constitute its pattern, the logic of its unfolding. The subject of music is the coagulation of time into intelligible structures. Reflection is considered as belonging to the timeless layer of consciousness. We place our thinking among timeless entities: values, assessments, goals, projects, truths. A project of thought can unfold in time, this is an intuitive type of thinking, but it can also reach universal positions. Thus the subject is dual. It belongs to two ontological regions: temporal and atemporal. The last paragraph of the article briefly discusses Losev’s theory “On the Method of Infinitesimals in Logic”, which states that the subject perceives the world through derivatives in the sense of mathematical analysis, and then performs integration in order to thus obtain an atemporal concept of a thing. In conclusion, I state that the mechanism for escaping time is still unclear, but the exit itself has been given to us. The subject’s relationship to transcendence is the subject’s exit from time. There would be no concept of time if there were no communion with the eternal.

Keywords: atemporality, quasi-space, transcendence, understanding

For citation: Kosilova, E.V. (2024) Atemporality of the subject. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 77. pp. 177–192. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/77/15

Субъект в борьбе против времени

Ход времени и субъект

Мы погружены в ход времени и ничего не можем с этим сделать. Время течет неумолимо. Во времени все изменяется, хотя что первично – время или изменение, – можно обсуждать. Видимо, если нет изменений, то говорить о времени бессмысленно, оно – мера движения, а изменение и движение – одно и то же. У Платона мир идей был не столько нематериальным, сколько именно неподвижным. В пещере же тени все время шевелились, тем привлекая внимание узников. Смотреть на неподвижное надо еще уметь. Даже если привлечь данные из психофизиологии зрения, известно, что неподвижные изображения на сетчатке глаза исчезают. То же и с мыслями, мы легко думаем о чем-то изменяющемся, нам трудно думать о том, что всегда одно и то же. Мы погружены в стихию времени и телом, и мыслями. Более того, в стихии времени тело и мысли не очень различаются, недаром современная эпистемология настаивает на сиюминутности, событийности познания и одновременно с этим на энативизме [1] – учении о том, что познание осуществляется телом не в меньшей степени, чем сознанием. Однако неподвижное существует, и мы его иногда познаем. Данная статья посвящена некоторым проблемам взаимоотношения субъекта и времени в том, что касается познания.

Проблема познания временных объектов состоит в том, что они движутся в потоке времени вместе с нами. Если бы время шло только в нашем разуме, а объект был бы неподвижен, мы легко засекли бы изменения (как если бы мы были в поезде, который едет мимо неподвижной платформы). Или если бы объект двигался, а мы стояли (как поезд идет мимо платформы, а мы на платформе), мы бы тоже легко видели изменения. Но в нашем случае и поезд, и платформа движутся в одном направлении. И познаваемое, и познающее находятся в одном потоке. В некотором смысле они друг для друга стоят (как будто два поезда едут вместе в одном направлении с одной скоростью). Поэтому темпоральные изменения для нас в основном переводятся в пространственные. Мы вряд ли можем засечь «чисто темпоральное» изменение, если оно никак не выражается в пространственном. К тому же то, что не выражается в пространстве, мы и не назовем изменением. Пространство выражает время.

С этим чувством всесильного потока связана глубокая потребность субъекта отрицать время, отменить его. Мы стремимся встать над временем. Нам надо видеть мир, как он есть, в том числе его изменения, а для восприятия изменений надо одновременно учитывать время и в то же время как бы отмыслить его, разместить объект в квазипространственном измерении, как в четырехмерном пространстве теории относительности (пространстве Минковского). Так рассуждал Мактаггарт, когда вводил понятие двух темпоральных серий: А-серии с наблюдателем и В-серии без наблюдателя [2]. В А-серии время движется, а в В-серии оно «уже состоялось». А-серия приоритетна, поскольку наблюдатель есть. Но мы, тем не менее, постоянно во-

прошаем о возможности В-серии. Нам надо иметь как бы взгляд Бога, взгляд на движущееся с точки зрения неподвижного.

Экзистенциально говоря, мы боимся времени. Оно слишком неумолимо и иррационально. Оно все поглощает и тут же выдает что-то неожиданное. Мы содрогаясь в этом потоке. Мы хотим сказать времени «нет», по крайней мере, на какой-то срок. Свое личное время мы, конечно, не хотим остановить, а вот время мира – хотим. И у нас наработались определенные приемы выхода из времени мира. Мы умеем конституировать. Конституируя объекты, мы можем создать их для себя как бы неподвижными. Фактически мы называем пониманием конституирование чего-то, зафиксированного во времени. Понимание расположено не во времени, а в нашем внутреннем квазипространстве, нашем аналоге четырехмерного пространства Минковского. Именно это наше квазипространство меня интересует сейчас.

Имманенция и трансценденция

Эти два понятия я буду использовать только как относящиеся ко времени. План имманенции – это временной поток, в который мы погружены. В нем протекают все наши жизненные процессы, от физиологических до мыслительных. Есть точка t_0 , это миг настоящего. Ее обнимает временной горизонт, как назвал это Э. Гуссерль [3]. Помимо Гуссерля, об этом писали А. Бергсон [4] и У. Джеймс [5]. «Есть только миг между прошлым и будущим, именно он называется жизнь» – ошибочное утверждение, между прошлым и будущим лежит *отрезок* горизонта, состоящий из ретенции и протенции. В современной когнитивной науке этот отрезок даже пытаются замерить по часам (несколько секунд [5]). Этот временной горизонт лежит в самом основании нашего переживания времени и вообще любого нашего переживания, в том числе любой мысли. В чисто имманентном времени мы бы ничего не смогли подумать.

Однако вообразим себе чистый план имманенции. Это состояние фактически без сознания, без понимания, без проектов, без соотнесения происходящего с произошедшим и будущим, это существование на рефлексх нервной системы, в нем нет возможности самоотношения и самопонимания. Из плана имманенции нельзя выйти. Что-то спонтанно приходит в голову, спонтанность воображения допускал и Кант. Далее оно может тормозиться, если так сложились предыдущие рефлексы, или может выйти в план поведения и действий (включая мыслительные действия). Такая спонтанность имела бы большую долю хаоса. Управлять ею было бы некому.

Фактически «кто» – это сам субъект, который стоит от самого себя в некотором отдалении. Только так он может управлять машиной собственной психики. Он строит проекты будущих мыслей, он ставит себе цели. Прежде чем написать данную статью, я разработала замысел, потом разложила его на длинный подробный план. Замыслы и планы тоже трудно поместить в план имманенции времени. Писать из плана имманенции – значит писать подряд все то, что приходит в голову. Но по большей части мы так не пишем. Мы, замышляющие, плывем в реке времени, но высунув голову для обзора и с некими подобиями руля.

План имманенции не допускает самоотношения, поскольку для отношения к самому себе надо отстраниться и от себя, и от того, что происходит.

Можно взять для примера управление поведением, например, ориентацию на то, чтобы выглядеть достойно и красиво. Уже это требует соотнесения себя с некими ценностями, которые полностью никогда не бывают погружены в план имманенции. Взгляд на себя – всегда взгляд хотя бы отчасти из точки трансценденции. Хайдеггер говорил о трансценденции как о «выдвинутости в Ничто» [6. С. 22]. Религия говорит о священном как о трансценденции. И даже попросту говоря, трансцендентную точку формирует интериоризованный взгляд Других, взгляд референтной группы, Супер-Эго и т.д. Все это не требует никаких усилий специального конституирования, такие взгляды почти всегда сами собой сопровождают нас. Поэтому план имманенции никогда нас полностью и не захватывает.

Х. Плеснер ввел понятие «эксцентрическая позиция» субъекта [7. С. 122]. Это значит, что субъект сам находится не в центре самого себя. Центр переработки информации и даже управления поведением – это одно, а центр самоотношения субъекта – это другое. Причем второй центр может управлять первым. Ж. Пиаже писал, что маленький ребенок находится в состоянии эгоцентризма, он воспринимает весь мир как находящийся вокруг него, не смотрит на себя со стороны [8. С. 132]. Но взрослый уже не эгоцентричен, он может встать на точку зрения другого. Такого рода конструкции как раз и иллюстрируют антиимманентистскую позицию субъекта. В постмодерне, правда, пафос имманентизма возрождается. «Я хочет быть артикулированным в дискурсе», – пишут Дж. Поттер и М. Уэзерел [9]. Конечно, такое тоже есть. Но зрелый субъект все-таки стремится к некоторой непрерывности себя, к постоянству. А это уже не происходит само собой, тут нужны конституирующие усилия. И многие из нас их прикладывают.

Б. Уорф и А. Бергсон

Б. Уорф в статье «Отношение норм поведения и мышления к языку» [10] вводит ценное понятие «объективация», одно из значений которого – метафорическое пространственное представление вещей, которые онтологически пространственными не являются. Например, мы говорим: «эти два мнения *близки*» или, наоборот, «мы сильно *разошлись* во мнениях», «эта тема от меня *далека*», «все это – *куча чепухи*». А когда появился интернет (в компьютерах имеют место только байты), мы стали говорить: «*сайт*» (по-английски site – это участок), «*перейти* с сайта на сайт», «*серфинг*» и т.д. Мы очень часто раскладываем в уме пространственные представления. Уорф считал, что это западный тип мышления. Объективация по Уорфу – это выход из непрерывного потока времени и создание в нашем личном умственном квазипространстве как бы схемы объекта, его образа. Мы всегда стремимся все сосчитать, а для этого делим все на «штуки». Уорф сравнивает наше восприятие времени с восприятием людей индейского племени хопи. Для них время – чистый поток, никак не делящийся на штуки, в то время как мы его легко делим. Уорф уверяет, что у них нет фразы «десять дней», а есть только «на одиннадцатый день» (правда, Уорфа критиковали за недостаточную внимательность [11. С. 49, 53]). Как бы то ни было, наше время легко делится. Достаточно сказать о графиках физических процессов, где время откладывается по оси абсцисс. Именно о таких точках на линии говорит и Уорф, описывая нашу объективацию. Время – внутреннее чувство, это сказал еще Кант, и при этом объекти-

вая выводит его к пространственному представлению, переводит внешнее во внутреннее.

Объективация времени, объективация предметов, которые непрерывны, но которые нам всегда надо подсчитать, – корень западного мышления. Мы разрываем непрерывное время, чтобы создать из него последовательность искусственных отрезков. Уорф считает, что это лишает нас богатства, которое доступно в других культурах и которое состоит в интуитивном понимании времени как непрерывного и постоянного. За счет того что мы переводим нечто сугубо внутреннее (чувство времени) в нечто внешнее (последовательность пространственных отрезков), мы как бы даже теряем часть себя, отчуждаемся от себя, от своей интуиции.

Столь же выразительно писал об этом А. Бергсон. Бергсон предвосхитил идею Гуссерля о темпоральном горизонте. Гуссерль разворачивает ее на примере мелодии, Бергсон – на примере маятника:

«Когда я слежу глазами за движениями стрелки на циферблате часов, соответствующими колебаниям маятника, я отнюдь не измеряю длительность, как это, по-видимому, полагают: я только считаю одновременности, а это уже нечто совсем иное. Вне меня, в пространстве, есть лишь единственное положение стрелки маятника, ибо от прошлых положений ничего не остается. Внутри же меня продолжается процесс организации или взаимопроникновения фактов сознания, составляющих истинную длительность. Только благодаря этой длительности я представляю себе то, что я называю прошлыми колебаниями маятника, в тот же момент, когда воспринимаю данное колебание» [4. С. 96].

Согласно Бергсону, в сознании есть и пространственный аспект, но гораздо более основополагающим аспектом является длительность. Пространственные (вернее, квазипространственные) распределения звуков связаны с нашей склонностью все считать. Пространство Бергсон увязывает с количеством, длительность – с чистым качеством.

Итак, будем различать две формы множественности, два совершенно различных определения длительности, две стороны жизни сознания. Под однородной длительностью, этим экстенсивным символом истинной длительности, внимательный психологический анализ обнаруживает длительность, разнородные элементы которой взаимопроникают; под числовой множественностью состояний сознания – качественную множественность; под «я» с резко очерченными состояниями – «я», в котором последовательность предполагает слияние и организацию. Но мы по большей части довольствуемся первым «я», т.е. тенью «я», отброшенной в пространство. Сознание, одержимое ненасытным желанием различать, заменяет реальность символом и видит ее лишь сквозь призму символов. Поскольку преломленное таким образом и разделенное на части «я» гораздо лучше удовлетворяет требованиям социальной жизни в целом и языка, в частности, сознание его предпочитает, постепенно теряя из виду наше основное «я» [4. С. 105].

Относительно символической природы сознания должно быть отдельное исследование, мне же здесь важен пространственный аспект сознания: сознание его само создает. Внутри себя оно длится, но оно хочет различать, например, удары часов – и как бы выпадает в пространственное мышление, располагает эти удары во внутреннем пространстве, только тогда оно может их пересчи-

тать. Причем Бергсон ясно пишет, что наше основное «я» интуитивно, качественно, непрерывно, оно погружено не в пространство, а в длительность (*durée*). Мы же выходим к «тени „я“, отброшенной в пространство», к некоему ложному Я, с которым, однако, легче жить социально. Весьма вероятно, что Бергсон был прав, однако я считаю, что тут дело в не социальности. С пространственным Я легче жить и самому субъекту. Он прибегает к объективации, чтобы приручить мир, разметить его, сделать рациональным. Внутренний поток слишком иррационален. Его трудно даже удержать в памяти. С нашим истинным Я нам трудно. Потребность убежать от себя лежит глубоко в природе человека (думаю, Плеснер тоже это имел в виду).

Процессы и их времена

Когда мы наблюдаем ход какого-то процесса – а все вообще есть в некотором смысле какой-то процесс, – то мы пытаемся вычленить единичный процесс, найти в нем некие константы, нарисовать его график, изучать его связи с другими соседними процессами. Так, в пример процесса можно привести слушание песни. Это единичный цельный процесс, замкнутый на себе, хотя открытый наблюдателю – слушателю. У него есть ярко выраженное собственное время. Он имеет начало, развитие, завершение. И любой процесс имеет собственное время. Их времена могут не иметь друг к другу никакого отношения, даже если процессы пересекаются. Они могут пересекаться, если выход одного процесса является входом для другого. Или они могут задействовать каждый внутри одну и ту же сущность. Таковы, например, биохимические процессы в клетках. Каждый процесс можно вычленить и рассматривать как отдельный, хотя они и пересекаются.

Процесс есть некая отдельность, некая целостность. Конечно, он завязан на отдельность своего субстрата, но не обязательно один субстрат соответствует одному процессу. Например, жизнь одного человека – это сразу множество процессов. Процесс писания статьи – это не тот же процесс, что слушание музыки, хотя они происходят на субстрате одного и того же человека.

Объемлющее время для двух процессов может отсутствовать, тогда они просто непереводимы друг в друга, несоотносимы. Однако если имеется наблюдатель, то объемлющее время – это время наблюдателя. Собственно, именно время наблюдателя нам прежде всего и хочется назвать настоящим временем. Если процессы идут без наблюдателя, то есть ли в них время? Теоретически есть, но это время, говоря по-мактаггартовски, В-серии. А мы хотим всегда иметь А-серию, раскрытую наблюдателю, с выделенной точкой «сейчас». У процесса самого по себе, в его времени, никакой выделенной точки «сейчас» нет. На четырехмерной координатной плоскости он имеет вид тоже четырехмерного «червя». Так это выглядит с позиции, в которой время уже не идет, оно состоялось. А наблюдатель привносит движение.

Однако тот же наблюдатель, вычлениая процессы, всегда начинает их делить, подсчитывать, привносить собственную объективацию. Наблюдатель сворачивает процессы в схемы. Пример – изучение работы сердца. Врач снимает кардиограмму, на ней видно несколько тактов сердца, но врач осуществляет «свертку» в один такт. Изучая процессы, мы стремимся лишить их времени, зафиксировать некую схему, паттерн, шаблон. Н. Решер даже писал, что то, что не имеет паттерна, процессом вообще не является

[12. Р. 76] (но я с этим не согласна). Изучаем мы остановленные процессы, мы изучаем схемы.

Вневременность смысла

Темпоральность и смысл

Мы всегда как-то понимаем, что происходит. Понимание – это конституирование смысла, это соотнесение нового с уже известным, некое обживание этого нового, построение внутри нас его образа, представления о нем. Течение времени не прекращается, но смысл конституируется во вневременном «пространстве» («пространстве смыслов»). После того как он появился, он будет с нами и дальше, вступая во все новые конституирования, привнося прошлый опыт. Чтобы создать смысл, мы должны некоторым образом выйти из иррационального потока новизны.

Например, рассмотрим беседу. Если бы она целиком протекала во вневременном измерении и больше нигде, она состояла бы из шагов типа «стимул–реакция». Иногда такое и бывает, например, когда участники только здороваются. Тогда фраза «Привет, как дела?» вызывает в ответ «Привет, нормально, а у тебя?». Это обмен репликами без смысла именно по принципу «стимул–реакция». Однако если беседа идет дольше и касается серьезных вещей, участники помнят, что было сказано, возможно, полчаса назад. Это апеллирует, конечно, к гуссерлевскому темпоральному горизонту, к удерживанию прошлого в настоящем, т.е. ретенции. Но не только. Сказанное требует обдумывания. Мы слышим собеседника и принимаем сказанное им всерьез, для чего ищем в своем мысленном мире возможности связать это сказанное с тем, что у нас уже было, что мы уже знаем. В этот момент мы выходим из потока времени. Наш мысленный мир не течет со временем, он во многом неподвижен и постоянен. Нам надо расположить новую информацию, найти свою собственную релевантную информацию, обработать поступившие данные синтаксически и семантически. Все это происходит и во времени, и вне времени. Время всегда течет, но построение смысла может не зависеть от этого потока. Ну, хотя бы в том, что вчера и сегодня я понимаю одно и то же одинаково. Этого может и не быть, но может и быть. Мой мысленный мир имеет явные признаки статичности. Если бы он все время менялся, вряд ли понимание было бы возможно.

Смысл выводит нас к некоторой трансценденции. Есть мир смыслов, причем его сущностной характеристикой является то, что он принадлежит не только мне как субъекту, но и другим субъектам, он интерсубъективен. Кроме того, есть идеальные смыслы – например, в мышлении математиков (да и любом другом научном мышлении, в том числе и у философов). Они вообще не зависят от времени, они остаются постоянными всегда. Выходя к этим смыслам, мы выходим из имманентного потока времени и приобщаемся к вневременности. Если беседа двух мыслящих субъектов протекает продуктивно, они оба находятся в трансцендентном мысленном мире. Мы в нем движемся, но сам он неподвижен.

Понятно, что такая беседа разворачивается совсем не по законам ассоциаций. Юм мог говорить, что мысли группируются ассоциативно, но ассоциации не дают настоящего понимания. Ассоциации – это вариант разворачи-

ния мысли по закону «стимул–реакция», ассоциация – это реакция. Но, скажем, логика требует совсем других законов. По законам ассоциаций будут постоянно возникать логические ошибки («Если А, то Б. Не-А. Следовательно, не-Б»). В логичном, ответственном мышлении всегда присутствует нормативность. Логика нормативна, законы продуктивной беседы нормативны. В имманентном потоке нет возможности обратиться к этой нормативности, она находится «над» имманентностью. В то же время она работает над производством смыслов, очищая от некорректных умозаключений, предоставляя возможность выходить к идеальным схемам. Идеальные схемы беседы всегда существуют наряду с тем, что говорится в потоке, даже в самых простых беседах. Хотя, конечно, чем проще тема, тем больше в беседе темпоральности, тем ближе она к закону стимулов и реакций. И все же, когда человек искренен в беседе, он реагирует не только на сказанное, он как бы обращается к самому себе, чтобы понять, что он сейчас по-настоящему хочет сказать. Искренность также выводит из темпоральности. Мы обращаемся к себе как к чему-то постоянному. Очень многие говорят, что Я непостоянно, что оно представляет себя в каждом случае по-разному, но это занижение планки. Мы можем быть и цельными, постоянными людьми. И тогда Я выходит к Ты из этой своей цельности. Это нечастый опыт, но он возможен.

Темпоральность музыки и ее рисунок

Люди любят слушать музыку. Многие (в том числе я) нередко переслушивают любимые произведения, хотя, казалось бы, зачем? Ведь новой информации у них не появляется. Тем не менее, действует эстетическое переживание. Мы хотим вновь и вновь слушать полюбившуюся мелодию. Что происходит в это время? Я полагаю, наступает особое состояние наполнения времени чем-то осмысленным, чем-то, что имеет начало и конец, что развивается, что имеет свои внутренние законы.

Для простоты можно взять песню или любую популярную классическую мелодию. Музыка всегда звучит во времени, это однозначно, и в то же время мы прослеживаем логику мелодии, ее схему, мы схватываем *рисунок* мелодии. Об этом пишут многие философы музыки, например Р. Скрутон [13] и Х. Эгтебрехт [14]. Если речь о песне, то у нее структура, состоящая из четверок, иногда такую структуру в музыковедении называют квадратной. В такте размер 4/4, в строке 4 такта, в строфе 4 строки, в самой песне может быть 4 куплета. Мы схватываем эту квадратность и каждый раз ждем завершения. Может показаться, что мы ждем завершения во времени, и это тоже, конечно, так, но сама структура времени не имеет, структура всегда неподвижна.

Вот что пишет Р. Скрутон:

«Музыкальное понимание в каждом случае является вопросом понимания того, каким образом одно музыкальное событие вызывает следующее. А удовлетворение приходит от *восприятия порядка и дисциплины* в том, что с акустической точки зрения является не более чем последовательностью звуков» (курсив мой. – Е.К.) [13. С. 36].

«Поскольку звуки – это чистые события, мы можем отделить их в мыслях и опыте от их причин и наложить на них порядок, совершенно независимый от любого физического порядка в мире. Я предполагаю, что это происходит при „акусматическом“ восприятии звука, когда люди сосредото-

чиваются на самих звуках и на том, что в них можно услышать. То, что они тогда слышат, – это не последовательность звуков, а движение между тонами, управляемое *виртуальной причинностью, присущей музыкальной линии*. Только разумное существо, обладающее самосознанием, намерением и способностью представлять мир, может воспринимать звуки таким образом» (курсив мой. – Е.К.) [13. Р. 5].

Здесь Скрутон имеет в виду, что музыкальное понимание – это, как любое понимание, конституирование смысла. Виртуальная причинность в развертывании мелодии – это та же логика мелодии. В ней есть зачин и разрешение, есть напряжение, тяготение и разрешение. Все это звучит, но при этом мы схватываем логику этого звучащего потока и выходим из потока. Мы можем предугадать, как будет заканчиваться мелодия, потому что это тоже логика. Мы любим мелодию, и это наше восхищение сродни восхищению орнаментом, архитектурой, математикой.

О постоянстве конституируемого объекта пишет и Гуссерль:

«...здесь имеет место непрерывность схватываний, над которой господствует *тождество смысла* и которая находится в непрерывном совпадении [с ним]. Это совпадение относится к вне-темпоральной материи, которая именно в потоке сохраняет для себя тождественность предметного смысла. Это имеет силу для каждой Теперь-фазы» [3. С. 68] (курсив мой. – Е.К.).

Как же теперь, вопреки феномену постоянного изменения сознания-времени, осуществляется сознание объективного времени и, прежде всего, тождественных временных позиций и временного протяжения? Ответ таков: вследствие того, что вопреки потоку темпорального отодвигания, потоку модификаций сознания, объект, который являет себя как отодвинутый, апперцептивно сохраняется как раз в абсолютной тождественности, и притом объект вместе с полаганием в Теперь-точке опыта как «это». Постоянная модификация схватывания в постоянном потоке не затрагивает «чтойности» («als was») схватывания, т.е. смысла, «она не полагает никакого нового объекта и никакой новой фазы объекта, она не выявляет никакой новой временной точки, но постоянно [полагает] тот же самый объект с теми же самыми его временными точками» [3. С. 69].

Тождество смысла, говорит Гуссерль, сохраняется при «движущемся» характере объекта.

Может быть, мы поэтому и любим слушать музыку, что она на некоторое время заменяет нам иррациональный хаос текущего времени на размеченное, упорядоченное, прирученное время? Вот как эту идею высказал композитор Б. Филиновский: «Лично для меня предмет музыки – свертываемость времени в уопостигаемые структуры» [15. С. 21]. Музыка несет в себе уопостигаемую структуру, и пока она звучит, наш ум ее воспринимает как что-то правильное, что-то, имеющее смысл. И выход из стихийного потока времени. Происходящее становится *понятным*, а не только лишь предвидимым, как было бы, если бы существовал только темпоральный горизонт с ретенцией и протенцией. Помимо горизонта осуществляется выход к вневременности. Вневременное как бы «всегда понятно», понятно само по себе.

Но, конечно, вневременной аспект музыки очень тесно спаян с временным. Мы иногда как бы носим в себе любимую музыку, и она звучит у нас внутри. Тогда упорядочение времени происходит даже без обращения к

внешним звукам. У нас внутри звучат любимые отрывки из мелодий. И это тоже упорядочение времени.

Квазипространственность рефлексии

Куда мы попадаем, выходя из потока времени? Это некий неподвижный идеальный мир смыслов, что-то, напоминающее выход из пещеры Платона. Смыслы идеальны, конечно, не в том смысле, что божественны, нет, мы их сами конституируем, в опоре на интерсубъективность (впрочем, возможны, я полагаю, и чисто личные смыслы). Этот мир не пространственный, он квазипространственный. В нем разворачивается наше понимающее бытие. Понимать – это всегда протягивать связь от настоящего к прошлому и наоборот. Отчасти мы можем и предвидеть будущее.

В этом же квазипространстве разворачивается и жизнь рефлексии. Конечно, рефлексия происходит над событиями, которые случаются во времени. Сама рефлексия, как и абсолютно все в нас, тоже происходит во времени. Но смысл рефлексии вневременной. Она берет за основу произошедшее событие и строит отношение к нему, как бы связанное с некоей трансцендентной точкой. Она вырывает нас из самих себя. Исток рефлексии может быть в интериоризованном взгляде Других на нас. Мы могли приобрести его в детстве, когда родители на нас смотрели и учили жить. С тех пор в нас создан второй полюс управления, о котором писал Плеснер. Наша субъектность имеет как бы форму эллипса, с двумя фокусами – полюс непосредственных впечатлений и рефлексивный полюс. И тот и другой могут принимать участие в принятии решений, но непосредственный принимает их по присущей ему схеме «стимул–реакция», в то время как рефлексивный действует обдуманно. Рефлексивный полюс всегда выводит нас из времени, без этого рефлексия не смогла бы осуществляться, она была бы сиюминутной. Но о возможности обдумывать происходящее свидетельствует простой опыт жизни любого субъекта. Тогда мы смотрим на него как бы из трансцендентной точки. Мы располагаем его в квазипространственном мире мысли.

И благодаря этой трансцендентной точке у нас появляется возможность выстраивать отношения с собой, с миром, с Другими и т.д. Хайдеггер писал о том, что субъект «выдвинут в Ничто». Конечно, опыт Ничто и ужаса – не частый опыт, субъект может быть «выдвинут» в трансцендентную точку и помимо Ничто. У нас просто есть такая возможность, она обеспечивается эксцентрической позицией по Плеснеру. Искаженность субъекта может быть достаточно мучительна, мы далеко не всегда стремимся к рефлексии и самоотношению. М. Аркадьев пишет в этой связи о «фундаментальном бессознательном» и «фундаментальном сознании» [16. С. 52]. Мы можем стремиться раствориться в бессознательном, и тогда мы впадаем в план имманенции. Но на сознание мы обречены, и тем самым обречены выходить из имманентного в трансцендентное. Мы выстраиваем себя через отстранение от самих себя. Способность отстранения совпадает со способностью отвлечься от хода времени. Скорее всего, отстранение первично и изначально происходит просто на основе способности к речи, как это предполагает Аркадьев. Тогда оно еще не является рефлексией, это только первые попытки. В дальнейшем оно совершается в мыслительном квазипространстве, которое мы выстраиваем для себя.

Вневременные сущности

Ценности, оценки, цели, проекты, истины – все это существует у нас в сознании (или в подсознании) атемпоральным образом. Здесь я не хочу сказать, что ценности, цели и так далее не меняются в течение жизни – конечно, меняются. Но в каждый момент, когда мы обращаемся к цели, мы считаем ее постоянной и не зависящей от времени.

Понятно, что обращение к ценности и к цели происходит в процессе деятельности. Мы всегда погружены в какую-то деятельность. Сейчас я печатаю статью, это обычная деятельность научного работника. И понятно, что я нахожу слова, находясь в потоке, но это слова для тех мыслей, которые были у меня давно и которые в моем мысленном мире расположены вневременным образом. Они расположены в квазипространстве ума. Когда мы пишем, мы приводим их в темпоральное бытие, но читатель прочитает и тоже расположит их вне времени. О мыслях нельзя говорить только в терминах темпоральности, обязательно надо полагать квазипространство.

Я назвала еще проекты. Казалось бы, проекты – вещь чисто временная. Кажется, именно так вводит это понятие Хайдеггер (В. Библихин переводит Entwurf как «набросок»): это наш выход из настоящего в будущее [17. С. 145]. То, что Хайдеггер толкует как будущее, я толкую как вневременное. Конечно, проекты относятся к будущему. Мы живем будущим, мы редко пребываем умом в чистом настоящем. Я думаю о том, что я пишу, в свете того, что я хочу написать позже (и в свете того, что уже написала, т.е. это типичный горизонт с ретенцией и протенцией). Мою работу можно трактовать как разворачивание замысла.

Проблема проекта в том, чего он хочет добиться, т.е. проблема в цели. Эта цель может быть сиюминутной (я хочу выпить чай и наливаю заварку). Но эта цель может и выходить из потока. Поэт хочет написать стихотворение. Женщина хочет родить ребенка. Политик хочет снизить уровень инфляции в стране. Среди этих проектов есть и приземленные, есть и возвышенные. Но такие проекты не вытекают из стихии деятельности, а подчиняют себе деятельность. Деятельность имманентна, она погружена в стихию времени. Имманентность здесь понимается как что-то имеющее цели в самом себе. Но частично проекты поднимаются над деятельностью, они выходят в царство целей и ценностей. У проектов сложная диалектичная связь с деятельностью, они и вытекают из нее, и управляют ею, и можно рассматривать проекты, которые нацелены именно на управление. И тогда они выходят из имманентности. Мы обнаруживаем себя, говоря словами Хайдеггера, выдвинутыми в трансценденцию.

Среди вневременных сущностей я назвала также истины. Здесь можно обратиться к любой науке, в особенности, конечно, к математике. Очевидно, что математические законы вечны. Этим я не хочу сказать, что математика не меняется. Хорошо известны аргументы от Шпенглера до Блуга, что математика может быть разной в разных культурах. Тем более это относится к другим наукам. Психиатрия, например, совершенно разная. Но в каждый момент в творчестве ученого совокупность истин его науки предстает ему как нечто вневременное. Это настолько очевидно, что хотелось бы скорее спросить себя, как в мышлении ученого реализуется не вечность, а временность. Как он ищет ответы на свои вопросы в мире идей? Мышление ученого – вопроша-

ние. Он задает вопросы, формулирует их, ищет уже известное, переводит его на нужный ему язык. Он строит проекты мысли.

Что такое проект мысли? Это не совсем ясно. Когда мы разрабатываем проекты деятельности, как правило, свою цель мы видим, мы о ней можем подумать, мы знаем, к чему стремимся (хотя бы на кратких отрезках времени). Если у меня проект выпить чай, то я хорошо понимаю, что надо сделать и как это будет. Но если у ученого проект написать статью, как он может о ней думать, когда ее еще нет? Мыслительные проекты реализуются в отсутствие материала. Мы думаем над загадкой, а что думать – не знаем и ищем наощупь какие-нибудь подходящие мысли.

По-видимому, такого рода мышление надо назвать интуицией. Это некое предчувствие мысли, смутное сознание «искать надо там». Собственно, именно об интуиции писал Бергсон, исследуя темпоральные аспекты нашего Я. Интуиция находится в области темпорального сознания, она не поднимается в точку трансценденции. Она – необходимый инструмент, чтобы работать во временном потоке. Но как устроена интуиция, которая поставляет нам проекты мыслей и догадок, – это загадка. Тут могут работать и законы ассоциаций, и какие-то структурные усмотрения, и способность воображения, о которой Кант написал «слепая способность души» [18. С. 85]. По-видимому, исследование интуиции на сегодняшний день лежит в области когнитивной психологии.

Выход из временности

Двойственность субъекта и понимание

Мы уже видим, что субъект принадлежит двум онтологическим регионам – темпоральному и атемпоральному. В религиозном аспекте рассмотрения это означает, что его тело погружено во временной поток, а душа может выходить из этого потока к трансценденции и подниматься над временем. На языке современной аналитической философии это можно выразить так: рассмотрение субъекта от третьего или от первого лица. Если от третьего лица, то мы видим его погруженным во временной поток. Он действует во времени, он подчиняется одним каузальным связям и сам инициирует другие. Каузальность от третьего лица тоже протекает во времени, причина предшествует следствию. Если смотреть извне, все подчинено времени, все движется, все меняется, все проходит.

Причастность субъекта вневременному региону открывается при взгляде «изнутри» субъекта, от первого лица. Тогда становится видно, что субъект предстоит трансценденции. Открывается квазипространство его внутреннего мира, в котором происходит конституирование смыслов, соотнесение с истинной и ценностями, полагание проектов. В своем мире мыслей субъект перебирает разные временные точки, которые являются как бы аттракторами его деятельности. Он скользит по воображаемому будущему. Он и погружен во время, и мысленно выходит из него.

Что же такое это квазипространство, этот вневременный внутренний мир? Очевидно, потенциально оно дано нам, но мы сами наполняем его актуальным содержанием. Мы всегда хотим что-то понять. Ученый может хотеть понять научную проблему, но и самый обычный человек хочет понять свою

жизнь. Понять, что происходит, что делают и думают другие люди, что ему предстоит в будущем. Понять – значит вывести из потока времени в некую вневременную плоскость, на которой начертаны причины и следствия. Эти причины и следствия действуют, конечно, во времени, но они постоянны в разных ситуациях, сами по себе они «всегда таковы». Мы хотим приобщиться к тому, что «всегда таково». Когда наше сознание что-то понимает, оно радуется, оно чувствует облегчение. Само по себе понимание жизни может быть и нерадостным, жизнь жестока. И все-таки понимать ее – наше стремление, в этом заключена подлинность отношения к жизни. Если некто выбирает пребывать в самозамкнутости и иллюзиях, тогда у него выход из времени может быть закрыт.

Таким образом, в квазипространстве внутреннего мысленного мира мы располагаем наше понимание жизни, или каких-то теоретических задач, или людей, или искусства, или любое понимание. Любое понимание претендует на общий, не-сиюминутный характер [19]. Нельзя понять только одну какую-то вещь или одно событие. Если понимание происходит, оно всегда задействует общие законы. Даже если мы, как В. Дильтей, противопоставляем понимание и объяснение [20. С. 15], все равно понимание не бывает единичным, оно соединяет что-то одно с чем-то другим. Оно всегда совершается «над» временным потоком.

А. Ф. Лосев: интегрирование

Когда мы движемся в потоке времени, мы замечаем изменения, а то, что не меняется, нам довольно трудно отрефлексировать. У А. Ф. Лосева в произведении «О методе бесконечно малых в логике» [21] есть интересная идея о том, что в движении мы имеем дело с производными в смысле математического анализа. Производная – это отношение приращения функции к приращению аргумента. Аргументом здесь является время. Функцией – бытие любой вещи, вернее, его отражение в сознании. И производная функции – это изменение в нашем восприятии. Мы прежде всего воспринимаем именно производные от «вещей», мы находимся в стихии становления.

Затем, пишет Лосев, наступает очередь интегрирования. Это некий особый процесс в нашем уме, который по производной восстанавливает саму функцию, ее первообразную или неопределенный интеграл. Интеграл нам не дан, мы сами его строим. Таким путем происходит возврат к неподвижным вещам, к вещам вне времени. По Лосеву, так образуются понятия о вещах в нашем уме:

«Понятие есть, таким образом, интеграл смысла, ибо оно возникает только после рефлексирования этого смысла вещи с точки зрения изменений самой вещи, т.е. только после перехода его в становление; обратное движение от этого становления смысла к его цельности и неделимости и есть интегрирование, а результат этого перехода от становления к устойчивой цельности, т.е. к ставшему, – это и есть интеграл» [21. С. 608].

Таким образом совершается выход из времени, из стихии становления. Наша способность интегрировать производные есть залог выхода к вневременности, выхода из мира производных. И дифференцирование, и интегрирование – это операции со временем, с бесконечно малым приращением вре-

мени, *dt*. Мы снабжены возможностью так оперировать с этим *dt*. Лосев не пишет, откуда у нас эта возможность. Это просто свойство нашего ума.

Таким образом, из всего сказанного следует, что время течет неумолимо, и мы, субъекты, погружены в этот поток. Мы сами движемся во времени и наблюдаем, как движется мир вокруг нас. Многие хотели бы хоть иногда замедлить или остановить время, сделать что-то вечным, постоянным. Время никогда не остановится, но у субъекта есть выход к вневременному миру.

Относительно механизма этого выхода можно размышлять, но сам выход нам дан. Мы понимаем определенные вещи, располагая наше понимание в квазипространстве мысленного мира. Мы созерцаем квазипространство. Законы науки, законы повседневной жизни, законы искусства – все это находится вне времени, но при этом нам отчасти доступно. У нас есть особое отношение – отношение к трансценденции. Субъект всегда находится в плане имманенции, но в то же время ему дан выход к некоей трансцендентной точке, к той точке, где все «само по себе таково». Так совершается любое понимание, любое конституирование смысла. Смысл по существу своему имеет вневременной характер. Мы подгоняем нечто единичное (оно же временное) к чему-то всеобщему, постоянному (оно же вневременное).

Без понятия о вечном не было бы и понятия о временном. И понятие о временном лежит в основе приобщения к вечному.

Список источников

1. Князева Е.Н. Рождение концепции энактивного и телесного познания // Энактивизм: новая форма конструктивизма в эпистемологии. М. ; СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2014.
2. Emery N., Markosian N., Sullivan M. McTaggart's Argument // Time. URL: <https://plato.stanford.edu/entries/time/#McTaArgu> (accessed: 12.12.2023).
3. Гуссерль Э. Феноменология внутреннего сознания времени. М. : Логос : Гнозис, 1994.
4. Бергсон А. Опыт о непосредственных данных сознания // Собр. соч. : в 4 т. М. : Моск. клуб, Т. 1. 1992.
5. Dainton B. William James // Temporal Consciousness. URL: <https://plato.stanford.edu/archives/spr2023/entries/consciousness-temporal/> (accessed: 12.12.2023).
6. Хайдеггер М. Что такое метафизика? // Время и бытие. М. : Республика, 1993.
7. Плеснер Х. Ступени органического и человек. Введение в философскую антропологию // Проблема человека в западной философии : сб. / ред. П.С. Гуревич. М. : Прогресс, 1988.
8. Пиаже Ж. Психология интеллекта. СПб. : Питер, 2004.
9. Поттер Дж., Уэзерел М. Дискурс и субъект. URL: http://psylib.org.ua/books/_pottu01.htm#1
10. Уорф Б. Отношение норм поведения и мышления к языку // Новое в лингвистике / ред. В.А. Звегинцев. М. : Изд-во иностр. лит., 1960. Вып. 1. С. 135–168.
11. Пинкер С. Язык как инстинкт. М. : Едиториал УРСС, 2004.
12. Rescher N. Process Metaphysics: An Introduction to Process Philosophy. New York : State University of New York Press, 1996.
13. Scruton R. Understanding Music. Philosophy and Interpretation. Continuum UK, London, 2009.
14. Eggebrecht H.H. Understanding Music. The Nature and Limits of Musical Cognition. Routledge, New York. 2016.
15. Филановский Б. Шмоцарт. СПб. : Jaromír Hladík press, 2020.
16. Аркадьев М. Лингвистическая катастрофа. СПб. : Изд-во Ивана Лимбиха, 2013.
17. Хайдеггер М. Бытие и время. М. : Ad Marginem, 1997.
18. Кант И. Критика чистого разума. М. : Мысль, 1994.
19. Grimm S. Understanding. URL: <https://plato.stanford.edu/archives/sum2021/entries/understanding/>

20. Дильтей В. Описательная психология. СПб. : Алетейя, Кренов, 1996.
21. Лосев А.Ф. О методе бесконечно малых в логике // Хаос и структура. М. : Мысль, 1997. С. 609–730.

References

1. Knyazeva, E.N. (2014) *Enaktivizm: novaya forma konstruktivizma v epistemologii* [Enactivism: A New Form of Constructivism in Epistemology]. Moscow, St. Petersburg: Center for Humanitarian Initiatives.
2. Emery, N., Markosian, N. & Sullivan, M. (n.d.) *McTaggart's Argument*. [Online] Available from: <https://plato.stanford.edu/entries/time/#McTaArgu> (Accessed: 12th December 2023).
3. Husserl, E. (1994) *Fenomenologiya vnutrennego soznaniya vremeni* [Phenomenology of Inner Time Consciousness]. Translated from German. Moscow: Logos; Gnozis.
4. Bergson, A. (1992) *Sobranie sochineniy: v 4 t.* [Selected Works in 4 vols]. Vol. 1. Moscow: Moskovskiy klub.
5. Dainton, B. (2023) *William James*. [Online] Available from: <https://plato.stanford.edu/archives/spr2023/entries/consciousness-temporal/> (Accessed: 12th December 2023).
6. Heidegger, M. (1993) *Vremya i bytie* [Time and Being]. Translated from German. Moscow: Respublika.
7. Plessner, H. (1988) Stupeni organicheskogo i chelovek. Vvedenie v filosofskuyu antropologiyu [Stages of the organic and man. Introduction to philosophical anthropology]. In: Gurevich, P.S. (ed.) *Problema cheloveka v zapadnoy filosofii* [The Problem of Man in Western Philosophy]. Moscow: Progress.
8. Piaget, J. (2004) *Psikhologiya intellekta* [The Psychology of Intelligence]. Translated from French. St. Petersburg: Piter.
9. Potter, J. & Wetherell, M. (n.d.) *Diskurs i sub"ekt* [Discourse and Subject]. [Online] Available from: http://psylib.org.ua/books/_pottu01.htm#1 (Accessed: 12th December 2023).
10. Whorf, B. (1960) Otnoshenie norm povedeniya i myshleniya k yazyku [The Relation of Habitual Thought and Behavior to Language]. In: Zvegintsev, V.A. (ed.) *Novoe v lingvistike* [New in Linguistics]. Vol. 1. Moscow: Izd-vo inostrannoy literatury. pp. 135–168.
11. Pinker, S. (2004) *Yazyk kak instinkt* [Language Instinct]. Translated from English. Moscow: Editorial URSS.
12. Rescher, N. (1996) *Process Metaphysics: An Introduction to Process Philosophy*. New York: State University of New York Press.
13. Scruton, R. (2009) *Understanding Music. Philosophy and Interpretation*. Continuum UK, London.
14. Eggebrecht, H.H. (2016) *Understanding Music. The Nature and Limits of Musical Cognition*. Routledge, NY.
15. Filanovsky, B. (2020) *Shmozart*. St. Petersburg: Jaromír Hladík press.
16. Arkadiev, M. (2013) *Lingvisticheskaya katastrofa* [Linguistic Disaster]. St. Petersburg: Ivan Limbikh.
17. Heidegger, M. (1997) *Bytie i vremya* [Being and Time]. Translated from German. Moscow: Ad Marginem.
18. Kant, I. (1994) *Kritika chistogo razuma* [The Critique of Pure Reason]. Translated from German. Moscow: Mysl'.
19. Grimm, S. (2021) *Understanding*. [Online] Available from: <https://plato.stanford.edu/archives/sum2021/entries/understanding/> (Accessed: 12th December 2023).
20. Dilthey, W. (1996) *Opisatel'naya psikhologiya* [Descriptive Psychology]. Translated from English. St. Petersburg: Aleteyya, Krenov.
21. Losev, A.F. (1997) *Khaos i struktura* [Chaos and Structure]. Moscow: Mysl'. pp. 609–730.

Сведения об авторе:

Косилова Е.В. – доктор философских наук, доцент кафедры онтологии и теории познания философского факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия). E-mail: implicatio@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Kosilova E.V. – Dr. Sci. (Philosophy), associate professor of the Department of Ontology and Theory of Knowledge, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: implicatio@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 14.12.2023;
одобрена после рецензирования 23.01.2024; принята к публикации 04.03.2024
The article was submitted 14.12.2023;
approved after reviewing 23.01.2024; accepted for publication 04.03.2024*

Научная статья

УДУ 304

doi: 10.17223/1998863X/77/16

ЛОЯЛЬНОСТЬ МЕСТНЫХ ЭЛИТ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ВЛАСТИ: ОБЩИЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ КОНТЕКСТЫ

Николай Сергеевич Розов¹, Сергей Иванович Филиппов²

¹ *Институт философии и права Сибирского отделения Российской академии наук,
Новосибирск, Россия;
Новосибирский государственный технический университет,
Новосибирск, Россия, nrozov@gmail.com*

² *Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия,
filippow07@yandex.ru*

Аннотация. Рассматриваются концептуализация понятия лояльности (подчиненных – начальству), построение общей теоретической гипотезы об основных причинных факторах лояльности, а также анализируются институциональные контексты и условия, определяющие (не)лояльность местных элит по отношению к центральной власти.

Ключевые слова: лояльность, социальный статус, символический престиж, социальные заботы, государственная служба, патрон-клиентские сети, эгалитарные сообщества

Для цитирования: Розов Н.С., Филиппов С.И. Лояльность местных элит центральной власти: общие закономерности и институциональные контексты // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2024. № 77. С. 193–203. doi: 10.17223/1998863X/77/16

Original article

ELITES' LOYALTY TO THE CENTRAL GOVERNMENT: GENERAL PATTERNS AND PECULIARITIES OF THE INSTITUTIONAL CONTEXT

Nikolai S. Rozov¹, Sergei I. Filippov²

¹ *Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
Novosibirsk, Russian Federation;
Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russian Federation, nrozov@gmail.com*

² *Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russian Federation, filippow07@yandex.ru*

Abstract. The article presents the conceptualization of loyalty (subordinates to superiors), the construction of the general theoretical hypothesis about the main causal factors of loyalty, as well as the analysis of the institutional contexts of the (dis)loyalty of local elites to the central government. Loyalty is understood as a variable characteristic of the political attitudes of actors (individuals and groups), combining recognition of the legitimacy of power, readiness to follow the adopted policy, obedience to orders, and reporting of reliable information about the state of affairs. Based on the general ideas of neo-Weberian political sociology, a hypothesis has been proposed about the basic factors that strengthen loyalty. The more an actor perceives a certain authority as providing his basic needs such as security, social status, income and influence (authority, political participation), the higher the actor's

loyalty to this authority will be. The main types of institutions that allow elites to satisfy their basic needs are civil service, patron-client networks, and egalitarian communities. A relatively high level of loyalty to the central government is typical of the representatives of elites, whose basic needs are satisfied by taking prestigious positions in the public service. It is due to the symbolic and universal nature of status in bureaucratic structures of the military and civil service. The formal and broadly recognized status also allows avoiding the necessity of its constant confirmation by means of aggressive and violent actions. On the contrary, for a successful career within the military-bureaucratic structures of state service, qualities such as discipline, accuracy, diligence, and control over emotions are in demand. The status of the members of patron-client networks and egalitarian communities is informal and recognized only by their entourage (if the entourage is willing to do this). Therefore, participants of informal communities have to confirm their status, including aggressive and violent actions. In such a way, the qualities as a heightened sense of self-worth, emphasized aggressiveness (as a means of demonstrating and protecting status), and love of freedom are constituted, which are little compatible with the bureaucratic virtues of obedience and reverence for superiors. In addition, disdain for official values, symbols, norms and rules of interaction cultivated in communities guarantees that their participants will remain loyal to their patron and/or comrades and will not succumb to the temptation to exchange all this for a more predictable and stable career in public service.

Keywords: loyalty, social status, symbolic prestige, social concerns, public service, patron-client networks, egalitarian communities

For citation: Rozov, N.S. & Filippov, S.I. (2024) Elites' loyalty to the central government: general patterns and peculiarities of the institutional context. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 77. pp. 193–203. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/77/16

Концепт политической лояльности

Лояльность является одной из самых обсуждаемых и эмоционально заряженных тем. Она вызывает самые противоречивые мнения и оценки в общественном и научном дискурсе. С одной стороны, «лоялизм» подвергается критике как конформистская установка, предполагающая равнодушие и слепое следование воли начальства, противоречащая, таким образом, гражданской позиции [1. Р. 58]. С другой стороны, подчеркивается, что лояльность предполагает вовлеченность граждан в общественную жизнь, коррекцию личных интересов ради соответствия общим [2].

В целом, в отечественной и зарубежной традиции лояльность, в особенности со стороны элит (влиятельных групп с разнообразными ресурсами), рассматривается как существенный компонент политической культуры и гражданской ответственности, как один из значимых факторов общественной стабильности [3. С. 20; 4. С. 267–269; 5]. Различные аспекты лояльности российских элит по отношению к центральной власти исследуются в работах О.В. Гаман-Голутвиной, Г.М. Дерлугьяна, А.И. Миллера, С.А. Нефедова, Л.Ф. Писарьковой, В.А. Тишкова, С.В. Чешко, М. Гарселона, А. Каппелера, Т. Мартина, Д. Пономарева, Г. Симона, Г. Сунни и др. [6–18]. Тем не менее проблема условий, определяющих лояльность или нелояльность индивидов и групп по отношению к государственным и властным институтам, а также к этническим, конфессиональным и другим сообществам, остается нерешенной.

Здесь и далее под лояльностью будем понимать только лояльность в политике как сфере борьбы за власть и использования власти. Понятие «лояльность» строится как переменная, включающая в себя различные уровни под-

держки или оспаривания *подчиненными* (индивидами, организациями, сообществами или социальными слоями со сходными установками и политическим поведением) власти над ними *начальства* (вождя, монарха, правящей группы, центрального правительства)¹. Лояльность отличается от солидарности как понятия, относящегося не к вертикальным, а к горизонтальным отношениям.

Лояльность является характеристикой внутренних установок и внешнего поведения подчиненных акторов. *Поведение* каждого актора (высказывания, публичные речи, объявленные решения, социальные и материальные действия), с одной стороны, управляется ранее обретенными *установками* [19]. С другой стороны, вовлеченность актора в политическое взаимодействие, особенно связанного с конфликтами, насилием или угрозами насилия, нередко существенно меняет его *установки*, а значит, и последующее *поведение*.

Различим внутренние составляющие (компоненты) лояльности и внешние признаки, по которым можно судить об уровнях лояльности на основе доступных исторических или социологических данных. Следующие три компонента представляются важнейшими:

- признание подчиненными *легитимности* (традиционной, религиозной, правовой, идеологической или иной оправданности) власти начальства;
- включение своих интересов и забот в общую *направленность на укрепление охватывающей целостности* (например, государства, империи) и соответствующее *укрепление власти начальства*, т.е. на сохранение или увеличение его административных, материальных, силовых и символических ресурсов, в том числе своевременное информирование начальства о существующих или возможных вызовах и угрозах²;
- *ответственное отношение* к получаемым приказам, проводимым политическим стратегиям со стороны начальства, что проявляется в выполнении приказов, в следовании стратегиям в меру сил, в компетенции полномочий и доступности ресурсов, в *предоставлении достоверной информации* начальству о состоянии дел во вверенном участке, а также о трудностях, успехах и неудачах выполнения приказов и осуществления стратегий.

Эти компоненты определены здесь по высокому уровню лояльности. Понятно, что для крайне низкого уровня (нелояльности, враждебности подчиненных) речь должна идти о полном отрицании подчиненными легитимности власти начальства, об их направленности на подрыв власти, о саботировании приказов или о действиях подчиненных, вредящих проводимой начальством стратегии, об их отказе предоставлять сведения о состоянии дел или о намеренной дезинформации³.

Если легитимность, ресурсы, приказы, стратегии и обратная связь от подчиненных являются универсальными для любых властных отношений, то показатели лояльности существенно разнятся от эпохи к эпохе, от культуры к культуре, от одного локального контекста к другому. Далее нас будет интере-

¹ Пара «подчиненные/начальство» здесь используется вместо гегелевских «раба» и «господина» с прозрачным смещением смысла, но с тем же уровнем абстрактности.

² Здесь речь идет об «игре с положительной суммой», или «win-win»: жизненный и карьерный успех подчиненного состоит в его вкладе в политические стратегии начальства.

³ Здесь уже речь идет об «игре с нулевой суммой»: подчиненный видит свой выигрыш в той мере, в какой навредил стратегиям начальства, а в их успехе видит свой проигрыш.

совать динамика лояльности местных (этнических, национальных¹, региональных) элит по отношению к центральной власти государства.

Показателями относительно высокого уровня лояльности элит по отношению к центральной власти являются:

- борьба против ее внутренних и внешних врагов;
- явная поддержка официальной идеологии (религии) и системы ценностей, символов в устной и письменной речи (переписке, дневниках и т.п.);
- выполнение принятых административных, правовых норм и неформальных правил взаимодействия;
- добровольное и систематическое участие в надлежащих ритуалах.

Показателями относительно низкого уровня лояльности по отношению к центральной власти являются:

- участие в мятежах, протестных движениях;
- переход на сторону оппозиции или внешних противников режима;
- частое нарушение принятых административных, правовых норм и неформальных правил взаимодействия, в том числе применение нерегламентированного насилия;
- критическое отношение к официальной идеологии (религии) и системе ценностей, символам и ритуалам;
- чтение, обсуждение и распространение запрещенной литературы, а также участие в ритуалах, противоречащих официальной религии или идеологии.

Базовые факторы лояльности: исходная гипотеза

С учетом известных социальных универсалий в неовеберовской политической социологии [20. Р. 22–28] положим в основу рассуждений принцип универсальных базовых стремлений (забот) акторов, к числу которых относятся:

- социальный статус (занятие формальной позиции, должности, членство в организации или сословии, участие в принятии решений);
- обеспечение безопасности жизни и свободы (своей и близких);
- благосостояние (материальные ресурсы, доходы, накопления, доступ к благам, приемлемый уровень потребления);
- символический престиж (честь, достоинство, признание окружающих, неформальная влияние, удостоверение в причастности к сакральным объектам данного общества – святыням, ценностям).

Как правило, сам социальный статус предполагает некий «пакет» остальных благ (формы обеспечения безопасности, уровень дохода, характер признания), однако связи здесь не всегда прямые, стабильные, однозначные, поэтому указанные аспекты в общем случае целесообразно различать.

Резонно предположить, что лояльность подчиненных к начальству тем выше, чем более они видят в нем инстанцию, или обеспечивающее сообщество, которое надежно предоставляет им социальный статус с соответствующими гарантиями безопасности, доступом к материальным ресурсам и символическим престижем.

¹ Этнические и региональные элиты обретают статус «национальных», если занимают властные, авторитетные позиции в некой «земле», «княжестве», «провинции», «автономии», «республике», с формальным (реальным или чисто декларативным) закреплением приоритетности, доминирования определенной этнической группы – «титутельной нации».

Взаимосвязь забот, институтов, габитусов и лояльности

Заботы выполняются благодаря и при активности обеспечивающих структур, в том числе социальных практик и институтов с правилами взаимодействия [21]. Начальство призвано обеспечивать заботы общего характера («государственные», или «национальные» интересы), хотя никогда не забывает и о собственных заботах, связанных с теми же универсалиями.

Подчиненные имеют собственные заботы, но всегда принимают участие в практиках и институтах, активность которых определяется стратегиями и приказами начальства.

Это участие означает институциональную вовлеченность, занятие определенной позиции в государственной или окологосударственной организационной структуре, что и означает принятие социального статуса с соответствующими благами (см. выше), а также полномочиями, обязанностями, ответственностью. Успешность такого вовлечения как для института, так и для удовлетворенности самого подчиненного прямо зависит от того, насколько его ранее обретенные и формируемые установки (и их комплексы – габитусы) соответствуют занимаемой позиции, связанными с ней правилами поведения и ожиданиями.

Резонно предполагать, что такое соответствие, иными словами, «гладкость» и успешность вовлеченности ведут к внешнему признанию, высокой субъективной самооценке, карьерному продвижению, а значит, и высокой лояльности начальству.

В других же случаях, когда внутренние установки, габитусы подчиненных, привычные альтернативные способы получения статуса, дохода и символического престижа вступают в противоречие с нормами и ритуалами, принятыми в формально-бюрократических институтах государственной службы или с занимаемыми там позициями, правила будут нарушаться, обязанности – манкироваться, последуют трения и конфликты, прежде всего, с начальством, что закономерно обуславливает низкую лояльность.

Согласно веберовскому представлению о государстве как об институте с монополией на легитимное физическое насилие на определенной территории, именно государство призвано обеспечивать безопасность граждан/подданных, а также защищать их законные имущественные права. Местные элиты обычно сами входят в государственные или квазигосударственные силовые, штатские (местное управление), а также духовные, образовательные, медицинские, творческие и прочие структуры. Причастность к государству, чувство принадлежности к чему-то могущественному, великому, признаваемому на мировой арене потенциально становится источником престижа для местных элит, но лишь в той мере, в какой они идентифицируют себя с этим государством.

Как и остальные граждане/подданные, элиты заботятся о своих доходах, но для них уровень материального благосостояния служит особенно значимым маркером престижа (достоинства, чести, самоуважения в сравнении с окружающими). Местные элиты, вынужденные подтверждать свой статус и престиж в каждодневных взаимодействиях с окружающими, ревниво отслеживают этот аспект. Соответственно, уровень их лояльности к начальству (властному центру, государству) сильно зависит от предоставляемых госу-

дарством ресурсов (жалования, привилегий). Возможности самим получать доход (взимать подати, эксплуатировать подневольный труд, вести коммерцию, получать ссуды на льготных условиях и проч.) более сложным образом обуславливают уровень лояльности.

Рассмотрим основные институциональные контексты, в рамках которых элиты удовлетворяют свои базовые заботы.

Государственная служба и символические статусы

Структурами, обеспечивающими социальный статус, символический престиж элит и приемлемый для них уровень доходов, являются государственная служба, прежде всего, на высокостатусных позициях. Статус, приобретаемый на государственной службе в условиях относительно высокой монополии на применение насилия, имеет символический характер (чины и награды, предусматривающие определенную долю общественного уважения), пользуется бесспорным признанием в пределах государственной юрисдикции, часто – шире. Кроме того, успешная социализация в бюрократических структурах государственной службы предполагает формирование таких качеств, как дисциплинированность, исполнительность, подчинение вышестоящим должностным лицам и инстанциям, контроль собственных эмоций (габитус государственного служащего). Это освобождает обладателей статуса от необходимости постоянного его подтверждения, в том числе агрессивно-насильственными действиями, соответственно, они находятся в большей безопасности. Широкое распространение и безусловное признание формальных статусов обеспечивает не только гарантию прав и привилегий их обладателям, но и передачу благ по наследству.

Ярким примером национальных элит, ориентированных на государственную службу, являются остзейские немцы. В условиях слабости государственных институтов как структур, обеспечивающих благосостояние и приемлемый уровень потребления, доступной альтернативой для прибалтийского дворянства стало поступление на государственную службу за пределами своего отечества. На русской службе остзейцы нередко занимали высокие посты и пользовались доверием со стороны верховной власти Романовых. Условиями успешности такой стратегии были документально подтвержденный и не вызывающий сомнений формальный статус, а также особый остзейский габитус: дисциплинированность, аккуратность, исполнительность и, конечно, лояльность [22].

Патрон-клиентские сети и эгалитарные сообщества: статус, требующий постоянного подтверждения

Если престижные позиции на государственной службе не доступны, прежде всего, нижним стратам/претендентам в элиту, институты государственной службы слабы и немногочисленны, то представители элит предпочитают социализацию в рамках обеспечивающих сообществ других типов, в частности встраиваясь в патрон-клиентские сети взаимодействия (либо создавая такие сети – в качестве их глав). Ярким примером патрон-клиентских сетей как структур, обеспечивающих благосостояние, власть и престиж элит разных уровней, являются польско-литовские магнатства. Безземельная (чиншевая) шляхта обеспечивала своим патронам – крупным

землевладельцам¹ – символический престиж, а также власть и влияние. Шляхтичи оказывали поддержку «своему» магнату в сеймах и сеймиках – органах управления Речи Посполитой, а также составляли основу его частной армии. Магнат, в свою очередь, предоставлял безземельной шляхте право аренды земли за чисто символическую плату. В условиях слабости королевской власти и немногочисленности королевской армии и двора такая служба магнату стала для беднейшей шляхты основным институтом социализации, способом поддержания благосостояния и социального престижа.

Если служебная карьера по каким-либо причинам недоступна, представители элит низшего уровня, особенно обладающие навыками и средствами применения насилия, предпочитают эгалитарные военизированные сообщества, примером которых выступают донское и запорожское казачество в XVII в. Вольные казаки извлекали доход путем угрозы применения насилия, навязывания своей защиты через принуждение. Если структуры такого рода по каким-либо причинам уже не обеспечивали желаемый уровень благосостояния, то их участники вступали в своеобразный «торг» с государством за жалование, в том числе в форме казачьих бунтов, восстаний² [23].

Статус в патрон-клиентских сетях и эгалитарных сообществах не имеет формального (символического) характера, он не является бесспорным, универсальным. Статус присваивается отдельными индивидами и/или их ближайшим социальным окружением и является релевантным лишь в рамках данного окружения и в той мере, в какой оно готово признавать статус индивида, т.е. демонстрировать почет, оказывать знаки уважения, принимать как равного либо уступить. Члены патрон-клиентских сетей и эгалитарных сообществ вынуждены постоянно подтверждать и доказывать то, что они достойны искомого статуса, в том числе агрессивным поведением, подвергая и свою, и чужую жизнь риску.

Участие в эгалитарных сообществах как обеспечивающих структурах сопряжено с существенными издержками для их верхушки, поскольку распространенные там нормы и практики препятствуют накоплению и передаче по наследству богатства, а также престижному потреблению, которое так важно для элит. Известно пренебрежительное отношение казаков к богатству, например, они хоронили своих погибших товарищей завернутыми в дорогие персидские ковры [24. С. 110]. Процедуры заключения брака и его расторжения в сообществах такого рода также зачастую не были формализованы и носили весьма упрощенный характер, что ставило под вопрос легитимность подобного рода браков и, как следствие, правовой статус потомков, возможности наследования символического и материального капитала.

¹ Структурами, обеспечивающими благосостояние польско-литовских магнатов, были сети поставок зерна, производимого на периферии мировой системы (на черноземах Украины) и продаваемого в ее ядро (рынки Западной Европы), а также обусловленное вовлеченностью во внешнюю торговлю рационализированное хозяйство, основанное на жестокой эксплуатации крепостных.

² Например, Василий Ус в 1666 г. с отрядом в 700 казаков отправился с Дона на Москву с предложением принять себя и соратников на государеву службу, для убедительности призывая в свой отряд помещичьих крестьян и нападая на самих помещиков [26. С. 40–41].

Степан Разин вел переговоры с персидским шахом о приеме на службу. Ответом на отказ шаха стало уничтожение некоторых персидских поселений, а также морское сражение разинцев с персидским флотом. Одним из основных требований восставших запорожских казаков было расширение численности реестра – казачьего войска на службе (и жаловании) польской короны.

Полновластие коллективных органов управления серьезно ограничивает влияние старшины и сохранение властных позиций ее представителей. Верхушка подобного рода неформальных структур стремится преодолевать их издержки. Члены этого элитарного слоя пытаются сохранять и приумножать свое материальное благосостояние, административно-политическое влияние, конвертируя эти ресурсы в более-менее признаваемые за пределами неформальных военизированных сообществ символические статусы. Поэтому такие местные элиты, как запорожская или донская старшина, вступают в союз с царской администрацией, оказывая ей содействие в ликвидации самоуправления – в обмен на получение дворянства и чинов [25. С. 23].

Различные типы обеспечивающих сообществ и конфликт лояльностей

Относительно высокий уровень лояльности по отношению к центральной власти проявляют представители элит, базовые потребности которых удовлетворяются государственной службой на высокостатусных позициях в иерархических военно-бюрократических структурах. Предпочтение же патрон-клиентских сетей и эгалитарных сообществ как институтов, обеспечивающих базовые потребности элит, обуславливает относительно низкую лояльность последних по отношению к центральной власти. В чем состоит механизм взаимосвязи между типом обеспечивающего сообщества и уровнем лояльности?

Во-первых, комплекс установок сознания и поведения (габитус), как правило, формируется с ориентацией на тот или иной тип обеспечивающего сообщества. Для успешной карьеры в рамках военно-бюрократических институтов государственной службы востребованы такие качества, как дисциплинированность, аккуратность, исполнительность, контроль над эмоциями, что чуждо духу бунтарства. В патрон-клиентских сетях ценятся отношения безусловной преданности, верности главе клана или клиентелы, ради чего допустимо пренебрегать формальными нормами, принятыми в государстве. Поведенческие нормы и морально-ценностные качества членов эгалитарных сообществ – обостренное чувство собственного достоинства, подчеркнутая агрессивность (как средство демонстрации и защиты статуса), вольнолюбие – также малосовместимы с чиновничьими добродетелями послушания и почитания начальства.

Во-вторых, пренебрежительное отношение к официальным ценностям, символам, нормам и правилам взаимодействия со стороны участников патрон-клиентских сетей и эгалитарных сообществ является определенной гарантией того, что они сохраняют верность этим неформальным сообществам и сетям взаимодействия, не поддадутся искушению поменять все это на более предсказуемую и стабильную карьеру на государственной службе.

Список источников

1. *Political Loyalty and Social Composition of a Military Elite: The Russian Officer Ponomareff D. Corps, 1861–1903.* Santa Monica, CA : RAND Corporation, 1977. 75 p.
2. Андрющенко О.В. Организационная лояльность: к определению понятийных границ // *Личность, культура, общество.* 2010. Т. 12, № 3. С. 267–273.
3. Тульчинский Г.Л. *Российская политическая культура: особенности и перспективы.* СПб. : Алетейя, 2018, 294 с.

4. Алмонд Г. Гражданская культура. Политические установки и демократии пяти наций. М. : Мысль, 2014. 499 с.
5. Rosenbaum W.A. Political Culture: Basic Concept in Political Science. New York : Praeger, 1975. 181 p.
6. Гаман-Голутвина О.В. Политические элиты России: Вехи исторической эволюции. М. : РОССПЭН, 2006. 446 с.
7. Дерлугьян Г.М. Адепт Бурдые на Кавказе. М. : Территория будущего, 2010. 560 с.
8. Дерлугьян Г.М. Как устроен этот мир. Наброски на макросоциологические темы. М. : Изд.-во Ин-та Гайдара, 2013. 384 с.
9. Миллер А.И. Империя Романовых и национализм. М. : Новое лит. обозрение, 2006. 248 с.
10. Нефедов С.А. История России. Факторный анализ. Т. I: С древнейших времен до Великой Смуты. М. : Территория будущего, 2010. 376 с.
11. Писарькова Л.Ф. Государственное управление России с конца XVII до конца XVIII века. Эволюция бюрократической системы. М. : РОСПЭН, 2007. 758 с.
12. Тишков В.А. Национальности и национализм в постсоветском пространстве: исторический аспект // Этничность и власть в постсоветских государствах : материалы междунар. конф. 1993 г. М. : Наука, 1994. С. 9–34.
13. Чешко С.В. Распад СССР: этнополитический анализ. М. : ИЭА РАН, 2000. 395 с.
14. Garcelon M. Revolutionary Passage. From Soviet to Post-Soviet Russia, 1985–2000. Temple University Press, 2005. 312 p.
15. Каннелер А. Россия – многонациональная империя. М. : Традиция, 2000. 344 с.
16. Мартин Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939. М. : РОССПЭН, 2011. 663 с.
17. Simon G. Der Kommunismus und die nationale Frage: Die Sowjetunion als Vielvölkerimperium // Osteuropa. 2013. Vol. 63, № 5/6. S. 7–24.
18. Sunny G. The Revenge of the Past. Nationalism, Revolution, and the Collapse of the Soviet Union. Stanford University Press. Stanford, California, 1993. 200 p.
19. Розов Н.С. Ритуалы, институты и ресурсы: социальные основы трансформации менталитета // Ценности и смыслы. 2010. № 5 (8). С. 50–67.
20. Mann M. The Sources of Social Power. Vol. 1: A History of Power from the Beginning to AD 1760. Cambridge University Press, 1986. 578 p.
21. Розов Н.С. Происхождение языка и сознания. Как социальные порядки и коммуникативные заботы порождали когнитивные и речевые способности. Новосибирск : Манускрипт, 2022. 355 с.
22. Филиппов С.И. Условия лояльности «национальных» элит в имперский период Российской истории // Социология и общество: социальное неравенство и социальная справедливость (Екатеринбург, 19–21 октября 2016 года) : материалы V Всерос. социол. конгресса / отв. ред. В.А. Мансуров. М. : Рос. общество социологов, 2016. (DVD ROM). С. 5406–5414.
23. Филиппов С.И. Условия ответственности военно-гражданской администрации России (XVII – начало XX в.) // Вестник Омского государственного университета. 2019. Т. 24, № 1. С. 111–117.
24. Мининков Н.А. Донское казачество в эпоху позднего средневековья (до 1671 г.). Ростов н/Д : Изд-во Ростов. ун-та, 1996. 512 с.
25. Мальцев Д. Как готовили «поход на индус» // Родина. 2011. № 7. С. 22–24.
26. Лебедев В. И. Крестьянская война под предводительством Степана Разина. М. : Просвещение, 1955. 186 с.

References

1. Ponomareff, D. (1977) *Political Loyalty and Social Composition of a Military Elite: The Russian Officer Ponomareff D. Corps, 1861–1903*. Santa Monica, CA: RAND Corporation.
2. Andryushchenko, O.V. (2010) Organizatsionnaya loy'al'nost': k opredeleniyu ponyatiynykh granits [Organizational loyalty: To the definition of conceptual boundaries]. *Lichnost', kul'tura, obshchestvo*. 12(3). pp. 267–273.
3. Tulchinskiy, G.L. (2018) *Rossiyskaya politicheskaya kul'tura: osobennosti i perspektivy* [Russian political culture: Features and Prospects]. St. Petersburg: Aletyya.
4. Almond, G. (2014) *Grazhdanskaya kul'tura. Politicheskie ustanovki i demokratii pyati natsiy* [The Civil Culture: The Political Attitudes and Democracies of the Five Nations]. Translated from English. Moscow: Mysl'.

5. Rosenbaum, W.A. (1975) *Political Culture: Basic Concept in Political Science*. New York: Praeger.
6. Gaman-Golutvina, O.V. (2006) *Politicheskie elity Rossii: Vekhi istoricheskoy evolyutsii* [Political elites of Russia: Milestones of historical evolution]. Moscow: ROSSPEN.
7. Derlugyan, G.M. (2010) *Adept Burd'e na Kavkaze* [Bourdieu's Adept in the Caucasus]. Moscow: Territoriya budushchego.
8. Derlugyan, G.M. (2013) *Kak ustroen etot mir. Nabroski na makrosotsiologicheskie temy* [How This World Works. Sketches on Macrosociological Topics]. Moscow: The Gaydar Institute.
9. Miller, A.I. (2006) *Imperiya Romanovykh i natsionalizm* [The Romanov Empire and Nationalism]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
10. Nefedov, S.A. (2010) *Istoriya Rossii. Faktornyy analiz* [Russian history. The Factor Analysis]. Vol. 1. Moscow: Territoriya budushchego.
11. Pisarkova, L.F. (2007) *Gosudarstvennoe upravlenie Rossii s kontsa XVII do kontsa XVIII veka. Evolyutsiya byurokraticheskoy sistemy* [The public administration of Russia from the late 17th to the late 18th century. The evolution of the bureaucratic system]. Moscow: ROSSPEN.
12. Tishkov, V.A. (1994) Natsional'nosti i natsionalizm v postsovetском prostranstve: istoricheskiy aspekt [Nationalities and nationalism in the post-Soviet space: a historical aspect]. In: *Etnichnost' i vlast' v postsovet'skikh gosudarstvakh* [Ethnicity and Power in Post-Soviet States]. Proc. of the Conference. Moscow: Nauka. pp. 9–34.
13. Cheshko, S.V. (2000) *Raspad SSSR: etnopoliticheskiy analiz* [The collapse of the USSR: an ethnopolitical analysis]. Moscow: IEA RAS.
14. Garcelon, M. (2005) *Revolutionary Passage. From Soviet to Post-Soviet Russia, 1985–2000*. Temple University Press.
15. Kappeler, A. (2000) *Rossiya – mnogonatsional'naya imperiya* [Russia is a Multinational Empire]. Moscow: Traditsiya.
16. Martin, T. (2011) *Imperiya "polozhitel'noy deyatel'nosti."* *Natsii i natsionalizm v SSSR, 1923–1939* [The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939]. Translated from English. Moscow: ROSSPEN.
17. Simon, G. (2013) Der Kommunismus und die nationale Frage: Die Sowjetunion als Vielvölkerimperium. *Osteuropa*. 63(5/6). pp. 7–24.
18. Sunny, G. (1993) *The Revenge of the Past. Nationalism, Revolution, and the Collapse of the Soviet Union*. Stanford, California: Stanford University Press.
19. Rozov, N.S. (2010) Ritualy, instituty i resursy: sotsial'nye osnovy transformatsii mentaliteta [Rituals, institutions and resources: Social foundations of mentality transformation]. *Tsennosti i smysly*. 5(8). pp. 50–67.
20. Mann, M. (1986) *The Sources of Social Power*. Vol. 1. Cambridge University Press.
21. Rozov, N.S. (2022) *Proiskozhdenie yazyka i soznaniya. Kak sotsial'nye porядki i kommunikativnye zaboty porozhdali kognitivnye i rechevye sposobnosti* [The origin of language and consciousness. How social orders and communicative concerns gave rise to cognitive and linguistic abilities]. Novosibirsk: Manuscript.
22. Filippov, S.I. (2016) Usloviya loyality "natsional'nykh" elit v imperskiy period Rossiyskoy istorii [Conditions of loyalty of "national" elites in the imperial period of Russian history]. In: Mansurov, V.A. (ed.) *Sotsiologiya i obshchestvo: sotsial'noe neravenstvo i sotsial'naya spravedlivost'* [Sociology and Society: Social Inequality and Social Justice]. Moscow: Russian Society of Sociologists. pp. 5406–5414.
23. Filippov, S.I. (2019) Usloviya otvetstvennosti voenno-grazhdanskoy administratsii Rossii (XVII – nachalo XX v.) [Conditions of responsibility of the military-civil administration of Russia (the 17th – early 20th century)]. *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo universiteta*. 24(1). pp. 111–117.
24. Mininkov, N.A. (1996) *Donskoe kazachestvo v epokhu pozdnego srednevekov'ya (do 1671 g.)* [The Don Cossacks in the late Middle Ages (before 1671)]. Rostov-on-Don: Rostov State University.
25. Maltsev, D. (2011) Kak gotovili "pokhod na indus" [How they prepared the "campaign against the Hindus"]. *Rodina*. 7. pp. 22–24.
26. Lebedev, V.I. (1955) *Krest'yanskaya vojna pod predvoditel'stvom Stepana Razina* [The peasant war under the leadership of Stepan Razin]. Moscow: Prosveshchenie.

Сведения об авторах:

Розов Н.С. – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук (ИФПР СО РАН) (Новосибирск Россия); профессор кафедры международных отношений и регионоведения

Новосибирского государственного технического университета (Новосибирск, Россия).
E-mail: nrozov@gmail.com

Филиппов С.И. – кандидат философских наук, доцент кафедры романо-германской филологии, заместитель директора Гуманитарного института Новосибирского государственного университета (Новосибирск, Россия).
E-mail: filippow07@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Rozov N.S. – Dr. Sci. (Philosophy), professor, chief researcher, Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk Russian Federation); professor of the Department of International Relations and Regional Studies, Novosibirsk State Technical University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: nrozov@gmail.com

Filippov S.I. – Cand. Sci. (Philosophy), associate professor of the Department of Romance-Germanic Philology; deputy director of the Institute of Humanities, Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: filippow07@yandex.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 11.12.2023;
одобрена после рецензирования 23.01.2024; принята к публикации 04.03.2024*

*The article was submitted 11.12.2023;
approved after reviewing 23.01.2024; accepted for publication 04.03.2024*

СОЦИОЛОГИЯ

Научная статья
УДК 316.346.2
doi: 10.17223/1998863X/77/17

ВОСПРОИЗВОДСТВО СОЦИАЛЬНО-СТАТУСНОЙ СИСТЕМЫ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА В ДИСКУРСЕ ГЛЯНЦЕВЫХ ЖУРНАЛОВ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Елена Николаевна Гоголева

Тульский государственный университет, Тула, Россия, elenagog@yandex.ru

Аннотация. Социологический анализ дискурса глянцевого журнала позволил выявить механизм гендерной дифференциации, который детерминирует мотивационно-ценностные аспекты жизнедеятельности мужчин и женщин. Средствами коммуникации устанавливается гендерное неравенство на индивидуальном и институциональном уровнях, создавая и воспроизводя систему социальной стратификации. При этом конструируется символическая социально-статусная система современного российского общества, основанная на гендерной асимметрии.

Ключевые слова: гендер, феминность, маскулинность, гендерный стереотип, гляцевый журнал, гендерная репрезентация

Для цитирования: Гоголева Е.Н. Воспроизводство социально-статусной системы российского общества в дискурсе глянцевого журнала: социологический анализ // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2024. № 77. С. 204–214. doi: 10.17223/1998863X/77/17

SOCIOLOGY

Original article

REPRODUCTION OF THE SOCIAL-STATUS SYSTEM OF RUSSIAN SOCIETY IN THE DISCOURSE OF GLOSSY MAGAZINES: A SOCIOLOGICAL ANALYSIS

Elena N. Gogoleva

Tula State University, Tula, Russia, elenagog@yandex.ru

Abstract. The research aims to study the mechanism of gender differentiation in glossy magazines, which determines the motivational and value aspects of the life of men and women. It claims that glossy magazines are actively involved in the formation of gender stereotypes that correspond to the established gender system of society. Gender-oriented glossy magazines reproducing patterns of femininity and masculinity establish a gender regime, which guarantees the preservation of social order on the one hand and determines gender stratification on the other. The author focuses on the role of visual and verbal components of communication, which by means of the designation of statuses, roles and

values of masculine and feminine behavior create gender inequality at the individual and institutional levels. As the sociological analysis showed, the representation of gender in women's magazines indicates the complication of gender identification, the emergence of new property and features of modern femininity, which reflects the dynamic nature of society. But the shift of emphasis towards fashion and beauty, the popularization of lifestyle in the context of recreational activities with a predominance of hedonistic forms significantly limit the range of social female roles in Russian society. In men's magazines, gender specificity is concentrated in the field of professional activity, which is responsible for the self-realization of a man that ideologically legitimizes masculine dominance. It can be argued that glossy magazines symbolically fix the gender display, focusing men and women on different life strategies, as well as ways to implement them. The gender asymmetry of modern Russian society is reproduced by using the mechanisms of social inequality (distancing, exclusion, hierarchy and exploitation) in the symbolic interpretation of femininity and masculinity. As a result, there is a differentiation of social positions of gender in various spheres of public and private life.

Keywords: gender, femininity, masculinity, gender stereotypes, glossy magazine, gender representation

For citation: Gogoleva, E.N. (2024) Reproduction of the social-status system of Russian society in the discourse of glossy magazines: a sociological analysis. *Vestnik Tomskogo gosudarsvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 77. pp. 204–214. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/77/17

Гендерный признак является основным критерием дифференциации гляцевых журналов. В современном обществе разделяют женские и мужские издания, каждое из них направлено на определенную социальную группу и участвует в процессе формирования субъективных интересов читателей. Такая дифференциация журналов отражает специфику гендерной культуры общества, детерминирует модели образа жизни, стратегии взаимоотношений и поведения. Социальное конструирование гендера в них происходит через специфические дискурсивные практики, т.е. исключительно на символической опоре значений и ценностей, что порождает различные перформативные формы маскулинности и феминности. При этом гляцевые журналы участвуют в формировании, трансляции и закреплении гендерных стереотипов, т.е. таких способов восприятия социальной действительности, которые обуславливают поведение представителей определенного пола, их целеполагание, распределение внутри социальных ролей и статусов в зависимости от принятых в данной культуре социальных норм. Однако изменчивость и многовариантность проявления гендерных стереотипов дают возможность гляцевым журналам апеллировать к не очевидным смысловым значениям, осуществляя управление этими понятиями в коммуникационных сообщениях [1. С. 78].

Целью исследования является выявление способов гендерной репрезентации феминности и маскулинности в гляцевых журналах в процессе воспроизводства социально-статусных отношений, основанных на социальной дифференциации, неравенстве и иерархизации.

Глянцевые журналы, являясь значимым средством коммуникации, активно участвуют в формировании социально-статусной системы современного общества: репродуцируя образцы феминности и маскулинности, они способствуют их распространению и интеграции в повседневную жизнь людей, что гарантирует сохранение социального порядка. В то же время гляцевые журналы конструируют гендерный идеал, тем самым усиливая информационное и нормативное давление на аудиторию, преломляя собственное «Я»

читателя. Интерпретация и трансляция гендерных знаков воспроизводят систему гендерного неравенства в обществе посредством конвергенции ситуационных символических средств, которые обеспечивают социальную дифференциацию в коммуникационном пространстве.

Методология и методика исследования

Проблемы, связанные с поло-ролевыми особенностями индивидов и их социальная репрезентация в коммуникационном пространстве, входят в число наиболее актуальных в социологической науке. Методологическую основу работы составляют положения структуралистского и социально-конструктивистского подходов в области гендерных исследований.

Представители структурализма (П. Бурдьё [2], Н. Лин [3], Г. Терборн [4], Дж. Тернер [5]) акцентируют внимание, что центральной проблемой социально-структурных отношений выступает моральное и социальное неравенство, которое детерминирует систему социальных иерархий и структуризацию возможностей в профессиональной деятельности, арсенале жизненных стратегий, эффективности индивидуальных и коллективных действий. Гендер является дифференцирующим фактором, поскольку детерминирует различные социальные позиции в публичной и частной сферах жизни в соответствии с гендерной принадлежностью.

В рамках парадигмы социального конструктивизма гендер интерпретируется как сложный социокультурный процесс формирования различий в мужских и женских ролях, поведении, иных социальных характеристиках; в то же время гендер выступает и как результат этого процесса, т.е. социальный конструкт гендера. При этом «концепция гендера с его иерархией ценностей, символов, убеждений и статусов является краеугольным камнем гендерного неравенства» [6. Р. 213–214]. Особое значение для проблематики исследования в рамках парадигмы социального конструктивизма имеет термин «поло-гендерная система» [7. Р. 157–210]. Она выступает структурным компонентом базисных социальных отношений и представляет собой «набор механизмов, с помощью которых общество преобразует биологическую сексуальность в продукты человеческой деятельности и в рамках которых эти преобразованные сексуальные потребности удовлетворяются» [8. С. 18]. Подобная система служит экономическим и политическим целям общества, но под действием социально-культурных факторов способна видоизменяться. В рамках поло-гендерной системы формируются условия гендерного режима [9], т.е. определенные нормы гендерного взаимодействия находят свое выражение во множественных практиках уместного и поощряемого мужского и женского поведения. При этом коммуникация, по сути, является проекцией всех социальных отношений, поскольку воспроизводит их сквозь призму культурных символов и образцов. Глянцевые журналы как средство коммуникации являются механизмом конструирования социально-статусных отношений, поскольку выступают инструментом формирования гендерного дисплея [10] – набора ритуализированных действий, выражающихся в виде эмоционально обоснованного поведения представителя того или иного пола, которые трансформируются в определенные стандартизированные образцы или модели нормативного поведения. При этом гендерный дисплей является асимметричным по своей природе, поскольку фиксирует иерархию в гендер-

ных отношениях с помощью устоявшихся наборов ситуационных символических средств, которые обеспечивают репрезентацию индивида в той или иной ситуации [11. С. 9–10].

Обобщение теоретических воззрений, которые формируют единую концептуализацию гендера, позволяет анализировать глянцевые журналы как современное средство социальной репрезентации символических интерпретаций гендерного поведения. Специфика темы предопределяет необходимость использования гибридной модели эмпирического социологического исследования, основанной на сочетании количественного и качественного методов анализа текста. Контент-анализ позволил выявить явно присутствующие и отчетливо проявляющиеся характеристики гендера, представленные на страницах журналов. Метод социолингвистического анализа применялся для установления и определения латентных смыслов сообщений с точки зрения их детерминации социально-психологическими особенностями аудитории, на которую гляцевые журналы ориентированы. К социолингвистическим переменным были отнесены следующие: паралингвистические средства коммуникации, жанрово-тематическое своеобразие сообщений, семантико-стилистическая и лексическая структура текста. Эмпирическим объектом исследования выступали электронные версии наиболее популярных женских и мужских глянцевых журналов за 2019–2021 гг.: *Cosmopolitan*, *Glamour*, *Elle*, *Men's Health*, *Esquire*, *GQ*, общее количество проанализированных номеров – 126 единиц. Применение подобной методики социологического исследования дает возможность продемонстрировать процесс конструирования гендера как социально организованного достижения, закрепленного в форме ценностно-ориентированного поведения.

Визуальная репрезентация гендера и гендерная стереотипизация

Современное информационное общество предполагает существование гендерной репрезентации во всех коммуникационных сообщениях. Гендерная репрезентация представляет собой конструирование биосоциальных характеристик субъекта посредством коммуникативных символов и знаков, а также их трансляцию в общественных отношениях. Специфика дискурса глянцевых изданий заключается в интерпретации текста читателем на основе стремления осмыслить и утвердить свою позицию в социальной группе, членом которой этот индивид стремится стать.

Публикации в глянцевых журналах выступают как специфический лингво-визуальный феномен, соединяющий вербальную и визуальную коммуникацию, тем самым образуя единое смысловое целое и обеспечивающим комплексное социально-психологическое воздействие на потребителя. Конвергенция визуальных и вербальных элементов способствует тому, что предметы выступают в качестве смысловых маркеров с преобладанием семантических компонентов, обозначающих статусы, роли и ценности или с преобладанием эмоционально-чувственных компонентов, демонстрирующих особенности социальной дифференциации в коммуникационном пространстве.

Визуализация глянцевых журналов посредством цвета и изображения влияет и на содержание текстового модуля, и на способ выражения информации. Цвет и графика способствуют организации воздействия текста на чита-

теля, упрощают процесс передачи информационной емкости и влияют на закономерности восприятия ее в общественном сознании. При этом визуальное представление информации в глянцевых журналах явно преобладает над текстовым сообщением. Иллюстрация стала разновидностью символического языка, способствующей формированию эстетических, культурных, моральных и иных ценностей.

Результаты социологического исследования позволяют определить процесс визуальной репрезентации гендера в глянцевых журналах. Во-первых, в женском издании преобладает иллюстративный материал над текстом в 1,5–2 раза. Во-вторых, гендерные различия проявляются в выборе цвета: так, в мужских журналах преобладают нейтральные оттенки – черный, серый, синий, бежевый, оттенки металлического. В то время как в женских журналах используются яркие, контрастные цвета – красный, желтый, оранжевый, розовый; темные цвета используются, но на контрасте с яркими. С помощью этих цветов выделяются рубрики, названия статей, оформляются фотографии и т.д. В мужском издании, по сравнению с женским, применяется большее количество черно-белых фотографий (в мужском издании они составляют около трети всех изображений, в женском их доля существенно меньше). Данный способ визуализации позволяет легче увидеть композицию изображения за счет ее элементов и пространственной организации, к тому же это дает возможность более успешно создать зрительную абстракцию по сравнению с цветным фото. Как следствие, мужские журналы демонстрируют большую динамичность и структурированность информации и в этом контрастируют с женскими журналами, которые за счет ярких цветов стремятся увеличить эмоциональный отклик аудитории. Это способствует гендерной стереотипизации общества за счет упрощения и схематизации социальной действительности, что детерминирует увеличение дистанцированности мужской и женской аудитории друг от друга в социально-структурной картине общества.

Обложка журнала, выступая в качестве доминантного визуального компонента, выполняет две главные функции: представляет общую концепцию издания и производит гендерные культурно-символические формы успеха и элитарности. Обложка журнала представляет собой синтез названия, иллюстрации, шрифта, обозначения темы номера, цветового оформления. Именно обложка искусно конструирует готовые стереотипные образы, посредством которых формируется социально-статусная идентичность как особая символическая система. И в мужских, и в женских журналах обложка выполняет основную функцию суггестии, и суггестором выступает тот, у кого более высокий социальный статус, характерологическое и интеллектуальное превосходство, красота, уверенность. Поэтому на первых страницах появляются популярные и успешные герои, которые формируют систему визуальной атрибутики успешного человека – красивый, сексуально притягательный объект, который воплощает идеал мужественности или женственности и, как следствие, определяет социально приемлемые образцы гендерной самопрезентации.

В женских глянцевых журналах главная героиня зачастую выступает как сексуальный объект, что закрепляет позицию эксплуатируемого в массовом сознании. Феминность преломляется через взгляд других и для взгляда дру-

гих, поэтому женщины воспринимаются как объекты, находящиеся в состоянии символической зависимости. Обнаженные и полуобнаженные тела выступают объектом потребления женской аудитории, что не связано с потребностью привлечь и удовлетворить ее внимание, а направлено на создание гендерного идеала, требующего для своего воплощения существенных физических, моральных и материальных ресурсов. Этот, пожалуй, самый распространенный гендерный стереотип ограничивает условия гендерного режима женщин в сфере власти и профессионально-трудовой деятельности, концентрируясь в большей степени в сфере семейно-бытовых отношений. К тому же, в качестве главной героини достаточно редко выступают персоны с ярко выраженным амплуа «деловой женщины». Это детерминирует более низкий статус женщины в социальной структуре и способствует институционализации сложившихся социальных иерархий за счет формирования и поддержания паттернов зависимости и подчиненности в отношении женской роли. В мужских изданиях герой обложки, как правило, воплощают традиционные образы маскулинности: он взрослый, состоявшийся, харизматичный. Однако можно говорить о некоторой трансформации мужского образа, когда современный мужчина со страниц глянцевого журнала транслирует женоподобную маскулинность, происходит сознательное конструирование мужского тела в соответствии с доминирующей культурой потребления. Это выражается в демонстрации обнаженного мужского тела и использовании средств декоративной косметики, что кардинально отличается от традиционной патриархальной визуализации мужского образа.

Графика в коммуникации как средство трансляции гендерных отношений

Помимо цвета и изображения особое значение в представлении информации и увеличении ее суггестивности имеют паралингвистические средства, которые участвуют в организации социально-психологического воздействия текста на аудиторию. Паралингвистические средства, применяемые в «мужских» и «женских» журналах, состоят из разнообразного сочетания визуаль-но-вербальных компонентов, которые усиливают коммуникативное воздействие. Они представлены, в первую очередь, средствами синграфимики и супраграфимики [12. С. 187–188].

Синграфемические средства – это выразительные возможности знаков препинания и пунктуационных комплексов в печатном сообщении. С одной стороны, это может быть постановка так называемых семантизированных знаков препинания, которые выполняют эмоционально-оценочную функцию в тексте, с другой – употребление «самодостаточных» знаков препинания, которые выступают, как правило, в роли аналогов слов, словосочетаний или понятий. Поэтому элементы синграфимики могут создавать особый «пунктуационный стиль», благодаря которому оказывается влияние на подсознание адресата. Исследуемые журналы в своей лексике часто используют многооточия для обозначения речевых пауз, незавершенности мысли автора и стремления «подтолкнуть» аудиторию к размышлению. В процессе анализа публикационных стилей выявлено, что исследуемые глянцевые журналы показывают большое разнообразие в пунктуационном и художественно-стилистическом варьировании, обусловленное гендерным признаком. Так, в

Men's Health, Esquire, GQ в сообщениях часто используется «негласное» побуждение к действию за счет применения восклицательных и вопросительных знаков препинания (около 30% сообщений от общей совокупности). В свою очередь, Cosmopolitan, Elle, Glamour используют синграфимику так, чтобы описать все возможные варианты социальных ситуаций и заложить основы для соответствующей интерпретации сообщений; это подразумевает употребление различного рода пунктуационных неточностей, свободное оперирование знаками и т.д.

Супраграфемные элементы (возможности шрифтового выделения) в той или иной мере присутствуют практически в каждом текстовом модуле. Шрифт является одним из старейших коммуникационных средств: смена шрифтов, их разнообразие обладают значительным потенциалом воздействия на аудиторию. Помимо стандартного шрифта, в журналах используются следующие супраграфические средства: сочетание и выбор кегля шрифта (усиление визуализации), макетирование текста (преобладание вербальной либо визуальной составляющей в нем), построчное деление (членение высказывания и логическое ударение в тексте), цветовая гамма (эмоциональность сообщения), которые образуют единую структурно-семантическую систему публикации. Такая вариативность проявления супраграфемных элементов в гляцевых журналах создает эффект просмотра на плоскости, где все оказывается развернутым в поверхность образным рядом. При этом мужские журналы демонстрируют достаточно строгую стилевую композицию, хотя в нем практически нет одинаковых схем разверстки, присутствует четкое ощущение стилевого единства оформления. Женские журналы вносят большее разнообразие в супраграфимику, используя различные маркеры, цветные подложки, многоцветные заголовки; часто в них применяется гротесковый шрифт, что с цветовым его выделением и нестандартным расположением на странице привносит особое художественно-стилистическое своеобразие, будоражит читателя и формирует особую «социальность» текстов.

Таким образом, паралингвистические средства имеют гендерную обусловленность. Маскулинность формируется через визуальные нормы и правила функционирования текстов, что отображает системные свойства общества – иерархизацию, наличие упорядоченного центра, обеспечение целостности. В то же время феминность отвечает за эмоционально-чувственное состояние общества и отображает динамичный характер социальных связей, что способствует появлению новых значений, а значит социальных изменений, пусть и незаметных на первый взгляд.

Вербализация маскулинности и феминности

Обратимся к анализу вербальных элементов коммуникации, которые участвуют в формировании гендерных отношений и организованы в соответствии со структурами, свойственными высказываниям людей в различных сферах социальной жизни. Реализация социальной коммуникации базируется на возможности процедур считывания и трансляции гендерных знаков посредством воспроизведения социальных взаимодействий, т.е. посредством установления гендерного дисплея.

В структуре дискурса мужского журнала основное содержание социальной роли связано с концептом маскулинности мужчины, т.е. набором лич-

ностных и социально-психологических качеств настоящего мужчины, воплощающихся в таких категориях, как «сила», «активность», «финансовое благополучие», «власть». Согласно статьям мужских изданий, мужчина – это «городской житель в поисках вкуса и стиля», для которого характерна «свобода движений», он находится в «гармонии с собой» и одновременно в «ударной форме». Формирование особого типа мужского сознания осуществляется посредством культурно обусловленной концептуализации действительности, системой когнитивных, аксиологических и нормативно-регулятивных смыслов, принципами их производства и трансляции [16. С. 4]. Мужская речь характеризуется использованием терминологической лексики из различных областей знаний, употреблением множества существительных, привязанных к фактам реальной жизни, а также вводных слов, имеющих значение констатации. Показателями мужской лексики также являются четкость структуры предложения, множественность повелительных предложений. Данные средства формируют особый способ общения и понимания окружающего мира, который отображает активную роль мужчины в его созидании и изменении.

В женских глянцевых журналах «красота» является центральным понятием, темой и коммуникативным посылом. Именно тому, как должна выглядеть девушка, посвящена большая часть статей (около 40% контента), второе место в количественном соотношении занимают статьи о моде и стиле (около 20% сообщений). Вербализация феминности на страницах женских журналов содержательно устанавливает главную интерпретативную схему относительно женского успеха, которая задает вектор деятельности женщин [13. С. 78], прежде всего, в достижении идеала в физических характеристиках, внешности и одежде в противовес творческому, властному и профессиональному видам деятельности. Это детерминирует установление социального статуса женщины как демонстративного, иллюзорного, незначимого с точки зрения социального контекста. В то же время конструирование феминности осуществляется посредством включения стереотипно-мужских признаков. Существенную роль в формировании современной «версии» женщины становятся атрибуты мужественности – работа, карьера, автомобиль и концептуальные лозунги – «бери от жизни все», «программируй себя на успех», «стань звездой», «ты этого достойна», «будь сама собой» и другие. В женских глянцевых изданиях используются специфические стилистические приемы и средства, отражающие повышенную эмоциональность содержания и которые в большей степени присущи женскому сознанию [14. С. 84]. Феминная экспрессия является хорошо известным гендерным стереотипом, подразумевающим некоторое соглашение, которое женщинам предлагается принять в своей активности, не только выражающее субординацию, но и частично конституирующее ее [15. С. 330]. Подобное состояние достигается за счет применения диминутивов – уменьшительно-ласкательных форм имен существительных и прилагательных (передают субъективное эмоционально-оценочное отношение к объекту), междометий (выполняют компенсационную или мобилизующую роль эмоциональных элементов женской речи), эпитетов (фокусируют субъективные особенности эстетического и эмоционального восприятия действительности и ее экспрессивного выражения), олицетворений (отражают способность воспринимать мир в образе).

Итак, осуществленный социологический анализ позволяет установить, что функционирование гляцевых журналов отвечает потребности общества в трансляции устоявшихся гендерных стереотипов, которые соответствуют поло-гендерной системе российского общества. При этом гендерный режим, воспроизводимый гляцевыми журналами, транслирует исторически сложившиеся социально-структурные отношения, с одной стороны, и установленные социокультурными традициями гендерные дисплеи между представителями разных полов – с другой. Используя механизмы социального неравенства, такие как дистанцирование, исключение, иерархизация (отношения господства и подчинения) и эксплуатация [17. Р. 39], происходит усвоение образцов феминности и маскулинности и формируется социально-статусная гендерная идентичность как особая символическая система, которая детерминирует нормативное поведение индивидов. Это подтверждает установленную в начале работы гипотезу исследования.

Заключение

Мотивационно-целевая установка дискурса гляцевого журнала заключается во внедрении в общественное сознание особой нормативной структуры со своим комплексом позиций, ролей, норм и ценностей. Гляцевые журналы конституируют в обществе гендерные стереотипы, посредством которых формируют гендерный режим, т.е. определенным образом организованную социальную реальность, апеллирующая, с одной стороны, к гендерному идеалу, а с другой – к соответствующему типу потребления, с помощью которой современный человек идентифицирует себя и закрепляет свое положение в социальной структуре общества. В то же время происходит постепенная трансформация поло-гендерной системы: появляются новые свойства и черты современной феминности и маскулинности, что отображает динамичный характер социума. В гендерной репрезентации в женском издании зафиксировано смещение акцентов в сторону моды и красоты, осуществляется популяризация образа жизни в контексте рекреативной деятельности с преобладанием гедонистических форм, что существенно уменьшает ареал женских ролей в российском обществе. В свою очередь, маскулинность чаще всего проявляется в сфере профессиональной деятельности, отвечающей за самореализацию мужчины, что идеологически закрепляет мужское доминирование. Как следствие, в обществе происходит разделение на основе поло-ролевых установок, т.е. осуществляется гендерная стратификация.

Можно утверждать, что популярные журналы символически закрепляют гендерное неравенство, ориентируя мужчин и женщин на различные жизненные стратегии, а также способы их реализации. При этом коммуникационными средствами воспроизводится гендерная асимметрия современного российского общества, однако она не носит «репрессивного» характера и может изменяться под влиянием социокультурных, информационных, экономических и политических факторов общественного развития.

Список источников

1. Гоголева Е.Н. Гендерные стереотипы в телевизионной рекламе как отражение гендерного неравенства // Женщина в российском обществе. 2019. № 1. С. 77–86. doi: 10.21064/WinRS.2019.1.7

2. Bourdieu P. *Distinction. A Social Critique of the Judgement of Taste*. London : Routledge, 1984. 613 p.
3. Lin N. Inequality in Social Capital // *Contemporary Sociology*. 2000. Vol. 29, № 6. P. 785–795. doi: 10.2307/2654086
4. Терборн Г. Глобализация и неравенство: проблемы концептуализации и объяснения / пер. с англ. И.Н. Тартаковской // *Социологическое обозрение*. 2005. Т. 4, № 1. С. 31–62.
5. Turner J.H. *The Institutional Order : Economy, Kinship, Religion, Polity, Law, and Education in Evolution and Comparative Perspective*. New York : Longman, 1997. 306 p.
6. Komter A. Hidden Power in Marriage // *Gender and Society*. 1989. Vol. 3, № 2. P. 187–216.
7. Rubin G. The Traffic in Women: Notes on the Political Economy of Sex // *Toward on Anthropology of Women* / ed. by R.R. Reiter. New York : Monthly Review Press, 1975. P. 157–210.
8. Здравомыслова Е.А., Темкина А.А. Социология гендерных отношений и гендерный подход в социологии // *Социологические исследования*. 2000. № 11. С. 15–23.
9. Коннелл Р. Гендер и власть : общество, личность и гендерная политика / пер. с англ. Т. Барчуновой ; под ред. И. Тартаковской. М. : Новое лит. обозрение, 2015. 432 с.
10. Goffman E. *Gender Advertisement*. New York : Hagerstone, San Francisco ; London : Harper & Row Publishers, 1979. 84 p.
11. Айвазова С.Г. Гендерный дискурс в поле консервативной политики // *Женщина в российском обществе*. 2017. № 4. С. 3–13. doi: 10.21064/WinRS.2017.4.1
12. Аникаева А.А. Сущность графических невербальных средств в печатной рекламе // *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2011. № 12. Вып. 10. С. 187–188.
13. Ермакова Л.И., Суховская Д.Н. Философский анализ теоретико-методологических оснований дискурсивной репрезентации городской идентичности // *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. 2021. № 64. С. 77–104. doi: 10.17223/1998863X/64/9
14. Новинкина Е.А. Языковая объективация феминности на страницах глянцевого журналов // *Медиалингвистика*. 2016. № 1. С. 82–90.
15. Гофман И. Гендерный дисплей // Введение в гендерные исследования. Хрестоматия / под ред. И.А. Жеребкиной, С.В. Жеребкина. 2-е изд., СПб. : Алетей, 2019. С. 306–335.
16. Самотуга Е.А. Лингвокогнитивные особенности дискурса глянцевого журналов: гендерный аспект (на материале российской версии журнала «Cosmopolitan» за 2005–2011 гг.) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Белгород : НИУ «БелГУ», 2012. 22 с.
17. Therborn G. *The Killing Fields of Inequality*. London : Polity Press, 2013. 180 p.

References

1. Gogoleva, E.N. (2019) Gender stereotypes in television commercials as a gender inequality reflection. *Zhenshchina v rossiyskoy obshchestve – Women in Russian Society*. 1. pp. 77–86. (In Russian). DOI: 10.21064/WinRS.2019.1.7
2. Bourdieu, P. (1984) *Distinction. A Social Critique of the Judgement of Taste*. London: Routledge.
3. Lin, N. (2000) Inequality in Social Capital. *Contemporary Sociology*. 29(6). pp. 785–795. DOI: 10.2307/2654086
4. Therborn, G. (2005) Globalizatsiya i neravenstvo: problemy kontseptualizatsii i ob"yasneniya [Globalization and inequality: Issues of conceptualization and of explanation]. Translated from English by I.N. Tartakovskaya. *Sotsiologicheskoe obozrenie – Russian Sociological Review*. 4(4). pp. 57–68.
5. Turner, J.H. (1997) *The Institutional Order: Economy, Kinship, Religion, Polity, Law, and Education in Evolution and Comparative Perspective*. New York: Longman.
6. Komter, A. (1989) Hidden Power in Marriage. *Gender and Society*. 3(2). pp. 187–216.
7. Rubin, G. (1975) The Traffic in Women: Notes on the Political Economy of Sex. In: Reiter, R.R. (ed.) *Toward on Anthropology of Women*. New York: Monthly Review Press. pp. 157–210.
8. Zdravomyslova, E.A. & Temkina, A.A. (2000) Sociology of gender relations and gender approach in sociology. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 11. pp. 15–23. (In Russian).
9. Connell, R.W. (2015) *Gender i vlast': obshchestvo, lichnost' i gendernaya politika* [Gender and Power: Society, the Person and Sexual Politics]. Translated from English by T. Barchunova. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
10. Goffman, E. (1979) *Gender Advertisement*. New York: Hagerstone, San Francisco; London: Harper & Row Publishers.

11. Ayvazova, S.G. (2017) Gender discourse in the field of conservative policy. *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve – Women in Russian Society*. 4. pp. 3–13. (In Russian). DOI: 10.21064/WinRS.2017.4.1

12. Anikaeva, A.A. (2011) Sushchnost' graficheskikh neverbal'nykh sredstv v pechatnoy reklame [Essence of graphic non-verbal facilities in the printed advertisement]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki*. 10. pp. 186–191.

13. Ermakova, L.I. & Sukhovskaya, D.N. (2021) Philosophical analysis of the theoretical and methodological foundations of the discursive representation of urban identity. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 64. pp. 77–104. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/64/9

14. Novinkina, E.A. (2016) Yazykovaya ob'ektivatsiya feminnosti na stranitsakh glyantsevykh zhurnalov [Language objectivation of femininity in glossy magazines]. *Medialingvistika – Media Linguistics*. 1(11). pp. 82–90.

15. Goffman, E. (2019) Gendernyy displey [Gender Display]. In: Zhrebkina, I.A. & Zhrebkin, S.V. (eds) *Vvedenie v gendernye issledovaniya. Khrestomatiya* [Introduction to Gender Studies. A Reader.]. St. Petersburg: Aleteyya. pp. 306–335.

16. Samotuga, E.A. (2012) *Lingvokognitivnye osobennosti diskursa glyantsevykh zhurnalov: gendernyy aspekt (na materiale rossiyskoy versii zhurnala “Cosmopolitan” za 2005–2011 gg.)* [Linguistic-cognitive features of glossy magazines discourse: The gender aspect (based on the Russian version of Cosmopolitan magazine for 2005–2011)]. Abstract of Philology Cand. Diss. Belgorod: BelSU.

17. Therborn, G. (2013) *The Killing Fields of Inequality*. London: Polity Press.

Сведения об авторе:

Гоголева Е.Н. – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и политологии Тульского государственного университета (Тула, Россия). E-mail: elenagog@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Gogoleva E.N. – Cand. Sci. (Sociology), associate professor, Sociological and Political Department, Tula State University (Tula, Russian Federation). E-mail: elenagog@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 01.04.2022;
одобрена после рецензирования 25.01.2024; принята к публикации 04.03.2024
The article was submitted 01.04.2022;
approved after reviewing 25.01.2024; accepted for publication 04.03.2024

Научная статья

УДК 159.9.072.432

doi: 10.17223/1998863X/77/18

СВЯЗЬ СТРАТЕГИЙ СОВЛАДАЮЩЕГО ПОВЕДЕНИЯ И СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ХАРАКТЕРИСТИК ПАЦИЕНТОВ С ДИАГНОЗОМ «РАК ЛЕГКОГО»

Максим Алексеевич Демчук¹, Яна Николаевна Пахомова²,
Диана Александровна Циринг³

^{1,2,3} Томский государственный университет, Томск, Россия

^{1,2} Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

¹ demchukmax74@gmail.com

² sizova159@yandex.ru

³ l-di@yandex.ru

Аннотация. Исследована связь стратегий совладающего поведения и социально-демографических характеристик пациентов с диагнозом «рак легкого». При сборе эмпирического материала авторы использовали анкету для получения данных о социально-демографических показателях и психодиагностическую опросную методику «Способы совладающего поведения» Р. Лазаруса (адаптация Т.Л. Крюковой). Полученные результаты позволили спрогнозировать поведение пациента в процессе лечения.

Ключевые слова: рак легкого, копинг-стратегии, социально-демографические характеристики, онкопсихология

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 21-18-00434, <https://rscf.ru/project/21-18-00434/>.

Для цитирования: Демчук М.А., Пахомова Я.Н., Циринг Д.А. Связь стратегий совладающего поведения и социально-демографических характеристик пациентов с диагнозом «рак легкого» // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2024. № 77. С. 215–225. doi: 10.17223/1998863X/77/18

Original article

CONNECTION BETWEEN COPING STRATEGIES AND SOCIO-DEMOGRAPHIC CHARACTERISTICS OF PATIENTS DIAGNOSED WITH LUNG CANCER

Maxim A. Demchuk¹, Yana N. Pakhomova², Diana A. Tsiring³

^{1,2,3} Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

^{1,2} Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russian Federation

¹ demchukmax74@gmail.com

² sizova159@yandex.ru

³ l-di@yandex.ru

Abstract. The article examines the connection between coping strategies and socio-demographic characteristics of patients diagnosed with lung cancer. When collecting empirical material, the authors used a questionnaire to obtain data on socio-demographic

indicators and the psychodiagnostic survey technique “Methods of Coping Behavior” by R. Lazarus (adapted by T.L. Kryukova). The respondents in this study were 78 patients of the Chelyabinsk Regional Clinical Center of Oncology and Nuclear Medicine, aged from 39 to 80, with malignant neoplasms arising from the epithelium of the tissue of large and medium bronchi, small bronchioles and alveoli. The results of the study are the following. (1) A clear difference between groups of respondents on the basis of “gender” is observed in the coping strategies “confrontational coping” and “positive reappraisal”: the latter is significantly higher in women, while the former in men. The coping strategy “planning to solve a problem”, which is weakly expressed in both men and women, is separately noted; its values are below the norm of the questionnaire. (2) A significant difference between groups of respondents on the basis of “professional status” is observed in the coping strategies “distancing” and “taking responsibility”; among non-working respondents they are much more pronounced. (3) A significant difference between groups of respondents based on age is observed in the coping strategies of “distancing”, “seeking social support”, “planning to solve a problem”, and “positive reappraisal”. Respondents in the 51–60 age group have the highest values of coping “seeking social support”, “planning to solve a problem”, “positive reappraisal”, and the lowest “distancing”. Respondents in the 61–70 age group have the lowest value compared to other groups of respondents and the norm of the questionnaire for the strategy “planning to solve a problem”. Respondents in the 71–80 age group have the highest value for the strategies “seeking social support” and “distancing”, as well as a low value for “planning to solve a problem” in relation to the questionnaire norm. The results obtained can serve as a building block for the development of a scientifically based system of psychological support for both patients and medical personnel working with them at all stages of treatment: from diagnosis to remission.

Keywords: lung cancer, coping strategies, socio-demographic characteristics, oncopscychology

Acknowledgments: The study is supported by the Russian Science Foundation, Project No. 21-18-00434, <https://rscf.ru/project/21-18-00434/>

For citation: Demchuk, M.A., Pakhomova, Ya.N. & Tsiring, D.A. (2024) Connection between coping strategies and socio-demographic characteristics of patients diagnosed with lung cancer. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 77. pp. 215–225. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/77/18

Рак легкого – наиболее часто встречающееся заболевание в структуре злокачественных новообразований дыхательной системы и второе среди онкологических заболеваний в целом. По уровню смертности рак легкого занимает первое место [1]. Согласно данным общемировой статистики, в 2020 г. было зафиксировано около 2,2 млн случаев диагностирования рака легкого (11,4% от общего числа подтвержденных онкологических заболеваний), и около 1,8 млн летальных исходов (18% от общего числа умерших от онкологических заболеваний) [2].

Несмотря на появление новых методов диагностики и лечения онкологических заболеваний, Всемирная организация здравоохранения отмечает, что выживаемость остается на чрезвычайно низком уровне, а отрицательная динамика количества пациентов с подтвержденным онкологическим заболеванием в последующие годы (и даже десятилетия), в связи с демографическими изменениями, а также глобализационными процессами, вероятно, будет только расти [3].

Высокий уровень смертности у пациентов с диагнозом «рак легкого» обусловлен отсутствием каких-либо симптомов на ранних стадиях и специфических признаков заболевания на поздних. Большинство случаев рака легкого на I–II стадии, когда клиническая картина лечения благоприятная, выявляется случайно в ходе различных медицинских исследований (флюорография,

МРТ и т.д.), пятилетняя выживаемость же на III–IV стадии крайне мала и составляет, в зависимости от типа рака, возраста пациента, а также уровня здравоохранения и качества жизни в конкретной стране, от 33 до 0% [4–6].

В связи с этим данный тип рака занимает одно из лидирующих мест по степени интенсивности психотравмирующего воздействия на пациента. Естественное (обусловленное отсутствием специфических признаков заболевания) позднее обращение в медицинское учреждение, осознание фатальности сложившейся ситуации и нежелание ухудшать качество оставшегося срока жизни не дающими устойчивых гарантий медицинскими процедурами (химиотерапия, лучевая терапия) приводят к нарушению привычного физического и ментального состояния организма, невозможности долгосрочного планирования собственной жизни и, как следствие, многократному усложнению процесса принятия правильного для текущей ситуации решения (высокий риск отказа от начала либо прерывания уже текущего лечения) [7].

Для выстраивания релевантного каждому конкретному случаю плана лечения и прогнозирования возможных конфликтов пациента как с самим собой (отказ от лечения вследствие возникших или вновь проявившихся психических расстройств), так и с окружающим его социумом (взаимодействие с врачебным персоналом, родственниками и т.д.), необходимо понимание механизмов принятия и проработки сложившейся стрессовой ситуации как в контексте самого заболевания, так и в зависимости от личного бэкграунда, который человек имеет на момент его возникновения.

Понимая очевидную невозможность проанализировать в рамках одного исследования все многообразие аспектов, напрямую касающихся данной проблемы, мы решили рассмотреть взаимосвязь двух – стратегий совладающего поведения и социально-демографических факторов.

Под стратегиями совладающего поведения (копинг-стратегиями) мы понимаем совокупность эмоциональных, поведенческих и когнитивных стратегий, направленных на осознание, проработку и либо преодоление стрессовой ситуации, либо адаптацию к ней [8]. Существует большое количество современных исследований на стыке медицины и психологии как в отечественном, так и в зарубежном научном пространстве, объектом рассмотрения которых выступают стратегии совладающего поведения у пациентов с выявленными онкологическими заболеваниями. В качестве ключевых исследовательских магистралей можно выделить следующие: копинг-стратегии в контексте эмоциональной дезадаптации и когнитивных предикторов онкопациентов [9–12], копинг-стратегии в контексте качества жизни [13–15], копинг-стратегии в контексте посттравматического стресса, где источником стресса выступает само онкологическое заболевание [16, 17]. В зависимости от типа онкологического заболевания (его локализации, течения и т.д.), независимой переменной (контекста, разнообразных психологических предикторов и т.д.) и используемых методов результаты оказываются уникальными, применимыми к конкретной группе пациентов в конкретных условиях.

Социально-демографическими характеристиками, актуальными для нашего исследования, являются пол, возраст, профессиональный статус как наиболее точно обозначаемые и, соответственно, относительно устойчивые.

В социологическом исследовании приняли участие 78 человек в возрасте от 39 до 80 лет (средний возраст 61 год), больных злокачественным новооб-

разованием (рак легкого), исходящим из эпителия ткани крупных и средних бронхов, мелких бронхиол и альвеол. Все респонденты наблюдаются у онколога не менее 3 месяцев с момента постановки диагноза, проживают на территории г. Челябинска и Челябинской области и находятся на стационарном лечении в ГБУЗ «Челябинский областной клинический центр онкологии и ядерной медицины».

Для сбора эмпирического материала использовались: 1) анкета, призванная определить социально-демографические показатели респондента, а именно его половую принадлежность, возраст, профессиональный статус, уровень дохода, семейное положение, образование, необходимость в психологической помощи в данный момент времени, стадию заболевания; 2) психодиагностическая опросная методика «Способы совладающего поведения» Р. Лазаруса (адаптация Т. Л. Крюковой), позволяющая выявить используемые респондентом копинг-стратегии (нормы опросника представлены в описании методики). Ниже представлен список стратегий совладающего поведения с краткими пояснениями:

1) конфронтационный копинг – преодоление проблемы за счет импульсивных попыток ее решения и, как следствие, активной разрядки негативных эмоций;

2) дистанцирование – преодоление проблемы за счет снижения уровня ее субъективной значимости и, как следствие, эмоционального вовлечения;

3) самоконтроль – преодоление проблемы за счет стремления к самообладанию и целенаправленному сдерживанию эмоций;

4) поиск социальной поддержки – преодоление проблемы за счет поиска и привлечения информационной, эмоциональной и действенной поддержки со стороны других людей;

5) принятие ответственности – преодоление проблемы за счет осознания собственной ответственности за ее решение;

6) бегство-избегание – преодоление проблемы за счет ее избегания, отрицания, уклонения от ответственности, генерации неоправданных ожиданий;

7) планирование решения проблемы – преодоление проблемы за счет целенаправленной выработки стратегии ее решения с учетом имеющегося жизненного бэкграунда и объективных условий контекста;

8) положительная переоценка – преодоление проблемы за счет ее положительного переосмысления, попыток увидеть в ней точки для личностного роста [18].

При взаимодействии с респондентами использовалась индивидуальная форма сбора данных, в основе которой лежит формирование мотивации через установление доверительного контакта, подробное объяснение целей и задач проводимого исследования, а также содействие в понимании и заполнении опросных методик. Время работы респондента не ограничивалось.

Собранные данные обрабатывались и анализировались с помощью программы SPSS 24 (*t*-критерий Стьюдента, многофакторный дисперсионный анализ ANOVA).

С целью изучения совладающего поведения респонденты были объединены в группы в зависимости от ряда устойчивых показателей: пола, возраста и профессионального статуса.

Было опрошено 49 мужчин и 29 женщин. Ниже представлены показатели совладающего поведения в данных подгруппах (табл. 1).

Таблица 1. Результаты сравнительного анализа стратегий совладающего поведения у мужчин и женщин с диагнозом «рак легкого»

Название копинг-стратегии	Среднее значение показателей		<i>t</i>	<i>p</i>	Норма опросника
	Мужчины	Женщины			
Конфронтационный копинг	9,837	7,438	1,643	0,010	7–11
Дистанцирование	9,429	9,172	0,390	0,697	7–11
Самоконтроль	12,163	12,655	–0,561	0,576	12–16
Поиск социальной поддержки	10,041	10,793	–0,734	0,465	8–13
Принятие ответственности	7,490	7,000	0,835	0,406	6–9
Бегство-избегание	12,245	11,310	0,915	0,363	8–13
Планирование решения проблемы	10,592	10,069	0,565	0,573	11–15
Положительная переоценка	10,735	12,862	–1,115	0,027	10–15

Проанализировав результаты сравнительного анализа, мы переходим к их интерпретации. Можно отметить, что наиболее слабо выраженной у женщин стратегией совладающего поведения по сравнению с мужчинами является «конфронтационный копинг» (см. табл. 1). Положительные стороны данной стратегии состоят в умении динамично снижать уровень собственной тревожности и эффективно решать сиюминутные проблемы, не имеющие долгосрочных последствий, однако, при растянутости стрессовой ситуации во времени использование конфронтационного копинга может привести к эмоциональному выгоранию вследствие утраты контроля над агрессией, обострению конфликтных ситуаций (например, с врачебным персоналом или родственниками) и, как следствие, невозможности спланировать будущее как в краткосрочной, так и в долгосрочной перспективе.

Эти данные согласуются с преобладанием у женщин с диагнозом «рак легкого» по сравнению с мужчинами копинг-стратегии «положительная переоценка», а также с характерным как для мужчин, так и для женщин редким применением копинг-стратегии «планирование решения проблемы» (см. табл. 1). Сложности в поиске рационального решения проблемы (большое количество факторов, которые не зависят напрямую от пациента) приводят к усилению ощущения утраты контроля и необходимости влиять на ситуацию на эмоционально-образном уровне, т.е. искать такие ракурсы, которые позволили бы найти в ней возможности (например, для личностного роста) и ресурсы для дальнейшего существования в ней.

У мужчин с диагнозом «рак легкого» по сравнению с женщинами наиболее выраженной копинг-стратегией является «конфронтационный копинг» (см. табл. 1). Пациенты стараются дистанцироваться от возникшей стрессовой ситуации, в которой оказались, не воспринимая ее всерьез, что хорошо сочетается с наиболее слабо выраженной по сравнению с женщинами стратегией «положительная переоценка» и находящейся ниже нормы опросника «планирование решения проблемы». Можно предположить, что пациенты мужского пола стараются не думать о возникшей ситуации, либо, наоборот, пытаются скрыть высокий уровень эмоционального напряжения.

Таким образом, интерпретируя полученные результаты (см. табл. 1), можно говорить о том, что используемые пациентами мужского и женского пола копинг-стратегии значительно различаются. Это предполагает значи-

тельную разницу в подходах к данным категориям онкобольных. Так, для женщин будет оптимальным подход выстраивания долгосрочного планирования через демонстрацию опыта пациентов, вышедших в ремиссию, и актуализацию жизненных ценностей (семьи, детей, внуков), мужчины же, вероятно, будут воспринимать большинство попыток психологической помощи как вторжение в личное пространство с резко негативной обратной реакцией, в связи с чем работа с данной категорией пациентов требует осторожности и сопряжена с риском не только не помочь человеку, но и, наоборот, навредить.

Далее нами были проанализированы ответы респондентов с диагнозом «рак легкого» с различным профессиональным статусом: работающие (36 человек) и неработающие (42 человека). В первую группу вошли как официально трудоустроенные респонденты, так и те, что работают неофициально. Во вторую – пенсионеры или респонденты, не имеющие постоянного места работы.

Ниже представлены показатели совладающего поведения в данных подгруппах (табл. 2).

Таблица 2. Результаты сравнительного анализа стратегий совладающего поведения у работающих и неработающих пациентов с диагнозом «рак легкого»

Название копинг-стратегии	Среднее значение		<i>t</i>	<i>p</i>	Норма опросника
	Работающие	Неработающие			
Конфронтационный копинг	8,333	8,333	0	7–11	7–11
Дистанцирование	8,611	9,952	–2,171	7–11	7–11
Самоконтроль	12,444	12,262	0,214	12–16	12–16
Поиск социальной поддержки	10,167	10,452	–0,287	8–13	8–13
Принятие ответственности	6,778	7,967	–1,758	6–9	6–9
Бегство-избегание	12,111	11,714	0,399	0,691	8–13
Планирование решения проблемы	10,500	10,310	0,212	0,833	11–15
Положительная переоценка	11,111	11,190	–0,080	0,936	10–15

Проанализировав результаты сравнительного анализа, проведенного с помощью критерия Стьюдента, мы переходим к их интерпретации. У неработающих респондентов значительно выше по сравнению с работающими использование копинг-стратегий «дистанцирование» и «принятие ответственности» (см. табл. 2). Объясняется это, вероятно, тем, что основная масса безработных респондентов (порядка 95%) являются пенсионерами, в связи с чем не располагают широким кругом общения и сосредоточены в основном на семье. Можно предположить, что взаимодействие с детьми/внуками, забота о них, помощь в конструировании будущего традиционно предполагает больший уровень ответственности, нежели тот, что сопряжен с выполнением рабочих задач. Также необходимо отметить как у работающих, так и у неработающих респондентов низкое значение по сравнению с нормой опросника копинг-стратегии «планирование решения проблемы».

Последним параметром для сравнения совладающего поведения у пациентов с диагнозом «рак легкого» выступил возраст. Все пациенты были разделены нами на три подгруппы: 51 год – 60 лет (26 человек), 61 год – 70 лет (31 человек), 71 год – 80 лет (13 человек). Для того чтобы выборка была репрезентативной, мы решили не рассматривать респондентов в возрастной группе до 51 года по причине их малого количества (8 человек), табл. 3.

Таблица 3. Результаты сравнительного анализа стратегий совладающего поведения у пациентов с диагнозом «рак легкого» разного возраста

Название копинг-стратегии	Среднее значение			F	p	Норма опросника
	51–60 лет	61–70 лет	71–80 лет			
Конфронтационный копинг	8,615	7,806	9,077	0,663	0,519	7–11
Дистанцирование	8,192	9,968	10,077	3,689	0,030	7–11
Самоконтроль	12,115	12,548	12,308	0,094	0,910	12–16
Поиск социальной поддержки	12,462	8,806	10,231	5,438	0,006	8–13
Принятие ответственности	7,615	7,258	7,462	0,160	0,852	6–9
Бегство-избегание	11,654	11,581	11,462	0,012	0,988	8–13
Планирование решения проблемы	11,923	9,226	9,846	3,437	0,038	11–15
Положительная переоценка	12,500	9,935	11,308	2,506	0,089	10–15

Согласно результатам сравнительного анализа, респонденты в возрасте 51 года – 60 лет значительно чаще, чем пациенты в возрасте 61–70 и 71 года – 80 лет используют копинг-стратегии «поиск социальной поддержки», «планирование решения проблемы» и «положительная переоценка», и значительно реже копинг-стратегию «дистанцирование» (см. табл. 3). Можно предположить, что стратегия «планирование решения проблемы» актуальна, потому что в этом возрасте человек находится на пике социальной активности, имеет влияние как на свою жизнь, так и на жизнь окружающих. В то же время появляется осознание того, что период активности конечен, соответственно, актуализируется запрос на «поиск социальной поддержки». Сочетание двух названных стратегий, в свою очередь, актуализирует стратегию «положительная переоценка».

Респонденты в возрасте 61 года – 70 лет значительно меньше, чем респонденты в возрасте 51–60 и 71 года – 80 лет прибегают к копинг-стратегии «планирование решения проблемы» (см. табл. 3). Более того, значение данной стратегии у данной группы респондентов находится ниже нормы опросника. Остальные копинг-стратегии находятся в пределах срединных значений, без преобладаний какой-либо конкретной. Объясняется это сломом жизненной парадигмы, происходящим в данном возрасте в связи с выходом на пенсию. Трансформация устоявшихся ежедневных ритуалов, а также заметные перемены в физическом и эмоциональном состоянии разрушают сформированную на протяжении многих лет картину мира и вынуждают подстраиваться под новые реалии. В связи с этим данная категория пациентов одновременно со своей многочисленностью является наиболее уязвимой перед онкологическим заболеванием и последующим с ним существованием.

Респонденты в возрасте 71 года – 80 лет значительно чаще, чем респонденты в возрасте 51–60 и 61 года – 70 лет прибегают к использованию копинг-стратегии «дистанцирование» (см. табл. 3). Вероятно, частое использование данной стратегий обусловлено тем, что люди преклонного возраста не располагают необходимым уровнем физиологического и психологического ресурса для выхода из столь стрессовой ситуации как онкологическое заболевание вследствие как упадка социальной активности, так и снижения влияния и на собственную жизнь, и на жизнь окружающих. На фоне преобладания

«дистанцирования» логичным выглядит низкое значение копинга «планирование решения проблемы», которое находится ниже нормы опросника и практически равнозначно показателю, наблюдаемому по данной копинг-стратегии у респондентов в возрасте 61 года – 70 лет.

Таким образом мы можем говорить о принципиальной разнице у пациентов с диагнозом «рак легкого» стратегий совладающего поведения в контексте присущих им социально-демографических характеристик. Так, мужчины значительно чаще женщин используют «конфронтационный копинг», а женщины, в свою очередь, «положительную переоценку» (см. табл. 1). Неработающие пациенты более склонны к применению стратегий «дистанцирование» и «принятие ответственности», чем работающие (см. табл. 2). Пациенты в возрасте 51 года – 60 лет имеют более выраженные показатели копингов «поиск социальной поддержки», «планирование решения проблемы» и «положительная переоценка», пациенты в возрасте 61 года – 70 лет не имеют выраженных копинг-стратегий вообще, а пациенты в возрасте 71 года – 80 лет наиболее часто обращаются к «дистанцированию» (см. табл. 3). Также для всех категорий респондентов за исключением пациентов в возрасте 51 года – 60 лет характерно значение «планирования решения проблемы» ниже нормы опросника.

Полученное представление о связи стратегий совладающего поведения и социально-демографических характеристик людей с диагнозом «рак легкого» служит составным элементом для разработки научно обоснованной системы психологической поддержки как пациентов, так и работающего с ними медицинского персонала. Система призвана помочь врачам и психологам оказывать своевременную как медицинскую, так и психологическую помощь по выстраиванию стратегии адаптации к выживанию в условиях серьезного хронического заболевания.

Список источников

1. *Bade B., Dela Cruz C.* Lung Cancer 2020: Epidemiology, Etiology, and Prevention // Clin. Chest Med. 2020. Vol. 41 (1). P. 1–24. doi: 10.1016/j.ccm.2019.10.001
2. *Sung H., Ferlay J., Siegel R., Laversanne M., Soerjomataram I., et al.* Global Cancer Statistics 2020: GLOBOCAN Estimates of Incidence and Mortality Worldwide for 36 Cancers in 185 Countries // CA: A Cancer Journal for Clinicians. 2021. Vol. 71 (3). P. 209–249. doi: 10.3322/caac.21660
3. *Estimated number of new cases from 2020 to 2040, Incidence, Both sexes, age [0-85+] // World Health Organization : IARC.* 2020. URL: <https://gco.iarc.fr/tomorrow/en/dataviz/tables> (accessed: 26.09.2023).
4. *Goldstraw P., Chansky K., Crowley J., Rami-Porta R., Asamura H., et al.* The IASLC Lung Cancer Staging Project: Proposals for Revision of the TNM Stage Groupings in the Forthcoming (8th) ed. of the TNM Classification for Lung Cancer // Journal of Thoracic Oncology. 2016. Vol. 11 (1). P. 39–51. doi: 10.1016/j.jtho.2015.09.009
5. *Rivera P., Mody G.* Chap. 77. Lung Cancer: Treatment // Murray & Nadel's Textbook of Respiratory Medicine (7 ed.) / Broadbuss C., Ernst J., King T. et al. Philadelphia, 2022. P. 1052–1065.
6. *Allemani C., Matsuda T., Di Carlo V., Harewood R., Matz M. et al.* Global surveillance of trends in cancer survival 2000–14 (CONCORD-3): analysis of individual records for 37,513,025 patients diagnosed with one of 18 cancers from 322 population-based registries in 71 countries // Lancet. 2018. Vol. 391 (10125). P. 1023–1075. doi: 10.1016/S0140-6736(17)33326-3
7. *Лукошкина Е.П., Караваева Т.А., Васильева А.В.* Этиология, эпидемиология и психотерапия сопутствующих психических расстройств при онкологических заболеваниях // Вопросы онкологии. 2016. № 6 (62). С. 774–782. doi: 10.31363/2313-7053-2022-4-107-111
8. *Крюкова Т.Л.* Психология совладающего поведения: современное состояние, проблемы и перспективы // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2008. № 5 (14). С. 147–153.

9. Сирота Н.А., Московченко Д.В. Когнитивные и эмоциональные индикаторы совладающего поведения у женщин с онкологическими заболеваниями // Медицинская психология в России. 2014. № 4 (27). URL: http://mprj.ru/archiv_global/2014_4_27/nomer/nomer04.php (дата обращения: 26.09.2023).
10. Махнач Л.М. Копинг-стратегии у онкологических пациентов с различной степенью эмоциональной дезадаптации // Философия и социальные науки. 2011. № 2. С. 69–74.
11. Nipp R., El-Jawahri A., Fishbein J. et al. The relationship between coping strategies, quality of life, and mood in patients with incurable cancer // Cancer. 2016. Vol. 122 (13). P. 2110–2116. doi: 10.1002/cncr.30025
12. Karademas E., Simos P., Pat-Horenczyk R., Roziner I., Mazzocco K., et al. Cognitive, emotional, and behavioral mediators of the impact of coping self-efficacy on adaptation to breast cancer: An international prospective study // Psychooncology. 2021. Vol. 30 (9). P. 1555–1562. doi: 10.1002/pon.5730
13. Запесоцкая И.В. Социально-психологические детерминанты копинг-поведения онкологических больных (на примере больных раком молочной железы) // Клиническая и медицинская психология: исследования, обучение, практика. 2016. № 1 (11). URL: <http://medpsy.ru/climp> (дата обращения: 26.09.2023).
14. Циринг Д.А., Пахомова Я.Н. Совладающее поведение женщин с онкологическими заболеваниями (на примере пациентов с раком молочной железы) // Сибирский психологический журнал. 2020. № 78. С. 130–144. doi: 10.17223/17267080/78/8
15. Khalili N., Farajzadegan Z., Mokarian F., Bahrami F. Coping strategies, quality of life and pain in women with breast cancer // Iranian Journal of Nursing and Midwifery Research. 2013. Vol. 18 (2). P. 105–111.
16. Тарабрина Н.В. Посттравматический стресс у больных угрожающими жизни (онкологическими) заболеваниями // Журнал консультативной психологии и психотерапии. 2014. № 1 (22). С. 40–63.
17. Cordova M., Riba M., Spiegel D. The relationship between coping strategies, quality of life, and mood in patients with incurable cancer // Lancet Psychiatry. 2017. Vol. 4 (4). P. 330–338. doi: 10.1016/S2215-0366(17)30014-7
18. Крюкова Т.И. Методы изучения совладающего поведения: три копинг – шкалы. Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова : Авантитул, 2010. 64 с.

References

1. Bade, B. & Dela Cruz, C. (2020) Lung Cancer 2020: Epidemiology, Etiology, and Prevention. *Clin Chest Med.* 41(1). pp. 1–24. DOI: 10.1016/j.ccm.2019.10.001
2. Sung, H., Ferlay, J., Siegel, R., Laversanne, M., Soerjomataram, I. et al. (2020) Global Cancer Statistics 2020: GLOBOCAN Estimates of Incidence and Mortality Worldwide for 36 Cancers in 185 Countries. *CA: A Cancer Journal for Clinicians.* 71(3). pp. 209–249. DOI: 10.3322/caac.21660
3. WHO. (2020) *Estimated number of new cases from 2020 to 2040, Incidence, Both sexes, age [0-85+]*. [Online] Available from: <https://gco.iarc.fr/tomorrow/en/dataviz/tables> (Accessed: 26th September 2023).
4. Goldstraw, P., Chansky, K., Crowley, J., Rami-Porta, R., Asamura, H. et al. (2016) The IASLC Lung Cancer Staging Project: Proposals for Revision of the TNM Stage Groupings in the Forthcoming (8th) ed. of the TNM Classification for Lung Cancer. *Journal of Thoracic Oncology.* 11(1). pp. 39–51. DOI: 10.1016/j.jtho.2015.09.009
5. Rivera, P. & Mody, G. (2022) Chap. 77. Lung Cancer: Treatment. In: Broadus, C., Ernst, J., King, T. et al. *Murray & Nadel's Textbook of Respiratory Medicine.* 7 ed. Philadelphia. pp. 1052–1065.
6. Allemani, C., Matsuda, T., Di Carlo, V., Harewood, R., Matz, M. et al. (2018) Global surveillance of trends in cancer survival 2000–14 (CONCORD-3): analysis of individual records for 37,513,025 patients diagnosed with one of 18 cancers from 322 population-based registries in 71 countries. *Lancet.* 391(10125). pp. 1023–1075. DOI: 10.1016/S0140-6736(17)33326-3
7. Lukoshkina, E.P., Karavaeva, T.A. & Vasilieva, A.V. (2016) Etiologiya, epidemiologiya i psikhoterapiya soputstvuyushchikh psikhicheskikh rasstroystv pri onkologicheskikh zabolevaniyakh [Etiology, epidemiology and psychotherapy of concomitant mental disorders in cancer]. *Voprosy onkologii.* 6(62). pp. 774–782. DOI: 10.31363/2313-7053-2022-4-107-111
8. Kryukova, T.L. (2008) Psikhologiya sovladayushchego povedeniya: sovremennoe sostoyanie, problemy i perspektivy [Psychology of coping behavior: Current state, problems and prospects]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.A. Nekrasova.* 5(14). pp. 147–153.

9. Sirota, N.A. & Moskvchenko, D.V. (2014) Kognitivnye i emotsional'nye indikatory sovladayushchego povedeniya u zhenshchin s onkologicheskimi zabolevaniyami [Cognitive and emotional indicators of coping behavior in women with cancer]. *Meditinskaya psikhologiya v Rossii*. 4(27). [Online] Available from: http://mprj.ru/archiv_global/2014_4_27/nomer/nomer04.php (Accessed: 26th September 2023).
10. Makhnach, L.M. (2011) Koping-strategii u onkologicheskikh patsientov s razlichnoy stepen'yu emotsional'noy dezadaptatsii [Coping strategies in cancer patients with varying degrees of emotional maladjustment]. *Filosofiya i sotsial'nye nauki*. 2. pp. 69–74.
11. Nipp, R., El-Jawahri, A., Fishbein J. et al. (2016) The relationship between coping strategies, quality of life, and mood in patients with incurable cancer. *Cancer*. 122(13). pp. 2110–2116. DOI: 10.1002/cncr.30025
12. Karademas, E., Simos, P., Pat-Horenczyk, R., Roziner, I., Mazzocco, K., et al. (2021) Cognitive, emotional, and behavioral mediators of the impact of coping self-efficacy on adaptation to breast cancer: An international prospective study. *Psychooncology*. 30(9). pp. 1555–1562. DOI: 10.1002/pon.5730
13. Zapesotskaya, I.V. (2016) Sotsial'no-psikhologicheskie determinanty koping-povedeniya onkologicheskikh bol'nykh (na primere bol'nykh rakom molochnoy zhelezy) [Socio-psychological determinants of coping behavior of cancer patients (using the example of patients with breast cancer)]. *Klinicheskaya i meditsinskaya psikhologiya: issledovaniya, obuchenie, praktika*. 1(11). [Online] Available from: <http://medpsy.ru/climp> (Accessed: 26th September 2023).
14. Tsiring, D.A. & Pakhomova, Ya.N. (2020) Coping behavior of women with cancer (using the example of patients with breast cancer). *Sibirskiy psikhologicheskii zhurnal – Siberian Journal of Psychology*. 78. pp. 130–144. (In Russian). DOI: 10.17223/17267080/78/8
15. Khalili, N., Farajzadegan, Z., Mokarian, F. & Bahrami, F. (2013) Coping strategies, quality of life and pain in women with breast cancer. *Iranian Journal of Nursing and Midwifery Research*. 18(2). pp. 105–111.
16. Tarabrina, N.V. (2014) Posttravmaticheskiy stress u bol'nykh ugrozhayushchimi zhizni (onkologicheskimi) zabolevaniyami [Post-traumatic stress in patients with life-threatening (oncological) diseases]. *Zhurnal konsul'tativnoy psikhologii i psikhoterapii*. 1(22). pp. 40–63.
17. Cordova, M., Riba, M. & Spiegel, D. (2017) The relationship between coping strategies, quality of life, and mood in patients with incurable cancer. *Lancet Psychiatry*. 4(4). pp. 330–338. DOI: 10.1016/S2215-0366(17)30014-7
18. Kryukova, T.L. (2010) *Metody izucheniya sovladayushchego povedeniya: tri koping – shkaly* [Methods for studying coping behavior: Three coping scales]. Kostroma: KSU.

Сведения об авторе:

Демчук М.А. – старший преподаватель кафедры теории медиа факультета журналистики Челябинского государственного университета (Челябинск, Россия); младший научный сотрудник лаборатории психофизиологии факультета психологии Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия); аспирант третьего года обучения факультета психологии Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: demchukmax74@gmail.com

Пахомова Я.Н. – кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии Института образования и практической психологии Челябинского государственного университета (Челябинск, Россия); старший научный сотрудник лаборатории психофизиологии факультета психологии Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: sizova159@yandex.ru

Циринг Д.А. – доктор психологических наук, профессор, главный научный сотрудник лаборатории психофизиологии факультета психологии, советник при ректорате Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: l-di@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Demchuk M.A. – senior lecturer at the Department of Media Theory, Faculty of Journalism, Chelyabinsk State University (Chelyabinsk, Russian Federation); junior researcher, Laboratory of Psychophysiology, Faculty of Psychology, National Research Tomsk State University

(Tomsk, Russian Federation); postgraduate student of the Faculty of Psychology, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: demchukmax74@gmail.com

Pakhomova Ya.N. – Cand. Sci. (Psychology), associate professor of the Department of Psychology, Institute of Education and Practical Psychology, Chelyabinsk State University (Chelyabinsk, Russian Federation); senior researcher, Laboratory of Psychophysiology, Faculty of Psychology, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: sizova159@yandex.ru

Tsiring D.A. – Dr. Sci. (Psychology), professor, chief researcher of the Psychophysiology Laboratory of the Faculty of Psychology, advisor to the Rector's Office, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: l-di@yandex.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 11.12.2023;
одобрена после рецензирования 25.01.2024; принята к публикации 04.03.2024
The article was submitted 11.12.2023;
approved after reviewing 25.01.2024; accepted for publication 04.03.2024*

Научная статья

УДК 316.346.32-053.6

doi: 10.17223/1998863X/77/19

СОЦИАЛЬНОЕ САМООПРЕДЕЛЕНИЕ И РЕГИОНАЛЬНАЯ САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ ЗАБАЙКАЛЬСКОГО КРАЯ

Анна Алексеевна Русанова¹, Виктория Николаевна Лаврикова²,
Елена Владимировна Филиппова³

^{1, 2, 3} Забайкальский государственный университет, Чита, Россия

¹ rusanova_a_a@mail.ru

² victoriy.lavric@mail.ru

³ e.v.filippova@yandex.ru

Аннотация. Рассматривается проблема социального самоопределения студенческой молодежи и влияния на этот процесс региональной идентификации. На материалах социологического исследования авторы показывают направленность и основные векторы социального самоопределения студенческой молодежи Забайкальского края с учетом формирования новой региональной идентичности, обусловленной изменениями в экономической, политической, культурной и социальной сферах региона после вхождения данного субъекта Российской Федерации в состав Дальневосточного федерального округа.

Ключевые слова: студенческая молодежь, региональная идентичность, социальное самоопределение, региональная самоидентификация

Благодарности: исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 21-011-31524.

Для цитирования: Русанова А.А., Лаврикова В.Н., Филиппова Е.В. Социальное самоопределение и региональная самоидентификация студенческой молодежи Забайкальского края // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2024. № 77. С. 226–240. doi: 10.17223/1998863X/77/19

Original article

SOCIAL SELF-DETERMINATION AND REGIONAL SELF-IDENTIFICATION OF STUDENTS OF THE TRANS-BAIKAL TERRITORY

Anna A. Rusanova¹, Vicotriya N. Lavrikova², Elena V. Filippova³

^{1, 2, 3} Transbaikal State University, Chita, Russian Federation

¹ rusanova_a_a@mail.ru

² victoriy.lavric@mail.ru

³ e.v.filippova@yandex.ru

Abstract. The article deals with the problem of social self-determination of student youth and the influence on this process of regional identification caused by the entry of the Trans-Baikal Territory into the Far Eastern Federal District. The authors present the results and

conclusions of a questionnaire survey of students of Trans-Baikal universities conducted within the framework of a large-scale sociological project “Social Self-Determination of Youth in the Formation of a New Regional Identity (Based on the Materials of the Trans-Baikal Territory and the Republic of Buryatia)”. The project is based on the idea of the interrelation between two scientific categories – “regional identity” and “social self-determination”. Moreover, regional identity is considered not only as a traditionally and historically grounded territorial and cultural identification, but as an artificially created geographical, economically conditioned territorial reality, which originates from November 4, 2018, when the Trans-Baikal Territory and the Republic of Buryatia were transferred from the Siberian Federal District to the Far Eastern Federal District by the Decree of President Vladimir Putin. The authors understand social self-determination as the inclusion of a person in all spheres of society, a person’s awareness and achievement of a stable position in the system of social relations. The components of social self-determination of student youth were identified: socio-professional self-determination, socio-political self-determination and socio-cultural self-determination within the framework of the studied missile defense. The analysis of the survey results allowed the authors to determine: (1) the most typical professional and motivational profiles and strategies of professional self-determination of Trans-Baikal students; (2) political orientations and attitudes of Trans-Baikal student youth in socio-political self-determination; (3) value orientations and life position in socio-cultural self-determination. The authors used the method of “layer proximity” identifying the level of regional identification of students of Trans-Baikal universities. The analysis of the identification profiles of the interviewed students showed that the new regional reality (*I am a Far Easterner*), artificially created for certain state purposes, has not yet entered the consciousness of the student youth and is not perceived by them as “close” and “native”. But in fact this is a strategic level of regional identity associated with the construction of a new regional image, the positioning of a new territorial entity, the invention of new territorial traditions and the formation of a new symbolic policy.

Keywords: student youth, regional identity, social self-determination, regional self-identification

Acknowledgments: The study is supported by the Russian Foundation for Basic Research and the Expert Institute for Social Research, Project No. 21-011-31524.

For citation: Rusanova, A.A., Lavrikova, V.N. & Filippova, E.V. (2024) Social self-determination and regional self-identification of students of the Trans-Baikal territory. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 77. pp. 226–240. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/77/19

Введение

Забайкальский край в 2018 г. вошел в состав Дальневосточного федерального округа (ДФО). Это событие стало во многом поворотным в жизни этого региона с точки зрения формирования новых социально-экономических, социально-политических и социокультурных условий. Данный субъект России сам по себе достаточно специфичен, и с точки зрения географического положения (соседствует с Монголией и Китаем), и особой забайкальской ментальности, и этнонационального и этнокультурного своеобразия. В этом смысле вопросы формирования новой региональной идентичности в условиях вхождения Забайкалья в ДФО представляется весьма актуальной и востребованной темой для научного изучения. Особый научный интерес, на наш взгляд, представляет личностный уровень идентичности, т.е. те процессы, которые происходят в сознании и жизни людей, проживающих на территории региона в новых условиях.

Теоретическая модель исследования, в первую очередь, основывается на социально-психологических и социологических теориях самоопределения:

субъектный подход (самодетерминация) [1, 2], типологический подход [3–5], личностный подход [6–8], самоопределение как аспект самосознания [9], теории идентичности [10, 11] и др.

Как научная категория понятие «самоопределение» является объектом исследования различных наук: философии, психологии, социологии, педагогики и др. В социологии самоопределение личности трактуется как «понимание или детерминация субъектом своей собственной природы или основных свойств; сознательный акт выявления и утверждения собственной позиции в проблемных ситуациях...» [12]. В психологии под самоопределением понимают «самостоятельный этап социализации, внутри которого индивид приобретает готовность к самостоятельной, созидательной деятельности на основе осознания и соотнесения „хочу-могу-есть-требуют“ и становится способным принимать самостоятельно решения относительно важных целей, имеющих смысл для него и значение для общества» [13]. Говоря о самоопределении личности, российский социолог В.А. Ядов подчеркивает важность междисциплинарного подхода к определению данной дефиниции. Исследователь отмечает: «...работы социологов показывают нам, насколько велико значение в структуре ценностно-нормативного сознания и в определении жизненных путей индивидов общесоциальных и конкретных условий их жизнедеятельности. Но из этих работ мы почти ничего не узнаем о воздействии на этот процесс собственной активности индивидов. Исследования же психологов, наоборот, показывают, сколь велика роль индивидуально-психических особенностей в регуляции и саморегуляции поведения личности...» [14. С. 72].

Вопрос идентичности личности также является многогранной проблемой. Современные науки говорят о гендерной, половой, сексуальной, этнической, национальной, профессиональной, культурной, цивилизационной, групповой и эго идентичности. В социологии идентичность связана, прежде всего, с усвоением социальных норм, ценностей, идеалов той группы, к которой принадлежит конкретный человек. Социологи выделяют два уровня идентичности: индивидуальный и социальный [15, 16].

Понятие «региональная идентичность» является междисциплинарным и включает в себя философский, социологический, политический, экономический, географический и другие аспекты изучения. Каждая наука изучает региональную идентичность при помощи как общенаучного, так и собственно методологического и инструментального аппарата.

В настоящее время региональная идентичность имеет несколько аспектов исследования. Региональная идентичность как элемент политического управления и ее зависимость от уровня экономического, политического культурного развития региона раскрываются в работах З.А. Жаде и Е.В. Головной [17, 18]. Региональная идентичность как разновидность этнической представлена в работах профессора В.А. Ачкасова [19]. Т.Н. Кувенева, А.Г. Мананов отождествляют региональную идентичность с национальной [20], Ю.Г. Чернышов и К.В. Киселёв связывают данное понятие с имиджем конкретного региона [21].

Следует отметить следующее: всесторонний анализ научной литературы показал, что в настоящее время не существует исследовательских работ, отражающих взаимозависимость и взаимопроникновение таких научных кон-

цептов, как «региональная идентичность» и «социальное самоопределение». Данное обстоятельство обуславливает теоретическую и практическую значимость заявляемой темы исследования и его научную новизну. Кроме того, научная новизна заключается и в обосновании необходимости введения в контекстуальный оборот понятия «новая региональная идентичность», под которой понимается искусственно созданная регионально-территориальная реальность, связанная с целью формирования центров геополитических, экономических и социальных процессов.

Методы и материалы

Авторское исследование представляет собой масштабный социологический проект как по временным рамкам, так и по комплексу исследовательских методов. Предполагается осуществить социально-статистический анализ современной ситуации в Забайкальском крае («Разворот на восток») с целью выявления объективных характеристик регионов и динамики регионального развития в новых социально-политических условиях вхождения в состав ДФО; провести экспертный опрос представителей органов власти (законодательной и исполнительной), бизнеса, институтов гражданского общества, СМИ, научного сообщества на предмет выявления структуры региональной идентичности влияния на нее объективных характеристик региона; организовать опросы разных групп молодежи (методом анкетного опроса и фокус-групповых методик) с целью выявления факторов и основных векторов социального самоопределения молодых забайкальцев с учетом формирования новой региональной идентичности, обусловленной изменениями в экономической, политической, культурной и социальной сферах региона после вхождения в ДФО.

В данной статье представлены результаты и выводы первого эмпирического этапа проекта: анкетного опроса студенческой молодежи забайкальских вузов. Исследование было проведено в октябре–ноябре 2021 г. Объем выборки составил 1 300 человек. Тип выборки: репрезентативная многоступенчатая, стратифицированная, целенаправленная. Методика проведения: анкетный опрос по технологии фокусированного интервью face-to-face.

Структурно инструментарий (анкета) был представлен следующими блоками: социально-профессиональное самоопределение, социально-политическое самоопределение, социокультурное самоопределение. Каждый блок в свою очередь предполагал наличие когнитивного, оценочного, мотивационно-деятельностного компонентов.

Выявление региональной идентификации и самоидентификации предполагало латентный подход, т.е. по типу косвенных вопросов, которые были включены в блоки анкеты. Формулирование вопросов осуществлялось в опоре на подход к определению региональной идентичности Д.С. Докучаева: «Региональная идентичность человека отчетливо проявляется на двух уровнях: личностном (соотнесении „самости“ человека с „genius loci“ региона: интеллектуальными, духовными, эмоциональными и другими явлениями и их материальной средой) и социальном (осознании человеком своей принадлежности к региональному сообществу, представления о тождественности и целостности которого формируются в рамках социального взаимодействия)» [22. С. 9]. Был также применен подход измерения «слоевой близости» через

концепт «Мы и другие» Н.И. Лапина [23]. Обработка и анализ первичной социологической информации проводились с помощью IBM SPSS Statistics Professional 20.

Результаты

Социальное самоопределение предполагает включение человека во все сферы общества, осознание и достижение личностью стабильной позиции в системе социальных отношений. Трудовая сфера и выбор профессии являются одной из главных сфер жизнедеятельности, ибо кадрово-профессиональная структура – одна из основ стратификации общества. Проанализировав значимость профессионального образования для студенческой молодежи, мы проанализировали наиболее типичные профессионально-мотивационные профили забайкальских студентов: 1-е место – материальное благополучие и безопасность; 2-е место – признание и приобщенность к социальной группе; 3-е место – карьера и повышение своего статуса в глазах окружающих; 4-е место – самореализация, удовлетворение своих духовных потребностей.

При выборе той или иной специальности опрошенные респонденты традиционно опирались на советы близких и родных (21%), а также друзей и знакомых (25%). Самостоятельный выбор будущей профессии определялся респондентами возможностью достичь высокого положения в обществе (15%); востребованностью профессии обществом (13%); заинтересованностью в самой профессии (9%); высокой оплатой труда по данной профессии (5%).

Лишь половина опрошенной молодежи имеет более или менее четкие представления относительно своей будущей профессии (46%). Тем не менее, отвечая на вопрос «Если бы перед вами снова стоял выбор специальности, то вы...», более половины респондентов выбрали бы эту специальность снова (53%), лишь около 20% опрошенных выбрали бы другую, а вот сомневающихся по этому поводу достаточно много – 27%.

Мотивы выбора профессии забайкальскими студентами представлены на рис. 1.

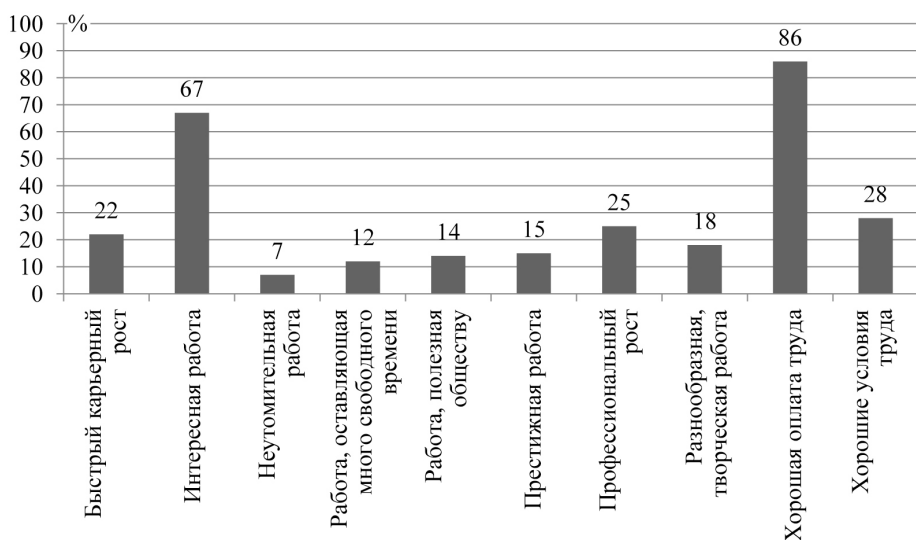


Рис. 1. Мотивы выбора профессии забайкальскими студентами

Еще один немаловажный аспект проблемы профессиональной мотивации и предпочтений студенческой молодежи – это работа по профессии после окончания вуза. Как показал опрос, только 43% опрошенной молодежи намерены в дальнейшем работать по специальности.

Не менее показательным в оценке профессионального самоопределения молодых забайкальцев является то, что только 23% респондентов уверены, что будут работать в Забайкальском крае, а 74% опрошенных надеются найти свое место в профессиональной сфере за пределами родного региона (остальные 3% затруднились определить свою позицию). Так, 31% опрошенных респондентов хотели бы уехать за границу на стажировку или учебу, а 49% – работать за границей. Данные устремления студентов вполне оправданы. Они хотят не только улучшать свое мастерство, но и больше зарабатывать, продвигаться по службе, а это, по их мнению, не очень достижимо в нашем регионе и даже стране. Свои надежды в этом направлении они в большей степени связывают со странами дальнего зарубежья.

В структуре социального самоопределения важную роль играет и социально-политическое самоопределение, которое тесно связано с понятием социальной активности. В условиях социальной нестабильности, трансформации традиционных институтов социального самоопределения молодежь оказывается в активном поиске путей самореализации и удовлетворения собственных притязаний и амбиций. В качестве таковых, чаще всего, молодые люди выбирают участие в общественной деятельности. Опрос подтвердил, что каждый второй молодой забайкалец (50%) считает себя общественно активным человеком, а 80% молодых людей приходилось принимать участие в какой-либо общественной деятельности. Отношение молодежи к общественной работе представлено на рис. 2.

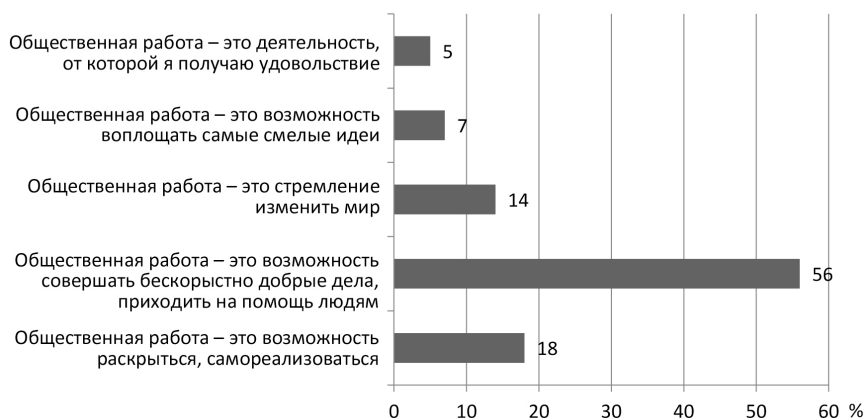


Рис. 2. Отношение опрошенной молодежи к общественной работе

Выявляя социально-политические ориентации с точки зрения когнитивной составляющей, мы постарались выяснить, насколько студенчество интересуется политикой, откуда черпает информацию и как ее оценивает. Результаты опроса показали, что большинство студентов (43%) политикой интересуются изредка. Постоянно следят за политическими событиями в стране и за рубежом – 12%, 7% респондентов ответили, что они обсуждают эти события с друзьями и родственниками и лишь 5% студентов заявили, что

являются активными участниками политических партий, движений. Весьма высок процент политически индифферентных, т.е. тех, кто совершенно не интересуется политикой, – 33% (рис. 3).

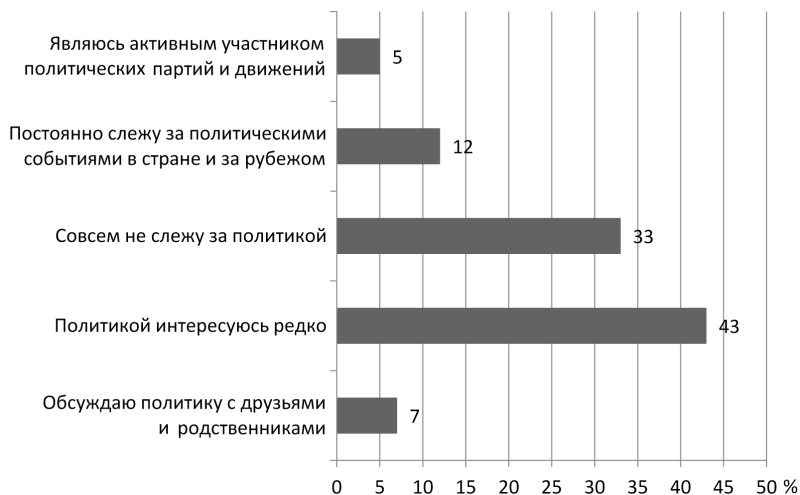


Рис. 3. Отношение студентов к политике

Главным источником информации о политике для молодежи являются СМИ. Самый высокий рейтинг у Интернета – 94%, далее телевидение – 58%, радио – 17%, газеты и журналы – 9%.

С точки зрения оценки социально-политического самоопределения в его когнитивном аспекте, следует обратить внимание и на тот факт, что «у студентов не существует четкой системы знаний в отношении политической действительности, их представления о политике размыты, неточны и представляют собой лишь набор некоторых базовых понятий и определений, которые в большей степени связаны не столько с политикой, сколько с общественным устройством и общественным развитием в целом» [24. С. 97]. Так, более или менее четкие представления о демократии, коммунизме, либерализме, тоталитаризме продемонстрировали только 15% опрошенных.

Не в полной мере студенты ориентируются и в социально-политической сфере жизни своего региона. Лишь 13% опрошенных знают о том, что Забайкальский край вошел в состав Дальневосточного федерального округа, 52% что-то слышали об этом, а остальные 35% респондентов ничего не знают о данном факте и не смогли ответить на этот вопрос (рис. 4).

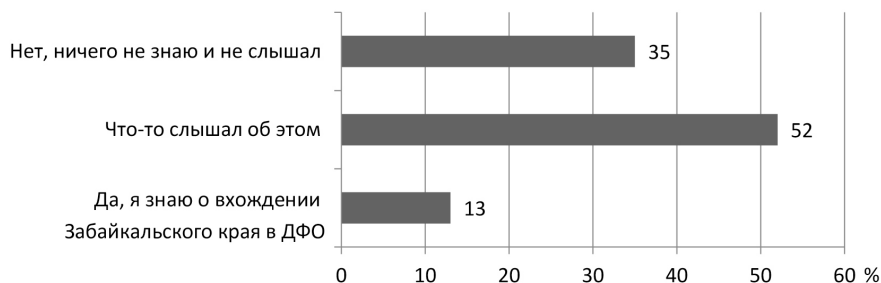


Рис. 4. Информированность студентов о вхождении Забайкальского края в ДФО

Как показал опрос, больше половины опрошенных студентов (55%) ставят отрицательную оценку действиям власти в отношении молодежи, а 49% не чувствуют защиты своих интересов со стороны государства. В то же время студенческая молодежь отмечает важность взаимодействия молодых людей и власти (76%).

Выборы для большинства молодых забайкальцев – форма участия граждан в политической жизни общества (59%). Чуть больше трети респондентов определяют для себя выборы как «мой долг!» (32,5%). Однако почти каждый пятый студент считает, что это формальная процедура с заранее известным результатом (19%) (рис. 5). Недоверие выборам, бессмысленность этого политического мероприятия являются для 85% респондентов основной причиной неучастия молодежи в выборах (рис. 6).



Рис. 5. Представления студенческой молодежи о выборах



Рис. 6. Причины неучастия молодежи в выборах

Базовой основой социального самоопределения и всех его структурных элементов (профессионального, гражданского и политического самоопределения) является ценностно-смысловая сфера личности. Опрос показал, что у студенческой молодежи доминирующими являются терминальные ценности. На первые места в рейтинге студенты ставят семью 59%, любовь 54% и дружбу 53%. Здесь сказываются специфические черты возрастного периода – периода романтических чувств, поиска близкого человека, мечтаний о счастье, которое ассоциируется со стабильной и крепкой семьей, верой в настоящую дружбу. В верхней позиции рейтинга ценностей и материальная ориентация: деньги как ценность выделяют 42% опрошенных. Стереотипы мышления в достижении жизненного успеха проявляются в честолюбивых устремлениях к самореализации (27%), карьере (24%), свободе (21%), справедливости (18%).

Наиболее ярко прослеживаются ценностные ориентации в главной цели жизни человека как наиболее четкой установке, демонстрирующей его уверенность в себе и отношение к действительности. Так, 58% забайкальских студентов ответили утвердительно на вопрос о наличии такой цели. В то же время 30% респондентов затруднились с ответом, демонстрируя тем самым факт несложившегося ясного представления о своем будущем, желаниях. Существенная часть молодых людей испытывает уверенность в реализации жизненных планов (94%), из них 46% твердо уверены в достижении своих личных планов, а более или менее уверены – 48% респондентов.

Данные, полученные при выявлении базовых определяющих установок жизненной цели (респондентам было предложено выбрать не более трех утверждений, наиболее близко отражающих их главную цель), представлены на рис. 7.



Рис. 7. Главная цель в жизни для студенческой молодежи

Противоречивость и неопределенность ценностных ориентаций студентов косвенно нашли отражение и в ответах на вопрос, в котором необходимо было выбрать утверждение, наиболее полно отражающее жизненную позицию респондентов (рис. 8).

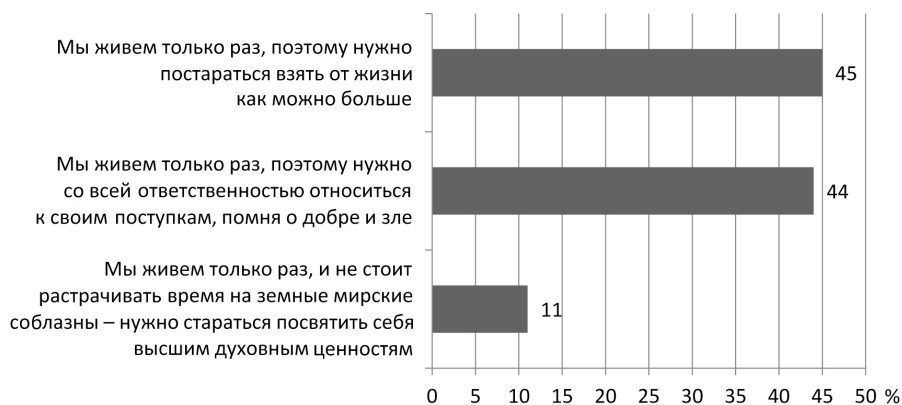


Рис. 8. Жизненная позиция студенческой молодежи

Как видно из рис. 8, полученные результаты достаточно ярко демонстрируют парадоксальность и неопределенность ценностных ориентаций студенчества. С одной стороны, группа студентов, ориентированная на традиционные моральные и гражданские ценности, а с другой – на ценности «нового» общества, стереотипы мышления западного толка по типу «все и сразу». Указанные основания являются причинами противоречивости как группового, так и индивидуального поведения студенческой молодежи.

В то же время необходимо отметить, что в студенческой среде достаточно высок уровень социального оптимизма: в целом забайкальские студенты смотрят в будущее «с надеждой и оптимизмом» – 56%; «спокойно, но без особых иллюзий» – 28%; «с тревогой и неуверенностью» – 10%; «со страхом и отчаянием» – 3%; безразлично – 3%. Уверены, что Россия идет «безусловно в правильном» и «скорее в правильном» направлении 65% респондентов (20 и 45% соответственно).

На вопрос «Гордитесь ли вы своей страной?» утвердительно ответили 68% опрошенных студентов, а вот гордятся своей малой Родиной – Забайкальским краем – лишь 31% студентов, у 46% опрошенных Забайкалье не вызывает чувства гордости; 49% респондентов (почти половина!) «скорее не довольны» и «безусловно, не довольны» положением дел в Забайкальском крае (36 и 13% соответственно). При этом те же 49% считают, что ситуация в крае «безусловно улучшается» и «скорее улучшается» (26 и 23% соответственно).

Вопрос о перспективах вхождения Забайкальского края в ДФО и влиянии данного процесса на жизнь региона вызвал затруднения у большинства опрошенных студентов (рис. 9). Для установления идентификационных профилей студенческой молодежи им предлагалось идентифицировать себя и определить свое внутреннее ощущение близости с такими понятиями, как «Я – человек» (планетарный уровень), «Я – россиянин» (государственный уровень), «Я – забайкалец» (региональный уровень), «Я – дальневосточник» (региональный уровень – новая региональная реальность), «Я – житель своего поселения (города, поселка, села)» (поселенческий уровень), «Я – студент» (профессиональный уровень), «Я – сын/дочь» (личностный уровень), «Я – друг/подруга» (личностный уровень) (рис. 10).

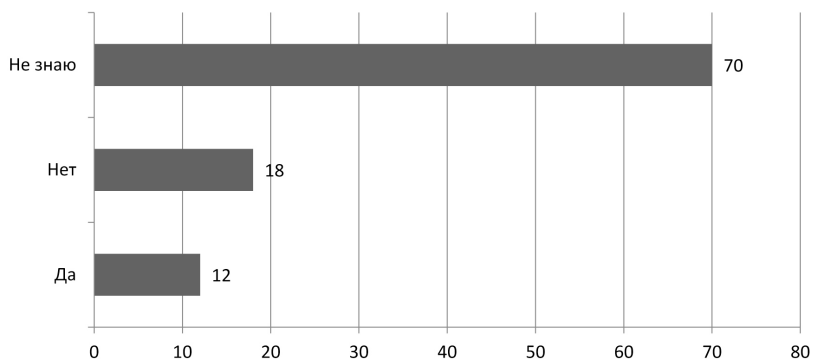


Рис. 9. Информированность студентов о возможностях для молодежи в связи с вхождением Забайкальского края в ДФО

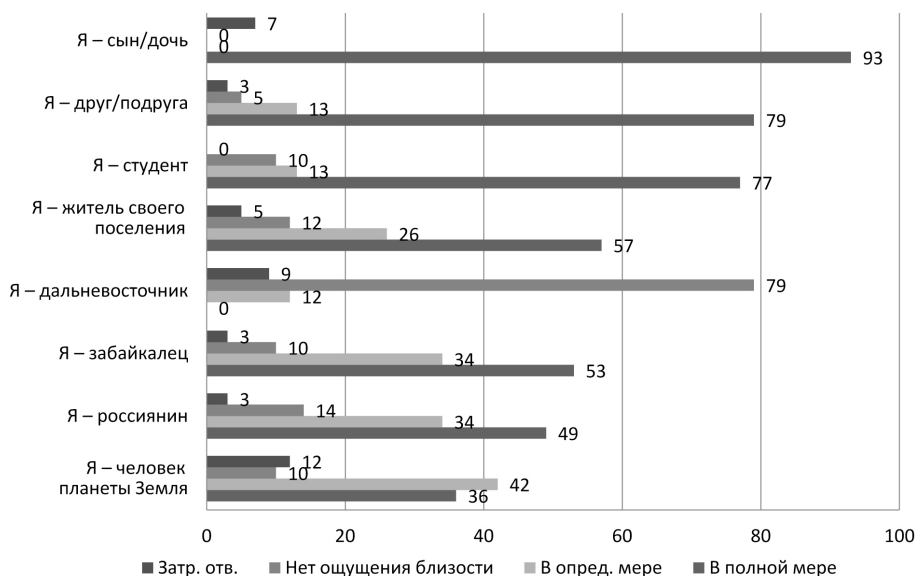


Рис. 10. Идентификационные профили студентов

Как видно из рис. 10, наиболее актуальной для студенческой молодежи является близость личного характера (микросреда). На втором месте – мезосреда, т.е. близость с территорией проживания. На третьем месте – общечеловеческая близость (макросреда). Отдельно следует выделить позицию регионального уровня «Я – дальневосточник». Данная позиция отражает искусственно созданную территориальную среду, которая, судя по результатам опроса, не воспринимается молодыми людьми как «своя», «близкая».

Выводы

Анализ результатов социологического исследования социального самоопределения студенческой молодежи в условиях формирования новой региональной идентичности позволил сделать следующие выводы.

1. Социальное самоопределение, которое предполагает включение человека во все сферы общества, во многом определяется профессиональным самоопределением и степенью эффективности этого процесса. Представленные

данные эмпирически подтверждают наличие трех типов стратегии профессионального самоопределения [25] студентов забайкальских вузов:

1) группа конкретного типа стратегии профессионального самоопределения: студенты, для которых образование есть важнейшая ценность и важнейшая составляющая их профессиональной самореализации;

2) группа промежуточного типа стратегии профессионального самоопределения: студенты, для которых образование есть инструмент или старт для создания собственного дела, коммерческого предприятия и т.п.;

3) группа абстрактного типа стратегии профессионального самоопределения: неопределившиеся студенты, отличающиеся отсутствием ясности относительно своей будущей профессии и области применения полученных знаний. Главная цель для них – получение диплома о высшем образовании, необходимость которого они даже не могут аргументировать.

2. Политические ориентации и установки забайкальской студенческой молодежи характеризуются фрагментарностью и размытостью, что является результатом дисфункциональности и неопределенности политического самоопределения, обусловленных последствиями радикальной структурной трансформации социально-экономических и социально-политических отношений.

3. Результаты опроса демонстрируют противоречивость и неопределенность ценностных ориентаций забайкальских студентов, что обусловлено состоянием, в котором находится общество. В условиях социальных трансформаций у молодежи, наряду с традиционными, проявляются и формируются новые ценностные ориентации.

4. Достаточно большая группа забайкальских студентов не связывают свои планы на будущее с проживанием в регионе. Латентно миграционные настроения могут демонстрировать слабые связи с региональным сообществом у большинства молодых забайкальцев. В то же время выявленная близость с определенными социальными кругами демонстрирует достаточно высокий уровень локальной региональной идентификации студентов. Новая региональная идентичность (Я – дальневосточник) еще не вошла в сознание забайкальской студенческой молодежи, не воспринимается ими как «близкая» и «родная». Среди причин ее несформированности можно выделить недостаточное позиционирование таковой, слабую осведомленность забайкальских студентов о социально-экономических, социально-политических процессах, обусловленных вхождением Забайкальского края в ДФО.

5. На наш взгляд, необходим особый политический курс по конструированию позитивного регионального имиджа, формированию региональных амбиций, практическому использованию региональной идентичности, что, несомненно, будет способствовать решению чисто прагматичных задач региональной власти: формированию инвестиционной привлекательности, улучшению социального климата, сокращению утечки человеческого капитала [26].

Перспективы дальнейших исследований заявленной темы обусловлены включением в анализ, помимо студентов, более широкого круга субъектов молодежной группы (школьники, работающая молодежь), а также потенциала реализации Государственной программы «Развитие Дальнего Востока» и мероприятий по реализации национальных проектов по достижению нацио-

нальных целей и стратегических задач в таком регионе с особой ментальностью и этнонациональным и этнокультурным своеобразием, как Забайкалье.

Список источников

1. Рубинштейн С.Л. Человек и мир. М., 1973. 358 с.
2. Абульханова-Славская К.А. Жизненные перспективы личности // Психология личности и образ жизни. М. : Наука, 1987. С. 137–145.
3. Шпрангер Э. Основные идеальные типы индивидуальности // Психология личности. Тексты / под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер, А.А. Пузырея. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1982. С. 55–59.
4. Гумилёв Л.Н. Этногенез и биосфера Земли / под ред. В.С. Жекулина ; вступ. ст. Р.Ф. Итса. 3-е изд., стер. Л. : Гидрометеиздат, 1990. 526 с.
5. Фромм Э. Бегство от свободы / пер. с англ. Г.Ф. Швейника; общ. ред. и послесл. П.С. Гуревича. Москва: Прогресс, 1990. 269 с.
6. Божович Л.И. Личность и ее формирование в детском возрасте. СПб. : Питер, 2008. 398 с.
7. Кон И.С. Открытие «Я». М. : Политиздат, 1978. 367 с.
8. Гинзбург М.Р. Личностное самоопределение как психологическая проблема // Вопросы психологии. 1988. № 2. С. 19–27.
9. Столин В.В. Самосознание личности. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1983. 284 с.
10. Mead G.H. Mind, Self and Society. Chicago : University of Chicago Press, 1934.
11. Эриксон Э. Детство и общество. 2-е изд., перераб. и доп. : пер. с англ. СПб. : Ленато, АСТ, Фонд «Университетская книга», 1996. 592 с.
12. Социологический энциклопедический словарь. На русском, английском, немецком, французском и чешском языках / редактор-координатор академик РАН Г.В. Осипов. М. : НОРМА (Издательская группа НОРМА-ИНФРА), 2000. URL: <http://politics.ellib.org.ua/encyclopedia-term-4932.html> (дата обращения: 15.03.2023).
13. Сафин В.Ф., Ников Г.П. Психологический аспект самоопределения личности // Психологический журнал. 1984. Т. 5, № 4. С. 65–73.
14. Ядов В.А. Становление личности: общественное и индивидуальное // Социологические исследования. 1985. № 3. С. 66–74.
15. Hogg M., Reid S. Social Identity, Self-Categorization, and the Communication of Group Norms // Communication Theory. 2006. № 16. P. 7–30.
16. Poletta F., Jasper J. Collective Identity and Social Movements // Annual Review of Sociology. 2001. № 27. P. 285.
17. Жаде З.А. Россия в поисках региональной идентичности // Вестник Московского университета. Сер. 12. Политические науки. 2007. № 6. С. 58–67.
18. Головинёва Е.В. Региональная идентичность: теоретические аспекты изучения // Уральский исторический вестник. 2013. № 2 (39). С. 81–88.
19. Ачкасов В.А. Региональная идентичность в российском политическом пространстве: «калининградский казус» // Политэкс: Политическая экспертиза. 2005. №1. С. 68–82.
20. Кувенева Т.Н., Манаков А.Г. Формирование пространственных идентичностей в порубежном регионе // Социологические исследования. 2003. № 7 (231). С. 77.
21. Чернышов Ю.Г. Имидж региона и региональная идентичность (на примере Алтайского края) // Вестник Пермского университета. Серия «Политология». 2011. № 5. С. 105–112.
22. Докучаев Д.С. Региональная идентичность российского человека в современных условиях : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Иваново : ИГУ, 2011. 24 с.
23. Латин Н.И., Беляева Л.А. Программа и типовый инструментарий «Социокультурный портрет региона России» (Модификация – 2010) / Рос. акад. наук, Ин-т философии. М. : ИФ РАН, 2010. 111 с.
24. Калугина М.А. Политическое сознание современной студенческой молодежи малых и средних городов Дальнего Востока России // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2010. № 2 (13). С. 95–102.
25. Бухнер Н.Ю. Типы профессионального самоопределения студентов вузов Алтайского края (опыт социологического исследования студентов АлтГУ) : автореф. дис. ... канд. социол. наук. Барнаул, 2010. 24 с.
26. Русанова А.А., Лаврикова В.Н., Филиппова Е.В. Новая региональная идентичность (на примере вхождения Забайкальского края и республики Бурятия в ДФО) // Академическая наука как фактор и ресурс инновационного развития : сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф., Петрозав-

водск, 6 декабря 2021 года. Петрозаводск : Междунар. центр науч. партнерства «Новая Наука» (ИП Ивановская И.И.), 2021. С. 121–127.

References

1. Rubinshtein, S.L. (1973) *Chelovek i mir* [Man and the World]. Moscow: USSR.
2. Abulkhanova-Slavskaya, K.A. (1987) Zhiznennye perspektivy lichnosti [Life prospects of the individual]. In: Shorokhova, E.V. et al. (eds) *Psikhologiya lichnosti i obraz zhizni* [Personality Psychology and Lifestyle]. Moscow: Nauka. pp. 137–145.
3. Spranger, E. (1982) Osnovnye ideal'nye tipy individual'nosti [Basic ideal types of individuality]. In: Gippenreyter, Yu.B. & Puzyreya, A.A. (eds) *Psikhologiya lichnosti. Teksty* [Personality Psychology]. Moscow: Moscow State University. pp. 55–59.
4. Gumilev, L.N. (1990) *Etnogenez i biosfera Zemli* [Ethnogenesis and the Earth's Biosphere]. 3rd ed. Leningrad: Gidrometeoizdat.
5. Fromm, E. (1990) *Begstvo ot svobody* [Flight from Freedom]. Translated from English by G.F. Shveytnik. Moscow: Progress.
6. Bozhovich, L.I. (2008) *Lichnost' i ee formirovanie v detskom vozraste* [Personality and its Formation in Childhood]. St. Petersburg: Peter.
7. Kon, I.S. (1978) *Otkrytie "Ya"* [Discovery of "I"]. Moscow: Politizdat.
8. Ginzburg, M.R. (1988) Lichnostnoe samoopredelenie kak psikhologicheskaya problema [Personal self-determination as a psychological problem]. *Voprosy psikhologii*. 2. pp. 19–27.
9. Stolin, V.V. (1983) *Samosoznanie lichnosti* [Personal Self-Awareness]. Moscow: Moscow State University.
10. Mead, G.H. (1934) *Mind, Self and Society*. Chicago: University of Chicago Press.
11. Erikson, E. (1996) *Detstvo i obshchestvo* [Childhood and Society]. 2nd ed. Translated from English. St. Petersburg: Lenato, AST, Fond "Universitetskaya kniga."
12. Osipov, G.V. (ed.) (2000) *Sotsiologicheskii entsiklopedicheskiy slovar'* [Sociological Encyclopedia Dictionary]. Moscow: Norma-Infra. [Online] Available from: <http://politics.ellib.org.ua/encyclopedia-term-4932.html> (Accessed: 15th March 2023).
13. Safin, V.F. & Nikov, G.P. (1984) Psikhologicheskii aspekt samoopredeleniya lichnosti [Psychological aspect of personality self-determination]. *Psikhologicheskii zhurnal*. 5(4). pp. 65–73.
14. Yadov, V.A. (1985) Stanovlenie lichnosti: obshchestvennoe i individual'noe [Formation of personality: Social and Individual]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 3. pp. 66–74.
15. Hogg, M. & Reid, S. (2006) Social Identity, Self-Categorization, and the Communication of Group Norms. *Communication Theory*. 16. pp. 7–30.
16. Poletta, F. & Jasper, J. (2001) Collective Identity and Social Movements. *Annual Review of Sociology*. 27. pp. 285.
17. Zhade, Z.A. (2007) Rossiya v poiskakh regional'noy identichnosti [Russia in search of regional identity]. *Vestnik Mosk. Un-ta. Seriya 12. Politicheskie nauki – Moscow University Bulletin. Series 12. Political sciences*. 6. pp. 58–67.
18. Golovneva, E.V. (2013) Regional'naya identichnost': teoreticheskie aspekty izucheniya [Regional Identity: Theoretical Aspects of Study]. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik*. 2(39). pp. 81–88.
19. Achkasov, V.A. (2005) Regional'naya identichnost' v rossiyskom politicheskom prostranstve: "kaliningradskiy kazus" [Regional identity in the Russian political space: The "Kaliningrad incident"]. *Politeks: Politicheskaya ekspertiza*. 1. pp. 68–82.
20. Kuveneva, T.N. & Manakov, A.G. (2003) Formirovanie prostranstvennykh identichnostey v porubezhnom regione [The formation of spatial identities in the border region]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 7(231). pp. 77.
21. Chernyshov, Yu.G. (2011) Imidzh regiona i regional'naya identichnost' (na primere Altayskogo kraia) [Image of the region and regional identity (a case study of the Altai Territory)]. *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya "Politologiya"*. 5. pp. 105–112.
22. Dokuchaev, D.S. (2011) *Regional'naya identichnost' rossiyskogo cheloveka v sovremennykh usloviyakh* [The regional identity of a Russian person in modern conditions]. Abstract of Philosophy Cand. Diss. Ivanovo: ISU.
23. Lapin, N.I. & Belyaeva, L.A. (2010) *Programma i tipovoy instrumentariy "Sotsiokul'turnyy portret regiona Rossii" (Modifikatsiya – 2010)* [Program and standard tools "Sociocultural portrait of a Russian region" (Modification – 2010)]. Moscow: IPh RAS.
24. Kalugina, M.A. (2010) Politicheskoe soznanie sovremennoy studencheskoy molodezhi malykh i srednikh gorodov Dal'nego Vostoka Rossii [Political consciousness of modern student youth

of small and medium-sized cities of the Russian Far East]. *Oikumena. Regionovedcheskie issledovaniya*. 2(13). pp. 95-102.

25. Bukhner, N.Yu. (2010) *Tipy professional'nogo samoopredeleniya studentov vuzov Altayskogo kraia (opyt sotsiologicheskogo issledovaniya studentov AltGU)* [Types of professional self-determination of university students in the Altai Territory (sociological research of Altai State University students)]. Abstract of Sociology Cand. Diss. Barnaul.

26. Rusanova, A.A., Lavrikova, V.N. & Filippova, E.V. (2021) *Novaya regional'naya identichnost' (na primere vkhozhdeniya Zabaykal'skogo kraia i respubliki Buryatiya v DFO)* [New regional identity (a case study of the entry of the Trans-Baikal Territory and the Republic of Buryatia into the Far Eastern Federal District)]. *Akademicheskaya nauka kak faktor i resurs innovatsionnogo razvitiya* [Academic Science as a Factor and Resource of Innovative Development]. Proc. of the Conference. Petrozavodsk, December 6, 2021. Petrozavodsk: Novaya Nauka. pp. 121–127.

Сведения об авторе:

Русанова А.А. – кандидат педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой социологии социологического факультета Забайкальского государственного университета (Чита, Россия). E-mail: rusanova_a_a@mail.ru

Лаврикова В.Н. – кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социологии социологического факультета Забайкальского государственного университета (Чита, Россия). E-mail: victoriy.lavric@mail.ru

Филиппова Е.В. – старший преподаватель кафедры социологии социологического факультета Забайкальского государственного университета (Чита, Россия). E-mail: e.v.filippova@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Rusanova A.A. – Cand. Sci. (Pedagogics), associate professor, head of the Department of Sociology, Faculty of Sociology, Transbaikal State University (Chita, Russian Federation). E-mail: rusanova_a_a@mail.ru

Lavrikova V.N. – Cand. Sci. (Sociology), docent, associate professor of the Department of Sociology, Faculty of Sociology, Transbaikal State University (Chita, Russian Federation). E-mail: victoriy.lavric@mail.ru

Filippova E.V. – senior lecturer of the Department of Sociology, Faculty of Sociology, Transbaikal State University (Chita, Russian Federation). E-mail: e.v.filippova@yandex.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 13.04.2023;
одобрена после рецензирования 25.01.2024; принята к публикации 04.03.2024*

*The article was submitted 13.04.2023;
approved after reviewing 25.01.2024; accepted for publication 04.03.2024*

Научная статья

УДК 316.351

doi: 10.17223/1998863X/77/20

СОЦИАЛЬНОЕ САМОЧУВСТВИЕ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ В УСЛОВИЯХ СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ

Владимир Алексеевич Смирнов

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия,
kano_igt@mail.ru*

Аннотация. Анализируется социальное самочувствие молодежи в условиях специальной военной операции (СВО). Исследуется субъективное восприятие молодежью своего эмоционального состояния и уровня выраженности стресса. Обосновывается вывод, что высокий уровень стресса способствует отказу молодых людей от долгосрочного планирования и воспроизводству миграционных установок. Диспозиции молодых людей, обусловленные СВО, во многом являются непреднамеренным последствием неэффективной системы социализации.

Ключевые слова: молодежь, специальная военная операция, социализация молодежи, глобальные угрозы

Благодарности: исследование выполнено в рамках Государственного задания Министерства науки и высшего образования РФ «Социализация, идентичность и жизненные стратегии молодежи в условиях „новых войн“» (№ FZEW-2023-0003).

Для цитирования: Смирнов В.А. Социальное самочувствие российской молодежи в условиях специальной военной операции // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2024. № 77. С. 241–250. doi: 10.17223/1998863X/77/20

Original article

SOCIAL WELL-BEING OF RUSSIAN YOUTH IN THE CONDITIONS OF THE SPECIAL MILITARY OPERATION

Vladimir A. Smirnov

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation, kano_igt@mail.ru

Abstract. The geopolitical situation in which Russia finds itself requires the mobilization of social capital. The younger generation plays an important role in this process. The development of the Russian state depends on the level of young people's resilience, their ability to act effectively in conditions of uncertainty and great challenges. A special military operation is a kind of a "litmus test" that allows assessing the younger generation's psychological stability. In this article, the author analyzes the social well-being of young Russians, assessing it as an indicator of resilience and ability to overcome stress. The article is based on the results of an empirical sociological study conducted in February 2023 in ten subjects of the Central Federal District of the Russian Federation, as well as on the territory of the Republic of Crimea. The study was conducted using an online questionnaire. The study sample is quota-based, stratified by gender. The sample size is 960 people, aged 18 to 29 years. The article concludes that a significant part of Russian youth is experiencing emotional decline and a high level of stress, closely related to the conduct of the special military operation. The high level of stress experienced has an impact on young people's life strategies and behavior. Under the influence of stress, a significant number of young people

abandon long-term planning and building their life trajectory. This contributes to the reproduction of dysfunctional social practices (for example, in the field of demography) and also leads to a decrease in interest in long-term state and public projects. An important conclusion is the high level of migration sentiments of Russian youth: 53% of respondents declare their desire to stay in Russia, 47% of respondents either consider leaving the country or do not exclude such an option. According to the author, the dispositions of the younger generation in the conditions of the special military operation are not a manifestation of a civil position, but rather represent the simplest mechanism for coping with a difficult life situation. In this context, the conclusion is made about the low efficiency of socialization institutions in Russia, which are not able to form the competence of resilience and readiness to act in difficult circumstances in young people.

Keywords: youth, special military operation, socialization of youth, global threats

Acknowledgments: The study was carried out within the framework of the state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation: Socialization, Identity and Life Strategies of Youth in the Conditions of “New Wars” (Project No. FZEW-2023-0003).

For citation: Smirnov, V.A. (2024) Social well-being of russian youth in the conditions of the special military operation. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 77. pp. 241–250. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/77/20

Введение

Геополитическое положение, в котором оказалась сегодня Россия, требует частичной мобилизации человеческого капитала. Важнейшую роль в этом играет молодое поколение, чьи установки, жизненные стили, готовность к социальной интеграции и гражданскому участию в жизни страны становятся значимым фактором устойчивости государства. Диспозиции молодежи в отношении специальной военной операции (СВО) становятся значимым условием стратегического развития России. Это связано с двумя обстоятельствами.

Во-первых, молодежь – это наиболее креативная страта любого общества. В ситуации неприятия каких-либо направлений государственной политики молодое поколение, как наиболее мобильная группа, может выбирать миграционные стратегии, что, в свою очередь, ведет к снижению качества человеческого капитала, старению и консервации социальной структуры, экономики, гражданского общества.

Во-вторых, неготовность молодежи эффективно действовать в новых условиях, снижение социальной адаптации, отсутствие мотивации к долгосрочному планированию приводят к абсентеизму, социальной апатии, росту имитационных жизненных стратегий и препятствует запуску и реализации масштабных государственных проектов, связанных с модернизацией экономики, социальной сферы, государственного управления.

Значимым фактором, влияющим на поведенческие стратегии и жизненные стили молодежи, является субъективная оценка своего эмоционального состояния, субъективное переживание эмоционального стресса и готовность к реализации эффективных практик совладания со сложной жизненной ситуацией, спровоцированной началом и продолжением СВО. Эмоциональным аспектам социального самочувствия и их влиянию на поведенческие стратегии молодежи и посвящена настоящая статья.

Феномен социального самочувствия занимает значительное место в исследованиях российских социологов. Традиционно он описывается как важ-

ный элемент социальных настроений, определяющих дискурсивное и практическое поведение отдельной социальной группы или общества в целом [1]. При этом важно, что данный концепт репрезентирует не только аффективные состояния сообщества, но также когнитивные и поведенческие аспекты жизненной стратегии человека.

В контексте нашего исследования важным является рассмотрение социального самочувствия молодежи как феномена поколенческого сознания, отражающего соотношение между уровнем притязаний и степенью удовлетворения потребностей субъекта [2]. Именно снижение уровня притязаний молодого поколения, неготовность к запуску и реализации масштабных социальных проектов под влиянием внешних стрессогенных событий ведут к вытеснению гражданских и социальных потребностей из общей структуры потребностей молодого человека. Исследованию социального самочувствия российской молодежи посвящено значительное число публикаций [3–6], тем не менее сегодня явно недостаточно эмпирических работ, посвященных анализу социального самочувствия молодежи в условиях социальной и политической нестабильности, спровоцированной геополитической ситуацией, в которой оказалась Россия.

Эмпирическая база исследования

Статья основана на результатах эмпирического исследования, проведенного в феврале 2023 г. в 10 субъектах Центрального федерального округа РФ (Костромская, Ярославская, Ивановская, Владимирская, Тверская, Тамбовская, Липецкая, Белгородская, Курская, Воронежская области), а также на территории Республики Крым. Исследование проводилось методом онлайн-анкетирования. Выборка исследования квотная, стратифицированная по полу. Объем выборки – 960 человек в возрасте от 18 до 29 лет. Для обработки и анализа данных использовался свободно распространяемый язык программирования R.

Субъективная оценка эмоционального состояния

Внешнеполитические события, в которых оказалась Россия, оказывают значимое влияние на эмоциональное состояние молодых людей, а также на уровень субъективно переживаемого стресса. Участникам исследования было предложено оценить свое эмоциональное состояние. Полученные оценки распределились следующим образом (табл. 1).

Таблица 1. Эмоциональное состояние респондентов, %

Оценка состояния	Пол респондента	
	Женский	Мужской
Состояние стабильное, нейтральное	39,5	40,6
Ощущаю эмоциональный упадок	42,9	34,4
Ощущаю эмоциональный подъем	13,6	15,6
Затрудняюсь ответить	4,0	9,4

И молодые люди, и девушки дают практически одинаковую оценку своему эмоциональному состоянию. В то же время девушки чаще выбирают позицию «ощущаю эмоциональный упадок». Это позволяет констатировать, что они более выражено переживают происходящие в стране события. Порядка

40% мужчин и женщин определяют свое состояние как нейтральное и стабильное. Данную позицию можно интерпретировать как выжидательную, как попытку сохранить ситуацию под контролем, через воспроизводство нейтрального эмоционального состояния.

Значительное число молодых россиян сегодня находится в состоянии эмоционального упадка, что не может не влиять на их поведение, установки и стили жизни. Такая ситуация, несомненно, требует внимания со стороны государственных и общественных институтов, реализующих молодежную политику в стране.

Отметим, что проблема эмоционального благополучия российской молодежи постепенно становится частью системной молодежной политики. В данном аспекте, например, можно напомнить о большом проекте по созданию и развитию психологических служб в российских университетах¹.

Важной характеристикой эмоционального состояния молодежи является субъективная оценка стресса. Респондентам было предложено оценить выраженность своего стресса по 10-балльной шкале.

Среднее значение стресса по всей выборке составляет 5,7, медианное значение, делящее всех опрошенных на две группы, равняется 6. Среднее значение переживаемого стресса у молодых людей составляет 5,1, у девушек – 5,8.

Уровень стресса можно оценить как достаточно высокий. Так, 50% опрошенных указывают на его выраженность в диапазоне от 6 до 10, при этом 25% молодых людей переживают стресс в диапазоне от 7 до 10.

Сам по себе стресс не является негативным явлением, его деструктивный характер начинает проявляться, когда он сопровождается снижением эмоционального фона и становится фактором эмоционального упадка. В этом контексте представляет интерес, насколько переживаемый респондентами стресс связан с их эмоциональным состоянием, является ли он стимулом для развития или скорее ведет к снижению жизненного тонуса и негативным эмоциям.

Для ответа на эти вопросы проанализируем, как оценивают свое эмоциональное состояние респонденты с разным уровнем субъективного стресса (табл. 2).

Таблица 2. Влияние уровня стресса на эмоциональное состояние респондентов, %

Эмоциональное состояние	Уровень стресса выше 6	Уровень стресса ниже 6
Состояние стабильное, нейтральное	22,6	57,9
Ощущаю эмоциональный упадок	65,5	14,7
Ощущаю эмоциональный подъем	8,3	23,2
Затрудняюсь ответить	3,6	4,2

Уровень субъективно переживаемого стресса сильно коррелирует с эмоциональным состоянием респондентов. Мы наблюдаем взаимную связь, когда негативные эмоции становятся значимым стрессором, а повышение стресса, в свою очередь, еще более снижает эмоциональный тонус молодого человека. В такой ситуации стресс перестает быть фактором мобилизации ресурсов, а становится механизмом социального исключения, депривации,

¹ Концепция развития сети психологических служб в образовательных организациях высшего образования Российской Федерации. URL: <https://minobnauki.gov.ru/upload/iblock/516/xdfty8026hfpsj25wku83syp6akmxdr9.pdf> (дата обращения: 02.05.2023).

неспособности полноценно интегрироваться в происходящие в стране процессы. Важно и то, что из индивидуального стресс все более становится социальным, проникая посредством современных технологий в различные сообщества молодежи, определяя повседневную жизнь целого поколения. Такая ситуация требует разработки и реализации системных механизмов повышения жизнестойкости молодого поколения в процессе его социализации. Очевидно, что это задача государственной системы образования и молодежной политики. Именно эти институты в условиях геополитической нестабильности могут стать субъектами развития российской молодежи.

Неоднократно отмечалось [7], что сегодня в нашей стране сформировалась неадекватная модель сопровождения молодежного транзита и социальной интеграции молодого поколения. Ее особенностями является латентное воспроизводство социального инфантилизма молодежи, неспособность к инициированию и реализации масштабных проектов, отсутствие навыков совладания с жизненными стрессами и неудачами. Такая социальная незрелость характерна не для всей российской молодежи, но подобная ситуация является достаточно типичной для значительной части молодого поколения [8].

Влияние специальной военной операции на эмоциональное состояние молодых людей

Проанализируем, насколько переживаемый уровень стресса и негативных эмоций молодежи определяется началом и продолжением специальной военной операции.

Участникам исследования был задан вопрос «Насколько сильно изменилась ваша жизнь после начала специальной военной операции?» (табл. 3). Подобная постановка вопроса не предполагала выделения каких-либо параметров и критериев изменений. Речь идет о попытке измерить субъективные ощущения молодых людей, их обобщенное восприятие влияния СВО на жизнь в целом. Такой подход позволяет избежать социально одобряемых ответов, в то же время давая возможность в целом оценить значимость СВО в жизненном пространстве молодых россиян.

Таблица 3. Насколько сильно изменилась Ваша жизнь после начала СВО, %

Вариант ответа	Доля, %
Скорее не изменилась	36,4
Скорее изменилась	33,5
Изменилась очень сильно	12,9
Затрудняюсь ответить	10,0
Совсем не изменилась	7,2

Представленные результаты позволяют говорить о серьезной стратификации российской молодежи с точки зрения отношения к существующей геополитической ситуации. Если объединить близкие варианты ответов («скорее изменилась (не изменилась)» и «сильно изменилась (совсем не изменилась)»), то можно видеть, что ответы распределились практически одинаково. Так, 43,6% опрошенных указывают на то, что их жизнь практически не изменилась, в то время как 46,4% свидетельствуют об обратном. Не ответили на этот вопрос 10% респондентов, выбрав вариант – «затрудняюсь ответить».

Проанализируем, какие факторы влияют на выбор той или иной позиции. Во-первых, это возраст респондентов. Наиболее чувствительными к данному вопросу оказались молодые люди в возрасте 20 лет – 21 года. Это группа старших студентов бакалавриата, чья жизненная ситуация может быть напрямую связана с процессами, обусловленными СВО. Особенно значимо данный фактор проявляется среди молодых людей, обеспокоенных возможностью быть призванными на службу в ряды вооруженных сил. Из них более 76% отмечают наличие изменений в своей жизни.

Во-вторых, на оценку ситуации оказывает влияние семейное положение респондентов. Те респонденты, чья жизненная ситуация не изменилась, в 50% случаев указывают, что они не состоят в каких-либо отношениях. Молодые люди, которые состоят в браке или же находятся в отношениях вне официального брака в 65,9% случаев, указывают на то, что их жизнь существенным образом изменилась с момента начала СВО.

В-третьих, на ответы респондентов значимое влияние оказывает субъективная оценка собственного благополучия. При этом наиболее устойчивую позицию демонстрируют молодые люди, оценивающие свое благосостояние как высокое. Так, в частности, те кто выбирает характеристику своего материального положения как «достаточно высокое», указывают, что их жизнь после начала СВО «скорее не изменилась» (58,3%) или «не изменилась совсем» (16,6%). Категории респондентов, оценивающих свое благосостояние как среднее или низкое, делятся практически на две равные группы – те, на кого ситуация повлияла очень сильно, и те, кто такого влияния не заметил.

Таким образом, наиболее чувствительной группой молодежи являются студенты выпускных курсов бакалавриата, состоящие в близких отношениях и не имеющие высокого материального достатка. Сделанные выводы позволяют сформулировать целый спектр новых задач для государственной системы образования и молодежной политики в нашей стране. Представляется, что сегодня необходимо отойти от декларативного характера молодежной политики [9] и выстраивать систему социально-психологического сопровождения молодого поколения, включая работу по формированию жизнестойкости и способности противостоять геополитическим стрессорам. Важнейшими механизмами такой работы могли бы стать: расширение самостоятельности и самодеятельности молодежи, отказ от чрезмерной социальной опеки, политическое доверие молодому поколению.

Влияние специальной военной операции на жизненные стратегии молодежи

Для оценки социального самочувствия российской молодежи в условиях СВО важно проанализировать не только ее влияние на эмоциональное состояние молодого поколения. Представляется важным сделать выводы о том, как СВО и вызываемый ею стресс влияет на жизненные установки и жизненные стратегии молодежи.

Как показывает проведенное исследование, значительная часть молодежи плохо справляется с переживаемым стрессом. Серьезной социокультурной проблемой молодого поколения становится снижение активности в области жизненного планирования.

Респондентам было предложено выбрать одно из нескольких высказываний, характеризующих их отношение к планированию собственной жизни в зависимости от того, насколько сильно они оценивают влияние СВО (табл. 4).

Таблица 4. Отношение к долговременному планированию в зависимости от влияния СВО, %

Утверждение	Изменилась ли ваша жизнь под влиянием СВО?	
	Не изменилась	Изменилась
В любой ситуации у человека всегда должны быть долгосрочные (несколько лет), среднесрочные (год, месяц) и краткосрочные (неделя) планы	67,9	44,3
В современной ситуации наиболее правильным является краткосрочное планирование (от 1 до 3 мес)	22,3	32,0
В современной ситуации нет смысла строить долгосрочные планы	5,4	18,6
В современной ситуации нет смысла вообще что-то планировать, нужно жить одним днем	4,5	5,2

Респонденты, переживающие сильный стресс и свидетельствующие, что их жизнь изменилась после начала специальной военной операции, значительно чаще указывают на отсутствие готовности к долгосрочному планированию. Если те молодые люди, чья жизнь не особенно изменилась, в 67,9% случаев отмечают необходимость долгосрочного планирования, то противоположная категория молодежи выбирает этот вариант уже в 44,3% случаев. При этом на приоритет краткосрочного планирования указывают 22,3 и 32% респондентов соответственно. Наиболее сильное различие наблюдается между молодыми людьми при выборе ответа «в современной ситуации нет смысла строить долгосрочные планы». Респонденты, переживающие серьезные изменения, в четыре раза чаще выбирают этот вариант ответа (18,6%), чем те, кто полагает, что их жизнь не изменилась существенным образом (5,4%).

Снижение готовности к формированию жизненной стратегии может стать фактором социальной нестабильности. Сегодня Россия как никогда нуждается в наличии долгосрочных проектов в области экономики, технологий, развитии собственной территории, освоения космоса и т.д. Развитие у молодого поколения навыка «удержания» долгосрочной перспективы является актуальной задачей воспроизводства и развития российского общества и государства. В этом контексте СВО является своеобразной «лакмусовой бумажкой», позволяющей увидеть отдельные дисфункции социализации молодого поколения и осуществить управленческие решения, позволяющие частично устранить эти дисфункции.

Снижение уровня «долгосрочности» при проектировании жизненной траектории может иметь и демографические последствия. Так, например, по данным Росстата, суммарный коэффициент рождаемости в 2022 г. снизился и достиг минимума за последние 10 лет, составив 1,42 (значение коэффициента в 2012 г. – 1,69, в 2015 г. – 1,78)¹, что, вероятнее всего, связано с началом и продолжением СВО.

Если потеря фокуса долгосрочного планирования в отдельных сообществах молодежи может восприниматься как симптом, требующий своего осмысления, то готовность молодежи к миграции является более угрожаю-

¹ Суммарный коэффициент рождаемости. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/55407> (дата обращения: 02.05.2023).

щим фактором. Только за 10 месяцев 2022 г. Россию, по данным Росстата, покинуло порядка 600 тыс. человек (в основном молодых людей), при этом по мнению российских экспертов-социологов, эта цифра может быть гораздо более значительной¹.

В этом контексте представляет интерес анализ миграционных установок респондентов. Молодым людям был задан вопрос о их готовности покинуть пределы Российской Федерации. Несмотря на тот факт, что вопрос является очевидно сенситивным, достаточно большое количество респондентов указали на такую готовность. В частности, 20,1% опрошенных независимо от пола и возраста утвердительно ответили на вопрос о возможном переезде, 27,3% выбрали вариант «затрудняюсь ответить», который можно трактовать как допущение возможности подобного сценария, 52,6% участников исследования дали категоричный ответ – «нет».

Таким образом, чуть более 47% респондентов, принявших участие в исследовании, не готовы категорично декларировать свое желание остаться в России. Мы рассматриваем такое поведение не столько как проявление гражданской позиции, а скорее, как наиболее понятную копинг-стратегию, позволяющую справиться с переживаемым стрессом. Действительно, если проанализировать категорию молодых людей, выбирающих вариант отъезда из страны через оценку их эмоционального состояния, то можно увидеть, что 52,4% тех, кто готов к переезду, ощущают эмоциональный упадок, при этом те, кто категорично заявляет о нежелании уезжать, в 14,5% случаев ощущают эмоциональный подъем, а в 49,1% случаев характеризуют свое состояние как стабильное и нейтральное. «Бегство» из страны рассматривается молодыми людьми как наиболее простой и понятный вариант преодоления эмоционального напряжения. Это подтверждается и тем фактом, что чаще на готовность покинуть Российскую Федерацию указывают молодые люди, чья жизнь изменилась после начала СВО (25,8%). Те молодые люди, чья жизнь не поменялась, в 15,2% случаев хотели бы уехать из страны.

Подчеркнем еще раз, достаточно высокий процент молодых людей, которые хотели бы уехать из страны, это, на наш взгляд, не индикатор гражданской или протестной позиции. Мы полагаем, что это наиболее простая стратегия совладания с ситуацией неопределенности, обусловленной началом и продолжением специальной военной операции. Такой взгляд на ситуацию позволяет уйти от воспроизводства «моральных паник» относительно молодого поколения и более пристально взглянуть на институты социализации и сопровождения молодежного транзита в нашей стране, выделив в качестве одной из дисфункций их функционирования неспособность сформировать ценности и практики жизнестойкости у российской молодежи.

Заключение

Специальная военная операция является значимым фактором, влияющим на социальное самочувствие значительной части российской молодежи. Это проявляется в усиленном переживании стресса, в снижении готовности к долгосрочному планированию, ориентации на миграционное поведение.

¹ Три тенденции: как СВО и релокации меняют демографию. URL: https://www.rbc.ru/spb_sz/29/01/2023/63ce99cc9a794787b4a2e9de (дата обращения: 02.05.2023).

В то же время мы полагаем важным перенести фокус внимания с самой молодежи на институты социализации и сопровождения ее транзита. Представляется, что в практике функционирования этих институтов не заложено (либо они недостаточно эффективны) механизмы подготовки к преодолению жизненных трудностей, развития психологических и социальных практик совладания молодого поколения с различного рода стрессорами. Готовность действовать даже в достаточно сложных условиях, стремление к выстраиванию собственной жизненной траектории в контексте глобальных вызовов и угроз, в которых происходит социализация молодых россиян, являются важной компетенцией, от которой зависит воспроизводство и развитие российского общества.

Российская система государственной молодежной политики практически не содержит в себе элементов и технологий, способных формировать подобные компетенции. Начало специальной военной операции продемонстрировало тот факт, что часть российской молодежи в качестве реакции на происходящее выбрала вариант отъезда из России. Очевидно, что эта своеобразная копинг-стратегия хотя и снижает психологическую напряженность конкретных молодых людей, но с точки зрения российского государства и общества является явно дисфункциональной, поскольку ведет к оттоку человеческого капитала, снижению уровня солидарности внутри российского общества.

Полученные результаты позволяют по-иному взглянуть на модель реализации образовательной и молодежной политики в нашей стране, скорректировать ее направления и используемые технологии в контексте глобальных угроз (в том числе военных) современного мира.

Список источников

1. Тощенко Ж.Т. Социальное настроение – феномен современной социологической теории и практики // Социологические исследования. 1998. № 1. С. 21–35.
2. Осипова Н.Г. Социальное конструирование общественного здоровья // Вестник Московского университета. Сер. 18. Социология и политология. 2016. № 4. С. 119–141.
3. Петрова Л.Е. Социальное самочувствие молодежи // Социологические исследования. 2000. № 12. С. 50–55.
4. Севек В.К., Соян Ш.Ч., Севек Р.М. Социальное самочувствие молодежи Республики Тыва // Социологические исследования. 2016. № 9. С. 141–144
5. Ефлова М.Ю., Ишкинева Ф.Ф., Фурсова В.В. Социальное самочувствие и ценностные ориентации студенческой молодежи в контексте социальных изменений // Вестник Института социологии. 2014. № 10. С. 34–44.
6. Социальное самочувствие молодежи Свердловской области в 2015 году: итоги социологического исследования / под общ. ред. Ю.Р. Вишневого, Д.Ю. Нархова. Екатеринбург, 2016.
7. Смирнов В.А. Молодежная политика: опыт системного описания // Социологические исследования. 2014. № 3. С. 72–80.
8. Нартова Н.А., Саблина А.А., Кузинер Е.Н., Петрунина Д.С. Анализ дискурсивных режимов перехода во взрослость в нормативных документах молодежной политики России // The Journal of Social Policy Studies. 2022. Vol. 20, № 1. С. 7–22. doi: 10.17323/727-0634-2022-20-1-7-22
9. Подьячев К.В., Халий И.А. Государственная молодежная политика в современной России: концепт и реалии // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2020. Т. 20, № 2. С. 263–276. doi: 10.22363/2313-2272-2020-20-2-263-276

References

1. Toshchenko, Zh.T. (1998) Sotsial'noe nastroyenie – fenomen sovremennoy sotsiologicheskoy teorii i praktiki [Social mood – a phenomenon of modern sociological theory and practice]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 1. pp. 21–35.

2. Osipova, N.G. (2016) Sotsial'noe konstruirovaniye obshchestvennogo zdorov'ya [Social construction of public health]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sotsiologiya i politologiya*. 4. pp. 119–141.
3. Petrova, L.E. (2000) Sotsial'noe samochuvstvie molodezhi [Social construction of public health]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 12. pp. 50–55.
4. Sevek, V.K., Soyan, Sh.Ch. & Sevek, R.M. (2016) Sotsial'noe samochuvstvie molodezhi Respubliki Tyva [Social well-being of the youth of the Republic of Tyva]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 9. pp. 141–144
5. Eflova, M.Yu., Ishkineeva, F.F. & Fursova, V.V. (2014) Sotsial'noe samochuvstvie i tsennostnye orientatsii studencheskoy molodezhi v kontekste sotsial'nykh izmeneniy [Social well-being and value orientations of student youth in the context of social changes]. *Vestnik Instituta sotsiologii*. 10. pp. 34–44.
6. Vishnevsky, Yu.R. & Narkhov, D.Yu. (2016) *Sotsial'noe samochuvstvie molodezhi Sverdlovskoy oblasti v 2015 godu: itogi sotsiologicheskogo issledovaniya* [Social well-being of youth in the Sverdlovsk region in 2015: Results of a sociological study]. Ekaterinburg: [s.n.].
7. Smirnov, V.A. (2014) Molodezhnaya politika: opyt sistemnogo opisaniya [Youth policy: experience of systemic description]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 3. pp. 72–80.
8. Nartova, N.A., Sablina, A.A., Kuziner, E.N. & Petrunina, D.S. (2022) Analiz diskursivnykh re-zhimov perekhoda vo vzroslost' v normativnykh dokumentakh molodezhnoy politiki Rossii [The analysis of discursive modes of transition to adulthood in normative documents of Russian youth policy]. *The Journal of Social Policy Studies*. 20(1). pp. 7–22. DOI: 10.17323/727-0634-2022-20-1-7-22
9. Podyachev, K.V. & Khaliy, I.A. (2020) Gosudarstvennaya molodezhnaya politika v sovremennoy Rossii: kontsept i realii [State youth policy in modern Russia: concept and reality]. *Vestnik RUDN. Seriya: Sotsiologiya*. 20(2). pp. 263–276. DOI: 10.22363/2313-2272-2020-20-2-263-276

Сведения об авторе:

Смирнов В.А. – доктор социологических наук, доцент кафедры современной социологии социологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия); доцент, главный научный сотрудник Управления научно-исследовательской деятельности (УНИД) Костромского государственного университета (Кострома, Россия). E-mail: kano_igt@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Smirnov V.A. – Dr. Sci. (Sociology), associate professor of the Department of Modern Sociology, Faculty of Sociology of Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation); associate professor, chief researcher of the Directorate of Research Activities, Kostroma State University (Kostroma, Russian Federation). E-mail: kano_igt@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 05.05.2023;
одобрена после рецензирования 25.01.2024; принята к публикации 04.03.2024
The article was submitted 05.05.2023;
approved after reviewing 25.01.2024; accepted for publication 04.03.2024

Научная статья

УДК 316

doi: 10.17223/1998863X/77/21

ПРАКТИКИ СБОРА ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ И ИХ ВОСПРИЯТИЕ В ОБЩЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ

Сергей Геннадьевич Ушкин

*Научный центр социально-экономического мониторинга, Саранск, Россия;
Всероссийский центр изучения общественного мнения, Москва, Россия;
Национальный исследовательский Мордовский государственный университет,
Саранск, Россия, ushkinsergey@gmail.com*

Аннотация. По материалам количественного социологического исследования, проведенного в апреле–мае 2023 г. на территории Республики Мордовия среди 1 000 респондентов по репрезентативной выборке, установлено, что о практиках сбора персональных данных в той или иной степени проинформирован каждый второй опрошенный. При этом подавляющее большинство жителей региона декларируют выраженные негативные эмоции при оценке компаний, которые занимаются подобными действиями, и испытывают высокий уровень недоверия.

Ключевые слова: персональные данные, большие данные, цифровые платформы, доверие, общественное сознание

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01288, <https://rscf.ru/project/23-28-01288/>

Для цитирования: Ушкин С.Г. Практики сбора персональных данных и их восприятие в общественном сознании // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2024. № 77. С. 251–261. doi: 10.17223/1998863X/77/21

Original article

PRACTICES OF COLLECTING PERSONAL DATA AND THEIR PERCEPTION IN THE PUBLIC CONSCIOUSNESS

Sergey G. Ushkin

*Scientific Centre for Social and Economic Monitoring, Saransk, Russian Federation;
Russian Public Opinion Research Center (VCIOM), Moscow, Russian Federation;
National Research Mordovia State University, Saransk, Russian Federation,
ushkinsergey@gmail.com*

Abstract. The problem of collecting personal data has long been and remains on the periphery of interest on the part of Russians, being in the second echelon of topics of public discourse that are important to them. Citizens traditionally rely not on themselves, but on government agencies in this matter, with little or no reflection on how protected they actually are from potential risks. Privacy in our world is becoming illusory; any action on the Internet a priori implies a citizen's refusal to have reasonable expectations for the safety of posted data. Various companies often use this for different purposes, including interference in socio-political processes. In this article, based on materials from a quantitative study conducted in April–May 2023 among 1,000 residents of the Republic of Mordovia, surveyed using a representative quota sample, we examine their attitude towards the practices of collecting personal data from companies. The results of the study show that every second

respondent does not know that companies collect personal data about users on social networks and can subsequently use it to their advantage. Such practices are subject to severe obstruction: the vast majority experience expressed negative emotions in relation to them, such as hostility, irritation, fear, disgust, and hatred. The consequence of this is a low level of trust in these types of companies. It was revealed that, with a high degree of probability, the main predictor of awareness of the practices of collecting personal data is the type of place of residence – the indicator increases noticeably in the regional capital and decreases beyond its borders. Another parameter that could potentially have an impact is the level of education; as a rule, greater awareness is recorded among people who have ever studied at a university. The problem of perceptions of personal data collection may have significant implications for social theory as a whole. Even classic works in the field of sociology postulate that, as soon as individuals become aware of excessive control from others, they are forced to change their behavior, and sometimes this becomes the cause of a number of destructive phenomena (for example, increased suicide rates). Managing privacy regimes is becoming an important idea, but it must be of a conscious nature to individuals; they must take a responsible approach to signing user agreements and building behavioral boundaries on the Internet and social networks.

Keywords: personal data, big data, digital platforms, trust, public consciousness

Acknowledgments: The study is supported by the Russian Science Foundation, Project No. 23-28-01288, <https://rscf.ru/project/23-28-01288/>

For citation: Ushkin, S.G. (2024) Practices of collecting personal data and their perception in the public consciousness. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 77. pp. 251–261. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/77/21

Введение

Длительное время проблема сбора персональных данных была и остается на периферии интереса к ней со стороны россиян [1]. Наши сограждане традиционно полагаются в этом вопросе не столько на себя, сколько на государственные органы, и практически не рефлексировали на тему того, насколько они в действительности защищены или нет от потенциальных рисков [2].

Понятие приватности становится все более размытым – нас практически повсюду окружают видеокамеры, наши денежные транзакции подвергаются постоянному мониторингу, а стриминговые сервисы подгружают новые ленты рекомендаций, которые основываются на наших поведенческих практиках. Негласно мы становимся субъектами нового общественного договора, который подразумевает отказ гражданина от обоснованных ожиданий на сохранность его персональных данных [3]. Безусловно, каждый может воспользоваться правом на забвение, однако возможности противостояния отдельных пользователей цифровым платформам без вмешательства государства выглядят ограниченными [4]. Некоторые исследователи предлагают термин «пост-приватность» для обозначения эпохи, когда информационная приватность не может быть обеспечена [5].

Нередко большие корпорации пользуются персональными данными без всякого на то согласия, в том числе для вмешательства в общественно-политические процессы в различных странах [6]. Наиболее громкий пример – случай британской Cambridge Analytica, которая использовала технологии глубинного анализа данных профилей пользователей социальных сетей для разработки стратегической коммуникации при проведении избирательных компаний. Другой показательный кейс в меньшей степени касается собственно персональных данных, однако иллюстрирует манипулятивные возможно-

сти IT-гигантов. Так, долгое время социальная сеть Facebook¹ показывала одной большой группе людей позитивную ленту новостей, а другой – негативную. По итогам эксперимента был сделан вывод: позитивная повестка делает людей более счастливыми, а негативная – более несчастными. Однако основная его проблема заключалась в том, что согласие на участие в эксперименте никто из пользователей никогда не давал.

Возникает своего рода «парадокс приватности», когда пользователи, даже зная о предполагаемых рисках, продолжают пользоваться теми или иными сайтами или гаджетами [7]. Для них получаемые «здесь и сейчас» преимущества оказываются важнее отложенных и всего лишь потенциальных негативных последствий. Впрочем, результаты исследований аналитического центра Pew Research показывают, что после упомянутого резонансного примера с британской Cambridge Analytica большинство американских пользователей Facebook (74%) стали больше беспокоиться о своей конфиденциальности – поменяли настройки доступа, сделали перерыв в использовании платформы или удалили приложение со своего мобильного телефона².

Российское законодательство пока достаточно мягко относится к деятельности компаний, занимающихся сбором персональных данных. Зачастую для них оказывается достаточным разместить на сайте политику в отношении обработки информации, попросить разрешение на работу с cookie-файлами, сделать чек-бокс с формулировкой о разрешении использования персональных данных и хранить всю информацию исключительно на российских серверах. Подобные практики представляются все более абсурдными, похожими на ритуалы, а потому требуют большей осознанности от пользователей [8].

Что в действительности российские пользователи знают о практиках сбора персональных данных? Какие эмоции испытывают, когда встречаются с ними? Это два ключевых вопроса, которые мы попытаемся прояснить в рамках настоящей статьи.

Методология исследования

Исследование базируется на количественной методологии. Его эмпирическую базу составили результаты авторского социологического исследования, проведенного в апреле–мае 2023 г. на территории 22 муниципальных районов Республики Мордовия и г.о. Саранск, охвачено более 80 населенных пунктов. Всего в исследовании приняли участие 1 000 респондентов.

Выборка – квотная, репрезентует структуру населения Республики Мордовия по полу, возрасту и месту проживания. Структурные параметры выборочной совокупности, в том числе неконтролируемые переменные, такие как уровень образования и медиапотребление, приведены в табл. 1. Большинство результативных анкет получено посредством компьютерного анкетирования, реализованного на платформе Google Forms по интерактивной анкете. В отдельных случаях, связанных преимущественно с возрастом опрошенных и (или) проблемами с доступом у них к Интернету, использовано традиционное интервью лицом к лицу.

¹ Принадлежит Meta Platforms, чья деятельность признана экстремистской запрещена на территории Российской Федерации.

² <https://www.pewresearch.org/short-reads/2018/09/05/americans-are-changing-their-relationship-with-facebook/>

Таблица 1. Структурные параметры выборочной совокупности

Параметр		%
Пол	Мужской	46
	Женский	54
Возраст, лет	18–24	10
	25–34	17
	35–44	18
	45–59	25
	60 и старше	30
Тип населенного пункта	Саранск	45
	Города и пгт	18
	Села	36
Образование	Основное (до 9 классов), среднее (до 10–11 классов)	4
	Начальное профессиональное (училище)	4
	Среднее профессиональное (техникум, колледж)	15
	Незаконченное высшее, высшее, ученая степень	77
Медиапотребление	Узнают новости только из новых медиа (интернет-издания, социальные сети, телеграм-каналы)	15
	Узнают новости только из традиционных медиа (телевидение, газеты, радио)	11
	Узнают новости только от друзей, родных, знакомых	8
	Узнают новости как из новых, так и из традиционных медиа	66

Поскольку квотная выборка не относится к случайным, оценка ее погрешности носит преимущественно аналитический характер и проводится нами справочно. Если при том же количестве опрошенных был бы реализован случайный подход к отбору единиц выборочной совокупности, то погрешность исследования была бы на уровне 3,5% при доверительной вероятности 95%.

Цель настоящего исследования – выявить отношение к практикам сбора персональных данных компаниями со стороны населения и изучение его связи с социально-демографическими характеристиками.

Было выдвинуто три гипотезы:

Н1: уровень информированности о практиках сбора персональных данных является низким, большинство респондентов или не знают о них, или затрудняются выразить свое отношение к ним.

Н2: эмоциональное восприятие практик сбора персональных данных носит преимущественно отрицательный характер, респонденты на вербальном уровне склонны относиться к ним с выраженным недоверием.

Н3: переменными, оказывающими первоочередное влияние на информированность о практиках сбора персональных данных и их восприятие, выступают уровень образования, возраст, место проживания и медиапотребление.

Для обработки и анализа данных использованы возможности статистического пакета IBM SPSS Statistics 26. Применялись методы описательной статистики и многомерного распределения признаков.

Результаты

Выполненное исследование демонстрирует относительно низкий уровень информированности опрошенных о практиках сбора персональных данных. Примерно каждый пятый (22%) заявляет о том, что хорошо знаком с ними, еще треть (32%) имеет поверхностные представления о них. Остальные или слышат впервые о том, что ряд компаний собирают персональные данные для своих нужд (21%), или затрудняются ответить на поставленный вопрос (26%).

Заметно чаще, чем в среднем по выборке, знают или имеют представления о практиках сбора персональных данных респонденты с высшим образованием (56%), жители столицы региона (63%) и люди, которые пользуются исключительно новыми медиа (интернет-издания, социальные сети, телеграм-каналы и т.д.) (59%). Значимых расхождений в зависимости от других параметров не фиксируется (табл. 2).

Таблица 2. Информированность о практиках сбора персональных данных со стороны компаний, %

Параметр	Знают	Что-то слышали, но подробностей не знают	Слышат сейчас впервые	Затрудняются с ответом
<i>Пол</i>				
Мужчины	26	29	19	27
Женщины	18	34	22	26
<i>Возраст, лет</i>				
18–24	24	27	20	29
25–34	25	30	22	23
35–44	24	29	17	30
45–59	24	31	21	25
60 лет и старше	16	37	22	25
<i>Место проживания</i>				
Саранск	26	37	17	19
Города и пгт	20	24	24	32
Села	17	29	23	31
<i>Образование</i>				
Нет высшего образования	16	28	22	35
Есть высшее образование	23	33	20	24
<i>Медиапотребление</i>				
Узнают новости только из новых медиа (интернет-издания, социальные сети, телеграм-каналы)	26	33	17	24
Узнают новости только из традиционных медиа (телевидение, газеты, радио)	15	27	31	27
Узнают новости только от друзей, родных, знакомых	10	35	17	39
Узнают новости как из новых, так и из традиционных медиа	21	34	20	26
<i>Всего</i>	22	32	21	26

Результаты логистической регрессии показывают, что решающее воздействие на уровень информированности имеют две переменные – наличие высшего образования и проживание в региональной столице. В первом случае по сравнению с теми, у кого нет высшего образования, знание о практиках сбора персональных данных увеличивается в 1,3 раза, во втором, по сравнению с теми, кто живет в городах, пгт или селах, – в 2,1 раза. Но только место проживания статистически значимо на уровне 0,001 и 95%-м доверительном интервале. При этом построенная логистическая модель носит справочный характер, служит скорее для выделения общих тенденций, характерных для массива данных, поскольку полученный R-квадрат Нэйджелкерка принимают крайне низкие значения (на уровне 0,063).

Восприятие практик сбора персональных данных смещено в сторону негатива. Выраженные отрицательные эмоции в их отношении декларируют половина опрошенных (52%). В их числе назывались неприязнь, раздражение (33%), страх (26%) и отвращение, ненависть (8%). Только лишь 2% упомина-

ли положительные свойства, такие как восхищение, уважение или симпатия. Еще каждый пятый (18%) говорил о своем безразличии к подобного рода компаниям, то каждый третий (33%) затруднился с ответом.

Если говорить о социально-демографической специфике, то чаще остальных на негатив указывают жители столицы региона (57%), а также люди старше 45 лет (56%). Предпочтительные форматы медиапотребления не оказывают значимого влияния на восприятие. Необходимо отметить, что отрицательные эмоции чаще испытывают те, кто декларирует высокий уровень информированности о практиках сбора персональных данных со стороны компаний (61%) (табл. 3).

Таблица 3. Отношение к практикам сбора персональных данных в зависимости от уровня информированности о них, %

Отношение респондентов	Всего	Знают о практиках сбора персональных данных со стороны компаний или что-то слышали о них	Не знают о практиках сбора персональных данных со стороны компаний
<i>Позитивные эмоции</i>	2	2	2
С восхищением	1	1	1
С уважением	1	2	1
С симпатией	1	1	1
<i>Нейтральные эмоции</i>	18	22	14
<i>Негативные эмоции</i>	52	61	42
С неприязнью, раздражением	33	42	23
Со страхом	26	26	25
С отвращением, ненавистью	80	10	5
<i>Затрудняюсь ответить</i>	33	20	47

Следствием негативного эмоционального восприятия становится высокий уровень недоверия к компаниям, которые собирают персональные данные. Почти две трети (65%) скорее не доверяют или определенно не доверяют подобным акторам социальных взаимодействий. О доверии заявляет лишь каждый десятый опрошенный (8%). Остальные (26%) затрудняются с ответом.

Повышенный уровень недоверия фиксируется со стороны людей от 45 лет и старше (69%). Пол, место проживания, уровень образования, практики медиапотребления не оказывают существенного влияния на показатель. Тем не менее статистически значимое его повышение наблюдается среди тех, кто имеет представления о сборе персональных данных (72%) (табл. 4).

Таблица 4. Доверие к компаниям, собирающим персональные данные, в зависимости от уровня информированности о практиках сбора персональных данных, %

Отношение респондентов к компаниям	Всего	Знают о практиках сбора персональных данных со стороны компаний или что-то слышали о них	Не знают о практиках сбора персональных данных со стороны компаний
<i>Доверяют</i>	9	8	10
Безусловно доверяют	1	1	1
Скорее доверяют	8	8	9
<i>Не доверяют</i>	65	72	57
Скорее не доверяют	42	49	35
Определенно не доверяют	22	23	22
<i>Затрудняюсь ответить</i>	26	20	34

Дискуссия и выводы

Предварительный анализ проблемы практик сбора данных показывает, что население не осведомлено о ней, однако проявляют выраженное беспокойство на ее счет. И, несмотря на кажущуюся узость рассматриваемой темы, она может иметь существенные последствия для социальной теории в целом.

В первую очередь, речь идет о появлении новых режимов управления приватности, когда индивид вне зависимости от внешних технологических условий стремится к социальной автономии. Еще у Э. Дюркгейма в сносках к его классической работе выведен редкий тип самоубийства, который встречается в обществах с высоким уровнем контроля со стороны окружающих [9. С. 479]. Мы как минимум можем утверждать, что люди, знающие о проблеме приватности, испытывают больший уровень беспокойства, сопряженного с проявлением негативных эмоций в отношении компаний, использующих практики сбора персональных данных.

Становясь субъектом нового общественного договора, который подразумевает отказ гражданина от обоснованных ожиданий на сохранность его персональных данных, индивид автоматически акцептирует согласие на вхождение в новый цифровой паноптикум, который вырос до масштабов целого общества [10. С. 73]. Цифровые следы человека, говоря словами М. Фуко, постепенно встраиваются в карцерную сеть общества, где мы учимся жить в окружении новых судей нормальности [11. С. 448]. Управление режимами приватности – своего рода подстройка под обобщенного другого, где роль другого играют не только члены референтной группы, но и государство, компании, занимающиеся сбором данных, а также все те, к кому потенциально эти данные могут попасть.

Последствия пребывания в тотальных институтах, таких как психиатрические больницы и тюрьмы, где у людей мало личной жизни, достаточно хорошо изучены [12]. Основным из них является отчуждение у человека права на свою индивидуальность, когда внешнее по отношению к нему окружение влияет на процессы выстраивания его представления о себе в повседневной жизни. Управление конфиденциальностью становится все более сложным процессом, особенно тогда, когда возникает сопротивление и негативная реакция на контроль персональных данных со стороны различных структур [13].

Восприятие конфиденциальности, по всей видимости, имеет значимые кросс-культурные различия. Например, исследователи сравнивали отношения к сбору конфиденциальных данных в США и Нидерландах и пришли к выводу, что в первом случае респонденты более чувствительны к их обороту в правоохранительной деятельности и деятельности местных органов власти, а во втором – в медицинской деятельности [14]. Показательно, что причины недоверия со стороны американцев кроются в их негативных установках по отношению практически ко всем государственным институтам, о чем свидетельствуют многолетние опросы аналитического центра Pew Research¹. И здесь ситуация во многом близка к общероссийским замерам [15]. Голландский случай проистекает, по всей видимости, из попыток государства в первые месяцы после пандемии Covid-19 разработать приложение для отслеживания контактов, что вызвало широкий резонанс в общественном мнении.

¹ <https://www.pewresearch.org/politics/2019/07/22/trust-and-distrust-in-america/>

В то же время в Китае фиксируется выраженный кризис доверия к сбору конфиденциальной информации в эпоху больших данных [16]. Подавляющее большинство опрошенных там жителей испытывают серьезные опасения по поводу использования онлайн-ритейла, хотя многие из них постоянно делают там покупки. Кроме того, у них вызывает сомнения безопасность передаваемых посредством мессенджеров «быстрых» сообщений – в первую очередь, ввиду постоянного спама, потенциальной возможности для отслеживания сообщений и нестираемых записей в чатах.

При этом ряд проводимых исследований постулируют, что алармистский дискурс по поводу утекающих из социальных сетей данных является преждевременным. Как правило, их пользователи не проявляют существенного беспокойства на этот счет, по всей видимости принимая во внимание тот факт, что информация, попадающая в публичный доступ, перестает быть приватной, даже если действуют соответствующие настройки конфиденциальности [17, 18]. Низкий уровень тревожности характерен и по отношению пользователей к использованию носимых устройств, таких как фитнес-браслеты, смарт-часы и т.д. [19, 20]. Во многом это следствие уже упомянутого «парадокса приватности», который усиливается тем, что в действительности подавляющее большинство людей имеют мало шансов столкнуться с нарушением их конфиденциальности в Интернете и практически не читают пользовательских соглашений [21].

Системы по обработке больших данных, предоставляемых пользователями, показали свою достаточно высокую эффективность при прогнозировании и эффективном устранении пробок на дорогах, повышении общественной безопасности, улучшении качества мониторинга здоровья и т.д. Интеллектуальные системы повсеместно внедряются в беспилотные автомобили, системы управления умным домом, позволяют пользователям лучше контролировать параметры своего здоровья благодаря носимым устройствам и смартфонам. Развитие умных городов и Интернета вещей определено одним из приоритетных направлений развития как в нашей стране, так и в ряде других государств. Тем не менее риски потери конфиденциальности могут иметь неконтролируемые и далеко идущие социальные последствия, особенно в тех случаях, когда получаемые выгоды не очевидны для конечного пользователя.

Список источников

1. Седова Н.Н. Общественное мнение о персональных данных и их обороте в современной России // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2005. № 4. С. 79–94.
2. Добролюбова Е.И., Южаков В.Н., Покида А.Н., Зыбуновская Н.В. Как и почему граждане оценивают свою защищенность от контролируемых государством рисков // Социологические исследования. 2020. № 7. С. 70–81.
3. Орлов М.О., Шаткин М.А. Приватность в условиях цифровизации: правовые и экономические аспекты // Социологические исследования. 2019. № 4. С. 15–26.
4. Антипов А.В., Трусов Ю.А. Право на забвение: этико-политические аспекты // Философский журнал. 2023. № 3. С. 163–177.
5. Чеснокова Л.В. Проблема безопасности личных данных и феномен постприватности в цифровом обществе // Гуманитарный вектор. 2022. Т. 17, № 4. С. 39–48. doi: 10.21209/1996-7853-2022-17-4-39-48
6. Володенков С.В. Технологии Big Data в современных политических процессах: цифровые вызовы и угрозы // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2018. № 44. С. 205–212.

7. Ушкин С.Г., Коваль Е.А. Алиса, ты следишь за мной? Восприятие конфиденциальности в нарративах пользователей «умных» колонок // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 3. С. 23–40.
8. Коваль Е.А., Мартынова М.Д., Жадунова Н.В. Информированное согласие в эпоху больших данных: необходимость нормативного обновления // Этическая мысль. 2020. Т. 20, № 2. С. 115–131.
9. Дюркгейм Э. Самоубийство. Социологический этюд / пер с фр. А.Н. Ильинского ; под ред. В.А. Лукова. СПб. : Союз, 1998. 496 с.
10. Коваль Е.А., Пальчикова М.В. Информационная открытость государственной и муниципальной службы: модель паноптикума // Lex Russica. 2020. Т. 73, № 8. С. 70–77. doi: 10.17803/1729-5920.2020.165.8.070-077
11. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / пер. с фр. В. Наумова ; под ред. И. Борисовой. М. : Ad Marginem, 1999. 480 с.
12. Гоффман Э. Тотальные институты. Очерки о социальной ситуации психически больных пациентов и прочих постояльцев закрытых учреждений. М. : Элементарные формы, 2019. 464 с.
13. Etzioni A. The limits of privacy. New York : Basic Books, 2008.
14. Vitak J., Liao Y., Mols A., Trotter D., Zimmer M., Kumar P.C., Pridmore J. When Do Data Collection and Use Become a Matter of Concern? A Cross-Cultural Comparison of U.S. and Dutch Privacy Attitudes // International Journal of Communication. 2023. Vol. 17. P. 471–498. doi: 1932–8036/20230005
15. Назаров М.М., Иванов В.Н., Кублицкая Е.А. Медиа, институты и доверие российских граждан // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2019. Т. 19, № 2. С. 277–288. doi: 10.22363/2313-2272-2019-19-2-277-288
16. Wang Z., Yu Q. Privacy trust crisis of personal data in China in the era of Big Data: The survey and countermeasures // Computer Law & Security Review. 2015. Vol. 31, № 6. P. 782–792.
17. Hargittai E., Marwick A. “What can I really do?” Explaining the privacy paradox with online apathy // International Journal of Communication. 2016. Vol. 10. P. 3737–3757. doi: 1932–8036/20160005
18. Hoffmann C. P., Lutz C., Ranzini G. Privacy cynicism: A new approach to the privacy paradox // Cyberpsychology: Journal of Psychosocial Research on Cyberspace. 2016. Vol. 10, № 4. doi: 10.5817/CP2016-4-7.
19. Zimmer M., Kumar P., Vitak J., Liao Y., Kritikos K.C. “There’s nothing really they can do with this information”: Unpacking how users manage privacy boundaries for personal fitness information // Information, Communication & Society. 2020. Vol. 23, № 7. P. 1020–1037. doi: 10.1080/1369118X.2018.1543442
20. Давыдова А.М., Солянова М.А., Соренсен К. Дисциплинарные практики цифрового селфтрекинга: между эмансипацией и контролем // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 1. С. 217–240. doi: 10.14515/monitoring.2021.1.1797
21. Baek Y.M. Solving the privacy paradox: A counter-argument experimental approach // Computers in Human Behavior. Vol. 38. P. 33–42.

References

1. Sedova, N.N. (2005) Obshchestvennoe mnenie o personal'nykh dannykh i ikh oborote v sovremennoy Rossii [Public opinion about personal data and their circulation in modern Russia]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*. 4. pp. 79–94.
2. Dobrolyubova, E.I., Yuzhakov, V.N., Pokida, A.N. & Zybunovskaya, N.V. (2020) Kak i pochemu grazhdane otsenivayut svoyu zashchishchennost' ot kontroliruemyykh gosudarstvom riskov [How and why citizens assess their security from state-controlled risks]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 7. pp. 70–81.
3. Orlov, M.O. & Shatkin, M.A. (2019) Privatnost' v usloviyakh tsifrovizatsii: pravovye i ekonomicheskie aspekty [Privacy in the context of digitalization: legal and economic aspects]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 4. pp. 15–26.
4. Antipov, A.V. & Trusov, Yu.A. (2023) Pravo na zabvenie: etiko-politicheskie aspekty [The right to be forgotten: ethical and political aspects]. *Filosofskiy zhurnal*. 3. pp. 163–177.
5. Chesnokova, L.V. (2022) Problema bezopasnosti lichnykh dannykh i fenomen postprivatnosti v tsifrovom obshchestve [The problem of personal data security and the phenomenon of post-privacy in digital society]. *Gumanitarnyy vektor*. 17(4). pp. 39–48. DOI: 10.21209/1996-7853-2022-17-4-39-48

6. Volodenkov, S.V. (2018) Big Data technologies in contemporary political processes: digital challenges and threats. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 44. pp. 205–212. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/44/20
7. Ushkin, S.G. & Koval, E.A. (2023) Alisa, ty sledish' za mnoy? Vospriyatie konfidentsial'nosti v narrativakh pol'zovateley "umnykh" kolonok [Alice, are you following me? Perception of privacy in the narratives of smart speaker users]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*. 3. pp. 23–40.
8. Koval, E.A., Martynova, M.D. & Zhadunova, N.V. (2020) Informed Consent in the Big Data Age: The Need for Normative Updates. *Eticheskaya mysl' – Ethical Thought*. 20(2). pp. 115–131. (In Russian). DOI: 10.21146/2074-4870-2020-20-2-115-131
9. Durkheim, E. (1998) *Samoubiystvo. Sotsiologicheskii etyud* [Suicide. A sociological study]. Translated from French by A.N. Ilinsky. St. Petersburg: Soyuz.
10. Koval, E.A. & Palchikova, M.V. (2020) Informatsionnaya otkrytost' gosudarstvennoy i munitsipal'noy sluzhby: model' panoptikuma [Information openness of state and municipal services: The panopticon model]. *Lex russica*. 73(8). pp. 70–77. DOI: 10.17803/1729-5920.2020.165.8.070-077
11. Foucault, M. (1999) *Nadzirat' i nakazyvat'. Rozhdenie tyur'my* [Discipline and Punish. The Birth of Prison]. Translated from French by V. Naumov. Moscow: Ad Marginem.
12. Goffman, E. (2019) *Total'nye instituty. Ocherki o sotsial'noy situatsii psikhicheski bol'nykh patsientov i prokikh postoyal'tsev zakrytykh uchrezhdeniy* [Total institutions. Essays on the social situation of mentally ill patients and other residents of closed institutions]. Translated from German by A.S. Salin. Moscow: Elementarnye formy.
13. Etzioni, A. (2008) *The Limits of Privacy*. New York: Basic Books.
14. Vitak, J., Liao, Y., Mols, A., Trotter, D., Zimmer, M., Kumar, P.C. & Pridmore, J. (2023) When Do Data Collection and Use Become a Matter of Concern? A Cross-Cultural Comparison of U.S. and Dutch Privacy Attitudes. *International Journal of Communication*. 17. pp. 471–498. DOI: 1932–8036/20230005
15. Nazarov, M.M., Ivanov, V.N. & Kublitskaya, E.A. (2019) Media, instituty i doverie rossiyskikh grazhdan [Media, institutions and trust of Russian citizens]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov. Seriya: Sotsiologiya*. 19(2). pp. 277–288. DOI: 10.22363/2313-2272-2019-19-2-277-288
16. Wang, Z. & Yu, Q. (2015) Privacy trust crisis of personal data in China in the era of Big Data: The survey and countermeasures. *Computer Law & Security Review*. 31(6). pp. 782–792. DOI: 10.1016/j.clsr.2015.08.006
17. Hargittai, E. & Marwick, A. (2016) "What can I really do?" Explaining the privacy paradox with online apathy. *International Journal of Communication*. 10. pp. 3737–3757. DOI: 1932–8036/20160005
18. Hoffmann, C. P., Lutz, C. & Ranzini, G. (2016) Privacy cynicism: A new approach to the privacy paradox. *Cyberpsychology: Journal of Psychosocial Research on Cyberspace*. 10(4). DOI: 10.5817/CP2016-4-7.
19. Zimmer, M., Kumar, P., Vitak, J., Liao, Y. & Kritikos, K.S. (2020) "There's nothing really they can do with this information": Unpacking how users manage privacy boundaries for personal fitness information. *Information, Communication & Society*. 23(7). pp. 1020–1037. DOI: 10.1080/1369118X.2018.1543442
20. Davydova, A.M., Solyanova, M.A. & Sorensen, K. (2021) Disciplinary practices of digital self-tracking: Between emancipation and control. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*. 1. pp. 217–240. (In Russian). DOI: 10.14515/monitoring.2021.1.1797
21. Baek, Y.M. (2014) Solving the privacy paradox: A counter-argument experimental approach. *Computers in Human Behavior*. Vol. 38. P. 33–42. DOI: 10.1016/j.chb.2014.05.006

Сведения об авторе:

Ушкин С.Г. – кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник отдела мониторинга социальных процессов Научного центра социально-экономического мониторинга (Саранск, Россия); исследовательский менеджер Всероссийского центра изучения общественного мнения (Москва, Россия); младший научный сотрудник Института корпоративного обучения и непрерывного образования Национального исследовательского Мордовского государственного университета (Саранск, Россия). E-mail: ushkinsergey@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Ushkin S.G. – Cand. Sci. (Sociology), leading researcher at the Social Processes Monitoring Department, Scientific Centre for Social and Economic Monitoring (Saransk, Russian Federation); research manager, Russian Public Opinion Research Center (VCIOM) (Moscow, Russian Federation); junior researcher at the Institute for Corporate Education and Continuing Education, National Research Mordovia State University (Saransk, Russian Federation). E-mail: ushkinsergey@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 02.11.2023;
одобрена после рецензирования 25.01.2024; принята к публикации 04.03.2024
The article was submitted 02.11.2023;
approved after reviewing 25.01.2024; accepted for publication 04.03.2024*

ПОЛИТОЛОГИЯ

Научная статья
УДК 323.21
doi: 10.17223/1998863X/77/22

ЭТНИЧЕСКИЕ ПАРТИИ В ПОЛИТИЧЕСКИХ СИСТЕМАХ МУЛЬТИЭТНИЧНЫХ ГОСУДАРСТВ

Валерий Алексеевич Ачкасов

*Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия,
val-achkasov@andex.ru*

Аннотация. Осуществлено сравнительное исследование места и роли «этнических партий» в современном мире, в котором этничность крайне политизирована, что часто способствует дестабилизации политических систем мультиэтнических государств. Рассмотрены шесть реально существующих способов включения этнических партий в политический процесс, а также институциональные условия и способы обеспечения политического представительства этнических меньшинств. Сделан вывод, во-первых, о том, что этнические партии способны выступать в качестве инструмента снижения напряженности в мультиэтническом обществе; во-вторых, включение этнических политических сил в процесс выработки и реализации общенационального политического курса является важным шагом к обеспечению политической стабильности.

Ключевые слова: этнические партии, политическая система, политическое представительство этнических меньшинств, пропорциональная система, этнизация политики

Благодарности: исследование выполнено за счет средств гранта Российского научного фонда, проект № 23-28-00360 «Этнофедерализм как форма национального самоопределения: сравнительный анализ».

Для цитирования: Ачкасов В.А. Этнические партии в политических системах мультиэтнических государств // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2024. № 77. С. 262–274. doi: 10.17223/1998863X/77/22

POLITICAL SCIENCE

Original article

ETHNIC PARTIES IN THE POLITICAL SYSTEMS OF MULTIETHNIC STATES

Valery A. Achkasov

St. Petersburg University, Saint Petersburg, Russian Federation, val-achkasov@andex.ru

Abstract. The article provides a comparative study of the place and role of “ethnic parties” in the modern world, in which ethnicity is extremely politicized, which often contributes to the emergence of interethnic conflicts and destabilization of the political systems of multiethnic states. The author analyzed six really practical ways of including ethnic parties in the

political process: (1) ethnic parties representing minorities living compactly in a region advocate changing the status quo – an institutional transformation of center–regions interactions associated with an increase in the status and subjectivity of such a region/minority; (2) a regional ethnic minority, through an ethnic party, fights for the preservation of the status quo if there is a threat to the already existing status of the group or it has been lost for some reason; (3) the use of ethnic parties as a factor of influence from the outside, which is fraught with increased tension in the relations of two or more neighboring states; (4) situations when activities of ethnic parties contribute to the split, degradation and even destruction of political systems; (5) a situation when an ethnic/regional party seeks greater territorial autonomy or even the (re-)creation of “its own national state”; (6) activities of ethnic parties in the conditions of so-called “ethnic democracies”. Further, the institutional conditions for ensuring the political representation of ethnic minorities, while maintaining the stability of the political system, are investigated. As a result, the author comes to the conclusion: despite the fact that the ethnization of the political process potentially divides and even opposes people of different ethnicities and thereby can strengthen the split in society, the inclusion of ethnic parties in the developing of a national political course allows reducing interethnic tensions, and ethnic minority groups receive a channel for broadcasting their own needs and attitudes both to the state power and to non-ethnic citizens of the country. Therefore, the ban on the creation of ethnic and regional parties cannot be considered as a universal anti-crisis remedy and even more so as a panacea for all political ills.

Keywords: ethnic parties, political system, political representation of ethnic minorities, proportional system, majority system, ethnization of politics

Acknowledgments: The study is supported by the Russian Science Foundation, Project No. 23-28-00360.

For citation: Achkasov, V.A. (2024) Ethnic parties in the political systems of multiethnic states. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 77. pp. 262–274. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/77/22

Введение

Так называемые этнические партии достаточно давно – с 1970-х гг. стали предметом пристального внимания политологов, особенно после того, как американские исследователи Э. Рабушка и К. Шепсле дали одну из первых развернутых интерпретаций места и роли таких партий в демократическом политическом процессе [1]. С тех пор сложилось достаточно противоречивое отношение к этническим партиям, как в экспертном сообществе, так и среди практикующих политиков. Так, приверженцы концепции «сообщественной/консоциативной демократии» А. Лейпхарта [2], как правило, позитивно оценивают деятельность этнических партий. В то время как те, кто считает более убедительной концепцию «интегративной демократии» Д. Горовица [3], скептически относятся к такого рода партиям, прежде всего потому, что от других политических партий их отличают два важных принципиальных момента.

Во-первых, этнические партии, как правило, не стремятся к интеграции в более широкие «национальные политические силы» страны и являются в большей мере инструментом политической мобилизации представителей конкретной этнической группы, нежели всего электората на какой-либо территории, что ведет к фрагментации политического пространства. Во-вторых, для этнических партий характерно наличие простого критерия идентификации «мы – они» и «свой – чужой», поскольку «своими» считаются представители одной этнической группы, а «чужими» – представители всех остальных этнических общностей страны, что, как быстро выяснилось, чревато полити-

зацией этничности и ростом конфликтности [1–4]. Более того, политическая практика свидетельствует, что как только этническая партия вступает в борьбу за электорат на идеологическом поле или стремится стать партией интеграции меньшинств страны, она почти неизбежно теряет поддержку своей этнической группы и сходит с политической арены¹.

В научном сообществе возникли дискуссии по поводу того, представляют ли этнические партии отдельный класс партийных объединений и каково положение этих партий в политических системах. Эти дискуссии свидетельствуют об актуальности исследования места и роли этнических партий в политических системах мультиэтнических государств.

Целью статьи является систематизация основных исследовательских подходов к пониманию места и роли этнических партий в политических системах разных стран. Для достижения поставленной цели использован сравнительный метод, анализ новейшей научной литературы, электоральной статистики и эмпирических данных. Исследование опирается на структурно-функциональный подход. В статье предложена авторская классификация этнических партий, основанием для которой послужило различие практических способов включения этих партий в политический процесс и функций, которые они выполняют в политических системах современных мультиэтнических государств.

Основная часть

По мнению ряда исследователей, этнические партии являются приверженцами ряда достаточно проблематичных для сохранения политической стабильности и государственного единства сценариев деятельности:

1. Практически все этнические партии, представляющие меньшинства, компактно проживающие в каком-либо регионе, выступают за изменение статус-кво – институциональную трансформацию взаимодействий по линии центр – регионы, связанную с повышением статуса и субъектности такого региона/меньшинства, а именно: получение особых преференций (по сравнению с другими регионами), дополнительных экономических преимуществ и властных полномочий (самостоятельность, территориальная автономия), возможностей участия в принятии значимых решений на национальном уровне и т.д. В странах Западной Европы этническим партиям «удавалось входить в правительственные коалиции или оказывать парламентскую поддержку общенациональным партиям, которые не получили по итогам всеобщих выборов абсолютного большинства депутатских мест (до последнего времени так было в Испании). Тем самым они оказывались «мотором» процессов децентрализации в государстве, прямо или косвенно влияя на правительственные партии, добиваясь реформ в системе государственного устройства и управления (это наблюдалось и продолжает происходить в Бельгии, Великобритании, Испании, Италии, в меньшей степени – во Франции) [6. С. 134]. Однако здесь «есть риск превращения „борьбы за идентичность“,

¹ Однако, как резонно отмечает В.В. Сидоров, принцип невключения в этническую партию представителей иных этнических групп – это теоретическое упрощение. Существуют мультиэтнические партии и «партии конгресса», предполагающие возможность кооперации на основе этнической идентификации [5. Р. 182].

которую ведут сообщества регионов и территорий, в противостояния идентичностей, чреватые ростом политической конфликтности» [7. С. 72].

2. Возможен вариант так называемого охранительного этнического активизма, когда региональное этническое меньшинство посредством этнической партии борется за сохранение статус-кво, если возникает угроза уже имеющемуся привилегированному статусу группы или же он ныне по каким-то причинам утрачен. Так, болгарский политолог Мария Койнова, опираясь на сравнительное исследование трех этнополитических конфликтов на Балканах – в Косове, Македонии и Болгарии в период политического переустройства 1990-х гг., – приходит к заключению, что поведение меньшинств зависит не только и не столько от объема прав, получаемых в рамках нового конституционного устройства, сколько от того, происходит ли в новой политической реальности расширение или, напротив, сокращение прав меньшинства, по сравнению с его статусом при «старом» социалистическом режиме. Именно потому, считает исследовательница, что права албанского меньшинства в Косово были урезаны, ситуация в конце концов переросла в полномасштабную межэтническую войну, в то время как в Македонии (почти 25% населения – албанцы) и Болгарии (9,42% населения – этнические турки, их интересы представляет «Движение за права и свободы» – ДПС), где права албанского и турецкого меньшинства были расширены, в первом случае массовое этническое насилие было ограничено и по масштабам, и по времени, а во втором турецкое меньшинство было интегрировано в новую политическую систему и насилие против представителей этого меньшинства ограничилось индивидуальными изолированными случаями [8. С. 84–08]. В результате этнические партии в ряде посткоммунистических стран достаточно успешно мобилизуют голоса меньшинств на выборах и практически постоянно представлены в национальных парламентах и даже правительстве (Болгария, Венгрия, Македония, Литва¹, Румыния). Однако необходимо заметить, что в Болгарии оценки деятельности ДПС в политических и экспертных дискуссиях крайне противоречивы, а большинство болгар встретило появление и деятельность ДПС достаточно враждебно.

3. Возможны случаи использования этнических партий как фактора влияния извне, что чревато усилением напряженности в отношениях двух и более сопредельных государств (партии венгерских меньшинств в Румынии и Словакии). В Румынии, где 6,6% населения – венгры, это «Демократический союз венгров Румынии»; в Словакии это «Партия венгерской коалиции», претендовавшая на представительство всех венгров страны (по разным оценкам, их от 500 до 600 тыс., что составляет более 10% населения страны). В период с 1998 по 2006 г. «Партия венгерской коалиции» успешно преодолевала пятипроцентный избирательный барьер и получала от 15 до 20 мест в национальном парламенте. Однако на рубеже второго десятилетия XXI в. провокативная деятельность правоцентристских политических сил Венгрии и поддержание тесных связей этнических партий с «kin-state» (родственное государство) привели к росту напряженности в отношениях между тремя государствами. Так, партия В. Орбана ФИДЕС еще в 2010 г. выполнила один из ключевых пунктов своей программы, предоставив гражданство и право

¹ Это «Избирательная инициатива поляков Литвы».

участвовать в венгерских выборах сотням тысяч этнических венгров, проживающих на территории Словакии, Румынии и Сербии (венгерский парламент принял закон о двойном гражданстве, теперь этнические венгры, проживающие в сопредельных государствах, могут получить венгерское гражданство по упрощенной процедуре). Статья 6 (3) действующей Конституции Венгрии гласит: «Республика Венгрия преисполнена ответственности за все происходящее с венграми, живущими за пределами страны, и способствует усилению их связей с Венгрией» [9]. Соседние государства, не без оснований, подозревают венгерских правых в желании пересмотреть итоги Первой мировой войны и реализовать проект «Великой Венгрии»¹, осуществляя «ползучую аннексию части их территории» [11. С. 9]. Эти опасения подтверждались начавшейся еще с 2007 г. радикализацией политических позиций «Партии венгерской коалиции». Наиболее негативно на эти события отреагировала Словакия, которая приняла поправку к закону о государственном гражданстве, запрещающую двойное гражданство. На выборах 2010 г. «Партия венгерской коалиции» потеряла представительство в парламенте Словакии и от нее откололась более умеренная часть членов, которые создали партию «Мост-Хид». Новой партии меньшинства удавалось получать электоральную поддержку этнических венгров и даже входить в правящую коалицию. Однако в 2020 г. «Мост-Хид» не получила ни одного места в парламенте [12]. Ее провал, по мнению экспертов, был обусловлен тем, что партия стала претендовать на голоса не только венгров, но и представителей всех этнических групп страны [13]. Это сделало ее менее популярной в венгерской общине Словакии, одновременно она, в значительной степени, утратила поддержку kin-state. Таким образом, в целом неудачной оказалась попытка превращения «Мост-Хид» в интеграционную партию меньшинств.

Иначе складывалась ситуация в Румынии. В начале 1990-х гг. «Демократический союз венгров Румынии» не без успеха претендовал на представительство интересов всех меньшинств страны. Ответом на требования меньшинств стало появление в Конституции страны гарантии их парламентского представительства (ст. 59. П. 2): «Организации принадлежащих к национальным меньшинствам граждан, не набравшие необходимого количества голосов для представительства в парламенте, имеют право на одно депутатское место» [14]. Для того чтобы претендовать на это резервируемое за меньшинствами место, необходимо было набрать 5% от среднего числа голосов, необходимых для избрания одного депутата. К 2008 г. число представителей этнических меньшинств, занимающих резервируемые места в парламенте, стабилизировалось, достигнув показателя в 18 мандатов [15]. Такого рода политика «позитивной дискриминации» имела следствием, с одной стороны, рост зависимости депутатов, занимающих зарезервированные за меньшинствами места, от правительства, с другой – изменила политическую страте-

¹ Действительно, венгерские националисты выступают за пересмотр «позорного» Трианонского договора, который был подписан по окончании Первой мировой войны, определив судьбу Австро-Венгерской империи и вынудив Венгрию передать соседям 2/3 территории страны. Причем идея пересмотра «Трианонского договора» имеет массовую поддержку снизу: «По всей Венгрии как местные инициативы возникли „Музеи Трианона“. Апелляция к теме Трианона, несправедливому разделению венгров по решению европейских политиков после Первой мировой войны, стала важной составляющей венгерской политики памяти, удачно резонируя с напряженными отношениями орбановской Венгрии с истеблишментом ЕС» [10. С. 232].

гию «Демократического союза венгров Румынии», который превратился в классическую этническую партию, устойчиво получающую поддержку практически всех представителей венгерского меньшинства (в 2020 г. партия получила более 300 тыс. голосов (5,75%) и 21-е место в парламенте) [16]. Главные приоритеты партии – это защита интересов венгров, венгерской культурной идентичности и получение территориальной автономии.

4. Возможно возникновение ситуации, когда деятельность этнических партий способствуют расколу, деградации и даже разрушению политических систем. Пример – многие страны «черной Африки», где партии зачастую созданы по этноплеменному принципу. Так, Фр. Фукуяма утверждает: «Кения и Нигерия переживают этнический и религиозный раскол; стабильность сохраняется только потому, что различные этнические группы поочередно приходят к власти, чтобы грабить страну. Результатом является высокий уровень коррупции, бедность и экономический застой» [17. С. 160–161]. Такого же рода события происходят сегодня в Эфиопии [18. С. 65–71]. Не случайно запрет на деятельность этнических партий действует в 22 африканских государствах южнее Сахары и считается достаточно эффективным способом сдерживания процесса политизации этничности [5. Р. 633].

Другой пример – Босния и Герцеговина, где партии, представляющие три главные этнические группы страны (Политическая партия Боснии и Герцеговины, Хорватская правовая партия и Сербская демократическая партия), становятся угрозой для сохранения целостности государства. Каждая из них представляет только одну этническую группу, которая не желает терять свой статус-кво. Играть на этнической карте гораздо проще, чем иметь дело с проблемами экономической деградации, коррупции и массовой безработицы. При этом политики Боснии и Герцеговины рассматривают навязанную федеративную систему скорее как проблему, от которой необходимо избавиться, чем как перспективную модель, позволяющую этническим сообществам процветать рядом друг с другом и облегчить здоровую политическую конкуренцию [19. Р. 24]. Таким образом, современная Босния и Герцеговина – это разделенное общество, в котором консоциативная модель, навязанная Дейтонскими соглашениями, еще больше усилила роль этничности в политическом процессе и повседневной жизни. Дестабилизации политической системы способствует поддержанию тесного взаимодействия этнических партий с kin-state. Так, в Боснии и Герцеговине действует система двойного гражданства с Хорватией и Сербией. В парламенте Хорватии существуют квоты для хорватов из Боснии и Герцеговины. Важно отметить и образовательную политику. Университет Республики Сербской больше взаимодействует и поддерживает связи с университетами Сербии, чем с Университетом Сараева, что также свидетельствует о влиянии kin-state [20. Р. 155, 158].

5. Наконец, возможна ситуация когда этническая / региональная партия стремится к большей территориальной автономии или даже созданию / воссозданию «своего национального государства», что предполагает радикальное институциональное переустройство государства [6, 21–23]. «Регионалистские (автономистские) партии и движения, группы интересов, продвигающие проекты автономизации вплоть до сепарации и создания собственной государственности на этнотерриториальных основаниях, выступают

активными субъектами этнополитических конфликтов, мобилизуют сообщество и формируют приоритеты политики идентичности» [24. С. 81]. Такого рода партии существуют сегодня даже во многих странах благополучной Западной Европы (Бельгия, Великобритания, Дания, Испания, Италия, Франция и др.). По данным Ф.А. Попова, более трети всех суверенных государств мира в той или иной степени сталкиваются ныне с политически оформленными сепаратистскими движениями [25. С. 14]. Однако сегодня прогнозы экспертов по поводу возможных сепараций, по крайней мере, в Европе очень скептические: «Исходя из роста влияния РП, можно было бы ожидать постоянного дробления политического пространства Европы, однако на практике этого не происходит. Современный регионализм больше похож на борьбу за бюджет, чем на борьбу за отделение» [24 С. 39–40].

6. Как представляется, особый вариант этнических партий существует в условиях так называемых этнических демократий (Израиль, Латвия, Эстония), где государство:

- использует этническую мобилизацию «титულიной» нации против внутренних (национальные меньшинства) и внешних (kin-state) «врагов», для формирования национальной идентичности;
- наделяет представителей меньшинств неполными индивидуальными и коллективными правами;
- рассматривает этнические меньшинства как угрозу своему существованию [26].

В результате здесь и партии этнического большинства, и партии национальных меньшинств формируются практически на этнической основе, что раскалывает общество.

В то же время, как подчеркивают исследователи, если «в политической системе мультиэтнического государства длительное время нет институтов, которые могли бы представлять интересы этнических меньшинств (которые не были бы ограничены условиями, которые диктует большинство), повышается вероятность того, что меньшинства (вынужденно) организуются в партии и будут участвовать в политической борьбе. А это приводит к тому, что представителям меньшинств становится «трудно» структурировать партийную систему вне этнической принадлежности» [27. С. 273]. В связи с этим профессор Университета Северного Техаса Дж. Ишияма пишет, что этнические партии необходимо рассматривать как серьезную политическую силу и вызов, особенно в условиях новых становящихся демократий [28. Р. 58].

Наиболее опасной является ситуация, когда централизация и унификация партийной системы настолько сильны, что партии перестают отражать интересы населения регионов и представителей отдельных этнических меньшинств, что также может провоцировать внесистемные, в том числе этнополитические конфликты по линии Центр – регионы. Особенно это опасно для этнофедераций. Поэтому возможность и даже необходимость существования этнопартий для представительства сегментов «многосоставного» социума отстаивает А. Лейпхарт в своей концепции «общественной/консоциативной демократии» [2]. Дж. Ишияма также не соглашается с излишне категоричным мнением ряда исследователей, которые утверждают, что появление этнических партий неизбежно приводит к «этнизации» политической систе-

мы и грозит крахом формирующейся демократии¹. Напротив, основываясь на данных по 213 этническим группам, 89 из которых имели этнические партии, он утверждает, что, хотя этнические партии неизменно мобилизуют протест представляемых ими этнических общностей, они, как правило, не способствуют переходу этнических конфликтов в насильственную фазу [29. Р. 56–83]. То есть этнические партии способны выступать в качестве инструмента снижения напряженности в мультиэтническом обществе, если их рассматривать как важный канал представительства и трансляции требований этнического меньшинства, а не как инструмент насильственного решения острых для меньшинств социально-политических вопросов [30. Р. 238]. Так, парламентское представительство дает этническим меньшинствам голос при принятии общенациональных решений. Это позволяет им участвовать в политической игре и, как следствие, предоставляет организациям этнических меньшинств стимулы для отказа от стратегий внеинституциональных действий [30. Р. 237].

В связи с этим возникает вопрос об институциональном обеспечении представительства этнических групп меньшинств на общенациональном уровне. Считается, что при пропорциональной системе представительство этнических групп гарантируется, если предпочитаемые ими партии преодолевают электоральный барьер. Что касается одномандатных избирательных округов, то они, по мнению многих исследователей, «являются для меньшинств политически невыгодными» [30. Р. 321]. Однако реальная картина выглядит не так однозначно. В ряде случаев именно при пропорциональной системе надежное представительство этнические группы получают через этнические партии. Однако, во-первых, во многих странах (например, в Ираке, Португалии, России, Турции, Франции, Швейцарии и др.) этнические партии запрещены. Во-вторых, даже там, где они действуют вполне легально, этнические партии меньшинств испытывают большие трудности в преодолении избирательного барьера за недостатком собираемых ими голосов. Такие партии являются действительно сильными и влиятельными только в некоторых консенсуальных демократиях и биэтнических федерациях (Бельгии, Канаде). В-третьих, по утверждению Д. Горовица, «пропорциональное представительство вкупе с системой списков – на фоне политических партий, опирающихся на поддержку соответствующих этнических групп – не способствует достижению компромисса по этническим вопросам. „Игра с нулевой суммой» между партийными списками оборачивается предвыборной борьбой «с нулевой суммой» между этническими группами». Кроме того, «коалиции, рекомендованные консенсусальной теорией, – это послевыборные коалиции, которые, вне всякого сомнения, подразумевают достижение компромисса по разделу министерских портфелей, но, как правило, отнюдь не означают компромисса по разделяющим общество спорным межэтническим вопросам» [31. Р. 125].

¹ Так, Д. Горовиц считает, что обращение к электорату посредством этнической риторики, этнических требований к правительству, поддержка шовинистических настроений внутри этнических групп или простое отражение этнических разделений в обществе посредством этнических партий помогает расширению социальной базы и углублению этнополитических конфликтов. В результате он заключает, что этнические политики и партии создают этнические конфликты [3. Р. 292].

Поэтому Горовиц для включения этнических групп меньшинств в политику предлагает не фиксировать политическую фрагментацию государства посредством учреждения этнических партий, а всячески стимулировать межгрупповые политические взаимодействия, контакты и создание коалиций, способствуя размыванию межэтнических границ. Отсюда и иные, чем у А. Лейпхарта механизмы снижения межсегментарной конфликтности, и обретения политической стабильности в полиэтнических государствах.

Прежде всего, по его мнению, необходимо принятие избирательной системы сложения голосов¹, т.е. обмена голосами между этническими по своей электоральной основе партиями, что «содействует формированию предвыборных коалиций, т.е. таких коалиций, которым необходимо идти компромиссы, дабы привлечь голоса избирателей по обеим сторонам межгрупповой разделительной линии» [32. С. 126]. Американский исследователь утверждает: «Если результаты выборов зависят от возможности получить часть голосов не от „своей“, а от „чужой“ этнической группы, политические лидеры будут стремиться к этническому примирению» [33. С. 191]. Правда, политическая практика пока не подтверждает действенность этой институциональной инженерии.

В одномандатных избирательных округах, мультиэтнических по составу избирателей, действительно, шансов для избрания представителя этнического меньшинства не так уж много. Наиболее благоприятные условия для этого создаются в тех избирательных округах, в границах которых этническое меньшинство составляет большинство населения. В США, которые не являются этнической федерацией, и в Канаде правительства, прибегая к технологии этнического джеримандеринга, сознательно идут на нарезку таких округов. Формирование подобных избирательных округов регулируется национальным законодательством. В США, например, это стало возможным после принятия в 1982 г. поправок к Закону об избирательных правах и последующего решения Верховного Суда 1986 г. [34. С. 82]. В этом случае предполагается, что избиратели из меньшинства будут голосовать за кандидата одной с ними этнической принадлежности (этническое голосование). Кроме того, благодаря специфической нарезке одномандатных округов большинство избирателей принадлежит к этническому меньшинству, составляя необходимую критическую массу для избрания этнического кандидата [35. Р. 171–172].

Заключение

«С одной стороны, обеспечение политического представительства этнических меньшинств является необходимым элементом демократии в многонациональном обществе и неотъемлемым условием обеспечения его стабильности – отмечает М.Х. Фарукшин. – С другой, этнизация избирательного процесса (потенциально. – В.А.) еще больше разделяет и даже противопоставляет людей разных национальностей, усиливает раскол в обществе» [34. С. 85]. В связи с этим в статье проанализированы шесть практических способов включения эт-

¹ Этому соответствует избирательная система с единственным непередаваемым голосом (полу-пропорциональная) – в многомандатном избирательном округе избиратель голосует только за одного кандидата из того или иного партийного списка. Избранными считаются кандидаты, собравшие больше голосов, чем другие, т.е. при определении результатов голосования действует принцип относительного большинства.

нических партий в политический процесс и функций, которые они выполняют в политических системах современных мультиэтнических государств:

1) этнические партии, представляющие компактно проживающие в регионе меньшинства, выступают за изменение статус-кво – институциональную трансформацию взаимодействия Центр–регионы, связанную с повышением статуса и субъектности такого региона/меньшинства;

2) через этническую партию региональное этническое меньшинство борется за сохранение статус-кво, если существует угроза уже существующему статусу группы или он по каким-либо причинам утрачен;

3) этнические партии используются для воздействия извне на политический процесс в стране, что чревато усилением напряженности в отношениях двух и более соседних государств;

4) деятельность этнических партий способствует расколу, деградации и даже разрушению политических систем;

5) этнорегиональная партия добивается большей территориальной автономии или создания/воссоздания «своего национального государства»;

6) функционирование этнических партий в условиях так называемых этнических демократий, ведущее к расколу социума. В результате была подтверждена крайне амбивалентная роль этнических партий в функционировании политических систем мультиэтнических государств. Однако сегодня уже найдены методы институциональной инженерии, которые позволяют хотя бы отчасти нивелировать негативные следствия политизации этничности.

Поэтому, учитывая рост значения политизированной этничности в современном мире, включение этнических политических сил в процесс выработки и реализации общенационального политического курса является, по мнению автора и значительной части исследователей, необходимым и взаимовыгодным шагом: власть получает возможность снижения межэтнической напряженности в стране, а этнические общности – канал для трансляции собственных потребностей и установок и на уровень власти, и широкому кругу иноэтнических граждан страны [36–38]. Поэтому попытки нормализации межэтнических отношений посредством запрета на создание этнических и этнорегиональных партий (Россия и др.) не могут рассматриваться как универсальное антикризисное средство и тем более, как панацея от всех политических бед.

Список источников

1. *Rabushka A., Shepsle K.* Politics in Plural Societies: A Theory of Democratic Instability. New York : Macmillan Publishing Company, 1972. 232 p.
2. *Лейнхарт А.* Демократия в многосоставных обществах. Сравнительное исследование. М. : Аспект-Пресс, 1997. 286 с.
3. *Horowitz D.* Ethnic groups in conflict. – Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1985. 712 p.
4. *Dandoy R.* Ethno-regionalist parties in Europe: a typology. Perspectives on Federalism, 2010. Vol. 2, № 2. P. 194–220.
5. *Basedau M., Bogaards M., Hartmann C., Niesen P.* Ethnic Party Bans in Africa: A Research Agenda // German Law Journal. 2007. Vol. 8, № 6. P. 618–634.
6. *Сидоров В.В.* Этнические партии: демократический институт или причина этнических конфликтов? // Этнические аспекты политических институтов и процессов / под ред. О.И. Зазнаева, М.Х. Фарукшина. Москва ; Берлин : Директ-Медиа, 2021. С. 170–194.
7. *Прохоренко И.И.* Возможности пространственного подхода в анализе этнополитического конфликта // Полис: Политические исследования. 2016. № 6. С. 127–138.

8. Семененко И.С. Национализм, сепаратизм, демократия... Метаморфозы национальной идентичности в «старой» Европе // Полис. Политические исследования. 2018. № 5. С. 70–87.
9. Koinova M. Why do ethnonational conflict reach different degrees of violence? Insights from Kosovo, Macedonia and Bulgaria during the 1990-s // Nationalism and ethnic politics. 2009. Vol. 15, № 3. P. 84–108.
10. Конституция Венгерской Республики, 1994. URL: <https://legalns.com/download/books/cons/hungary.pdf?ysclid=ljragphhfs460001688>
11. Миллер А.И. Политика памяти в России: роль экспертных сообществ // Символическая политика. Вып. 3: Политические функции мифов / РАН ИНИОН ; гл. ред. О.Ю. Малинова. М., 2015. С. 210–235.
12. «Однако». 2010. 19 апреля. С. 9.
13. Статистическое управление Словацкой республики. URL: <http://volby.statistics.sk/index-en.html>; <https://slovak.statistics.sk/>
14. Nedelcu H., Bardeleben J.D. Conceptualizing party representation of ethnic minorities in Central and Eastern Europe // East European Politics and Societies. 2016. Vol. 30, № 2. P. 381–403.
15. Конституция Румынии 1991. URL: <https://legalns.com/download/books/cons/romania.pdf?ysclid=ljrak14yte579852952>
16. King R.F., Marian C.G. Minority representation and reserved legislative seats in Romania // East European Politics and Societies. 2012. Vol. 26, № 3. P. 561–588.
17. Постоянный избирательный комитет Румынии. URL: www.goaer.ro
18. Фукуяма Фр. Идентичность: Стремление к признанию и политика неприятия. М. : Альпина Паблишер, 2019. 256 с.
19. Кочетков Е. Функциональный анализ дефективного федерализма в Эфиопии // Вестник российской нации. 2019. № 5. С. 65–71.
20. *The Balkans in Europe's Future*. The Report of the International Commission on the Balkans. Washington. April 2005. 186 p.
21. *Балансируя притязания: Этнические региональные автономии, целостность государства и права этнических меньшинств* / под ред. В.В. Панова. М. : Полит. энциклопедия, 2017. 214 с.
22. Mequid B. Selective contestation: The impact of decentralization on ethnoterritorial party electoral strategy // Electoral Studies. 2018. Vol. 52. P. 94–102.
23. Семененко И.С., Лапкин В.В., Пантин В.И. Типология этнополитической конфликтности: методологические вызовы «большой теории» // Полис. Политические исследования. 2016. № 6. С. 69–94.
24. Туров Н. «Дайте нам независимость, или дайте денег»!: Усиление влияния региональных партий в современной Европе // Мировая экономика и международные отношения. 2021. Т. 65, № 6. С. 33–41.
25. Попов Ф.А. География сепаратизма в современном мире. М. : Новый Хронограф, 2012. 672 с.
26. Smooha S. The Model of Ethnic Democracy // ECFI. 2001. URL: <http://soc.haifa.ac.il/~s.smooha/download/ModelofEthnicDemocracyInternetVersion.pdf>
27. Аутенгрубер К. Этническая личность в контексте выборов. Партии этнических меньшинств в Болгарии и Румынии // Политика и личность / под ред. Й. Поллака, Ф. Загера, У. Сарцинелли, А. Циммер. Харьков : Гуманитарный центр, 2012. С. 260–274.
28. Ishiyama J. Do ethnic parties promote minority ethnic conflict? // Nationalism and ethnic politics. 2009. Vol. 15, № 3. P. 56–83.
29. Ishiyama J., Breuning M. “What’s in a name?” Ethnic party identity and democratic development in post-communist politics // Party politics. Thousand Oaks, CA. 2011. Vol. 17, № 2. P. 223–241.
30. Alonso S., Ruiz-Rufino R. Political representation and ethnic conflict in new democracies // European Journal of Political Research, 2007. Vol. 46. P. 237–267.
31. Forest B. Electoral Redistricting and Minority Political Representation in Canada and the United States // Canadian Geographer / Le Geographe canadien. 2012. № 56 (3). P. 318–338.
32. Горовиц Д. Состязание идей // Теория и практика демократии. Избранные тексты. М. : Ладомир, 2006. С. 123–128.
33. Горовиц Д. Разрушенные основания права сепаратизма // Власть. 2013. № 11. С. 189–191.
34. Фарукишин М.Х. Проблема этнического голосования в зарубежном дискурсе // Социологические исследования 2016. № 5. С. 80–86.
35. Goodnow R., Moser R.G. Layers of Ethnicity: The Effects of Ethnic Federalism, Majority-Minority Districts, and Minority Concentration on the Electoral Success of Ethnic Minorities in Russia, 2012. P. 167–193.

36. Chandra K. What is an Ethnic Party? // Party Politics. 2011. Vol. 17, № 2. P. 151–169.
37. Birnir K., Waguespack D.M. Ethnic inclusion and economic growth // Party politics. 2011. Vol. 17, № 2. P. 243–260.
38. Ishiyama J., Stewart B. Organization and the structure of opportunities: Understanding the success of ethnic parties in postcommunist Europe // Party Politics. 2021. Vol. 27, № 1. P. 69–80.

References

1. Rabushka, A. & Shepsle, K. (1972) *Politics in Plural Societies: A Theory of Democratic Instability*. New York: Macmillan Publishing Company.
2. Leiphart, A. (1997) *Demokratiya v mnogostavnykh obshchestvakh. Sravnitel'noe issledovanie* [Democracy in multicomponent societies. A comparative study]. Translated from German. Moscow: Aspect-press.
3. Horowitz, D. (1985) *Ethnic Groups in Conflict*. Berkeley, Los Angeles: University of California Press.
4. Dandoy, R. (2010) Ethno-regionalist parties in Europe: a typology. *Perspectives on Federalism*. 2(2). pp. 194–220.
5. Basedau, M., Bogaards, M., Hartmann, C. & Niesen, P. (2007) Ethnic Party Bans in Africa: A Research Agenda. *German Law Journal*. 8(6). pp. 618–634.
6. Sidorov, V.V. (2021) Etnicheskie partii: demokraticeskii institut ili prichina etnicheskikh konfliktov? [Ethnic parties: a democratic institution or the cause of ethnic conflicts?]. In: Zaznaev, O.I. & Farukshin, M.Kh. (eds) *Etnicheskie aspekty politicheskikh institutov i protsessov* [Ethnic Aspects of Political Institutions and Processes]. Moscow; Berlin: Direct-Media. pp. 170–194.
7. Prokhorenko, I.L. (2016) Vozmozhnosti prostranstvennogo podkhoda v analize etnopoliticheskogo konflikta [Possibilities of spatial approach in the analysis of ethnopolitical conflict]. *Polis: Politicheskie issledovaniya – Polis. Political Studies*. 6. pp. 127–138.
8. Semenenko, I.S. (2018) Natsionalizm, separatizm, demokratiya... Metamorfozy natsional'noy identichnosti v “staroy” Evrope [Nationalism, separatism, democracy... Metamorphoses of national identity in “old” Europe]. *Polis: Politicheskie issledovaniya – Polis. Political Studies*. 5. pp. 70–87.
9. Koinova, M. (2009) Why do ethnonational conflict reach different degrees of violence? Insights from Kosovo, Macedonia and Bulgaria during the 1990-s. *Nationalism and Ethnic Politics*. 15(3). pp. 84–108.
10. Hungary. (1994) *Constitution of the Republic of Hungary*. [Online] Available from: <https://legalns.com/download/books/cons/hungary.pdf?ysclid=ljragphhfs460001688>
11. Miller, A.I. (2015) Politika pamyati v Rossii: rol' ekspertnykh soobshchestv [The politics of memory in Russia: the role of expert communities]. In: Malinov, O.Yu. (ed.) *Simvolicheskaya politika* [Symbolic politics]. Vol. 3. Moscow: RAS. pp. 210–235.
12. Odnako. (2010) 9th April. p. 9.
13. The Statistical Office of the Slovak Republic. [Online] Available from: <http://volby.statistics.sk/index-en.html>; <https://slovak.statistics.sk/>
14. Nedelcu, H. & Bardeleben, J.D. (2016) Conceptualizing party representation of ethnic minorities in Central and Eastern Europe. *East European Politics and Societies*. 30(2). pp. 381–403.
15. The Constitution of Romania. (1991) [Online] Available from: <https://legalns.com/download/books/cons/romania.pdf?ysclid=ljrak14yte579852952>
16. King, R.F. & Marian, C.G. (2012) Minority representation and reserved legislative seats in Romania. *East European Politics and Societies*. 26(3). pp. 561–588.
17. The Permanent Election Committee of Romania. [Online] Available from: www.roaep.ro
18. Fukuyama, F. (2019) *Identichnost': Stremlenie k priznaniyu i politika nepriyatiya* [Identity: The desire for recognition and the politics of rejection]. Translated from English. Moscow: Alpina Publisher.
19. Kochetkov, E. (2019) Funktsional'nyy analiz defektivnogo federalizma v Efiopii [A functional analysis of defective federalism in Ethiopia]. *Vestnik Rossiyskoy natsii*. 5. pp. 65–71.
20. The International Commission on the Balkans. (2005) *The Balkans in Europe's Future. The Report of the International Commission on the Balkans*. Washington. April 2005.
21. Panov, V.V. (ed.) (2017) *Balansiruya prityazaniya: Etnicheskie regional'nye avtonomii, tselostnost' gosudarstva i prava etnicheskikh men'shinstv* [Balancing claims: Ethnic regional autonomies, the integrity of the state and the rights of ethnic minorities]. Moscow: Polit. entsiklopediya.
22. Mequid, B. (2018) Selective contestation: The impact of decentralization on ethnoterritorial party electoral strategy. *Electoral Studies*. 52. pp. 94–102.

23. Semenenko, I.S., Lapkin, V.V. & Pantin, V.I. (2016) Typology of ethno-political conflict: methodological challenges of the "big theory." *Polis. Politicheskie issledovaniya – Polis. Political Studies*. 6. pp. 69–94. (In Russian).
24. Turov, N. (2021) "Dayte nam nezavisimost', ili dayte deneg"! Usilenie vliyaniya regional'nykh partiy v sovremennoy Evrope ["Give us independence, or give us money"! Strengthening the influence of regional parties in modern Europe]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. 65(6). pp. 33–41.
25. Popov, F.A. (2012) *Geografiya setsessionizma v sovremennom mire* [Geography of secessionism in the modern world]. Moscow: Novyy Khronograf.
26. Smootha, S. (2001) *The Model of Ethnic Democracy*. [Online] Available from: <http://soc.haifa.ac.il/~s.smootha/download/ModelofEthnicDemocracyInternetVersion.pdf>
27. Autengruber, K. (2012) Etnicheskaya lichnost' v kontekste vyborov. Partii etnicheskikh men'shinstv v Bolgarii i Rumynii [Ethnic identity in the context of elections. Ethnic minority parties in Bulgaria and Romania]. In: Pollack, J. Zagera, F., Sarcinelli, U. & Zimmer, A. (eds) *Politika i lichnost'* [Politics and Personality]. Kharkiv: Gumanitarnyy tsentr. pp. 260–274.
28. Ishiyama, J. (2009) Do ethnic parties promote minority ethnic conflict? *Nationalism and Ethnic Politics*. 15(3). pp. 56–83.
29. Ishiyama, J. & Breuning, M. (2011) "What's in a name?" Ethnic party identity and democratic development in post-communist politics. *Party Politics*. 17(2). pp. 223–241.
30. Alonso, S. & Ruiz-Rufino, R. (2007) Political representation and ethnic conflict in new democracies. *European Journal of Political Research*. 46. pp. 237–267.
31. Forest, B. (2012) Electoral Redistricting and Minority Political Representation in Canada and the United States. *Canadian Geographer / Le Geographe canadien*. 56(3). pp. 318–338.
32. Horowitz, D. (2006) Sostyazanie idey [Competition of Ideas]. In: Dahl, R., Shapiro, I. & Cheibub, J.A. (eds) *Teoriya i praktika demokratii. Izbrannye teksty* [Theory and Practice of Democracy. Selected Texts]. Translated from English. Moscow: Ladomir. pp. 123–128.
33. Horowitz, D. (2013) The destroyed foundations of the right of secession. *Vlast' – Power*. 11. pp. 189–191. (In Russian).
34. Farukshin, M.Kh. (2016) Problema etnicheskogo golosovaniya v zarubezhnom disкурсе [The problem of ethnic voting in foreign discourse]. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 5. pp. 80–86.
35. Goodnow, R. & Moser, R.G. (2012) Layers of Ethnicity: The Effects of Ethnic Federalism, Majority-Minority Districts, and Minority Concentration on the Electoral Success of Ethnic Minorities in Russia. *Comparative Political Studies*. 45(2). pp. 167–193. <https://doi.org/10.1177/0010414011421310>
36. Chandra, K. (2011) What is an Ethnic Party? *Party Politics*. 17(2). pp. 151–169.
37. Birnir, K. & Waguespack, D.M. (2011) Ethnic inclusion and economic growth. *Party Politics*. 17(2). pp. 243–260.
38. Ishiyama, J. & Stewart, B. (2021) Organization and the structure of opportunities: Understanding the success of ethnic parties in postcommunist Europe. *Party Politics*. 27(1). pp. 69–80.

Сведения об авторе:

Ачкасов В.А. – доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой этнополитологии, факультет политологии Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: val-achkasov@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Achkasov V.A. – Dr. Sci. (Political Science), professor, head of the Department of Ethnopolitical Science, Faculty of Political Science, St. Petersburg University (Saint Petersburg, Russia). E-mail: val-achkasov@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 18.07.2023;

одобрена после рецензирования 26.01.2024; принята к публикации 04.03.2024

The article was submitted 18.07.2023;

approved after reviewing 26.01.2024; accepted for publication 04.03.2024

Научная статья

УДК 323.2; 32.019.5

doi: 10.17223/1998863X/77/23

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЦЕННОСТИ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ: ТРАДИЦИОННЫЕ СМЫСЛЫ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Антонина Владимировна Селезнева

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова Москва, Россия;
Государственный академический университет гуманитарных наук, Москва, Россия,
ntonina@mail.ru*

Аннотация. Представлены результаты исследования политических ценностей российской молодежи в рамках политико-психологического подхода. Эмпирическую базу исследования составил всероссийский репрезентативный опрос и фокус-группы. Подчеркивается, что в системе политических ценностей современной российской молодежи актуализированы традиционные составляющие, которые проявляются и на уровне ценностной иерархии, и в смысловом наполнении ценностных понятий.

Ключевые слова: молодежь, политические ценности, традиционные ценности, свобода, справедливость, патриотизм, патерналистские ориентации

Благодарности: исследование выполнено в рамках государственного задания Минобрнауки России по итогам отбора, проведенного ЭИСИ, для ФГБУО ВО «Государственный академический университет гуманитарных наук» (проект «Политические ценности российской молодежи: традиционные аксиологические основания и их современные смыслы», шифр FZNF-2023-0010, номер тематики 1023042500277-9-5.6.1).

Для цитирования: Селезнева А.В. Политические ценности российской молодежи: традиционные смыслы в современных условиях // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2024. № 77. С. 275–289. doi: 10.17223/1998863X/77/23

Original article

POLITICAL VALUES OF RUSSIAN YOUTH: TRADITIONAL MEANINGS IN MODERN CONDITIONS

Antonina V. Selezneva

*Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, State Academic University
of Humanities, Moscow, Russian Federation,
ntonina@mail.ru*

Abstract. The article presents the results of a political-psychological study of the political values of Russian youth. The conceptual model of the study is based on an understanding of political values as semantic dominants of individual and group political consciousness. The empirical basis of the study was data from a survey of young people aged 14 to 30,

conducted using survey procedures ($n = 2500$) and focus groups ($n = 8$). In the system of political values of Russian youth, the most significant are peace, security, justice, human rights, legality, freedom, order, and the least significant is nationalism. Young people's understanding of justice includes both rationalistic socio-economic and political-legal interpretations, as well as spiritual and moral meanings traditional for our mentality (truth, honesty, decency). At the same time, it is the traditional understanding of justice that directly correlates with the current demand of young people for sincerity and honesty in politics. Freedom, in terms of semantic content, combines historically established moral (including religious) and rationalistic principles. It is perceived by young people as independence, will (liberty), security. Patriotism is one of the ten most significant political values, but does not occupy a leading position. Most young people in our country consider themselves patriots. Among the traditional semantic lines of understanding patriotism, the position of "love for the Fatherland" is dominant, reflecting the emotional nature of young people's value-based attitude to their country. Russian youth are characterized by so-called paternalistic attitudes and orientations, which express their value-based attitude towards the state. Young people's ideas about the state include not only political, but also sociocultural components that have deep historical roots. In addition, young people perceive the state as the subject of the implementation of their political values. Traditionality itself, as an axiological concept, has little meaning that is not entirely defined for young people. As a result of the study, it is concluded that traditional components have been updated in the system of political values of modern Russian youth. They manifest themselves both at the level of the hierarchy of values and in the semantic content of axiological concepts.

Keywords: youth, political values, traditional values, freedom, justice, patriotism, paternalistic orientations

Acknowledgments: The research was carried out within the framework of the state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of Russia based on the results of the selection carried out by the Expert Institute of Social Research for the State Academic University for the Humanities (Project "Political values of Russian youth: Traditional axiological foundations and their modern meanings", Code FZNF-2023-0010, Subject Number 1023042500277-9-5.6.1).

For citation: Selezneva, A.V. (2024) Political values of russian youth: traditional meanings in modern conditions. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 77. pp. 275–289. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/77/23

Работа с молодежью, которая осуществляется в нашей стране по множеству разных направлений, приобретает в последние годы все более интенсивный и системный характер. Это проявляется не только в развитии и упорядочивании законодательных, инфраструктурных и организационно-технологических аспектов этой деятельности, но и в определении ее смысловых оснований. Концептуальная рамка молодежной, образовательной и иных направлений внутренней политики, связанных с взаимодействием с молодежью, сегодня формируется с опорой на традиционные ценности, которые определены и перечислены в Указе Президента Российской Федерации В.В. Путина «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», а политико-идеологический контекст их интерпретации связан с обозначением России как государства-цивилизации [1]. При этом исследователи занимаются изучением политических ценностей и представлений молодежи в общем виде: анализируя, в том числе, традиционные по сути своей ценности (например, патриотизм или справедливость), они скорее рассматривают их структуру и содержание в контексте политической картины мира молодежи, ее идентичности и восприятия будущего [2–7], но не акцентируют внимание на их ха-

рактуре и исконных смыслах¹. В данной статье предпринимается попытка посмотреть на политические ценности российской молодежи именно под таким углом зрения.

Теоретико-методологические основания исследования

Концептуально-методологической основой исследования является политико-психологический подход, в рамках которого политические ценности понимаются как «устойчивые, имплицитно присущие отдельной личности, социальной группе или обществу в целом смысловые доминанты, определяющие идеологические приоритеты и политические принципы социальных отношений» [8. С. 178]. В контексте решения поставленных задач для нас важны следующие особенности политических ценностей. Они обозначаются абстрактными категориями, смысловое наполнение которых раскрывается в политических представлениях. Система политических ценностей представляет собой иерархически выстроенную внутреннюю структуру, в которой они упорядочены по степени их значения для жизни человека. Поскольку набор политических ценностей достаточно устойчив, в течение жизни может меняться лишь положение ценностей в иерархии в зависимости от их актуализации. Структура и содержание политических ценностей личности и социальных групп во многом определяются условиями их социализации и контекстом их жизнедеятельности – изменчивым событийно-информационным и устойчивым политико-культурным.

Политические ценности имеют кластерную организацию. Группы ценностей, объединенных по общему признаку, находятся между собой в сложных диалектических отношениях: с одной стороны, они носят антагонистический характер и противостоят друг другу в содержательно-функциональном отношении, а с другой – парадоксальным образом сосуществуют не только в массовом сознании больших социальных групп, но и отдельных личностей.

Одной из дихотомий, которая актуализирована сегодня в общественно-научном дискурсе и поэтому задает смысловую рамку нашего анализа, является бинарная оппозиция «традиционное – модернистское», которая имеет непосредственное отражение в системе политических ценностей граждан. С точки зрения особенностей возникновения и характера социокультурной регуляции традиционные ценности, складывающиеся исторически и направленные на сохранение сложившихся социальных отношений, зачастую противопоставляются модернистским ценностям, возникающим на определенном этапе развития и ориентированным на изменение и совершенствование социальных отношений. Оппозиционный характер этих двух ценностных по-

¹ Сложившиеся практики изучения политических ценностей молодежи связаны главным образом с выявлением их иерархии и актуального смыслового наполнения путем проведения количественных и качественных социологических, политологических и психологических исследований. Инструментарий для них формируется с опорой на имеющиеся в науке современные конвенциональные представления о наборах и содержании аксиологических понятий, которые являются разными по своему характеру и отражают как исторические присущие нашей политической культуре традиционные смыслы, так и возникшие относительно недавно и привнесенные извне интерпретации. При этом категоризация тех или иных политических ценностей как традиционных и выявление их исконных смыслов возможны только с опорой на знания об их «исторической судьбе» – возникновении и употреблении, функциональной и содержательной трансформации в разные исторические периоды. Для этого необходимо привлечение разработок в области истории социально-политической мысли, что и было реализовано в рамках представленного в статье исследования.

люсов проявляется в том, что традиционные ценности направлены на «обеспечение сохранности и преемственности во времени данного сообщества», а модернистские – на «обеспечение самоопределения и самореализации в рамках этого самоопределения отдельных индивидов» [9. С. 94].

Для обозначения характерных для нашего общества традиционных ценностей российский историк С.В. Перевезенцев и его коллеги предлагают использовать понятие «базисные российские традиционные ценности», под которыми понимаются «ценности, выработанные в результате многовекового исторического и духовно-политического развития народов России в сложившихся природно-климатических, географических, конкретно-исторических, духовно-нравственных и социально-политических условиях, и являющиеся неперенным фактором формирования общенациональной и политической идентичности народа» [10].

Поскольку объектом анализа являются политические ценности современной российской молодежи, исследование опирается также на положения социологии молодежи и разработки в области изучения социальных и психологических особенностей молодого поколения [11, 12].

Эмпирическую базу исследования составили данные всероссийского репрезентативного опроса молодежи в возрасте 14–30 лет, проведенного осенью 2022 г. ($n = 2\,500$), и материалы фоку-групп, проведенных с российской молодежью в возрасте 14–30 лет осенью 2023 г. ($n = 8$). Анкетный опрос осуществлялся на основе многоступенчатой, пропорциональной, районированной (стратифицированной) выборки, для построения которой в качестве основных параметров были выбраны пол, возраст и регион проживания¹. Критериями для рекрутирования участников фокус-групп стали возраст и место проживания. Были выделены четыре возрастные категории респондентов – 14–17, 18–22, 23–26, 27–30 лет, и проведено по две фокус-группы с представителями каждой из них. Всего в этой части исследования приняли участие 65 человек из всех федеральных округов России.

В рамках исследования была предпринята попытка ответить на вопрос, какие политические ценности и их традиционные смыслы актуализированы в сознании современной российской молодежи, а затем осмыслить этот ответ в контексте актуальных социально-политических процессов и социально-психологических особенностей молодого поколения россиян. Этот подход был реализован в процессе формирования исследовательского инструментария. Выявление иерархии политических ценностей российской молодежи осуществлялось на основе вопроса анкеты, предполагавшего оценку респондентами значимости для них 18 ценностных понятий по шкале от –1 до 3. Определение «традиционности» политических ценностей российской молодежи осуществлялось на основании существующих в науке конвенциональных представлений об исторической принадлежности к нашей политической культуре тех или иных ценностных понятий и их смысловом наполнении. В соответствии с этим в фокусе исследования оказался аксиологический комплекс понятий «государство», «свобода», «справедливость», «патриотизм», «традиционализм», рассматриваемый в контексте всей системы поли-

¹ В выборку были включены вошедшие в октябре 2022 г. в состав России в качестве новых регионов территории Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской и Херсонской областей.

тических ценностей молодежи. В анкету были включены закрытые и полузакрытые вопросы с единичным и множественным выбором, позволившие зафиксировать в количественном выражении степень актуализации выявленных историками социально-политической мысли [13–16] ключевых традиционных смыслов этих аксиологических понятий. Именно эти традиционные смыслы и были обозначены в качестве вариантов ответов на соответствующие вопросы анкеты (см., например, табл. 2–4). Фокус-группы позволили реализовать качественную составляющую исследования и были нацелены на получение более развернутых содержательных интерпретаций рассматриваемых аксиологических понятий и мнений респондентов о том, как они определяют их взаимоотношения с государством и обществом. В структуру гайда фокус-групп были включены блоки вопросов по каждому ценностному понятию, направленные на выявление общего субъективного понимания респондентами их смысла (что такое для них справедливость, свобода, патриотизм и пр.), а также представлений об особенностях реализации этих ценностей в их собственной жизни и социально-политических процессах в нашей стране¹.

Результаты исследования и их осмысление

В системе политических ценностей российской молодежи наиболее значимыми являются мир (70,7%), безопасность (68%), справедливость (69,8%), права человека (67,3%), законность (63,8%), свобода (59,7%), порядок (57,7%), а наименее значимой – национализм (табл. 1).

Таблица 1. Политические ценности российской молодежи (результаты оценочного шкалирования, %)

Ценностное понятие	–1 отрицательное значение	0 не имеет значения	1 имеет небольшое значение	2 довольно значимо	3 очень значимо
Равенство	1,9	14,4	21,3	26,8	35,5
Демократия	3,5	14,3	24	26,6	31,6
Частная собственность	2,2	9,2	21,9	32,5	34,3
Национализм	25,5	25,7	21,2	15	12,6
Традиционность	10,1	19,6	26,6	21,6	22,1
Стабильность	2,6	6,1	19	26,3	46
Солидарность	2,1	11,5	20,1	28,8	37,5
Толерантность	7	12,6	21,2	21,3	37,9
Мир	1,4	5,1	12	10,8	70,7
Порядок	0,9	6	14,7	20,7	57,7
Свобода	1,8	4,5	15,8	18,2	59,7
Законность	1,5	5	13,6	16,1	63,8
Патриотизм	5,1	14,5	20,8	20,6	39
Безопасность	2,1	4,1	12,3	13,6	68
Справедливость	0,7	4,7	11,9	14,9	67,8
Коллективизм	7,5	19,1	23,6	24,1	25,7
Личная инициатива	1,3	11,8	21,1	35,6	30,1
Права человека	1,5	4,4	12,8	14	67,3

Анализируя количественные данные, полученные с помощью процедуры оценочного шкалирования, важно обратить внимание не только на процент выбора тех или иных оценок, но и на соотношение показателей между оцен-

¹ В каждый тематический блок были включены вопросы о роли государства в реализации рассматриваемых ценностей, например, в определении и восстановлении справедливости, в регламентировании свободы, в проявлении патриотизма и пр.

ками по шкале. Так, указанные выше наиболее значимые для молодежи ценности имеют существенный разрыв в показателях между оценками «3» (очень значимо) и «2» (довольно значимо): от 37 п.п. (порядок) до 59,9 п.п. (мир), а наименьшее расхождение в показателях (менее 10 п.п.) наблюдаются у традиционализма, национализма и коллективизма. Это свидетельствует о наличии определенности молодых людей в отношении первой группы аксиологических категорий и неопределенности – в отношении второй. Кроме того, обращает на себя внимание и рост показателей значимости ценностных понятий по шкале, который характерен для большинства из них, кроме национализма, демонстрирующего обратную – нисходящую – логику изменения показателей, а также традиционности, патриотизма и личной инициативы, у которых эта логика нелинейная.

Результаты нашего исследования показывают, что в сознании российской молодежи актуализированы ценности, которые с точки зрения нормативно-правовых положений [17], разработок исследователей социально-политической мысли [10] и экспертных позиций [18] можно назвать традиционными. Это проявляется не только в формально фиксируемой количественными данными значимости для молодых людей ценностных понятий, которые имеют важное аксиологическое значение для отечественной политической культуры (например, справедливость, свобода, солидарность), но и в их смысловом наполнении.

Формат статьи не позволяет подробно рассмотреть всю систему ценностей российской молодежи с точки зрения ее «традиционности». Поэтому мы более или менее детально остановимся на некоторых, наиболее «показательных» аксиологических конструктах, чтобы затем в процессе осмысления данных нарисовать картину в целом и обозначить закономерности.

Третье место в иерархии политических ценностей молодежи занимает *справедливость*. Она исконно присуща русской культуре и, по мнению А.С. Панарина, «связана не столько с господством правового принципа, сколько с торжеством нравственно-религиозной идеи правды-справедливости» [19. С. 106]. В своем исторически сложившемся значении это ценностное понятие неразрывно связано с личностью, обществом и государством и формирует обоснование необходимости следования ей во имя общей пользы и тем самым – личного блага. Как отмечает О.М. Здравомыслова, справедливость для россиян является «неким универсальным понятием, связывающим сферу публичной и частной жизни» [20. С. 42]. Традиционные смыслы справедливости проявляются в представлениях современных молодых людей, которые в целом довольно разнообразны (табл. 2). Здесь важно отметить наличие свойственного нашей политической культуре морально-нравственного вектора понимания справедливости: «Жить по правде – это как минимум не обманывать себя в чем-либо: в мыслях, в желаниях. Правда – это то, что истинно. Справедливость содержит в себе требование соответствия деяния и воздаяния. Если каждый человек будет жить по правде, тогда все будет справедливо» (муж., 24 года, Москва). В частности, по мнению молодых людей, определением параметров и принципов справедливости должны заниматься сами люди, общество, а восстановлением справедливости – государство (суд) и общество (народ): «Справедливость определяет каждый сам для себя, каждый человек считает, что справедливо и что несправедливо

сам. А государство как бы показывает своды законов, которые у нас есть, что будет в случае, если что-то не соблюдать» (жен., 27 лет, Москва). Кроме того, традиционное понимание справедливости напрямую соотносится запросом молодежи на транспарентность политики и искренность политиков, который устойчиво фиксируется в исследованиях [21].

Таблица 2. Смысловое наполнение ценности справедливости в сознании молодежи (два варианта ответа)

Представления о справедливости	Доля ответов респондентов, %
Справедливость – это пропорциональное распределение благ по труду или потребностям	18,6
Справедливость – это равенство всех перед законом	55,3
Справедливость – это воздаяние по заслугам, награда за труды	31,1
Справедливость – это воздаяние за содеянное, наказание за совершенные деяния	19,7
Справедливость – это равные возможности для всех людей	33,0
Справедливость – это следование правде, честность, порядочность	30,7
Затрудняюсь ответить	2,0
Другое	3,5

Свобода, занимающая шестое место в системе наиболее значимых политических ценностей молодежи, с точки зрения смыслового наполнения совмещает в себе исторически сложившиеся нравственное (в том числе религиозное) и рационалистическое начала. Она воспринимается молодыми людьми как независимость, воля (вольность), безопасность (табл. 3): «Для меня свобода – это когда ни от кого не завишу, ни на кого не работаю, могу делать все, что захочу» (муж., 23 года, Ставропольский край); «Свобода – это воля в своих мыслях и действиях» (муж., 24 года, Москва); «Свобода нужна для всего: для безопасности, для развития, для того, чтобы жить жизнь» (жен., 24 года, Татарстан). При этом понимание свободы неразрывно связано с государством: по отношению к нему молодежь демонстрирует свою самостоятельность и автономность в формате «свободы от» и от него же требует обеспечения возможностей для реализации своей свободы: «Лично для меня свобода – это то, что я могу делать то, что мне хочется. Естественно, в каких-то правовых рамках. Захотел учиться – государство дало тебе возможность учиться, оно есть эти возможности» (муж., 27 лет, Москва); «Его (государства. – Прим. авт.) роль должна быть такой, чтобы не нарушала мою безопасность и, наверное, чтобы действия государства не влияли негативно на мою жизнь, на мою свободу» (жен., 27 лет, Омская область).

Таблица 3. Смысловое наполнение ценности свободы в сознании молодежи (два варианта ответа)

Представления о свободе	Доля ответов респондентов, %
Воля, вольность	42,5
Независимость	65,7
Отсутствие обязанностей	6,1
Наличие привилегий	3,6
Разрешение, позволение	15,8
Безопасность	45,0
Затрудняюсь ответить	5,2
Другое	5,4

Исторически присущая нашей политической культуре идея и ценность патриотизма также актуализирована в сознании молодежи. Патриотизм вхо-

дит в десятку наиболее значимых политических ценностей, но не занимает в ней лидирующих позиций. При этом, как показывают и наши данные (79,6%), и опросы общественного мнения [22], большинство молодых людей в нашей стране считают себя патриотами. Представления об Отечестве как объекте патриотических чувств и действий носят преимущественно социокультурный характер (страна, территория, народ, культура). Среди традиционных смысловых линий понимания патриотизма – как любви к Отечеству, заботы об Отечестве, служения Отечеству – доминирующей является первая, отражающая эмоциональный характер ценностного отношения молодых людей к своей стране (табл. 4), тогда как значимость деятельностной трактовки несколько снижена. Это проявлялось и в высказываниях респондентов на фокус-группах: «Я, вроде как, считаю себя патриотом, но вот задумался и понял, что особо как-то это не проявляется. То есть скорее это все на словах и на собственном ощущении» (муж., 27 лет, Москва); «Я считаю себя патриотом. Но честно, кроме внутренних убеждений, это ни в чем не проявляется на данный момент. Я понимаю, что я еще не готов к тому, чтобы что-то делать ради общества и государства» (муж., 23 года, Татарстан).

Таблица 4. Смысловое наполнение ценности патриотизма в сознании молодежи (два варианта ответа)

Представления о патриотизме	Доля ответов респондентов, %
Любовь к Отечеству	52,9
Забота об Отечестве	31,5
Служение Отечеству	18,5
Затрудняюсь ответить	8,4
Другое	7,2

Особое значение в ценностно-смысловом пространстве российской молодежи занимает понятие «государство», которое в концептуальном смысле не является собственно ценностью, но обозначает важнейшую аксиологическую доминанту нашей политической культуры [23]. С точки зрения политической психологии уместно говорить о наличии у молодежи так называемых *патерналистских установок и ориентаций*, которые выражают ее ценностное отношение к государству. Представления молодежи о государстве включают в себя не только собственно политические компоненты (институты, процессы, отношения), но и социокультурные (земля, народ, культура), которые имеют глубокие исторические корни и отражают духовно-политический аксиологический комплекс понятий «Русская земля», «Российское государство», «Российское царство» [24]. Кроме того, государство воспринимается молодежью как субъект реализации ее политических ценностей: оно должно обеспечивать построение справедливых общественных отношений, защиту прав человека и свобод граждан, создание комфортных условий для жизни людей, для их личной и профессиональной самореализации, что отмечают и наши коллеги [25–27].

В завершении небольшого обзора результатов эмпирического исследования обратимся к ключевой обобщающей категории. *Традиционность* сама по себе как ценностное понятие имеет для молодых людей небольшое и не вполне определенное значение: об этом свидетельствуют как процентные показатели выбора (самый высокий – 26,6%), так и соотношение между ними по шкале. Молодые люди в целом положительно относятся к традициям, но

не придают им особого значения в жизни общества и акцентируют внимание на необходимости их модернизации: «Я бы хотел, чтобы люди знали свои традиции. Но при этом, чтобы традиции осовременивались... Если постоянно придерживаться старых традиций и ничего в них не менять, то не будет никакого развития» (муж., 25 лет, Респ. Северная Осетия-Алания); «Чрезмерная традиционность, религиозность ведет к закрытию свободы и созданию барьеров для развития самого же общества» (муж., 23 года, Москва); «Все традиции, которые сейчас есть и праздники – это праздники, можно праздновать, можно не праздновать, это никак не повлияет, не изменит ни твое отношение ни к жизни, ни в целом это ничего не изменит, кроме, так сказать, отдыха» (муж., 28 лет, Екатеринбург).

Осмысление результатов исследования в пространстве научного знания и в контексте актуальных политических процессов позволяет обозначить следующее.

Во-первых, традиционные ценности присущи российскому обществу в целом. Это подтверждают в том числе и результаты World Values Survey [28] – большого международного проекта по исследованию ценностей, базирующегося на концептуально-методологических разработках Р. Инглхарта, К. Вельцеля и их коллег [29, 30]. При этом важно отметить, что речь идет не о том, что российский социум в ценностном отношении является сугубо традиционным, а о том, что в нем всегда присутствует «сплав традиционных и модернистских ценностей и установок» [31. С. 102]. И молодежь в данном случае не исключение, а скорее подтверждение этой социокультурной особенности нашего общества – в ее сознании традиционные и современные (новые, модернистские) ценности переплетаются особым образом [18].

Во-вторых, актуализация традиционных ценностей и смыслов в сознании молодых российских граждан осуществляется не самопроизвольно, а детерминирована политическим контекстом их жизнедеятельности. В условиях, когда происходит цивилизационное, геополитическое, экономическое, социокультурное самоопределение всей страны, трансформация идейно-ценностных ориентиров ее развития и определение контуров образа будущего, молодые граждане вполне закономерно тоже ищут для себя точки опоры и основания для самоидентификации. И пространством этого поиска является прошлое. Этот процесс политические психологи называют темпорализацией политической культуры: «...постоянное стремление любого общества опереться на прошлый социально-политический опыт, особенно в условиях размытости массовых представлений о будущем» [32. С. 123].

В-третьих, необходимо обозначить проблемные моменты актуализации традиционных ценностей и смыслов в сознании молодежи, которые связаны как с социально-психологической спецификой самого поколения, так и с особенностями официальных подходов в работе с ней.

Противоречия в патерналистских ориентациях молодежи имеют политико-психологическое свойство и проявляются в том, что запрос на обеспечение безопасности и справедливости, заботу и поддержку, который молодые люди адресуют государству, сочетается у них с установками на автономию и свободу как независимость (не только от государства, но и от взрослых, начальства). При этом ценностное отношение к государству молодых людей определяется в модальности долженствования, практическая реализация ко-

торой носит односторонний характер: от государства к молодежи, но не от молодежи к государству. Таким образом, молодежь во взаимоотношениях с государством проявляет инфантильно-потребительскую позицию, а ее ответственность как проявление активной субъектной позиции [33] реализуется скорее в пространстве повседневности, нежели в социально-политической сфере. Причины этого кроются отчасти в психологических особенностях молодого поколения. Исследователи фиксируют наличие присущего ему тренда «на пролонгацию транзиту во взрослость» [34. С. 106], который проявляется в отсрочке обязательств взрослой жизни, связанных с принятием решений и ответственности за себя и других.

Противоречия в патриотических ориентациях молодежи носят политико-идеологический характер и выражаются в разночтениях официального и субъективного молодежного понимания сущности патриотизма. Здесь мы солидарны с коллегами, которые отмечают востребованность у молодежи широкого взгляда на патриотизм – как по содержанию (с включением не только военных, но и гражданских, культурных составляющих), так и по способам его практической реализации (на бытовом уровне, а практиках повседневности, а не только в форматах массовой гражданской солидарности) [35]. Данное противоречие несет в себе опасность поляризации молодежи – не только на основании самоидентификации себя как патриота, а скорее в связи с интерпретацией патриотизма и пониманием способов приемлемой демонстрации патриотической позиции.

Еще одна линия противоречий в политических ценностях российской молодежи носит социально-политический характер и связана со снижением их регулятивного потенциала. Влияние политических ценностей на поведенческую активность и деятельность молодежи становится все более ситуативным: ценностные ориентации и мировоззренческие установки перестают быть универсальными детерминантами поведения, а их актуализация все больше определяется условиями той или иной ситуации. На эту специфику механизмов саморегуляции молодежи обращают внимание и специалисты в области социологии молодежи: «...сочетание традиционных и современных смыслов отражается в ценностной структуре молодежи, определяя ее неоднозначные реакции на события и явления социальной реальности, выбор конкретных форм поведения. При таком сочетании трудно ожидать однозначную, предсказуемую реакцию молодого поколения на социальные процессы, поэтому, если и ставить задачу выделения в составе молодежи более-менее выраженных носителей традиционных и современных образцов, то скорее они будут обусловлены конкретными ситуациями, в которых может проявиться та или иная смысловая доминанта» [36. С. 179].

Вместо заключения

В результате исследования можно заключить, что в системе политических ценностей современной российской молодежи актуализированы традиционные составляющие. Они проявляются и на уровне ценностной иерархии, и в смысловом наполнении ценностных понятий. При этом наблюдается определенная ценностно-смысловая неоднозначность, что отражает существующее в науке представление о противоречивости политического сознания молодежи в целом.

Представленное в статье исследование является первой попыткой взглянуть на политические ценности молодежи под углом зрения их традиционности, опираясь на исконные смыслы исторически сложившихся в рамках отечественной политической культуры аксиологических понятий. И здесь мы столкнулись с рядом концептуально-методологических трудностей – как специфических для нашей темы (объективное устаревание содержания некоторых понятий, их адекватная репрезентация в вопросы для исследования), так и общих для всех исследователей молодежи (недостаточный уровень обще-гуманитарной подготовки и развитости рефлексивных процессов, избегание разговоров на политические вопросы и пр.). Тем не менее полученные данные позволяют увидеть общую картину состояния системы ценностей молодежи, а задачи ее детализации открывают возможности для продолжения исследований. При этом имеющиеся данные уже могут быть смысловым фундаментом для выработки и реализации эффективных механизмов и технологий взаимодействия с молодежью, адекватных политическому контексту и соответствующих психологическим особенностям этой поколенческой общности.

Список источников

1. Владимир Путин принял участие в пленарной сессии юбилейного, XX заседания Международного дискуссионного клуба «Валдай» 5 октября 2023 г. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/72444> (дата обращения: 05.12.2023).
2. Асеева Т.А., Шапкова Я.Ю. Представления о патриотизме школьников Сибирского федерального округа // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2021. Т. 23, № 1. С. 118–129.
3. Касамара В.А., Максименкова М.С., Сорокина А.А. Справедливость в представлениях российской студенческой молодежи // Общественные науки и современность. 2020. № 4. С. 20–30.
4. Зубок Ю.А., Селиверстова Н.А. Смысловые компоненты образа будущего страны в представлениях молодежи // Наука. Культура. Общество. 2022. Т. 28, № 4. С. 56–74.
5. Mareeva S.V. Russian youth: Specifics of identities and values // Handbook of the sociology of youth in BRICS countries. Singapore: World Scientific Publishing Co. Pte Ltd, 2018. P. 233–252.
6. Gudkov L., Zorkaya N., Kochergina E., Pipiya K., Ryseva A. Russia's 'Generation Z': Attitudes and Values // Library of the Friedrich-Ebert-Stiftung. 2020. URL: <https://library.fes.de/pdf-files/bueros/moskau/16134.pdf> (дата обращения: 05.12.2023).
7. Чуев С.В., Тимохович А.Н., Гришаева С.А. Политические ценности российской молодежи: материалы исследования // Власть. 2017. Т. 25, № 11. С. 54–60.
8. Селезнева А.В. Концептуально-методологические основания политико-психологического анализа политических ценностей // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2019. № 49. С. 177–192.
9. Кузнецов И.М. Основания ценностной консолидации россиян: традиционализм и обновление // Социологические исследования. 2021. № 8. С. 93–102.
10. Перевезенцев С.В., Пучнина О.Е., Страхов А.Б., Шакирова А.А. К вопросу о методологических принципах изучения российских базисных традиционных ценностей // Вестник Московского университета. Сер. 18: Социология и политология. 2021. Т. 27, № 4. С. 122–123.
11. Зубок Ю.А. Молодежь: жизненные стратегии в новой реальности // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3. С. 4–12.
12. Саморегуляция в молодежной среде: типологизация и моделирование / Ю.А. Зубок, О.А. Александрова, М.Б. Буланова [и др.]. Белгород : ООО «Эпицентр», 2022. 360 с.
13. Перевезенцев С.В. «По устройению дедню и отню»: к вопросу о значении традиционализма в русской истории // Тетради по консерватизму. 2018. № 1. С. 243–254.
14. Перевезенцев С.В., Пучнина О.Е., Страхов А.Б., Шакирова А.А. «Отечество находится не в географии...»: К вопросу об эволюции традиционных духовно-политических ценностей российской цивилизации // Тетради по консерватизму. 2021. № 3. С. 263–283.

15. *Перевезенцев С.В., Пучнина О.Е., Страхов А.Б., Шакирова А.А.* «Государствуем от великого Рюрика...»: К вопросу о формировании единого духовно-политического аксиологического комплекса «Русская земля – Российское государство – Российское царство» // Тетради по консерватизму. 2021. № 3. С. 245–262.
16. *Перевезенцев С.В., Ананьев Д.А.* Аксиологические основы российской государственности: «правда» и «справедливость» в отечественном идейно-политическом дискурсе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2023. Т. 25, № 1. С. 21–37.
17. Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (дата обращения: 05.12.2023).
18. *Селезнева А.В., Тулегенова Д.Д.* «Традиционное» и «новое» в политических ценностях российской молодежи (на материалах экспертного опроса) // Полилог/Polylogos. 2022. Т. 6, № 2. URL: <https://polylogos-journal.ru/s258770110020714-7-1/> (дата обращения: 05.12.2023).
19. *Панарин А.С.* Реванш истории: российская стратегическая инициатива в XXI веке. М.: Логос, 1998. 392 с.
20. *Здравомыслова О.М.* Новый взгляд на общество? Изменяющиеся представления о власти, справедливости и солидарности // Полития. 2003. №1. С. 34–51.
21. *Селезнева А.В.* Политическая мораль современной российской молодежи: ценности, представления, установки // Научный результат. Социология и управление. 2022. Т. 8, № 3. С. 47–60.
22. *Патриотизм: мониторинг.* 11 апреля 2023 г. ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/patriotizm-monitoring> (дата обращения: 05.12.2023).
23. *Пивоваров Ю.С.* «Русская идея»: культурно-цивилизационные предпосылки // Синтез цивилизации и культуры. Международный альманах / отв. ред. Ю. Пивоваров, Т. Тимофеев, Н. Шмелёв. М.: Ин-т науч. информации по общественным наукам РАН, 2003. С. 62–103.
24. *Евгеньева Т.В., Селезнева А.В., Скипин Н.С., Тулегенова Д.Д.* Запрос на патернализм: идея и ценность государства в сознании российской молодежи // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2023. Т. 25, № 1. С. 233–251.
25. *Шашкова Я.Ю., Асеев С.Ю., Казанцев Д.А.* Ценностные основы восприятия политики учащейся молодежью Сибири и Дальнего Востока // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2021. № 2 (67). С. 39–50.
26. *Турков Е.А.* Патерналистические ориентации российской учащейся молодежи: политико-психологический анализ // Полилог/Polylogos. 2021. Т. 5, № 3. URL: <https://polylogos-journal.ru/s258770110017317-0-1/> (дата обращения: 05.12.2023).
27. *Евгеньева Т.В., Евгеньев В.А.* Политические представления и ценности российской молодежи в контексте их историко-культурных оснований // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2023. Т. 13, № 3. С. 94–100.
28. *World Values Survey.* URL: <https://www.worldvaluessurvey.org/wvs.jsp> (дата обращения: 03.12.2023).
29. *Inglehart R.F., Baker W.* Modernization, Cultural Change and the Persistence of Traditional Values // American Sociological Review. 2000. Vol. 65. P. 15–91.
30. *Welzel C., Deutsch F.* The Diffusion of Values among Democracies and Autocracies // Global Policy. 2016. Vol. 7, № 4. P. 563–570.
31. *Латова Н.В.* Социокультурные ценности российских горожан: модернизация vs традиционность // Terra Economicus. 2022. Т. 20, № 4. С. 99–114.
32. *Евгеньева Т.В., Титов В.В.* Образы прошлого в российском массовом политическом сознании: Мифологическое измерение // Политическая наука. 2017. № 1. С. 120–137.
33. *Хазыкова Т.С.* Ответственность личности как социально-психологический феномен // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2009. № 6 (40). С. 36–40.
34. *Андреева А.С.* Три измерения взрослости в XXI веке: ответственность, свобода и забота // Социологические исследования. 2023. № 7. С. 105–116.
35. *Касамаха В.А.* Многогранный патриотизм: от концепции к исследованию молодежных представлений // Журнал социологии и социальной антропологии // 2023. Т. 26, № 3. С. 201–233.
36. *Зубок Ю.А., Любутов А.С.* Смысловое пространство реальности: структурная таксономия оснований саморегуляции взаимодействий в молодежной среде // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2021. Т. 14, № 3. С. 167–181.

References

1. The President of the Russian Federation. (2023) *Vladimir Putin prinyal uchastie v plenarnoy sessii yubileynogo, XKh zasedaniya Mezhdunarodnogo diskussionnogo kluba "Valdai" 5 oktyabrya 2023 g.* [Vladimir Putin took part in the plenary session of the anniversary, the 20th meeting of the Valdai International Discussion Club. October 5, 2023]. [Online] Available from: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/72444> (Accessed: 5th December 2023).
2. Aseeva, T.A. & Shashkova Ya.Yu. (2021) Perception of patriotism by schoolchildren of the Siberian federal district. *Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov. Seriya: Politologiya – RUDN Journal of Political Science.* 23(1). pp. 118–129. (In Russian). DOI: 10.22363/2313-1438-2021-23-1-118-129
3. Kasamara, V., Maksimenkova, M. & Sorokina, A. (2020) Russian students' perceptions of justice. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'.* 4. pp. 20–30. (In Russian). DOI: 10.31857/S086904990010748-4
4. Zubok, Yu.A. & Seliverstova, N.A. (2022) Smyslovye komponenty obraza budushchego strany v predstavleniyakh molodezhi [Essential components of the image of the future of the country in the representations of the youth]. *Nauka. Kul'tura. Obshchestvo.* 28(4). pp. 56–74. DOI: 10.19181/nko.2022.28.4.5
5. Mareeva, S.V. (2018) Russian youth: Specifics of identities and values. In: Dwyer, T. et al. (eds) *Handbook of the Sociology of Youth in BRICS Countries.* Singapore: World Scientific Publishing Co. Pte Ltd. pp. 233–252.
6. Gudkov, L., Zorkaya, N., Kochergina, E., Pipiya, K. & Ryseva, A. (2020) *Russia's 'Generation Z': Attitudes and Values.* [Online] Available from: <https://library.fes.de/pdf-files/bueros/moskau/16134.pdf> (Accessed: 5th December 2023).
7. Chuev, S.V., Timokhov, A.N. & Grishaeva, S.A. (2017) Politicheskie tsennosti rossiyskoy molodezhi: materialy issledovaniya [Political values of Russian youth: Results of the study]. *Vlast'.* 25(11). pp. 54–60.
8. Selezneva, A.V. (2019) Conceptual and methodological foundations of political and psychological analysis of political values. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy Sociology and Political Science.* 49. pp. 177–192. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/49/18
9. Kuznetsov, I.M. (2021) Foundations of Russians' value consolidation: traditionalism and renewal. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies.* 8. pp. 93–102. (In Russian). DOI: 10.31857/S013216250014161-0
10. Perevezentsev, S.V., Puchnina, O.E., Strakhov, A.B. & Shakirova, A.A. (2021) On methodological principles of studying Russian basic traditional values. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18: Sotsiologiya i politologiya – Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science.* 27(4). pp. 122–123. (In Russian). DOI: 10.24290/1029-3736-2021-27-4-113-133
11. Zubok, Yu.A. (2020) Molodezh': zhiznennye strategii v novoy real'nosti [Youth: life strategies in a new reality]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny.* 3. pp. 4–12. (In Russian). DOI: 10.14515/monitoring.2020.3.1688
12. Zubok, Yu.A., Aleksandrova, O.A., Bulanova, M.B. et al. (2022) *Samoregulyatsiya v molodezhnoy srede: tipologizatsiya i modelirovanie* [Self-regulation in the youth environment: Typology and modeling]. Belgorod : OOO Epitsentr.
13. Perevezentsev, S.V. (2018) "Po ustroeniu dedny i otny": On the significance of traditionalism in Russian. *Tetradi po konservatizmu – Essays on Conservatism.* 3. pp. 245–262. (In Russian). DOI: 10.24030/24092517-2018-0-1-243-254
14. Perevezentsev, S.V., Puchnina, O.E., Strakhov, A.B. & Shakirova, A.A. (2021) "The fatherland is not in geography...": On the evolution of traditional spiritual and political values of Russian civilization. *Tetradi po konservatizmu – Essays on Conservatism.* 3. pp. 263–283. (In Russian). DOI: 10.24030/24092517-2021-0-3-263-283
15. Perevezentsev, S.V., Puchnina, O.E., Strakhov, A.B. & Shakirova, A.A. (2021) "We rule from the Great Rurik...": on the issue of the formation of the common spiritual and political axiological complex "Russian Land – Russian State – Russian Realm". *Tetradi po konservatizmu – Essays on Conservatism.* 3. pp. 245–262. (In Russian). DOI: 10.24030/24092517-2021-0-3-245-262
16. Perevezentsev, S.V. & Ananiev, D.A. (2023) Axiological foundations of Russian statehood: "Truth" and "justice" in the domestic ideological and political discourse. *Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov. Seriya: Politologiya – RUDN Journal of Political Science.* 25(1). pp. 21–37. (In Russian). DOI: 10.22363/2313-1438-2023-25-1-21-37

17. Russian Federation. (2022) *Ukaz Prezidenta Rossiyskoy Federatsii ot 09.11.2022 g. № 809 "Ob utverzhdenii Osnov gosudarstvennoy politiki po sokhraneniyu i ukrepleniyu traditsionnykh rossiyskikh dukhovno-nravstvennykh tsennostey"* [Decree No. 809 of the President of the Russian Federation dated November 9, 2022, On approval of the Fundamentals of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values]. [Online] Available from: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502>. (Accessed: 5th December 2023).
18. Selezneva, A.V. & Tulegenova, D.D. (2022) "Traditional" and "New" in the value orientations of Russian youth: Results of the expert survey. *Polilog/Polylogos*. 6(2). (In Russian). DOI: 10.18254/S258770110020714-7
19. Panarin, A.S. (1998) *Revansh istorii: rossiyskaya strategicheskaya initsiativa v XXI veke* [Revenge of history: Russian strategic initiative in the 21st century]. Moscow: Logos.
20. Zdravomyslova, O.M. (2003) A new look at society? Changing ideas about power, justice and solidarity. *Politiya*. 1. pp. 34–51. (In Russian).
21. Selezneva, A.V. (2022) Politicheskaya moral' sovremennoy rossiyskoy molodezhi: tsennosti, predstavleniya, ustanovki [Political morality of modern Russian youth: values, representations, attitudes]. *Nauchnyy rezul'tat. Sotsiologiya i upravlenie*. 8(3). pp. 47–60. DOI: 10.18413/2408-9338-2022-8-3-0-4
22. Wciom.ru. (2023) *P Patriotizm: monitoring* [Patriotism: monitoring]. 11th April. [Online] Available from: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/patriotizm-monitoring> (Accessed: 5th December 2023).
23. Pivovarov, Yu.S. (2003) "Russkaya ideya": kul'turno-tsivilizatsionnye predposylki [The "Russian idea": Cultural and civilizational prerequisites]. In: Pivovarov, Yu., Timofeev, T. & Shmelev, N. (eds) *Sintez tsivilizatsii i kul'tury. Mezhdunarodnyy al'manakh* [The Synthesis of Civilization and Culture. International Almanac]. Moscow: RAS. pp. 62–103.
24. Evgenyeva, T.V., Selezneva, A.V., Skipin, N.S., & Tulegenova, D.D. (2023) Request for paternalism: The concept and value of state in the minds of Russian youth. *Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov. Seriya: Politologiya – RUDN Journal of Political Science*. 25(1). pp. 233–251. (In Russian). DOI: 10.22363/2313-1438-2023-25-1-233-251
25. Shashkova, Ya.Yu., Aseev, S.Yu. & Kazantsev, D.A. (2021) The youth of Siberian and Far East Federal Districts and their value-based perceptions of politics. *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kul'tura – The Caspian Region: Politics, Economics, Culture*. 2(67). pp. 39–50. (In Russian). DOI: 10.21672/1818-510X-2021-67-2-039-050
26. Turkov, E.A. (2021) Paternalistic orientations of Russian students: political and psychological analysis. *Polilog – Polylogos*. 5(3). (In Russian). DOI: 10.18254/S258770110017317-0
27. Evgenieva, T.V. & Evgeniev, V.A. (2023) Political perceptions and values of the Russian youth in the context of their historical and cultural foundations. *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta*. 13(3). pp. 94–100. (In Russian). DOI: 10.26794/2226-7867-2023-13-3-94-100
28. World Values Survey. [Online] Available from: <https://www.worldvaluessurvey.org/wvs.jsp> (Accessed: 5th December 2023).
29. Inglehart, R.F. & Baker, W. (2000) Modernization, Cultural Change and the Persistence of Traditional Values. *American Sociological Review*. 65. pp. 15–91.
30. Welzel, C. & Deutsch, F. (2016) The Diffusion of Values among Democracies and Autocracies. *Global Policy*. 7(4). pp. 563–570.
31. Latova, N.V. (2022) Socio-cultural values of Russian city dwellers: Modernisation vs traditionalism. *Terra Economicus*. 20(4). pp. 99–114. (In Russian). DOI: 10.18522/2073-6606-2022-204-99-114
32. Evgenyeva, T.V. & Titov, V.V. (2017) Images of the past in Russian mass political consciousness: Mythological measurement. *Politicheskaya nauka – Political Science*. 1. pp. 120–137. (In Russian).
33. Khazikova, T. (2009) Personal responsibility as social and pedagogical phenomenon. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Proceedings of the Volgograd State Pedagogical University*. 6(40). pp. 36–40. (In Russian).
34. Andreeva, A.S. (2023) Three dimensions of adulthood: Freedom, responsibility, and care. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 7. pp. 105–116. (In Russian). DOI: 10.31857/S013216250023698-0
35. Kasamara, V. (2023) Multifaceted patriotism: From concept to research on youth representations. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii – The Journal of Sociology and Social Anthropology*. 26(3). pp. 201–233. (In Russian). DOI: 10.31119/jssa.2023.26.3.8
36. Zubok, Yu.A. & Lyubutov, A.S. (2021) Semantic space of reality: structural taxonomy of the foundations of selfregulation of interactions in the youth environment. *Ekonomicheskie i sotsial'nye*

peremeny: fakty, tendentsii, prognoz – Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast. 14(3). pp. 167–181. (In Russian). DOI: 10.15838/esc.2021.3.75.10

Сведения об авторе:

Селезнева А.В. – доктор политических наук, доцент кафедры социологии и психологии политики факультета политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия); главный научный сотрудник Научно-проектного отдела Научно-инновационного управления Государственного академического университета гуманитарных наук (Москва, Россия). E-mail: ntonina@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Selezneva A.V. – Dr. Sci. (Political Science), associate professor of the Department of Sociology and Psychology of Politics, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation); chief researcher of the Scientific and Project Department of the Scientific and Innovation Directorate of the State Academic University for the Humanities (Moscow, Russian Federation). E-mail: ntonina@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 07.12.2023;
одобрена после рецензирования 26.01.2024; принята к публикации 04.03.2024
The article was submitted 07.12.2023;
approved after reviewing 26.01.2024; accepted for publication 04.03.2024*

Научная статья
УДК 322
doi: 10.17223/1998863X/77/24

СРЕДНЕВЕКОВЫЙ МОСКОВСКИЙ МИФ О ГОСУДАРСТВЕ И ЕГО СМЫСЛОВЫЕ АКТУАЛИЗАЦИИ В СОВРЕМЕННОСТИ

Нина Гаррьевна Щербинина¹, Елена Григорьевна Аванесова²

^{1,2} *Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия*

¹ *sapfir.19@mail.ru*

² *avanesovafsf@yandex.ru*

Аннотация. Раскрывается представление о средневековом государстве, конституированное мифологической моделью мира. Отсюда выявляется сакральность бытия политической реальности, метаисторическое религиозное призвание государства и мистически-номинативный характер легитимации власти. При этом обозначается, что государство символически репрезентировано государем через мифомотив змеборчества. В силу того, что отечественная политическая культура тяготеет к мифомышлению, ряд смыслов базового мифа актуализируется в современности. Это: сакральная природа русского государства, Русский мир как традиционно-православный, борьба со Злом в глобальной мифологической ситуации.

Ключевые слова: политическая мифология, символический образ/представление, змеборческий мифомотив, смыслы, актуализации, православное богословие

Для цитирования: Щербинина Н.Г., Аванесова Е.Г. Средневековый московский миф о государстве и его смысловые актуализации в современности // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2024. № 77. С. 290–303. doi: 10.17223/1998863X/77/24

Original article

MEDIEVAL MOSCOW MYTH ABOUT THE STATE AND ITS SEMANTIC ACTUALIZATIONS IN MODERN TIME

Nina G. Shcherbinina¹, Elena G. Avanesova²

^{1,2} *National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation*

¹ *sapfir.19@mail.ru*

² *avanesovafsf@yandex.ru*

Abstract. The medieval state in Rus' was constituted and symbolized as a Christian institution, and its quintessence was the image of the sovereign. To fill the significant image with meaning, the mythological motif of serpent fighting, the struggle of the Hero with the Enemy, was used. This was demonstrated both by visual representations (icons, seals, coat of arms) and by the official nomination "tsar", which acquired a special Orthodox mystical meaning. The sacralization of the image of the Russian sovereign and state was based on the Byzantine model of a universal empire, in which the tsar was the vicar of Christ on earth, being his "living" incarnation. As a result, the role of Moscow, this already transcendental state, called by virtue of symbolic continuity the "Third Rome", and the tsar were associated with the extension of the life of the fourth world Christian kingdom in the context of the

coming end of the world. This last kingdom, it was believed in medieval Moscow, was already an established Orthodox power, united in the universe, headed by a truly Orthodox tsar, hence the main political function of the tsar was to protect Orthodoxy from enemies. Thus, on the basis of the construction of the heroic myth, a complete and all-encompassing world of meaning was built, and the political order was legitimized in its ultimate meaning, in its correlation with the divine cosmic order. The ideas of Russian Orthodox theology of the 18th–20th centuries concerning what should be done in the construction of Russian statehood are based on ideas about the God's chosenness of the Russian people, the religious mission of Rus' and its tsar, formed during the period of the Principality of Moscow. Meanwhile, the theology of this period also has its own specifics. The new political reality, characterized by the fact that Russia, with the beginning of the church reform of Peter the Great, took the path of state secularization, gives a special tone to discussions about the nature of Russian statehood. The theological thought of this period is distinguished by an attempt to substantiate the need for a return to traditional values, which, according to the authors, constitute the basis of Russian statehood. Particular hope for a return to the "old models" rests with the Russian people, who are assigned a heroic role – to be the savior of the state. Ideas about the mystical nature of the Russian state are updated today through speeches and statements of political and religious leaders, in which political power is represented in mythical-heroic motifs, and Russia appears as a defender of traditional values and world Orthodoxy, a state with a messianic role in the modern world.

Keywords: political mythology, symbolic image/representation, serpent-fighting myth-motif, meanings, actualizations, Orthodox theology

For citation: Shcherbinina, N.G. & Avanesova, E.G. (2024) Medieval moscow myth about the state and its semantic actualizations in modern time. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 77. pp. 190–303. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/77/24

Обращение к российской политической мифологии за последние годы носит исключительно контекстуальный характер, когда в центре внимания находятся «политика памяти», «символическая политика» и «национальное сознание». Потому специальное обращение к такой фундаментальной структуре, как средневековый Московский миф о государстве и его смысловым актуализациям, в современности демонстрирует новую проблематизацию в исследовании мифо-героического конструирования политической реальности России. Другими словами, предпринята попытка с помощью феноменологического и мономифического анализа прописать схему или модель, согласно которой вплоть до нашего времени выстраивается традиционный смысловой мир России.

Целью данной статьи служит выявление мифологических основ (образных структур, смыслов и архетипических сюжетов), которые предназначались для легитимации Московского государства и государя в качестве избранных Богом для судьбоносной роли спасения православного мира. Данная мифологическая конструкция вошла в «запас знания» общества в качестве интерпретативной схемы для понимания политических фактов и явлений, т.е. стала частью традиционного российского сознания. Потому мифомотивы и сюжеты актуализируются в историческом плане и современном контексте в архетипических ситуациях и репрезентируют ценностные основы российского политического сознания. Поставленная цель реализуется на теоретическом материале и предполагает в качестве конкретного результата выявление символической структуры или смысловых феноменов, характерных для средневекового мифа, и мифологических включений в образ традиционного госу-

дарства, формируемого православным богословием, а также самые современные репрезентации мифа о государстве.

Актуальность данного исследования состоит в особой связи с современной политико-коммуникативной ситуацией. Дело в том, что не просто устанавливается преемственность «традиционного» и «современного» в интенциях власти, конструирующей российский мир как значимый, хотя и это важно, согласно принятому ею политическому курсу на культивацию традиционных элементов политической культуры России. Дело в том, что в глобальной политической коммуникации, которая играет все возрастающую роль, национальные государственные миры просто обречены оставаться традиционными ценностно-смысловыми конструкциями для того, чтобы «быть». Данная онтология, завязанная на позиционировании своего особого мира, связана с тем, что политическая коммуникация как передача смысловых сообщений между государствами невозможна на ценностной основе и это касается, по сути, всех национальных государств как субъектов глобальной коммуникации. Указанная «рамочная коммуникативная ситуация» и дает новую жизнь для политической мифологии как смыслонесущей коммуникативной конструкции и модели.

Символическая структура средневекового представления о государстве на Руси

Политический мир состоит из двух сфер – институциональной и символической, при этом символическая сфера образует систему значений, призванную легитимировать институты, а политическая мифология служит той конструкцией, которая вносит в данное объяснение и оправдание политического мира смысл. Согласно конструктивистской позиции, образуется особая мифо-политическая реальность, задающая концептуальную основу взаимодействия нормативной и институциональной сфер. Политическая мифология объясняет происхождение мира с точки зрения первопричины, рассказывает о возникновении Космоса из Хаоса, обозначает роль Героя и возвещает о конечной судьбе мира. Московский миф о государстве как реальность средневекового сознания, воплощенная в текстах, представлял собой значимую символическую структуру, задававшую картину политического мира и имевшую архаические черты.

В сравнительных исследованиях структуры мифов выделяются следующие типовые образования: мономиф и «основной миф». Мономиф – это реконструированная единая для мифологии в целом сюжетная структура, оформленная в виде путешествия героя, который преодолевает типичные испытания при совершении обряда перехода и одерживает окончательную победу над Антагонистом [1. С. 30]. «Основной миф» представлен реконструированным из славянской мифологии змееборческим сюжетом, т.е. описанием эпизодов поединка Громовержца и Змея как главной культурной оппозиции [2]. Поскольку политический миф по своей сути сохраняет базовые архаические характеристики, то и в средневековом Московском мифе змееборческая символика роли государя подкреплялась представлением о мистической природе государства.

Представление о государстве в средневековой Руси начало формироваться еще в X–XI вв. в контексте «самостоятельной славянской христианской

культуры, славянской христианской общности» [3. С. 84]. Тем самым государство уже тогда мыслилось как христианский институт, но зависимости от византийской модели его устройства и репрезентации еще не существовало, поскольку образец был совершенно недостижимым для символического творчества раннего Средневековья. Данный прообраз оказался воспринятым и примененным для политического конструирования базовой мифореальности только в период формирования Московского царства. Конечно, можно подойти к толкованию средневековой политической власти исключительно с идеологических позиций и рассматривать ее обоснование в терминах теократии, но такого рода идеология всегда опирается на миф. То есть речь идет о выявлении особой природы русской власти безотносительно принятия общехристианских представлений о мироустройстве. «Нет, сама по себе власть, по крайней мере власть самодержавная, – это нечто, находящееся либо выше человеческого мира, либо ниже его, но во всяком случае в него как бы и не входящее» [4. С. 355]. Тем самым русская духовность, согласно С.С. Аверинцеву, резко делила мир на две сферы – свет и тьму. И власть, если продолжить его мысль, включалась в эту архетипическую раздвоенность, царь представлял либо в героическом мифообразе, либо в его антигероической ипостаси.

Как бы то ни было, в фокусе представления о христианском царстве находился символический образ царя. Например, в визуальных образах Московского царя манифестируемые нормативные его характеристики связывались с религиозным призванием, истинным православным благочестием, праведностью жизни и, конечно, борьбой с еретиками-инакомыслящими. В соответствии с превалированием «основного мифа», т.е. сюжета битвы со злом, в мифологию власти и царства добавлялся и христианский мотив жертвенности, прославлялся подвиг мученичества. Сакрализованный образ московского царя в ряде художественных изображений того времени подавался в символической роли значимого соратника небесного воинства, воюющего со Злом-Дьяволом, которому символически предводительствует сам «архистратиг» Архангел Михаил [5. С. 434–435]. Итак, в различных текстах того времени представлены сюжеты и мотивы мифореальности, которую можно назвать московским средневековым мифом, и его образы и символы релевантны христианской трактовке смыслов. Но конкретная традиция изображения князя и затем государя, с коня поражающего змея, уходила своими корнями в архаику. При Иване III, уже использовавшем титул государя, «это традиционное изображение получило оформление в виде всадника, поражающего копьём змия, возможно под влиянием византийского образца. В этой композиции змий символизировал обобщенный образ врагов Русской земли» [6. С. 24]. Относительно упомянутого прототипа примечательно подчеркнуть, что византийский император со времен Константина получил титул «василевс-победитель» за победы над врагами [7. С. 12]. М.Е. Плюханова, исследовавшая ряд символических форм, связанных с христианскими культами, рассматривала их как тексты, значимые для государственного самоопределения Московского царства, и пришла к выводу: «Воинствование за веру, символически обозначаемое через змееборчество, есть сущность власти русского царя». Так, знаменитая победа над Казанью трактовалась митрополитом Макарием, идеологом того времени, в контексте победы над змеем. «Что царь-

властитель есть змееборец – было в то время известно всякому, поскольку с конца XV в. изображение всадника, поборящего дракона, утвердилось на великокняжеских печатях и затем перешло на царский герб» [8. С. 219–220].

Согласно византийской теории мирового христианского богоизбранного царства, император титуловался «святим царем», аналогично и цари православного Московского царства, сменившие его, полагались священными персонами. С их визуальными репрезентациями сочеталась и соответствующая титулатура, потому необходимо разобраться в специфике номинации сакраментальной природы царской власти, связанной с ее легитимацией. Формально-символически московский государь выступал аналогом византийского императора и ветхозаветных царей из Священного Писания. Но в ритуале коронации, сопровождавшемся обрядом помазания на царство, имеющем ветхозаветное происхождение, московский царь уподоблялся не только царю Давиду, но и самому Христу. То есть термином обозначалась не просто властная должность верховного правителя, а буквально его божественное имя. Отсюда номинация «царь» обретала особый мистически-православный смысл. «В России же наименование монарха „царем“ отсылало прежде всего к религиозной традиции, к тем текстам, где царем назван Бог; имперская традиция для России была не столь актуальна» [9. С. 36–37]. Слово «царь» становилось именем собственным, т.е. мифологизировалось в процессе номинации [10. С. 527]. Получалось, что Иван IV был действительно коронован на царство, поскольку над ним был совершен религиозный акт «поставления». А Пётр I своим переименованием в императора совершил всего лишь культурно-семиотический акт, гражданский поступок. Потому титул, принятый Петром I, воспринимался традиционным общественным сознанием как сугубо светское, т.е. неправославное, название (отсюда и ассоциации с Антихристом).

Что касается христианского государства, то в основе его сакрализованного образа лежала византийская модель вселенской империи. То есть бытовало официально-идеологическое представление о том, что на всей земле может быть лишь одна истинная церковь и единственно сущее государство, охраняющее ее. В Московской Руси при аналогичном моделировании получалось, что во главе православной империи может быть лишь один истинно православный царь. Эта модель находилась в соответствии с «наместнической моделью сакрализации власти», принятой во всей христианской цивилизации. В данном случае московский царь имел титул и выполнял функции наместника Христа на земле, а именно царь выступал «живым образом» Царя Небесного. «При этом царь в рамках мифологического мышления воспринимался как „Божий есть образ одушевлен, сиречь жив“ (Максим Грек), т.е. можно говорить о феномене сакраментального (тайнодейственного) присутствия первообраза в его земном образе». Отсюда основная функция царя была тоже сакральной, что задавало и его мифо-политическую роль – соответствие первообразу [11. С. 220–222]. В данной связи, переформируясь и легитимируясь, государственная власть усваивает особую «священную миссию», и переходит, тем самым, в мистическую сферу своего бытия. Все православные царства, согласно Филофею, метаисторически соединяются в Московском царстве, а царь уподобляется по статусу византийскому императору [12. С. 271, 274]. Итак, центр христианского мира, согласно теории движущегося Рима, последовательно перемещается в Москву, теперь Москва –

Третий Рим. Отсюда вытекала идея богоизбранности русского народа и религиозной миссии Московского царства и царя.

Третий Рим представлял и как воплощение четвертого мирового царства, последний Рим, «стоящий» перед Вторым пришествием, отсюда, полагал Филофей, и вытекало особое значение благоверия для бытия и государства, и царя. Г. Флоровский подчеркнул специфику точки зрения Филофея, назвав ее «эсхатологической теорией», поскольку и схема, и категории им были взяты из византийской апокалиптики. Но очевидно, что теория Филофея подверглась смысловой трансформации, исходя из государственных нужд, и превратилась в «теорию официозного хилиазма». То есть акцент был переставлен с преемственности на новые реалии, а именно на строительство Третьего Рима и укрепление всемирной роли Московского царя [13. С. 24–25]. При этом русский царь оказался обладателем полноты власти как общехристианский властитель, соответственно, обозначилась и его главная политическая функция: защита христовой веры от многочисленных врагов.

Таким образом, средневековое представление о Московском государстве было оформлено в виде мифологической конструкции, смысловое наполнение которой во многом сводилось к символической репрезентации ее Государем, главный атрибут которого – змееборческий подвиг – представлял собой христианский аналог архаическому мифомотиву борьбы Героя с Врагом.

Влияние русского православного богословия на формирование традиционного образа государства в России

Разработка «теократической концепции самодержавной божественной власти царя» явилась одной из специфических черт русской богословской мысли времен Московского царства, что существенно отличает восточную христианско-политическую традицию от западной [14. С. 43]. Эта традиция была продолжена, хотя и в принципиально иной исторической ситуации, богословами XVIII–XX вв. Она задала особый тон дискуссиям о природе российской государственности, всплеск которых был вызван знаковыми событиями российской истории. Речь идет о церковной реформе Петра Великого, постепенно приведшей, по мнению Г.В. Флоровского, к выветриванию «мистического чувства церковности» [13. С. 115], и в еще большей степени о революционных событиях начала XX в., потрясших Россию и остро поставивших вопрос о судьбе российского государства и месте Церкви в нем. Рядом авторов богословских текстов указанные выше события воспринимаются как ментальная катастрофа, способствующая разрушению традиционного образа государства, который веками соотносился в России с ценностями Откровения. Как писал митрополит Иоанн (Снычев), в результате революции 1917 г. «жестоко оборванной оказалась многовековая государственная и церковная традиция» [15. С. 450]. Русское богословие этого периода стало попыткой осмысления последствий для России процессов государственной секуляризации и обоснования необходимости возврата к традиционным ценностям, составляющим, по мнению авторов, основу российской государственности.

В трудах богословов красной нитью проходит мысль о том, что Россия переживает тяжелые времена, поскольку в силу ряда обстоятельств государством была утрачена религиозно-нравственная основа его жизни, а народом вера, и преодоление трудностей связывается с возвращением утраченного.

Само же возвращение видится как возможное и достижимое, а условием достижения представляется верность Православию и торжество христианских добродетелей как в личной жизни, так и государственной [16]. Так, о. Иоанн Кронштадтский писал: «Я предвижу восстановление мощной России, еще более сильной и могучей. <...> Будет воздвигнута Русь новая – по старому образцу...» [17. С. 30]. Старый образец – Русь допетровская, так как в это время государство состоялось и достигло своего величия как христианская держава. Признаком же христианского государства объявляется его способность учитывать в государственной политике не только «реальные обстоятельства», но и веру народа, служить целям религиозной морали [18] или, как полагал В.С. Соловьев, способность вносить «в политическую и международную жизнь нравственные начала» [19]. То есть христианское государство «больше», чем просто политический институт, поскольку сосредоточивает в своих руках, помимо светских функций, еще и своего рода духовные.

Россия предстает не только как земное государство, но наделяется особыми сакральными качествами. Она мыслится в двух «измерениях» – «горизонтальном», как богоустановленный, но земной институт, призванный обеспечить благо человеку на земле и наделенный «высшей земной властью» [18], и в «вертикальном», как Святая Русь, которая есть душа России [20] и душа русского народа, понимаемая как стремление к святости и мистическая любовь к ней. Богословские тексты демонстрируют абсолютную уверенность авторов в том, что историческая судьба России – хранить святость, поскольку святость – это то, «к чему искони стремился по преимуществу русский человек» [21]. «Святая Русь» стала специфическим национальным, мессианским идеалом, на основе которого формировалось самосознание русского народа и его культура [20]. В богословской литературе наличествует идея о том, что указанный идеал имел реальное воплощение, но не в смысле существования государства, построенного на принципах святости, он обнаруживал себя в способности русского народа в тяжелые времена противостоять злу и внешним врагам. «Идеал-образ Святой Руси» придавал государству высший смысл его существования, уподобляя «Россию Небесному Царству Христову» [22]. Данное уподобление, с одной стороны, подчеркивало величие и значимость России, а с другой – указывало на ответственность России за судьбы мира и в первую очередь за судьбу мирового Православия. События, поставившие Россию на путь секуляризации, оттеснили Святую Русь на периферию народной жизни, и перед Россией стоит, как полагал А.В. Карташев, титаническая задача – воссоздания Святой Руси. Более того, он полагал, что это «дело не наше только домашнее, а всемирное» [20].

Последнее замечание не является случайным, оно отражает еще одну идею русской богословской мысли о том, что у каждой нации есть свое призвание, и призвание России – быть «подножием Престола Господня» [17. С. 30], защитником и хранителем вселенского Православия, так как после падения Царьграда Москва стала мистическим центром мира [20]. С этой идеей тесно связано представление о мессианской роли России, понимаемой как роли спасительной, не только способствующей соборному единению своего народа, но и объединяющей весь мир, приводящей к «царству всеобщего братства и справедливости». Как пишет митрополит Иоанн (Снычев), русская душа всегда откликалась на мессианский зов, чем воспользовались больше-

вики, предложившие народу псевдомессианскую идею о возможности построения «рая на земле» без Бога [15. С. 459].

Сакральными качествами наделяется не только Россия, но и царь, который, по выражению Филарета, митрополита Московского, есть «глава и душа царства» [23]. В многочисленных проповедях св. Иоанна Кронштадтского, произнесенных по случаям миропомазания и венчания на царство или на дни рождения государя, царь предстает живым образом Иисуса Христа и наделяется исключительными качествами. Русский государь, прежде всего «единственный православный помазанник Божий и образ державы Божией на земле, первый венценосный сын Церкви» [17. С. 245]. Царь подобен Христу и в том, что один Бог на небе, один царь на земле. Единодержавие, по мнению Иоанна Кронштадтского, есть самая разумная и полезная для земных царств форма правления, так как она исходит непосредственно от Бога и более всего способствует благу подданных [17. С. 245, 247]. Само рождение царя «есть величайшая для России милость Божия» [17. С. 267]. Государство получает освящение в таинстве венчания Царя на царство [15. С. 494]. Идеальный образ государю придают и такие качества, которые подчеркивают его светскую значимость: способность умирять страсти человеческие во внутригосударственных делах, бороться со злом как внутри государства, так и за его пределами. Способность же и необходимость противостоять мировому злу и бороться с врагом требует наличия сильной власти. Царь носит тяготы всей России, поэтому «сколько возможно, не прикасайся власти ни словом ропота, ни мыслию осуждения» [24]. В преданности царственной власти видели опору государственности [21]. Обращает на себя внимание и тот момент, что образом Христа объявляется глава светской власти, именно он становится «вершиной духовной иерархии на земле» [14. С. 48], что способствует сакрализации власти как таковой и формированию идеального образа русского государства.

Богословие XVIII–XX вв., продолжая развитие средневековой идеи о наличии мистической составляющей русского государства и сакральной природе самодержавной власти в России, в то же время указало, что революционные события в России привели к тому, что власть изменила своей природе, став богоборческой. В этой ситуации, как писал митрополит Иоанн (Снычев), надежда только на русский народ, и на его «драгоценное качество – державность», и именно наличие «государственного самосознания народа» способно «воссоздать державу Святую Русскую» [25]. Таким образом, возрождение подлинной российской государственности связывается с возрождением русского народа. Другими словами, мифологическая составляющая рассмотренной православной концепции русского государства отводила героическую роль Народу. Перед нами разворачивается мономифическая схема: Новый Герой слышит зов, он должен отправиться в путь, преодолеть все препятствия, победить врагов и, в итоге, спасти государство.

Современные актуализации мифа о мистической природе русского государства

Идеи, выработанные богословием относительно природы русского государства, сохраняют свою значимость и на сегодняшний день. Они транслируются обществу не только посредством проповедей религиозных деятелей, но считаются в выступлениях и заявлениях представителей власти. Осо-

бый интерес представляют высказывания В.В. Путина, который довольно часто обращается к теме культурного и ценностного фундамента российского государства, полагая, что в самые критические моменты нашей истории народ обращался к своим корням, к нравственным основам, к религиозным ценностям. И это обращение, по его мнению, было естественным возрождением русского народа [26]. Президент делает отсылки к определенному рода сакральным событиям и сакральному времени, когда с принятием восточного христианства начали создаваться русская нация и русское централизованное государство, становление и развитие которых происходило в едином ценностном пространстве, задаваемом православием. По сути, указанные события дали начало формированию русского мира, которому во всей истории его существования, не исключая и настоящее время, противостоят иные, в том числе и враждебные смысловые миры.

В оппозиции «защитники традиционных ценностей» – «враги традиционных ценностей» Россия на стороне первых. Президент постоянно подчеркивает, что российское государство строилось и будет строиться на их основе, в отличие от Запада, который решил отменить «тысячелетние ценности», что привело к его нравственной деградации [27]. Запад делает иные акценты, говоря о необходимости соблюдения прав человека в совершенно новом мире. Между тем традиционные ценности могут вступать в противоречие с нравственной трактовкой прав человека, формулировка которых «узаконивает поведение, осуждаемое традиционной моралью и историческими религиями» [28]. В принятой на заседании X Всемирного русского народного собора «Декларации о правах и достоинстве человека» говорится о необходимости недопущения указанного несоответствия, поскольку права человека не должны подавлять веру и нравственную традицию [28]. Эта же мысль прослеживается в выступлениях Президента. Государство не просто декларирует, что одной из основных его функций является защита традиционных ценностей, но закрепляет ее законодательно [29]. Исходя из того, что традиционные ценности – это, прежде всего, ценности православные, Россия берет на себя «священную» функцию защитницы христианства не только внутри государства, но и во всемирном масштабе.

На состоявшемся в ноябре 2023 г. Всемирном русском народном соборе В.В. Путин говорит об особой – глобальной – миссии России в современном мире – «преградить путь тем, кто претендует сегодня на мировое господство» [30]. В своих речах Президент оперирует этическими категориями: Добро – Зло. Россия вынуждена бороться со злом, и нужно, по словам В.В. Путина, понимать, «где находится корень зла, где этот самый паук, который пытается опутать своей паутиной всю планету» [31]. В высказываниях главы государства актуализируется представление о мессианской роли России: «мы сражаемся за свободу не только России, но и всего мира», «наша страна в авангарде более справедливого мироустройства» [30]. Более того, это противостояние «со злом» позиционируется как борьба, имеющая своеобразное сотериологическое измерение. В одном из своих выступлений Патриарх Кирилл упоминает о том, что Россия дает надежду миру на «возможность изменить течение истории и предотвратить глобальный апокалиптический конец» [32]. Президент не просто возглавляет эту борьбу, но является ее символом. Тем самым мифологические категории «добра» и «зла» персонифицируются в символике

современного змеборчества. А сама репрезентация политической власти в мифо-героических мотивах говорит о том, что политическая идеология в России опирается на миф. И это свидетельствует о конституировании смыслового мира, манифестирует о создании значимой политической конструкции в контексте деконструкции политического знака. Таким образом, нынешняя актуализация мессианской роли России указывает на то, что традиционная для государства сакрализация власти сохраняет свою значимость и сегодня.

Итак, деконструкция политического знака на уровне национального государства на примере России сменяется конструктивным политическим миром и это мифомир. Все миры мифа очень похожи, потому что мифотворчество функционально однородно, отсюда все мифы государства и власти суть героические реальности, зачастую символически «сворачивающиеся», согласно моделирующему мифомотиву «герой-враг». Данная реальность носит исключительно коммуникативное предназначение и конструируется для восприятия и поддержания мифологического ментального опыта, а мифологический опыт, в свою очередь, тесно связан с религиозным опытом и чувствами. Архаический миф как таковой представляет собой прототип для политической мифологии; и в Средневековье в России православные представления облеклись в эту архетипическую форму, при этом само государство мыслилось как православное государство во главе с православным государем. А поскольку в политической коммуникации, которую производит политическая культура, участвуют символические формы, то знаковые образы власти и государства зафиксировались в памяти народа как особо значимые. При этом политический порядок во всех ситуациях, угрожающих ему, традиционно соотносится с понятием персонифицированного Добра, которое борется со Злом. И человек политический всегда может выбирать между добром и злом.

Список источников

1. *Герой с тысячью лицами*. Киев : София, Ltd., 1997. 336 с.
2. *Иванов В.В., Топоров В.Н.* Исследования в области славянских древностей. М. : Наука, 1974. 340 с.
3. *Живов В.М.* Особенности рецепции византийской культуры в древней Руси // Разыскания в области истории и предыстории русской культуры. М. : Языки славянской культуры, 2002. С. 73–115.
4. *Аверинцев С.С.* Византия и Русь: два типа духовности // Другой Рим: Избранные статьи. СПб. : Амфора. ТИД Амфора, 2005. С. 315–365.
5. *Квливидзе Н.В.* Священный образ царя в московской живописи второй половины XVI в. // Священное тело короля: Ритуалы и мифология власти. М. : Наука, 2006. С. 430–439.
6. *Вилинбахов Г.В., Вилинбахова Т.Б.* Святой Георгий Победоносец (Образ святого Георгия Победоносца в России). СПб. : Искусство-СПб, 1995. 159 с.
7. *Бибиков М.В.* «Блеск и нищета» василевсов: структура и семиотика власти в Византии // Образы власти на Западе, в Византии и на Руси: Средние века. Новое время. М. : Наука, 2008. С. 11–22.
8. *Плюханова М.Б.* Сюжеты и символы Московского царства. СПб. : Акрополь, 1995. 336 с.
9. *Успенский Б.А.* Царь и император: Помазание на царство и семантика монарших титулов. М. : Языки русской культуры, 2000. 144 с.
10. *Лотман Ю.М.* Миф – имя – культура // Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб. : Искусство-СПб, 2001. С. 525–543.
11. *Андреева Л.А., Селунская Н.А., Шушарин Д.В.* Сакрализация и десакрализация власти в истории христианской цивилизации (православие, католицизм, протестантизм) // Сакрализация власти в истории цивилизаций. М. : ПМЛ Института Африки РАН, 2005. Ч. II, III. С. 207–245.

12. Сеницына Н.В. Третий Рим. Истоки и эволюции русской средневековой концепции (XV–XVI в.). М. : Индрик, 1998. 416 с.
13. Флоровский Г.В. Пути русского богословия. М. : Ин-т русской цивилизации, 2009. 848 с.
14. Костюк К. Формирование и эволюция «богословия власти» в Московском государстве в XIV–XVI вв. // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2014. № 3. С. 42–74.
15. Иоанн (Снычев) митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский. Самодержавие духа: Очерки русского самосознания / отв. ред. О. Платонов. 2-е изд. М. : Ин-т русской цивилизации, Родная страна, 2017. 528 с.
16. Голос вечности. Проповеди и поучения митрополита Иоанна (Снычева) // Азбука веры. URL: <https://azbyka.ru/propovedi/golos-vechnosti-propovedi-i-poucheniya-mitropolita-ioanna-snycheva.shtml> (дата обращения: 30.11.2023).
17. Святой праведный отец Иоанн Кронштадтский. Я предвижу восстановление мощной России / сост., предисл., примеч., именной словарь А.Д. Каплина ; отв. ред. О.А. Платонов. М. : Ин-т русской цивилизации, 2012. 640 с.
18. Протоиерей Николай Стеллецкий. Опыт нравственного православного богословия в апологетическом освещении. Т. III: Общественная нравственность // Азбука веры. URL: https://azbyka.ru/oteknik/Nikolaj_Stelleckij/opyt-nravstvennogo-pravoslavnogo-bogoslovija-v-apologeticheskom-osveshhenii-tom-3-obshchestvennaja-nravstvennost/#0_15 (дата обращения: 01.12.2023).
19. Соловьев В.С. Духовные основы жизни // Азбука веры. URL: https://azbyka.ru/oteknik/Vladimir_Solovev/duhovnye-osnovy-zhizni/#0_15 (дата обращения: 30.11.2023).
20. Карташев А.В. Воссоздание Святой Руси // Азбука веры. URL: https://azbyka.ru/oteknik/Anton_Kartashev/vossozdanie-sv-rusi/1#source (дата обращения: 25.11.2023).
21. Царевский А.А. Значение Православия в жизни и исторической судьбе России // Азбука веры. URL: https://azbyka.ru/oteknik/Aleksej_Carevskij/znachenie-pravoslavija-v-zhizni-i-istoricheskoy-sudbe-rossii/#0_131 (дата обращения: 03.12.2023).
22. Перевезенцев С.В. Святая Русь как идеал и земная реальность России, выраженная в подвигах святых. Ч. II // Святые Online. URL: <https://svyatye.online/articles/glavnoe/sergey-perevezentsev-svyataya-rus-kak-ideal-i-zemnaya-realnost-rossii-vyrazhennaya-v-podvigakh-svyat/#:~:text=Святая%20Русь%20-%20это%20Собор,устремилась%20к%20покаянию%20и%20совершенству> (дата обращения: 02.12.2023).
23. Государственное учение Филарета, митрополита Московского // Азбука веры. URL: https://azbyka.ru/oteknik/Filaret_Moskovskij/gosudarstvennoe-uchenie/#source (дата обращения: 02.12.2023).
24. Святитель Филарет Московский (Дроздов). Христианское учение о царской власти и об обязанностях верноподданных. Ч. I // Азбука веры. URL: https://azbyka.ru/oteknik/Filaret_Moskovskij/hristianskoe-uchenie-o-tsarskoj-vlasti-i-ob-objazannostjah-vernopoddannyh/1 (дата обращения: 03.12.2023).
25. Митрополит Иоанн (Снычев). Одоление смуты. Слово к русскому народу // Православная библиотека «Золотой корабль». URL: http://www.golden-ship.ru/knigi/8/ioann-snichev_OS.htm?ysclid=lpwvnad4lj654781332 (дата обращения: 10.12.2023).
26. Владимир Путин о Православии и о Боге // Яндекс видео. URL: <https://yandex.ru/video/preview/10897609380558675129> (дата обращения: 05.12.2023).
27. Путин: Россия никогда не откажется от традиционных ценностей // Интернет-портал «Российской газеты». 09.05.2022. URL: <https://rg.ru/2022/05/09/putin-rossiya-nikogda-ne-otkazhetsia-ot-tradicionnyh-cennostej.html> (дата обращения: 05.12.2023).
28. Декларация о правах и достоинстве человека X Всемирного русского народного собора // Русская Православная Церковь: официальный сайт Московского Патриархата. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/103235.html> (дата обращения: 05.12.2023).
29. Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: Указ Президента РФ от 09 ноября 2022 г. № 809 // Гарант. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405579061/> (дата обращения: 09.12.2023).
30. Полное выступление Путина на заседании XXV Всемирного русского народного собора // Яндекс видео. URL: <https://yandex.ru/video/preview/11313017358414761838> (дата обращения: 09.12.2023).
31. Владимир Путин провел совещание с членами Совета Безопасности, Правительства и руководством силовых ведомств: 30.10.2023 // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/72618> (дата обращения: 09.12.2023).

32. Выступление Патриарха Кирилла на XXIV съезде Всемирного русского народного собора // Яндекс видео. URL: <https://yandex.ru/video/preview/3509014958161209646> (дата обращения: 09.12.2023).

References

1. Campbell, J. (1997) *Geroy s tysyach'yu litsami* [The hero with a Thousand Faces]. Translated from English K. Semenov. Kiev: Sofiya, Ltd.
2. Ivanov, V.V. & Toporov, V.N. (1974) *Issledovaniya v oblasti slavyanskikh drevnostey* [Research in the Field of Slavic Antiquities]. Moscow: Nauka.
3. Zhivov, V.M. (2002) *Razyskaniya v oblasti istorii i predystorii russkoy kul'tury* [Research in the Field of History and Prehistory of Russian Culture]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury. pp. 73–115.
4. Averintsev, S.S. (2005) *Drugoy Rim: Izbrannye stat'i* [Another Rome: Selected Articles]. St. Petersburg: Amfora. pp. 315–365.
5. Kvlivdize, N.V. (2006) *Svyashchenny obraz tsarya v moskovskoy zhivopisi vtoroy poloviny XVI v.* [The sacred image of the Tsar in the Moscow painting of the second half of the 16th century]. In: Khachatryan, N.A. (ed.) *Svyashchennoe telo korolya: Ritualy i mifologiya vlasti* [The Sacred Body of the King: Rituals and Mythology of Power]. Moscow: Nauka. pp. 430–439.
6. Vilinbakhov, G.V. & Vilinbakhova, T.B. (1995) *Svyatoy Georgiy Pobedonosets (Obraz svyatogo Georgiya Pobedonositsa v Rossii)* [St. George the Victorious (Image of Saint George the Victorious in Russia)]. St. Petersburg: Iskustvo SPB.
7. Bibikov, M.V. (2008) “Blesk i nishcheta” vasilievsov: struktura i semiotika vlasti v Vizantii [“The brilliance and poverty” of the basileus: The structure and semiotics of power in Byzantium]. In: Boytsov, M.A. & Eksle, O.G. (ed.) *Obrazy vlasti na Zapade, v Vizantii i na Rusi: Srednie veka. Novoe vremya* [Images of Power in the West, in Byzantium and in Rus: The Middle Ages. New Time]. Moscow: Nauka. pp. 11–22.
8. Plyukhanova, M.B. (1995) *Syuzhety i simvol'y Moskovskogo tsarstva* [Subjects and Symbols of the Moscow Tsardom]. St. Petersburg: Akropol'.
9. Uspenskiy, B.A. (2000) *Tsar' i imperator: Pomazanie na tsarstvo i semantika monarshikh titulov* [Tsar and Emperor: Anointing for the kingdom and the semantics of royal titles]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.
10. Lotman, Yu.M. (2001) *Semiosfera* [Semiosphere]. St. Petersburg: Iskustvo SPB. pp. 525–543.
11. Andreeva, L.A., Selunskaya, N.A. & Shusharin, D.V. (2005) *Sakralizatsiya i desakralizatsiya vlasti v istorii khristianskoy tsivilizatsii (pravoslavie, katolitsizm, protestantizm)* [Sacralization and desacralization of power in the history of Christian civilization (Orthodoxy, Catholicism, Protestantism)]. In: Bondarenko, D.M., Andreeva, L.A. & Korataev, A.V. (eds) *Sakralizatsiya vlasti v istorii tsivilizatsiy* [Sacralization of Power in the History of Civilizations]. Moscow: Institute for African Studies RAS. pp. 207–245.
12. Sinitsyna, N.V. (1998) *Tretiy Rim. Istoki i evolyutsii russkoy srednevekovoy kontseptsii (XV–XVI v.)* [Third Rome. The origins and evolution of the Russian medieval concept (15th – 16th centuries)]. Moscow: Indrik.
13. Florovskiy, G.V. (2009) *Puti russkogo bogosloviya* [The Paths of Russian Theology]. Moscow: Institute of Russian Civilization.
14. Kostyuk, K. (2014) *Formirovanie i evolyutsiya “bogosloviya vlasti” v Moskovskom gosudarstve v XIV–XVI vv.* [The formation and evolution of the “theology of power” in the Moscow state in the 14th – 16th centuries]. *Gosudarstvo, religiya, Tserkov' v Rossii i za rubezhom*. 3. pp. 42–74.
15. John (Snychev) Metropolitan of St. Petersburg and Ladoga. (2017) *Samoderzhavie dukha: Ocherki russkogo samosoznaniya* [Autocracy of the Spirit: Essays on Russian Self-Awareness]. 2nd ed. Moscow: Institute of Russian Civilization.
16. Snychev, I. (n.d.) *Golos vechnosti. Propovedi i poucheniya mitropolita Ioanna (Snycheva)* [Voice of Eternity. Sermons and teachings of Metropolitan John (Snychev)]. [Online] Available from: <https://azbyka.ru/propovedi/golos-vechnosti-propovedi-i-poucheniya-mitropolita-ioanna-snyche-va.shtml> (Accessed: 30th November 2023).
17. Holy Righteous Father John of Kronstadt. (2012) *Ya predvizhu vosstanovlenie moshchnoy Rossii* [I foresee the restoration of a powerful Russia]. Moscow: Institute of Russian Civilization.
18. Archpriest Nikolai Stelletsky. (n.d.) *Opyt npravstvennogo pravoslavnogo bogosloviya v apologeticheskom osveshchenii* [Experience of moral Orthodox theology in apologetic coverage]. Vol. III. [Online] Available from: https://azbyka.ru/otechnik/Nikolaj_Stelleckij/opyt-npravstvennogo-pravoslav-nogo-bogoslovija-v-apologeticheskom-osveshenii-tom-3-obshestvennaja-npravstvennost/#0_15 (Accessed: 1st December 2023).

19. Soloviev, V.S. (n.d.) *Dukhovnye osnovy zhizni* [Spiritual Foundations of Life]. [Online] Available from: https://az-byka.ru/otchnik/Vladimir_Solovev/duhovnye-osnovy-zhizni/#0_15 (Accessed: 30th November 2023).
20. Kartashev, A.V. (n.d.) *Vossozdanie Svyatoy Rusi* [Recreation of Holy Rus]. [Online] Available from: https://azbyka.ru/otchnik/Anton_Kartashev/vossozdanie-sv-rusi/1#source (Accessed: 25th November 2023).
21. Tsarevskiy, A.A. (n.d.) *Znachenie Pravoslaviya v zhizni i istoricheskoy sud'be Rossii* [The meaning of Orthodoxy in the life and historical fate of Russia]. [Online] Available from: https://azbyka.ru/otchnik/Aleksey_Carevskij/znachenie-pravoslavija-v-zhizni-i-istori-cheskoj-sudbe-rossii/#0_131 (Accessed: 3rd December 2023).
22. Perevezentsev, S.V. (n.d.) *Svyataya Rus' kak ideal i zemnaya real'nost' Rossii, vyrazhennaya v podvigakh svyatykh* [Holy Rus as the ideal and earthly reality of Russia, expressed in the exploits of saints]. [Online] Available from: <https://svyatye.online/articles/glavnoe/sergey-perevezentsev-svyataya-rus-kak-ideal-i-zemnaya-realnost-rossii-vyrazhennaya-v-podvigakh-svyat/#:~:text=Svyataya%20Rus'%20-%20eto%20Sobor,ustremilas'%20k%20pokayaniyu%20i%20sovershenstvu> (Accessed: 2nd December 2023).
23. Philaret, Metropolitan of Moscow. (n.d.) *Gosudarstvennoe uchenie Filareta, mitropolita Moskovskogo* [State teaching of Philaret, Metropolitan of Moscow]. [Online] Available from: https://azbyka.ru/otchnik/Filaret_Moskovskij/gosudarstvennoe-uchenie/#source (Accessed: 2nd December 2023).
24. Saint Philaret of Moscow (Drozdov). (n.d.) *Khristianskoe uchenie o tsarskoy vlasti i ob obyazannostyakh vernopoddannykh* [Christian teaching about royal power and the duties of loyal subjects]. [Online] Available from: https://azbyka.ru/otchnik/Filaret_Moskovskij/hristianskoe-uchenie-o-tsarskoj-vlasti-i-ob-objazannostyah-vernopoddannykh/1 (Accessed: 3rd December 2023).
25. Metropolitan John (Snychev). (n.d.) *Odolenie smuty. Slovo k russkomu narodu* [Overcoming turmoil. A word to the Russian people]. [Online] Available from: http://www.golden-ship.ru/knigi/8/ioann-snichev_OS.htm?ysclid=lpywnad4lj654781332 (Accessed: 10th December 2023).
26. Putin, V.V. (n.d.) *Vladimir Putin o Pravoslavii i o Boge* [Vladimir Putin about Orthodoxy and God]. [Online] Available from: <https://yandex.ru/video/preview/10897609380558675129> (Accessed: 5th December 2023).
27. Putin, V.V. (2022) *Rossiya nikogda ne otkazhetsya ot traditsionnykh tsennostey* [Russia will never give up traditional values]. *Rossiyskaya gazeta*. 9th May. [Online] Available from: <https://rg.ru/2022/05/09/putin-rossiya-nikogda-ne-otkazhetsya-ot-tradicionnyh-cennostej.html> (Accessed: 5th December 2023).
28. Russian Orthodox Church: Official Website of the Moscow Patriarchate. (n.d.) *Deklaratsiya o pravakh i dostoinstve cheloveka X Vsemirnogo russkogo narodnogo sobora* [Declaration on the rights and dignity of man of the X World Russian People's Council]. [Online] Available from: <http://www.patriarchia.ru/db/text/103235.html> (Accessed: 5th December 2023).
29. Russian Federation. (2022) *Osnovy gosudarstvennoy politiki po sokhraneniyu i ukrepleniyu traditsionnykh rossiyskikh dukhovno-nravstvennykh tsennostey: Ukaz Prezidenta RF ot 09 noyabrya 2022 g. № 809* [Fundamentals of state policy for the preservation and strengthening of traditional Russian spiritual and moral values: Decree No. 809 of the President of the Russian Federation of November 9, 2022]. [Online] Available from: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405579061/> (Accessed: 9th December 2023).
30. Putin, V.V. (n.d.) *Polnoe vystuplenie Putina na zasedanii XXV Vsemirnogo russkogo narodnogo sobora* [Putin's full speech at the meeting of the 25th World Russian People's Council]. [Video] [Online] Available from: <https://yandex.ru/video/preview/11313017358414761838> (Accessed: 9th December 2023).
31. Russian Federation. (2023) *Vladimir Putin provel soveshchanie s chlenami Soveta Bezopasnosti, Pravitel'stva i rukovodstvom silovykh vedomstv* [Vladimir Putin held a meeting with members of the Security Council, the Government and the leadership of law enforcement agencies]. 30th October. [Online] Available from: <http://www.krem-lin.ru/events/president/news/72618> (Accessed: 9th December 2023).
32. Patriarch Kirill. (n.d.) *Vystuplenie Patriarkha Kirilla na XXIV s"ezde Vsemirnogo russkogo narodnogo sobora* [Speech by Patriarch Kirill at the 24th Congress of the World Russian People's Council]. [Video]. [Online] Available from: <https://yandex.ru/video/preview/3509014958161209646> (Accessed: 9th December 2023).

Сведения об авторах:

Щербинина Н.Г. – доктор политических наук, доцент, профессор кафедры политологии, факультет исторических и политических наук Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: sapfir.19@mail.ru

Аванесова Е.Г. – кандидат философских наук, доцент кафедры политологии, факультет исторических и политических наук Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: avanesovafsf@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Shcherbinina N.G. – Dr. Sci. (Political Science), docent, professor of the Department of Political Science, Faculty of Historical and Political Sciences, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: sapfir.19@mail.ru

Avanesova E.G. – Cand. Sci. (Philosophy), associate professor of the Department of Political Science, Faculty of Historical and Political Sciences, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: avanesovafsf@yandex.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 20.12.2023;
одобрена после рецензирования 26.01.2024; принята к публикации 04.03.2024*

*The article was submitted 20.12.2023;
approved after reviewing 26.01.2024; accepted for publication 04.03.2024*

Научная статья

УДК 329

doi: 10.17223/1998863X/77/25

ТИПОЛОГИИ ПАРТИЙНЫХ СИСТЕМ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКЕ: КЛАССИКА И СОВРЕМЕННОСТЬ

Сергей Александрович Шпагин

*Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия,
shpagin1972@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена характеристике эвристического потенциала современных типологий партийных систем. Обращается внимание на малоизвестные аспекты классических типологий Ж. Блонделя и Дж. Сартори, а также анализируются разработанные в последнее время типологии Р. Далтона, А. Сиароффа, Г.В. Голосова, И. Сзмолка и Л.Г. дель Мораль. Показано значение этих типологий для изучения партийных систем в новых и изменчивых политических системах.

Ключевые слова: партийная система, партийная модель, сравнительный анализ, таксономия, типология

Для цитирования: Шпагин С.А. Типологии партийных систем в политической науке: классика и современность // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2024. № 77. С. 304–313. doi: 10.17223/1998863X/77/25

Original article

TYPOLOGIES OF PARTY SYSTEMS IN POLITICAL SCIENCE: THE CLASSIC AND THE CONTEMPORARY

Sergey A. Shpagin

National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, shpagin1972@mail.ru

Abstract. The article characterizes the heuristic potential of modern typologies of party systems. Usually, when conducting comparative studies of political parties, quantitative typologies of party systems by Maurice Duverger, Jean Blondel and Giovanni Sartori are used. However, even their heuristic potential is only partially used. Therefore, the article draws attention to some features of these typologies. In particular, qualitative differences were noted between the two types of one-party systems described by Blondel – traditional and mobilization. Sartori’s analysis of party systems in shifting policies is also noteworthy. As a result of this analysis, four new types of (quasi-) party systems were formulated: dominant authoritarian, dominant non-authoritarian, non-dominant, and atomized. In addition, recently, political scientists have developed a number of new typologies and introduced new categories. Thus, Russell Dalton deepens the idea of the differences between authoritarian and adversarial party systems distinguishing exclusive and inclusive among authoritarian systems, and consensus, conflict, and consociative among adversarial ones. The evolution of Alan Siaroff’s typology is traced, which leads to a difference in party system and party model, as well as the emergence of new subtypes – one-party super-majority in a two-party system, dominance and dominance in a multi-party one. Grigori Golosov, using a modified version of the Nagayama triangle, identifies polyvalent and bivalent systems with a dominant party, monovalent and polyvalent two-party systems, monovalent and bivalent multi-party systems. Finally, Immaculada Szmolka and Lucia G. del Moral conduct a comparative analysis of party systems based on four independent dimensions: competition,

stability, the number of parties and the balance between them, polarization. Each measurement allows one to select from three to eight types of party systems, which creates a convenient set of characteristics. It is important to note that these typologies can be used to study party systems, both in stable and new volatile political systems.

Keywords: party system, party model, comparative analysis, taxonomy, typology

For citation: Shpagin, S.A. (2024) Typologies of party systems in political science: the classic and the contemporary. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 77. pp. 304–313. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/77/25

Введение

Сравнительное исследование партийных систем в современных государствах опирается на разнообразные их типологии. Классические примеры таких аналитических конструкций были разработаны в 1950–1970-х гг. М. Дюверже, Ж. Блонделем и Дж. Сартори. Первая из них носит универсальный характер, основана только на критерии количества партий в системе и включает в себя однопартийные, двухпартийные и многопартийные системы [1. С. 266–267]. Разработанная в 1960-х гг. типология Жана Блонделя ограничивается только демократическими странами, учитывает не только количество, но и «силу партий», измеряемую голосами за каждую из них, и различает двухпартийные, двух-с-половиной-партийные, а также многопартийные системы – с доминирующей партией и без нее [2. Р. 308–309]. Наконец, сформулированная в 1970-х гг. типология Джованни Сартори традиционно воспринимается как универсальная дифференциация двух неконкурентных партийных систем – однопартийной и гегемонистской – и пяти конкурентных: преобладающей, двухпартийной, умеренного плюрализма, поляризованного плюрализма, атомизированной [3. Р. 110]. Различие между первыми двумя типами состоит в количестве легально действующих партий. Различие конкурентных систем сложнее и основано на таких критериях, как количество ведущих партий, идеологическая дистанция между ними, характер политической конкуренции и конфигурация партийных коалиций [3. Р. 118–120, 159, 165, 173].

Три названные типологии лучше других знакомы политологам и активно применяются в научных и учебных трудах о партийных системах, образуя своего рода «джентльменский набор» партолога [4. Р. 56–57; 5. С. 134–135; 6. С. 46–48; 7. С. 67–68; 8. С. 15–18]. Этот набор лишь изредка дополняется другими типологическими схемами [9. Р. 81–82; 10. С. 135–136; 11. С. 71–74]. Такая ограниченность методологического инструментария сравнительных исследований порождает проблему достаточности языка, необходимого для описания современных партийных систем и анализа тенденций их дальнейшего развития. Особенно остро эта проблема обнаруживает себя при исследовании партийных систем в незападных странах, где структурные конфигурации и социальные основы политических институтов существенно отличаются от европейских. Значимость этой проблемы и ценность ее актуального решения углубляются динамизмом политических процессов, приводящих к возникновению новых партийных систем, характеристики которых все сложнее укладываются в привычные теоретические схемы. Вместе с тем в современной политической науке разработан целый ряд новых, но пока мало известных типологий, применение которых позволяет существенно обога-

тить методологический фундамент исследований в этой области. Более того, эвристический потенциал некоторых классических типологий партийных систем используется далеко не в полной мере.

Цель данной статьи заключается в том, чтобы расширить концептуальную основу сравнительных исследований партийных систем и тем самым способствовать решению указанной выше проблемы. Для этого необходимо реактуализировать некоторые положения уже известных типологий, систематически ускользавшие от внимания исследователей, а также провести сравнительный анализ ряда новых типологических схем. Соответственно, основным материалом для этой работы послужили труды тех политологов, которые не ограничились характеристикой отдельных национальных кейсов, а сравнивали партийные системы и вырабатывали соответствующие типологии.

Некоторые особенности классических типологий

Хотя сравнительные исследования партийных систем предполагают анализ самых различных типов и вариаций, свое внимание политологи обычно концентрируют на странах с развитыми демократическими институтами [12. С. 96]. Соответственно, большинство работ в этой области построены на европейском и американском материале, а основной интерес привлекает к себе специфика социальной базы и институционального оформления двухпартийных и многопартийных систем [13. Р. 200].

Однако уже в 1970-х гг. Ж. Блондель обратил внимание на то, что партийные системы в устойчивых демократиях, в новых и недемократических политиях имеют количественные и качественные различия. Это привело его к новой, более широкой типологической схеме, которая включала в себя три основных типа: 1) традиционные однопартийные системы; 2) демократические системы с более чем одной партией; 3) однопартийные мобилизационные системы [14. Р. 83–84]. Первый тип характерен для ранних стадий политического развития, когда партии еще не контролировали основные механизмы правления, остававшиеся в руках традиционной элиты. А последний тип рассматривался в качестве отклонения от магистрального пути демократической эволюции [12. С. 96]. С этой точки зрения ранняя типология Ж. Блонделя входит в состав поздней и может рассматриваться как набор вариаций, в совокупности образующих тип демократических систем.

Сложнее, чем принято считать, была и таксономия партийных систем, предложенная Джованни Сартори. Сам итальянский ученый указывал, что деление на семь названных выше типов пригодно только для изучения партийных систем, вступивших в стадию структурной консолидации [3. Р. 111]. Кроме того, по его же словам, для решения многих исследовательских задач эта типология избыточна, и предлагал вариант ее упрощения до трех укрупненных классов: однополярного, биполярного и многополярного [3. Р. 254].

Стоит заметить, что Дж. Сартори уделял большое внимание специфике положения партий в изменчивых (fluid) политических системах вновь формирующихся государств. Он отмечал, что политический процесс там носит недифференцированный и диффузный характер, политическое сознание граждан еще толком не сложилось, а элиты или вовсе не нуждаются в партиях, или нуждаются только на ранней стадии формирования политической си-

системы для обретения и укрепления своей власти [3. Р. 225–226]. Поэтому место настоящих партий в таких странах занимают квазипартии без ясной идеологии и устойчивой поддержки, а место партийных систем – квазипартийные системы. Протестуя против недооценки этой специфики, Дж. Сартори считал ошибочными любые попытки переноса на партийные системы изменчивых политий привычных политологам категорий, выработанных на европейском или американском материале, и даже именовал такие попытки «евроморфными маскировками» [3. Р. 219].

Поэтому для различия (квази)партийных систем в изменчивых политиях Дж. Сартори предложил совсем иную классификацию. Он выделил четыре типа таких систем: 1) «доминирующая неавторитарная» система, где в результате слияния нескольких политических организаций образовалась единственная правящая квазипартия, не исключающая возможности возникновения альтернативных структур; 2) «доминирующая авторитарная» система, в которой принудительная единственная партия запрещает все остальные и придерживается политики исключения; 3) «недоминирующая» многопартийная система с относительно небольшим количеством партий, которые фактически уравнивают друг друга, т.е. ни одна из которых не является доминирующей; 4) «распыленная» (pulverised) многопартийная система, при которой количество партий намного больше. В доминирующей неавторитарной системе Дж. Сартори видел предшественницу преобладающей партийной системы, в доминирующей авторитарной – однопартийной или гегемонистской системы, на основе недоминирующих партийных систем образуются системы двухпартийного типа, умеренного или поляризованного плюрализма, а на базе распыленных – атомизированные партийные системы [3. Р. 227–230].

Плодотворность выделения таких типов можно проиллюстрировать примером Индии, где сложившаяся после деколонизации доминирующая неавторитарная система со временем переросла сначала в преобладающую, затем – в умеренно плюралистическую. Иную, но вполне соответствующую выводам Дж. Сартори траекторию развития демонстрирует постсоветский Туркменистан, в котором доминирующая авторитарная система с 2010-х гг. превращается в гегемонистскую.

Таким образом, таксономия партийных систем Дж. Сартори углубляет представленную выше типологию Ж. Блонделя, предлагая не один, а целый спектр типов ранних (квази)партийных систем. Поэтому для анализа процессов консолидации и институционализации новых партийных систем она представляет особый интерес.

Новые типологии партийных систем

Еще одну типологию в конце XX в. разработал американский ученый Рассел Далтон. Основываясь на различиях политических условий деятельности партий, он различает два основных типа партийных систем – авторитарные и состязательные. Авторитарные партийные системы становятся результатом искусственного ограничения – как возможностей создания партий, так и их влияния на правительство. Свобода создания партий и конкуренции между ними являются условиями существования состязательных партийных систем, где приход партий к власти зависит только от уровня поддержки из-

бирателями [15. С. 160]. В зависимости от уровня контроля внутри правящей партии и контроля самой правящей партии над другими группами в обществе Р. Далтон выделяет среди авторитарных партийных систем эксклюзивные и инклюзивные. В *эксклюзивных* системах партийное руководство контролирует все политические ресурсы и не допускает ни свободы деятельности граждан и социальных групп, ни агрегации интересов внутрипартийными группами. В *инклюзивных* системах власти признают плюрализм социальных интересов и стараются его координировать [15. С. 174].

Состязательные партийные системы Р. Далтон классифицирует по числу наиболее влиятельных партий и степени остроты политических противоречий между ними. Первый критерий позволяет выделить *системы коалиций большинства*, *двухпартийные* и *многопартийные* системы, а второй – *консенсусные* системы, в которых ведущие партии проводят похожие политические курсы; *конфликтные* системы, где позиции таких партии принципиально расходятся; и *консоциативные* (сообщественные) системы, где несовпадающие интересы различных категорий избирателей сглаживаются наличием различных примирительных процедур [15. С. 170–171].

В начале XXI в. широкое распространение в эмпирических исследованиях получила типология партийных систем, которую предложил канадский политолог Алан Сиарофф. Для различия партийных систем в европейских странах второй половины XX в. он использовал пять показателей: 1) количество партий, имеющих не менее 3% мест; 2) двухпартийная концентрация, т.е. суммарная доля мест первых двух партий; 3) соотношение мест между первой и второй партиями; 4) соотношение между второй и третьей партиями; 5) среднее значение эффективного числа парламентских партий (ЭЧПП), в котором находятся проанализированные случаи. Первоначально эта концепция включала в себя восемь типов партийной системы: двухпартийную, двух-с-половиной-партийную, три вида умеренной многопартийной (с доминирующей партией, с двумя главными партиями и балансом между партиями) и три вида крайней многопартийности (также с доминирующей партией, с двумя главными партиями и балансом между партиями) [16. Р. 69–72].

В недавно изданной книге, доводящей характеристику национальных партийных систем в Европе до 2018 г., А. Сиарофф существенно модифицировал свою теоретическую схему. Прежде всего, он вводит дополнительное условие: партийной системой он считает лишь структуру парламента, сохраняющуюся в течение трех выборов подряд. Распределение мест по итогам отдельно взятых выборов он называет партийной моделью (pattern). Изменился и первый критерий различия партийных систем: теперь в расчет берутся партии, набравшие не менее 2% мест. В результате набор основных типов партийной системы заметно упростился – теперь он включает всего пять основных категорий: однопартийную, двухпартийную, двух-с-половиной-партийную, умеренно многопартийную и крайне многопартийную [17. Р. 74].

Для идентификации однопартийной системы достаточно первого критерия, т.е. в такой стране 2% и более мест приходится только на одну партию. При двухпартийной системе таких уже партий две, а на долю остальных остается менее 4% мест. В двух-с-половиной-партийной системе порог в 2% мест преодолевают от двух до шести партий, двухпартийная концентрация

находится в диапазоне от 80 до 96% мест, а дистанция между второй и третьей партиями больше, чем между первой и второй. Признаками умеренной многопартийности признаются наличие в парламенте от трех до шести значимых партий, диапазон двухпартийной концентрации от 55 до 80% мест, а также отсутствие явного разрыва между двумя лидирующими партиями и всеми остальными. Наконец, при крайне многопартийной (*highly multi-party*) системе двухпартийная концентрация составляет менее 55%, а количество партий с 2% мест и более превышает шесть [17. Р. 75]. Среднее значение ЭЧПП для двухпартийной системы составляет 1,95, для двух-с-половиной-партийной – 2,47, для умеренно многопартийной – 3,46, для крайне многопартийной – 5,27 [17. Р. 77].

На первый взгляд, обновленная типология упускает из виду случай доминирования одной партии. Однако А. Сиарофф считает, что такое доминирование возможно внутри любой из предложенных им партийных систем, естественно, кроме однопартийной. Поэтому он дополняет двухпартийную систему подтипом «однопартийного супербольшинства» в 70% мест и более, двух-с-половиной-партийную систему – случаем однопартийного большинства, а для многопартийных систем предусматривает четыре подтипа: 1) преобладание (*predominance*) одной партии, набирающей свыше 50% мест; 2) доминирование (*dominance*) одной партии в диапазоне от 40 до 50%; 3) две основные партии, сумма мест которых составляет от 65 до 80%; 4) относительный баланс трех или более главных партий, причем размер крупнейшей фракции не более чем в 2 раза превышает размер последней из них [17. Р. 76].

Несомненно, что такая типология имеет прочные эмпирические основания и четко операционализирует различия между партийными системами. Она может быть применена не только к странам Европы, о которых пишет автор, а терминологическая конкретизация (в частности, таких понятий, как партийная модель, супербольшинство, преобладание и доминирование) – полезна для взаимопонимания исследователей. В то же время восприятие общей схемы заметно затрудняется умножением количества подтипов и создает сомнения в необходимости некоторых из них. Например, однопартийное большинство в двухпартийной системе практически не отличается от преобладания одной партии в многопартийной.

Именно с этим связано появление концепции российского исследователя Г.В. Голосова, предложившего более логически четкую версию типологии партийных систем. В качестве основных он использует категории системы с доминирующей партией, двухпартийной и многопартийной систем, каждая из которых имеет по два подтипа. Среди систем с доминирующей партией Г.В. Голосов выделяет *поливалентные*, в которых оппозиция распылена на множество мелких партий, и *бивалентные*, где правящей партии противостоят лишь один крупный конкурент. Двухпартийные системы он подразделяет на *моновалентные*, в которых фракции двух ведущих партий в парламенте отделяет от остальных значительная дистанция (т.е. классические двухпартийные), и *поливалентные*, «очень похожие на двух-с-половиной-партийный тип». Наконец, многопартийные системы могут быть бивалентными, когда в них есть две ведущие партии, значительно превосходящие остальных, и моновалентными, если такая партия одна [18. С. 49–51, 101].

Для определения места конкретной партийной системы в этой типологии исследователь использует модифицированную версию диаграммы Нагаямы – графическое отображение на плоскости относительных размеров партий, которое автор именует ТОР («треугольник относительных размеров»). Осями координат на нем служат уравнения $x = (S_2 + S_r) / (S_1 + S_r)$ и $y = (S_3 + S_r) / (S_1 + S_r)$, где S_1 , S_2 и S_3 означают долю мест первой, второй и третьей партии, а S_r – сумму мест всех остальных парламентских партий. Значения этих соотношений, помещенные на график, попадают в один из шести сегментов ТОР, соответствующий определенному подтипу партийной системы [18. С. 41–46].

Анализ партийных систем демократических стран за период XIX – начала XXI в., проведенный с помощью этого инструмента, позволил Г.В. Голосову верифицировать смену партийных систем в некоторых странах: например, в Дании, Коста-Рике, Франции и Южной Африке их насчитывается по 4, в Бельгии – 5, а в Греции – и вовсе 6 [18. С. 84–92]. Кроме того, сравнение распространенности партийных систем по континентам позволило убедительно показать, что в Европе явно преобладают многопартийные системы, а на американском континенте – двухпартийные [18. С. 114–116]. Достоинствами этой концепции являются не только наглядность отображения характеристик партийных систем и дистанции – как между типами, так и между конкретными примерами, но и возможность более точно отличать двухпартийные системы от систем с доминирующей партией, что, как правило, было проблемой для предшествующих типологий.

Испанские исследовательницы Инмакулада Сзмолка и Люсия дель Мораль предлагают строить типологию партийных систем на основе четырех отдельных измерений: 1) конкуренция, 2) стабильность партийной системы, 3) количество партий и баланс между ними и 4) поляризация. По степени конкуренции авторы выделяют *соревновательные*, *квази-соревновательные* (исключающие некоторые партии и допускающие отдельные нарушения на выборах), *гегемонистские* и *неплюралистические* (однопартийные) системы [19. Р. 96–97]. При сравнении партийных систем по количеству партий и наличию баланса между ними они опираются на первоначальную типологию А. Сиароффа. С точки зрения стабильности различаются стабильные, изменчивые и неструктурированные партийные системы. При этом *изменчивыми* И. Сзмолка и Л. Г. дель Мораль называют партийные системы, существующие, как и *стабильные*, продолжительное время (не менее 20 лет), но отличающиеся постоянными реконфигурациями партийной сцены и парламента после каждых выборов, а *неструктурированными* – недавно возникшие партийные системы [19. Р. 98–99]. Наконец, по степени поляризации выделяются *однополярные неполяризованные* системы, в которых подавляющее большинство партий занимает центристские позиции, *биполярные поляризованные системы* (партии сгруппированы в два сбалансированных блока, часто формируют предвыборные, парламентские или правительственные коалиции) и *многополярные поляризованные системы* (партии также создают коалиции, но группируются как в центре, так и по обе стороны от него) [19. Р. 100–101].

Тестирование предложенной типологии на примерах стран Магриба приводит авторов к выводам о том, что в Алжире и Марокко сложились изменчивые, крайне многопартийные системы с двумя главными партиями. При

этом алжирскую партийную систему авторы оценивают как гегемонистскую, а марокканскую – как квазисоревновательную. Партийная система Туниса характеризуется как неструктурированная соревновательная система умеренной многопартийности с двумя главными партиями. Наконец, с точки зрения поляризации партийные системы всех трех стран отнесены к категории однополярных неполяризованных [19. Р. 107]. Подобный подход к построению типологии привлекает как разнообразием критериев сравнения, так и возможностью анализа партийных систем не только в демократических полициях. Более того, именно изучение изменчивых и неструктурированных партийных систем открывает наиболее широкие перспективы для применения этой типологии в политологических и регионоведческих исследованиях.

Таким образом, все представленные выше типологии партийных систем имеют свои достоинства. Классические типологии Ж. Блонделя и Дж. Сартори с учетом описанных категорий создают благоприятные возможности для исследования как устойчивых демократий, так и партийных систем, еще не вступивших в стадию структурной консолидации. Новые типологические схемы, помимо этого, позволяют точнее провести различия между отдельными типами, а также удобны для характеристики партийных систем в недемократических режимах. Так или иначе, наличие выбора теоретических инструментов открывает новые перспективы для сравнительных исследований.

Список источников

1. Дюверже М. Политические партии : пер. с франц. М. : Академический проект, 2002. 560 с.
2. Blondel J. Types of Party Systems // The West European Party System / ed. by P. Mair. Oxford : Oxford University Press, 1990. P. 302–310.
3. Sartory G. Parties and Party Systems: A framework for analysis. Colchester : ECPR Press, 2005. 342 p.
4. Wolinetz S. Party Systems and Party System Types // Handbook of Party Politics / ed. by R.S. Katz, W. Crotty. London : SAGE Publications, 2006. P. 51–62.
5. Шнагин С.А. Региональные партийные системы в современной России: к методологии исследования // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2012. № 3 (19). С. 134–142.
6. Партии и партийные системы: современные тенденции развития / Б.И. Макаренко и др. М. : Политическая энциклопедия, 2015. 303 с.
7. Тимошенко В.И., Салыков Д.Н. К теории партий и партийных систем // Politbook. 2016. № 2. С. 52–72.
8. Хасанов Р.Ш., Галкина Е.В. Трансформация партийной системы современной Турции: от крайнего плюрализма к доминирующей партии. Ставрополь : Изд-во СКФУ, 2019. 142 с.
9. Comparing Party System Change / ed. by P. Pennings, J.-E. Lane. London : Routledge, 1998. 258 p.
10. Исаев Б.А. Современное состояние теории партий и партийных систем // Социально-гуманитарные знания. 2008. № 2. С. 128–140.
11. Голосов Г.В. Партийные системы стран мира: региональное и хронологическое распределение, модели устойчивости // Политическая наука. 2012. № 3. С. 71–104.
12. Коргунок Ю.Г. Становление партийной системы в современной России. М. : Фонд ИНДЕМ, Московский городской педагогический университет, 2007. 544 с.
13. Mair P. Party System Change: Approaches and Interpretations. Oxford : Clarendon Press, 1997. 244 p.
14. Blondel J. Political Parties. A Genuine Case for Discontent? London : Wildwood House Ltd, 1978. 237 p.

15. Алмонд Г., Пауэлл Дж., Стром К., Далтон Р. Сравнительная политология сегодня: мировой обзор : пер. с англ. М. : Аспект-Пресс, 2002. 537 p.
16. Siaroff A. *Comparative European Party Systems: An Analysis of Parliamentary Elections Since 1945*. Oxford : Taylor and Francis, 2000. 484 p.
17. Siaroff A. *Comparative European Party Systems: An Analysis of Parliamentary Elections Since 1945*. 2nd edition. New York : Routledge, 2019. 567 p.
18. Голосов Г.В. Сравнительная политология и российская политика, 2010–2015 : сб. ст. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2016. 688 с.
19. Szmolka I., Moral L. G.-del-. A Proposal of Party Systems Typology for Democratic and Pluralist Authoritarian Regimes. Its Application to Maghreb Countries // *Revista Española de Investigaciones Sociológicas*. 2019. № 168. P. 93–110.

References

1. Duverger, M. (2002) *Politicheskie partii* [Political Parties]. Translated from Fench. Moscow: Akademicheskiiy projekt.
2. Blondel, J. (1990) Types of Party Systems. In: Mair, P. (ed.) *The West European Party System*. Oxford: Oxford University Press. pp. 302–310.
3. Sartory, G. (2005) *Parties and Party Systems: A framework for analysis*. Colchester: ECPR Press.
4. Wolinetz, S. (2006) Party Systems and Party System Types. In: Katz, R.S. & Crotty, W. *Handbook of Party Politics*. London: SAGE Publications. pp. 51–62.
5. Shpagin, S.A. (2012) Regional'nye partiynye sistemy v sovremennoy Rossii: k metodologii issledovaniya [Regional party systems in modern Russia: Towards the research methodology]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University of Philosophy, Sociology and Political Science*. 3(19). pp. 134–142.
6. Makarenko, B.I. et al. (2015) *Partii i partiynye sistemy: sovremennye tendentsii razvitiya* [Parties and Party Systems: Modern Development Trends]. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya.
7. Timoshenko, V.I. & Salykov, D.N. (2016) K teorii partii i partiynykh sistem [On the theory of parties and party systems]. *Poliitbook*. 2. pp. 52–72.
8. Khasanov, R.Sh. & Galkina, E.V. (2019) *Transformatsiya partiynoy sistemy sovremennoy Turtsii: ot kraynego plyuralizma k dominiruyushchey partii* [Transformation of the party system of modern Türkiye: From extreme pluralism to the dominant party]. Stavropol: SKFU.
9. Pennings, P. & Lane, J.-E. (1998) *Comparing Party System Change*. London: Routledge.
10. Isaev, B.A. (2008) Sovremennoe sostoyanie teorii partiy i partiynykh system [The current state of the theory of parties and party systems]. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya*. 2. pp. 128–140.
11. Golosov, G.V. (2012) Partiynye sistemy stran mira: regional'noe i khronologicheskoe raspredelenie, modeli ustoychivosti [Party systems of the countries of the world: Regional and chronological distribution, models of sustainability]. *Politicheskaya nauka*. 3. pp. 71–104.
12. Korgunyuk, Yu.G. (2007) *Stanovlenie partiynoy sistemy v sovremennoy Rossii* [The formation of the party system in modern Russia]. Moscow: Fond INDEM, Moscow City Pedagogical University.
13. Mair, P. (1997) *Party System Change: Approaches and Interpretations*. Oxford: Clarendon Press.
14. Blondel, J. (1978) *Political Parties. A Genuine Case for Discontent?* London: Wildwood House Ltd.
15. Almond, G., Powell, J., Strom, K. & Dalton, R. (2002) *Sravnitel'naya politologiya segodnya: mirovoy obzor* [Comparative political science today: A world review]. Translated from English. Moscow: Aspekt-Press.
16. Siaroff, A. (2000) *Comparative European Party Systems: An Analysis of Parliamentary Elections Since 1945*. Oxford: Taylor and Francis.
17. Siaroff, A. (2019) *Comparative European Party Systems: An Analysis of Parliamentary Elections since 1945*. 2nd ed. New York: Routledge.
18. Golosov, G.V. (2016) *Sravnitel'naya politologiya i rossiyskaya politika, 2010–2015* [Comparative political science and Russian politics, 2010–2015]. St. Petersburg: European University in St. Petersburg.
19. Szmolka, I., Moral, L. G. del- (2019) A Proposal of Party Systems Typology for Democratic and Pluralist Authoritarian Regimes. Its Application to Maghreb Countries. *Revista Española de Investigaciones Sociológicas*. 168. pp. 93–110.

Сведения об авторе:

Шпагин С.А. – кандидат исторических наук, доцент, советник при ректорате, доцент кафедры политологии, Национальный исследовательский Томский государственный университет (Томск, Россия).

E-mail: shpagin1972@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

S.A. Shpagin, Cand. Sci. (History), docent, advisor to the Rector's Office, associate professor of the Department of Political Science, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russia).

E-mail: shpagin1972@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 16.05.2023;

одобрена после рецензирования 29.01.2024; принята к публикации 04.03.2024

The article was submitted 16.05.2023;

approved after reviewing 29.01.2024; accepted for publication 04.03.2024

Научный журнал

**ВЕСТНИК ТОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

**ФИЛОСОФИЯ. СОЦИОЛОГИЯ.
ПОЛИТОЛОГИЯ**

**TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL OF PHILOSOPHY,
SOCIOLOGY AND POLITICAL SCIENCE**

2024. № 77

Редакторы: *Н.А. Афанасьева, Ю.П. Готфрид*

Оригинал-макет *О.А. Турчинович*

Дизайн обложки *Яна Якобсона* (проект «Пресс-интеграл»,
факультет журналистики ТГУ)

Учредитель Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования «Национальный исследовательский
Томский государственный университет»

Подписано в печать 29.03.2024 г. Дата выхода в свет 09.04.2024 г.

Формат 70х100¹/₁₆. Печ. л. 19,7; усл. печ. л. 25,5; уч.-изд. 26,9.

Тираж 50 экз. Заказ № 5849. Цена свободная.

Адрес издателя и редакции: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36
Томский государственный университет

Издание отпечатано на оборудовании Издательства
Томского государственного университета
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, тел. 8(382-2) 53-15-28; 52-98-49
<http://publish.tsu.ru>; e-mail: rio.tsu@mail.ru